

WARHAMMER
40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

BATTLE OF THE FANG

CHRIS WRAIGHT

В тридцать втором тысячелетии, спустя многие века после Ереси Хоруса и Великого крестового похода, Империя все еще пожинает плоды предательства.

На планете Гангава Примархи обнаруживаются следы примарха-предателя Магнуса Красного и его Тысячи Сынов, легиона воинов-магов. Орган Космических Волков спешно снаряжает партию во главе с Великим Волком Хареком Железным Шлемом, ибо не до конца исполненный в далеком прошлом долг перед Империей проклятием висит на чести Волков Фенриса.

И в то время как Железный Шлем с основными силами ордена пытается захватить Гангаву, сам Фенрис оказывается атакован Тысячью Сынов. Присутствие Магнуса на Гангаве было лишь приманкой, ловушкой, и теперь дедон-примарх намерен жестоко отомстить Волкам за гибель родного мира — Просперо.

Логову Волков, великой крепости
Клык, теперь предстоит выдержать
чужовищную осаду. Или разделить судьбу
Просперо.

- Крус Райт

-

- ПРОЛОГ

- ЧАСТЬ I

- ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ГЛАВА ВТОРАЯ

- ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ГЛАВА ПЯТАЯ

- ЧАСТЬ II

- ГЛАВА ШЕСТАЯ

- ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

- ЧАСТЬ III

- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

- ГЛАВА

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

○ ЧАСТЬ JV

■ ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА

ВОСЕМНАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

○ ОБ АВТОРЕ

○ Карты

● notes

○ 1

Крис Райт

БУТВА ЗА КЛЫК

Дэну Абнетту и Грэму
Макниллу -- этим Магнусу и
Руссу Черной Библиотеки
(хотя кто из них кто?)

Вот прерванная нить
Харека Эйрейка Эйрейкссона,
Прозванного ярлами Железным Шлемом,
И долги его уплачены

На Мировом Хребте,
Отце гор.

Низвергнутый бог пришел,
Вытянул руки,
Огненным глазом сверкая.

Пусть же сказано будет, братья,
Пусть же будет записано:

Предатель из древних времен,
Паршивая овца из сыновей Всеотца,
Протянул руки свои,
Взгляд его холоден, словно в Хель зима.

А Железный Шлем,
Вождь Волков Фенриса,
Оскалив клыки,
Смеется, подобно рассвету.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неумовную искру жизни в котором поддерживают древние технологии, и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему. Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора.

Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат -- Агентус Астартес, костические десантники, генетически

улучшенные супервоины. У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов. Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново. Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие десятков жаждущих богов.

ПРОЛОГ

Ударный крейсер «Гомтхамлар» мягко скользил в пустоте, его двигатели работали менее чем в половину мощности, а корабли сопровождения растянулись на десять тысяч километров. Крейсер был металлического серого цвета, на бронированных бортах красовались изображения оскалившегося волка. Всего пару часов назад корабль вынырнул из варпа, и остатки отключенного поля Теллера все еще поблескивали на обнаженном адамантии корнуса.

Командный мостик «Гомтхамлара» располагался на юте гигантского корабля, окруженный башнями, бастионами и угловыми орудийными батареями. Пустотные щиты, словно легкая дымка, грожали над окулярами реального

пространства из плексигласа метровой толщины.

Мостик представлял собой огромное помещение больше двухсот метров в длину. Потолок его был большей частью прозрачным, сформированным из похожих на линзы порталов реального пространства, скрепленных решетчатыми конструкциями. Ниже располагались платформы, опоясывавшие открытые залы, каждая из которых патрулировалась кэрлами, вооруженными скьолдтарамми. Еще ниже лежала первая палуба, по которой сновало еще большее число мертвых членов команды. Большинство из них было облачено в желчужно-серую униформу фенрисейских корабельных трэллов, хотя среди них попадались и кэрлы, вышагивавшие по металлическому покрытию палубы в противоосколочной броне и полупрозрачных масках.

В нескольких местах первой палубы были проделаны отверстия, открывавшие взгляду расположенные ниже уровни. Там сосредоточились тактические посты, ряды вибрировавших когитаторов и

тускло освещенные ниши, забытые сервиторами. Многие из них были соединены кабелями с терминалами, а их лица были скрыты за массой трубок и проводов, лишь кое-где виднелись участки серой кожи — единственного напоминания о том, что когда-то они были людьми. Они превратились в рабов, подвергшихся лоботомии, навечно прикованных к машинам и оцепенело выполнявших свои задачи.

Над всеми этими уровнями в самом конце мостика возвышался командный трон. Шестиугольная платформа, выступавшая из сводчатых стен, была десяти метров в диаметре и опоясывалась толстыми металлическими поручнями. В центре платформы на небольшом возвышении стоял трон — массивное, строгих геометрических форм кресло, вырубленное из цельной гранитной глыбы. Он был слишком большим, чтобы человеку в нем комфортно сиделось, но это не имело значения, потому что ни один смертный никогда не решился бы даже ступить на эту платформу.

Она пустовала уже много часов, но когда «Готтхаттар» приблизился к цели, ситуация изменилась. Гигантские двери позади трона зашипели, когда сдвинулись соединительные поршни, а затем отворились.

Через дверной проем прошествовал настоящий левиафан. Ярл Арвек Рен Къярлскар, волчий лорд Четвертой Великой роты Стаи, гигантский в своей терминаторской броне, взошел на платформу. При каждом движении его боевой доспех издавал низкий, угрожающий, пульсирующий гул. Кератитовая поверхность была покрыта глубокими вырезанными рунатами, а с широченных плеч свисали костяные трофеи. Спину прикрывала медвежья шкура, почерневшая от времени и усеянная дырами от выстрелов болтера. Его лицо было жестким, свирепым и слуглым и украшено металлическими кольцами. Широкие скулы обрамляли черные, словно вороново крыло, бакенбарды, блестевшие, как шерсть хищника.

Вместе с ним появились и другие

гиганты. Анъярл, железный жрец, облаченный в искусно выкованный доспех. Его лицо было скрыто за безликой маской древнего шлема.

Фрей, рунный жрец, в усеянной символами броне. Его заплетенные в косы седые волосы свободно падали на ворот доспеха. Двери плавно затворились за воинами, отделив троицу на командной платформе от всего остального мира.

Къярлскар поторщился, изучая обстановку, и обнажил клыки глиной с палец ребенка.

--- Так, и что ты умеет? --- спросил он.

Раскатистый голос вырывался из широкой груди, словно рев двигателей «Рино». Поговаривали, что он никогда не повышает голос --- даже в пылу битвы. Ему просто не было нужды это делать.

--- Зонды уже работают, --- ответил Анъярл. --- Скоро все увидим.

Къярлскар фыркнул и уселся на трон. Для такого гиганта, почти три метра высотой и два метра в объёме, он двигался с поразительной легкостью.

Глубоко посаженные янтарные глаза по-
низким лбом, яркие и настороженные,
светились утом.

--- Скитъя, как же мне все это
надоело, --- прорычал он. --- Проклятье, даже
стерпные устали ждать.

Он был прав. Четвертая Великая
рота разочарованно гудела. Тысячи кэрлов
и сотни костогесантников уже который
месяц охотились за тенями. Железный
Шлем, Великий Волк ордена,
задействовал их всех для достижения своей
цели. Но каждая система, которую они
обследовали, оказывалась либо покинутой,
либо устиренной, либо наполненной
конфликтами чересчур жалкими, чтобы в
них стоило ввязываться.

Погоня за призраками оказалась
делом крайне утомительным.

--- Кое-что мы все-таки имеем, ---
протолвил Аньярт, слегка наклонив голову
и считывая информацию, поступающую на
линзы шлема.

Пока он говорил, пикт-экраны вокруг
командной платформы вдруг ожили. На
них появились данные от зондов.

Вспыхнуло изображение красно-коричневой планеты, увеличиваясь с каждой секундой. Зонды все еще приближались, так что изображение было нечетким и дергающимся.

--- И что все это значит? --- спросил Къярлскар, не выказывая особого интереса.

--- Тангава, --- ответил Анъярт, внимательно изучая данные на экранах. --- Планета, обитаема, девять спутников. Последние координаты в секторе.

Изображения множились. По мере их простотра настроение ярла постепенно стало меняться. Густые волосы на незащищенной шее слегка ошетинились. Янтарные глаза, глаза зверя, сузились, пристально взглядываясь в цель.

--- Что с орбитальной защитой?

--- Пока ничего.

Къярлскар поднялся с трона, не отрывая взгляда от экранов. Визуальный поток стабилизировался и прояснился. В поле зрения появилась поверхность планеты, темно-коричневая, с грязно-оранжевыми пятнами. Она походила на ржавый шар.

--- Последний контакт?

--- Перед Очищением, --- ответил

Анъярл. --- Семьдесят лет назад

зарегистрирована активность варп-

шторма. В докладах эксплоратора этот

мир описывается как покинутый. Он у нас

в конце списка, лорд.

Къярлскар, похоже, совсем не слушал,

напрягшись, словно хищник перед прыжком.

--- Фрей, --- протолвил он, --- у тебя

есть что-нибудь?

Изображение планеты все

увеличивалось, пока зонды занимали

геостационарное положение. Яростные

завитки облаков неслись над поверхностью

планеты. Рунический жрец посмотрел на

отчеты зондов, и на его выбритых висках

вздулись вены. Губы плотно сжались, словно

экраны стали источать какой-то едкий,

неприятный запах.

--- Кровь Рүсса, --- выдал он.

--- Что ты почувствовал? --- спросил

Къярлскар.

--- След. Его след.

Облачный покров вдруг разорвался.

Под завитками оказались огни.

расположенные правильными
геометрическими фигурами и
обозначавшие город гораздо более
обширный, чем можно было представить.
Очертания его явно были тщательно
продуманы.

Къарлскар издал низкий рык, в
котором гнев смешался с радостью.
Облаченные в латные перчатки руки
сжались в кулаки.

--- Ты уверен? --- спросил он.

Броня рунного жреца начала
светиться, сияние исходило из вырезанных
на ней угловатых фигур. Впервые за
многие месяцы вюрдмастер казался
взволнованным. Данные ауспик-зондов
продолжали увеличиваться в масштабах,
показывая пирамиды в самом сердце
города.

Грохотные пирамиды.

--- Никаких сомнений, лорд.

Къарлскар издал отрывистый
кровожадный стешок.

--- Тогда призывай Говорящих-со-
звездами! --- рыкнул он. --- Мы нашли его!

Он перевел взгляд с Анъярта на Фрея.

и его звериные глаза засверкали.

--- Мы нашли этого ублюдка. Магнус
Красный на Тангаве!

ЧАСТЬ I

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вэр Грейлок пригнулся, противясь порывам ветра и вода голыми пальцами по плотному снегу. Перед ним простиралась равнина, выбеленная снегом и опоясанная громадными горными пиками.

Он принялся, глубоко вдыхая ледяной воздух. Добыча что-то учуяла, и теперь ветер пах страхом. Волк напрягся, чувствуя, как сжались в готовности мышцы. Его с булабочную головку зрачки расширились от возбуждения, почти поглотив светло-серую радужку.

Еще нет.

Внизу, в нескольких сотнях ярдов, щита защиты от ветра, стаго сбилось в кучу и нервно топталось. Конунгуры, редкий вид. Все живое на Фенрисе всеми силами цеплялось за жизнь, и эти создания

не были исключением. Две пары легких, чтобы выхватывать из разреженного воздуха Асахейта каждую молекулу кислорода, огромные грудные клетки из полусросшихся костей, ноги толщиной с торс человека, пара спиральных рогов и шипастый спинной гребень. Одним ударом конунгур мог сломать человеку шею.

Трейлок все еще пребывал в напряжении, наблюдая, как животные передвигаются по равнине. Он оценил расстояние, все так же пригибаясь к снегу. Оружия в руках у него не было.

Я сам и есть оружие.

На нем не было и брони, а металлические узлы панциря терлись о короткую кожаную куртку. Губы оставались крепко сжатыми, и только тонкие струйки пара вырывались из ноздрей. На Асахейте царил мучительный холод, и даже для его улучшенной физиологии здесь имелись тысячи взаимосвязанных способов распрощаться с жизнью.

Конунгуры остановились. Самец во главе стада настороженно застыл, его

величественная, увенчанная гигантскими рогами голова резко вырисовывалась на снежном фоне.

Сейчас.

Грейлок выскочил из укрытия. Ноги его со скрипом давили наст, мощными рывками отбрасывая назад снежную пыль. Ноздри раздувались, втягивая воздух в сильное, поджарое тело.

Конунгуры внезапно взвились в воздух и понеслись прочь от хищника. Но Грейлок приближался, ноги его просто горели. Второе сердце яростно колотилось, наполняя тело насыщенной адреналином кровью. В ней не было льюда — Грейлок постился несколько дней, изгоняя из организма боевые стимуляторы.

Ное чистое состояние.

Конунгуры бешено неслись, перескакивая через прилизанные ветром сугробы, но Грейлок был быстрее. Белые волосы трепались по мощным плечам. Он обогнал самого медленного зверя и неслась теперь рядом со стагом, распаляя ужас в животных. Стаго бросилось враспынную, спасаясь от хищника.

Трейлок не отрывал взгляда от вожака. Животное было метра два в холке, больше четырех тонн железных мускулов, подержанных шальной скоростью. Волк метнулся за самцом, чувствуя, как острая боль пронзает ноги от перенапряжения. Обувший преследуемое животное страх забил его ноздри, разжигая пульсирующее в венах кровавое безумие.

Конунгур резко вильнул в сторону, пытаясь оторваться от преследователя. Трейлок прыгнул, обхватив существо за шею вытянутой рукой и затем согнув ее. Конунгур взбрыкнул, пытаясь стряхнуть врага, лягаясь острыми копытами и выпуская трубный рев, исполненный хрипа и боли.

Трейлок взмахнул свободной рукой и ударил конунгура по голове. Хрустнули кости, и животное пошатнулось. Трейлок вонзил когти в твердую плоть, потянул за связки и увлек зверя к земле.

Конунгур рухнул на землю, держа ноги. Трейлок обнажил клыки и зарылся лицом в горло зверя. Он рвал зубами плоть, встряхиваясь, словно собака, сосал

горячую кровь, чувствуя, как она отливает
его зубы. Его наполняло наслаждение от
убийства. Туша под хищником загрожала в
судорогах, взбрыкнула в последний раз и
затихла.

Трейлок отбросил в сторону конунгүра
и вскинул к небу голову:

--- Хьолга!

Все еще взбурораженный погоней, Вэр
Трейлок заревел в триумфе в пустом
воздухе, выплевывая кровь и шерсть.
Остальное стадо было уже далеко отсюда,
мчась по льду на возвышенность.

--- Фенрис хьолга!

Его рев эхом разнесся по равнине.
Трейлок опустил глаза и ухмыльнулся.
Эндорфины яростно бурлили в крови, оба
его сердца тяжело стучали в унисон.

Мое чистое состояние.

Туша начала источать пар, когда
кровь фонтаном забила из бока. Трейлок
голыми руками рванул плечо, чувствуя,
как отдирается кусок мяса. Он не обращал
внимания на стекленеющие глаза зверя,
пустые и быстро остывшие. Оторвав

часть плоти, Волк с жадностью впился в нее, восполняя потраченную на охоту энергию. Мясо конунгура было достаточно питательным, чтобы удовлетворить запросы хищника.

Но уже во время трапезы он заметил, как впереди что-то потревожило снег, и оторвался от пиршества. С подбородка капала горячая кровь. Что-то приближалось.

Недовольно зарывав, Волк поднялся. Зверь внутри его был настороже. Чернея на фоне бледного неба, приближался флаер. Он двигался быстро, кругами облетая равнину и резко снижаясь.

Трейлор вытер губы, но в итоге только размазал кровь по белым волосам. Его тело было напряжено, словно струна, каждый волосок стоял дыбом. Он недовольно зарывал.

Лучше бы это было что-то хорошее.

Неповоротливый, с коротким носом флаер подлетел ближе, скользя над сугробами. Это было четырехместное штурмовое десантное судно, скавр с открытыми бортами, вооруженный

расположенными под крыльями сдвоенными болтерами. В открытом пассажирском отсеке виднелась только одна фигура. Ни за что не держась, она спокойно стояла, длинные рыжие волосы развевались вихрем.

— Ярл! — заорал прибывший, перекрывая рев машины, когда флаер завис в метре над землей. Поворотные двигатели выплавили глубокие колодцы в снежном покрове, превратив сугробы в жидкую кашу.

— Тромл, — огрызнулся Грейлок, не трудясь скрыть гнев. Возбуждение от охоты еще не улеглось.

Волчий гвардеец Тромл Россек был облачен в полный боевой доспех. Выглядел он таким же громадным, как обычно, однако какая-то странная веселость светилась в его глазах.

— Новости от Къярлскара! Тебя зовет Железный Шлем!

Грейлок сплюнул на снег.

— Что, прямо сейчас?

Россек пожал плечами, все еще балансируя и сражаясь с движениями корабля.

--- Так он сказал.

Грейлок покачал головой и кинул преисполненный уныния взгляд на тугу конунгура. Жажда битвы и убийства сменилась оцепенением и болью разочарования. Выход из охотничьего состояния давался с трудом.

Ярл скачками подбежал и прыгнул в пассажирский отсек зависшего над землей воздушного судна.

--- Удачная охота? --- осведомился Россек, и широкая улыбка расколола его скуластое, покрытое татуировками лицо.

--- Доставь меня обратно в Этт, --- пробормотал Грейлок, ругнувшись на металлический пол, когда кэрлы в кабине пилота прибавили мощности в форсунках.

Да, охота выдалась удачной.

Десантный корабль летел на северо-восток, петляя меж высоченными пиками. Плато Асахейт располагалось в нескольких тысячах метров над уровнем моря. Даже в лежащих ниже долинах воздух был слишком разрежен, чтобы мертвые могли дышать без масок.

Впереди громоздились огни на грядущую толоды горы, ряды закованного в легк катня вздымались все выше и круче. Двигатели взвыли, вознося корабль.

Трейлок стоял на краю открытой платформы. Он чувствовал, как замирает кровь на лице. Он был почти полностью обнажен и знал, что холод скоро овладеет его телом, но все равно оставался здесь, позволив ледяному воздуху трепать гриву белоснежных волос.

— Так что ему нужно? — спросил он наконец, без труда балансируя при резких выражах флаера.

Россек пожал плечами:

— Ярлы собрались в зале. Случилось что-то серьезное.

Трейлок заворчал, качая головой. Состояние после схлынувшего удовольствия от убийства было сродни наркотанской ломке. Ярл был злым и неразговорчивым.

Два воина на платформе казались совершенно разными. Россек был рыжеволосым, бородатым гигантом с крупным лицом. Плоский сломанный нос и шея с мышцами-канатами. По левой щеке

зметилась татүировка в вуге дракона, которая заканчивалась на виске, где из-под кожи выступали шесть металлических штифтов. В другом ордене они могли бы означать шесть столетий службы. Но Россек не был столь стар — ему просто нравились штифты в черепе.

Его лорд был слеплен из иного теста. Грейлок был строен и поджар, и его плоть туго обтягивала кости. Лицо волчьего лорда было вытянутым, как будто закаленным ледяными ветрами. Он был охотником до мозга костей, воплощением убийцы, быстрым и смертоносным. Даже его братья, Влка Фенрика, сверхчеловеческие воины Фенриса, чувствовали себя неуютно рядом с ним. Все в Этте признавали его мастерство в охоте, но не доверяли привычке впадать в задумчивость, как не доверяли его масти. Он был белым, с глазами цвета стали.

Словно призрак, говорили все. Словно снег на снегу.

— Все остальные тоже там? — спросил Грейлок, подставляя тело ветру. Он чувствовал, что обнаженные руки уже

покрылись ледяной коркой.

--- Три Великие роты еще за пределами этого мира, рота Къярлскара одна из них.

Трейлок кивнул. Железный Шлем долго собирал силы на Фенрису, и бесконечные экспедиции, направленные на выслеживание его давнего врага, похоже, наконец закончились. Страстное желание Великого Волка отыскать Магнуса переросло в одержимость, ту сатую, против которой однажды выступил Трейлок. В мире ителись тысячи врагов, на которых стоило охотиться, и многие из них предпочли бы встретить Волков лицом к лицу и сражаться, а не сбегать в эфир.

--- Ну что же, посмотрим, --- отозвался Трейлок, глядя на приближавшиеся горы, окутанные плотным туманом.

На горизонте показался невероятно высокий пик. Казалось, само ядро Фенриса пробилось через мантию, сформировав ужасающий, не имевший себе равных пик, коническую горную массу, взмывавшую в чернеющее небо. Сложенные из острых

катней отвесные склоны были покрыты
девственным снегом и блестели коркой
древнего непо потревоженного льда. Куда ни
глянь, во все стороны громоздились
вершины потеньше, теснясь к неровной
линии горизонта в тени Великой горы,
Плеча Всеотца, волга хатаррки,
Мирового Хребта.

На далекой вершине сияли крошечные
огни, сражаясь с густевшей тьмой
разреженной атмосферы. Они обозначали
обиталище Небесных Воинов, жилище
полубогов, которое само было крошечной
частью тела громадного пика. Жители
этого места, кэрлы и костогесантники,
называли его Эттом.

А для остальной галактики,
питавшей благоговейный страх перед
костогесанниками, обитель сынов Рүсса
была Клыком.

Трейлок безучастно смотрел на
приближавшиеся огни. К вершине летели и
другие машины, по меньшей мере три.
Железный Шлем стягивал все свои силы к
домашнему очагу.

--- Быть может, он наконец-то

сдался, --- протолкнул яры, глядя, как становились все ближе мерцавшие огоньки посадочной платформы. --- Или я надеюсь на слишком многое?

--- Клинок Вирта! Довольно тут хитрить!

Огаин Стурмъярт шагнул в лабораторию, нетерпеливо отогвинув в сторону трэлов --- творцов плоти. Грохотный рунный жрец, закованный в украшенную символами броню, ударил посохом в пол, и по камню растеклись волны энергии.

Тар Арьяк Хральдир, обладатель Клинка Вирта, давшего ему это прозвище, неохотно оторвался от работы. В тусклом свете ламп его глаза казались глубокими янтарными озерами. Волчий жрец был раздражен, и его усталое и без того не отличавшееся красотой лицо искажала гримаса недовольства. Когда он громко выдохнул, обнажилась пара изогнутых клыков. Медленно, кривясь от боли в спине из-за долгого пребывания в согнутом положении, Клинок Вирта сел

прямо.

--- Явился, Громыхающий Костями, ---
связал он в ответ. --- Знаешь, сейчас не
самое подходящее время.

На металлическом столе перед ним
длинными рядами выстроились пробирки с
прозрачной жидкостью. Каждая была
обозначена определенной рунной. Некоторые
стояли в одиночестве, другие соединялись
с соседними при помощи
микрофиламентов. Третьи скреплялись
нитями проводящего пластикового волокна.

Клинок Вирта жестом прибавил
освещения в зале. Потoki света залили
облицованные белоснежной плиткой
стерильные помещения, которые
перетекали одно в другое, словно комнаты
в подземелье. Взрывостойкие двери во
внутренние комнаты захлопнулись,
тихо показав картину жужжащего
вокруг сверкающих центрифуг
оборудования, постоянно показывавших все
новые ряды экранов и стоявших вдоль стен
стоек в человеческий рост с
прозрачной жидкостью. В них ютились
некие черные тени, неподвижные и

безтолвные.

— Да что ты говоришь, железная задница, — протолвил Стүртъярт, и его руняное лицо осветилось весельем. — Он сдерет с тебя кожу и пришьет туда, где ему ее не хватает. Я как раз пришел спасти тебя от этого.

Рунный жрец был сложен, как все Agentүс Астартес, — крепкий, настоящая гора мускулов, широкоплечий и коренастый. У него была аугментика вокруг левого глаза, густая серебристая борода, жесткая и спутанная. Коститалистаны свисали на цепях с нагрудника, расположенные так, чтобы точно направлять власть над стихиями. Расположение рун на броне могло показаться случайным, но ничего подобного, каждый вырез и насечка были сделаны после многих дней гадания и бросания костей. Его веселость тоже вводила в заблуждение — Стүртъярт был верховным рунным жрецом ордена и обладал ужасающей силой.

— Пусть попробует, — пробормотал Клинок Вирта, бросая последний взгляд на

пробирки. Когда он отошел от глинного
стола, контейнер со стальными
инструментами с мягким щелчком
закрылся. — И тогда вспомнит, кто
вытащил его изо льда и нанес первые
раны.

Громадный волчий жрец двигался
бесшумно и медленно, размеры отнюдь не
влияли на легкость его перемещений. Он
был стар, и время наложило заметный
отпечаток на его облик. Черные
взлохмаченные волосы обрамляли глинное
лицо, линии татуировки на коже со
временем покрылись бурой коркой. Его
кожа казалась такой же жесткой, как
пластик, закаленная непогодой и
выгубленная пятью столетиями
непрерывных сражений. Но несмотря на
возраст, глаза его до сих пор светились
умом, а хватка отличалась силой.
Угольно-черная, как и грива, броня была
увешана древними костями и покрыта
трещинами, плазменными ожогами и
ранами от клинков. Каждое движение
дышало мощью, сдержанной древней силой,
проверенной и закаленной пожарами войны.

Два жреца. Столь разные и непохожие.

Стурмъярт скептическим взглядом покинул ряды пробирок:

--- Есть успехи?

--- Ты никогда не понимал важности всего этого. Если уж я не сумел убедить тебя десяток лет назад, то не сделаю этого и сейчас, ведь ты успел постареть и поглупеть.

Стурмъярт фыркнул, и стешок извергся из его груди, словно вырвавшийся на поверхность краккен.

--- Я стал старше, да, но это не единственный способ поглупеть.

--- Ну, похоже, ты знаешь их все.

Жрецы покинули лабораторию и зашагали по глинному коридору, ведшему к транзитным шахтам и освещенному лишь факелами, закрепленными на стенах из полированного камня. Облаченные в черные одеяния творцы плоти почтительно расступались, склоняя головы.

--- Я не знаю, как долго Железный Шлем собирается ждать, --- протолкнул Стурмъярт. --- Ты целый год не покидал

планету.

--- Потерпим, пока исследование не будет завершено. --- Клинок Вирта обратил взор глубоко посаженных глаз на рунного жреца. --- И ты тоже будешь терпеть. Эта работа важна.

Стуртъярт пожал мощными плечами.

--- Не влезай в вюрг, брат мой, --- прогудел он. --- Я уже предупреждал тебя прежде. Если бы судьбе было угодно, ты бы давно закончил исследования.

Клинок Вирта прорычал с досады, волоски на его руках встопорщились. Он чувствовал, как на поверхность стремится его животный дух. Впрочем, если Стуртъярт и заметил это, то не подал виду.

--- Не стоит приказывать мне, брат, --- отозвался он, остановившись. --- Ты не единственный, кто способен видеть будущее.

Бежали мгновения, но ни один из жрецов не двигался. Наконец Стуртъярт сдвинулся.

--- Вот же твердолобый старый сукин

сын, -- пробормотал он, поворачиваясь
обратно. Качая взлохмаченной головой, он
вышагивал между факелами.

-- Никогда об этом не забывай, -- сухо
промолвил Клинок Вирта, следуя за ним. --
Вот почему мы с тобой всегда хорошо
ладим.

Зал Аннүлуса располагался в верхней
части Клыка, Вальгарде. Это было одно из
первых помещений, которое в эпоху легенд
вырубили в горной породе геоманты,
доставленные с Терры на Фенрис, чтобы
упрочить положение Шестого легиона. В
то время техножрецы могли разрушать
горы и вновь возводить их, изменять
очертания континентов и стягивать
колебания времен года в этом мире
стерти и холода. Они могли бы сотворить
на Фенрисе рай, если бы пожелали. Но
приказ примарха предписывал не изменять
ужасающие природные особенности
планеты. Рүсс желал, чтобы его родной
мир оставался громадной тренировочной
площадкой для воинов, плавильным
котлом, где его народ закалялся бы.

подобно стали.

И вот одна гора из многих пиков Асахейма была лишена своей первоначальной формы. При помощи древних устройств, обладавших утраченной позднее ужасающей мощью, в ней были созданы целые залы. Теперь знания, которыми обладали те давние утратившие строители, быстро исчезали, и уже никогда не будет возведена цитадель подобной мощи и величия. Клык был уникальным для всего Империята творением гения, который медленно и ссыкал в галактике, ибо человечество оступилось и стало забывать уроки прошлого.

По периметру Аннүлүса, гигантского круга на полу зала, на каменных панелях с вырезанными на них символами Великих рот стояли двенадцать фигур. Восемь из них были ярлами -- волчьими лордами, -- включая Грейлока, который уже успел облачиться в боевой доспех и слить кровь. Другие три волчьих лорда находились не на планете, хотя Железный Шлем и послал им астронавтические призывы.

извещающая об открытии Къярлскара. Рядом с
ярлати возвышались три верховных жреца:
Клинок Вирта, Стүртъярт и железный
жрец Берессон Гассийк Ренгмар,
красовавшийся в улучшенном литом
госпехе.

Еще одно место было занято Хареком
Эйрейком Эйрейкссоном, наследником
Рүсса и Великим Волком. Облаченный в
терминаторский боевой госпех, он
доминировал здесь, как, впрочем, и
повсюду. Его цвета воронова крыла
длинные густые волосы и борода были
заплетены в косы, чьи концы скреплялись
костьяными тотематами. Харек был самым
старым из присутствующих здесь воинов,
он руководил орденом уже более трех
столетий. Кровь жертв обазрала его
боевое облачение столь долго, что
стальной цвет госпеха потемнел. При
свете факелов сверкала лишь одна
изогнутая пластина из металла,
имплантированная в правую часть
черепка, — наследие кровавой гүэли, что
оставила ему железные имплантаты и
подарила прозвище. В полутраке зала

Харек Железный Шлем казался безрадостным и задумчивым, словно призрак Моркаи.

--- Братья! --- промолвил он, поочередно останавливая взгляд на каждом из стоявших перед ним волчьих лоргов. В его голосе слышалось эхо грохочущей агрессии. --- Добыча обнаружена. Ярл Арвен Рен Къярлскар нашел логово предателя, и теперь наконец-то мы завершим охоту.

Пока он говорил, мерцающий зеленый гололит поднялся из центра Аннүлүса. Изображение оказалось неспешно вращавшейся планетой. Точки на гололите были отмечены знаками боевых кораблей, все они были фенрисскими. Къярлскар заблокировал мир.

--- Гангава Прим, --- сказал Железный Шлем, упиваясь словами, слетавшими с потрескавшихся губ. --- Вся итеющаяся там орбитальная защита уже уничтожена, пустотные щиты защищают самые крупные поселения. Къярлскар насчитал десятки миллионов жителей в одном только главном городе.

Но мере того как Железный Шлем

говорил, его голос становился все более живым. Грейлок заметил, как правая рука Великого Волка, облаченная в тяжелую латную перчатку, сжалась в кулак. Присутствие феромона кровожадности почувствовалось в воздухе.

Он охвачен жаждой боя. Уже.

--- Мы полетим всей Стаей, --- провозгласил Железный Шлем, обнажая в легяной улыбке мощные, со скелети, клыки, словно кто-то рискнул с ним не согласиться. --- Ударим всеми силами. Эта добыча требует ярости всей охотящейся Стаи.

Гололит замерцал, когда тактические схемы показали зоны высадки и пути к ним. Главной целью был громадный городской массив на северных широтах. Городские огни сверкали так ярко, что, пока Грейлок на них смотрел, у него заболели глаза и в душе вспыхнуло раздражение. Он услышал, как зал наполнило низкое рычание.

--- Как это далеко? --- требовательно прорычал Морскарл, ярл Третьей роты. Голос его звучал глухо из-за древней, еще

времен Ереси, маски.

--- В трех неделях пути по варпу. Флот уже приведен в готовность.

--- Ты уверен, что он действительно там? --- спросил железный жрец Ренгмар своим странным металлическим голосом.

--- Къярлскар подтвердил это. Предатель ждет нас, уверенный в своих силах.

--- Он как будто приглашает нас напасть, --- промолвил ярл Пятой роты Эгуал Вракссон, сжав глаза под рассеченными шрамами бровями и пристально разглядывая тактический дисплей. --- Но почему?

--- У него более двух миллионов солдат. Зона хорошо укреплена, под землей имеются военные заводы. Братья, он создает новый легион. Но мы настигнем его прежде, чем он закончит.

--- Легион без флота, --- мягко промолвил Грейлок.

Внезапно он почувствовал неприязненные взгляды. Разделив энтузиазм Железного Шлема, участники совета не хотели слышать никаких

возражений.

— Ну и что с того, щенок? — равкнул Железный Шлем. Слово «щенок» прежде использовалось не всерьез, когда старшие ярлы подшучивали над относительной толодостью Грейлока. Но теперь в голосе Харека прозвучали резкие нотки.

Грейлок холодно воззрился на Великого Волка. Но все были охвачены предчувствием охоты и напряглись, словно гончие на сворке.

— Лорг, неужели ты думаешь, что Предатель не предусмотрел этого? — промолвил он, стараясь говорить спокойно и уважительно. — Как много ложных знаков он уже успел нам оставить?

Рекки Ойррейссон, ярл Седьмой роты, костатый монстр с тяжелой челюстью и мощными плечами, выразил недовольство угрюмым ворчанием:

— Рунный жрец утверждает, что Магнус там.

— А если он и там? — ответил Грейлок. — Как бы низко он ни пал, он остается примархом. Если даже Русс, хвала его памяти, не смог убить

Предателя, на что можем надеяться мы?

На это красноглазый Борек Салвргрим, ярл Второй роты, выступил вперед, потянувшись рукой к оружию на поясе. Загудел хор разгневанных волчьих моргов.

--- Ярл, ты забылся! --- предостерег Железный Шлем, и его могучий голос эхом загрел в зале.

Несколько мгновений обстановка оставалась крайне опасной. Предположить даже только наметнуть на существование пределов для Стаи --- было крайне рискованно.

Затем Салвргрим крайне неохотно отказался от вызова, бросив при этом трачный взгляд на Грейлока.

--- Мы завязли в этом деле, --- произнес Железный Шлем, разговаривая с Грейлоком так, словно показывал юнцу, как нужно держать топор. --- Это наш кровный долг. Завершение нашей миссии.

Ну вот, опять это слово. Как и другие, Грейлок понимал всю важность предприятия. Они были охотниками, Волкати, и ничто не было важнее

преследования и убийства. Многие в Империи считали воинов Русса дикарями, но это свидетельствовало только о незнании истории галактики. Волки делали все, что было необходимо, для решения задачи, какой бы сложной та ни была. Именно для этого они и были созданы. Незавершенная охота была основой глубочайшего стыда, тем, что выжигает след в душе.

— Есть и другие соображения, — встрял Клинок Вирта, слишком старый, чтобы его можно было стирнуть неодобрением. Покрытое морщинами бесстрастное лицо обратилось к Железному Шлему. — Моя работа, к примеру.

— Не употинай ее здесь, — пробормотал Вракссон, уставившись на рунного жреца. — Это военный совет, а не обсуждение твоего богохульства.

Клинок Вирта наградил ярла холодной улыбкой.

— Возможно, твою модель можно немного подправить, Эгуал.

— Довольно, — прошипел Железный

Шлем.

Грейлок внимательно смотрел на Великого Волка, подметив раздутые ноздри и сверкавшие радужки глаз. Жажда убийства стала намного ощутимее.

Этот совет только подтвердит единственно возможный итог.

--- Отвращение сильно во мне, --- промолвил Железный Шлем. --- Алый Король, виновник нашего бесчестья, у нас в руках, а мы медлим. Стыдитесь, братья! Мы что, собирается вечно забыть здесь, сбиваясь в кучу вокруг костров, пока нас согревают дела отцов?

Раздался одобрительный хор голосов. Запах Стаи теперь был уже не воинственным, а исполненным нетерпения. Грейлок видел, как мастерски Железный Шлем воззвал к их гордости, и потому решил хранить молчание. Никто не станет оспаривать грядущее решение.

--- Мы собрали все наши силы, --- продолжал Железный Шлем. --- Никто в галактике не сможет выстоять против Стаи. Къярлскар обнаружил его, и, когда мы к нему присоединимся, Тангава

истечет кровью в наших когтях.

Салвргрим, чья страсть к охоте была исключительной, гортанными звуками выразил одобрение.

--- Вот оно, братья, --- пролаял Великий Волк, вознося к небу кулак. --- Вы чувствуете это? Чувствуете это в своей крови? Это время, когда мы уничтожим последнее отребье Просперо!

В ответ собравшиеся ярлы дружно зарычали, и громоготовый рев заставил содрогнуться холодные камни.

Трейлок обменялся быстрым взглядом с Клинком Вирма, своим единственным союзником здесь. Выражение лица жреца было довольно кислым.

--- А кто останется следить за цитаделью, лорд? --- спросил старый рунный жрец, намеренно выбрав самый подходящий момент, чтобы чуть снизить накал царившей вокруг эйфории.

Железный Шлем взглянул на вюрдмастера, и на его лице появилась смесь пренебрежения и гнева.

--- Ты и останешься! --- рявкнул он. --- Ты и этот щенок, раз у вас кишка тонка

для боя. И никто больше. Остается только
одна Великая рота. Всех остальных я беру
на охоту.

Он резко повернулся к кругу
грошных фигур в доспехах,
выстроившихся вокруг Аннуса, и на его
лице расплылась улыбка убийцы.

--- Присоединившихся ко мне ждет
безмерная честь. Мы сделаем то, с чем не
справился даже наш покойный отец.

Его улыбка превратилась в широкую
ухмылку, обнажившую клыки из кости и
металла.

--- Мы возьмем Алого Короля! ---
прорычал он, и его голос загудел глубоко
внутри нагрудника. --- И сожрет его с лица
вселенной!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свет в зале был тусклым, едва ли ярче того, что нужен смертным, чтобы видеть. Здесь не было напольных светящихся полос, только четыре плававших под потолком пракаса. Подобно драгоценным камням, они лениво парили в воздухе, крохотные источники света в теплой темноте. Из-под пола доносился низкий гул варп-двигателей корабля, заставлявших пракасы дрожать, словно листья при дуновении ветра.

Амуз Темех мог читать даже в почти полной темноте, но мягкие красноватые оттенки света ему нравились. Он потянулся к уголку хрупкой страницы и осторожно перевернул ее. Его пальцы действовали бережно и аккуратно, не допуская новых разрывов, уже

попортивших древний манускрипт.

Фиалковые глаза не отрывались от текста. Он знал, что там написано. Знал, что было написано во всех книгах, которыми обладал легион. Только Ариман, возможно, знал больше, но он ушел.

— Брат, тебе не надо было сбиваться с пути.

Темех высказал это вслух, чувствуя, как слова слетают с его губ. Он сказал это на теланийе, языке авторов книги, умерших давным-давно. Даже при своем сверхчеловеческом контроле над артикуляцией ему не удалось воспроизвести всю полноту нужных звуков — для этого понадобилось бы два языка, причем оба более цепкие, чем его собственный. Впрочем, даже грубое подражание стоило многого. С тех пор как погиб последний телан, скорее всего Амүз Темех был единственным, кто говорил на языке, которому уже миллион лет.

Слабый звон донесся снаружи, из коридора личного лексиканүта Темеха. Он подавил укол раздражения. Афаэль просто делал свою работу.

--- Входи.

При звуке его голоса панель в темном зале бесшумно отступила и открылась. Пракасы разбухли, чтобы дать больше света, и их лучи заскользили по комнате, демонстрируя ее разнотильные предметы. Стол хаукс с Кареллиона, аквариум из кристалла полевого шпата со сверкавшими цихлидами, костяные ножны из погибшего тира-корабля эльдар --- Сайм-Арвүэль.

Очень много безделушек. На древней Терре его назвали бы сорокой за любовь к ярким и необычным вещам.

--- Все читаешь, брат?

Херүм Афаэль, нагнувшись, вошел в лексиканүм. Он был в полном боевом облачении, что делало его на полметра выше Темеха. Темно-синий доспех на сочленениях украшали бронзовые завитки, неприкрытой оставалась лишь гладкая лысая голова. Сейчас лорд-чернокнижник Пирригов проводил большую часть времени в броне, Темех уже не мог припомнить, когда последний раз видел Афаэля без нее.

--- Времени ұйта, --- отозвался Темех,
опуская книгу на стол перед собой.

Афаэль ұхмыльнулся и встал перед
ним. Он был само воплощение нетерпения.
И это неудивительно --- его собратья по
ордену все были нетерпеливы. Дар, за
который их и ценил Магнус.

--- Брат, почему ты здесь? --- спросил
Темех, не желавший терять драгоценные
дни до начала операции. Тогда уж все
мысли, кроме как о сражении, станут
невозможными.

--- Что ты читаешь? --- вопросом на
вопрос ответил Афаэль, недоверчиво
косаясь на книгу.

--- Ничего ценного для текущей
кампании. Свет авторов этой книги
давным-давно исчез из вселенной.
Стараниями Ангрона, как я полагаю. Один
из многих примеров его терпимости.

Афаэль пожал плечами:

--- Он такой же дукарь, как и все Псы.
Но сосредоточься на важном.

--- Уверяю тебя, я сосредоточен.

--- Тебе придется сильно постараться,
чтобы убедить меня. Ты отдалился.

--- Только в твоём воображении.

Афаэль улыбнулся, но в его улыбке не было и тени веселья.

--- И ты должен все знать об этом.

Пирриг покачал головой. Когда шея коснулась поверхности разъемов интерфейса в горжете доспеха, Темех заметил морщинки. Был ли это ранний признак, предательский симптом?

О нет. Только не ты тоже!

--- В любом случае планы нападения согласованы, --- промолвил Афаэль. --- Тебе следует присоединиться к командной группе, иначе твое отсутствие вызовет еще больше замечаний в совете.

Несмотря на это, Темех позволил своему разуму ненадолго оставить тело и отправиться по локальному вектору в Цитатериум. Оттуда он видел несущийся по варпу флот. Ударные крейсера, щетинившиеся орудиями, готовые к началу орбитальной войны. За ними следовали транспортные суда, нагруженные тысячами и тысячами мертвых с эмблемой в виде глаза на нагрудниках.

А в трюмах громадных кораблей находились рубрики, создания Аримана. Они безмолвно ждали, когда их оживит воля тех, кто их вел. Они не почувствуют ненависти к Псам, когда будут убивать их — тех, кто вверг их в состояние вечного, безмолвного ужаса. Для них годы, прошедшие после Предательства, не имели значения. Даже для Темеха и остальных, кто сохранил свои души, лишь десятилетия пронеслись с тех пор, как Просперо был разграблен. Для детей Магнуса раны все еще кровоточили.

Темех расслабился, и душа скользнула обратно к физическим оковам.

— Флот в хорошем состоянии, — сказал он. — Тебя стоит поздравить.

— Мне не нужно твоего одобрения. Мне нужно, чтобы ты был на мостике.

Темех склонил голову:

— Тогда я прыгну. И мы вместе очистим инструменты возмездия.

Афаэль нахмурился, уловив усталость в голосе Темеха.

— Брат, ты не хочешь посмотреть, как они будут полыхать? Не желаешь

насладиться болью, что мы причинили
Исам?

Темех чуть было не ответил
словами, которые прочел всего несколько
мгновений назад:

Есть в мести некая болезненная
гармония. Если человек не отделит свои
чувства от тех, кого желает
уничтожить, то даже в победе
уничтожит лишь часть самого себя.

— Причинение им боли не вернет
Тизку, — протолвил он, отсутствующе
глядя на скользящих в пучинах аквариума
цихлид. — Но если мы пали настолько, что
нашей единственной радостью станет их
уничтожение, что ж, значит, это нужно
сделать.

Его фиалковые глаза вспыхнули,
встретившись с глазами собрата.

— Значит, они будут пылать, брат, —
холодно протолвил он. — Они будут гореть
так, как и представить себе не могут.

И лишь про себя, не вслух, он закончил
фразу:

И то же самое случится с нами.

Фрейя Морекборн держала Кровавого
Когтя за горло и не собиралась отпустить.

--- Проклятье, чтоб тебя! --- рывнула
она, прежде чем врезать кулаком по
тупому широкоschulому лицу, выбивая зубы
и разрывая кожу. Небесный Воин взирал на
нее затуманенным взглядом, безвольно
опустив руки. --- Прояви. Немного
Уважения.

--- Дочь моя!

Фрейя услышала далекий голос. Где-
то глубоко в подсознании росло
раздражение. Это сновидение ей
определенно нравилось.

--- Дочка!

На этот раз ее потрясли за плечо,
выдергивая из сна. Последнее, что она
увидела, был избитый костюмодесантник,
падавший на пол, униженный и покоренный,
чего никогда не бывало в реальном мире.

Девушка открыла глаза и увидела
склонившегося над ней отца. В спальне все
еще было темно, лишь горела неровным
светом сальная свеча, закрепленная высоко
на каменной стене.

--- Что такое? --- пробормотала она.

брасывая с плеча его мозолистую руку.

--- Вставай, --- сказал отец.

Фрейя рывком поднялась с разбросанных на ложе шкур. Ее песочного цвета растрепанные волосы обрамляли лицо. В крошечной комнате было холодно, но она не обращала на это внимания. Везде на Фенрисе царил холод.

--- Что происходит?

Морек Каренборн отыскал световую сферу и подбросил ее в воздух. Его простое честное лицо теперь полностью осветилось, и тревожные линии вокруг глаз казались глубже, чем когда-либо.

--- План изменился, --- протолвил старый воин, проведя усталой рукой по коротким волосам. --- Огиднагцатая рота вызвана с планеты. Мы вновь на службе.

--- Скитъя! --- выругалась Фрейя, протирая глаза и пытаясь страхнуть тяжелый гурман сна. --- Опять?

--- Ничего не спрашивай. Одевайся.

Фрейя с беспокойством посмотрела на отца. Морек был ривенластером, командиром пятисот кэрлов Гвардии Этта. Обязанности сильно его

изматывали, и он сам изматывал себя еще больше. На его лице залегли тени давней усталости.

«Они убивают его, -- подумала она. -- И даже не знают об этом».

-- Мы же только что стенились, -- запротестовала она, свесив ноги с постели и потянувшись к брошенному на пол серому тундиру. -- Есть и другие подразделения, которые могут это сделать.

Морек прислонился к стене.

-- Больше нет. Здесь остается только Двенадцатая рота. Привыкай -- это проглотится не одну неделю.

Фрейя все еще чувствовала туман в голове, натягивая форму и пытаясь привести волосы в порядок после сна. Позади целые недели изнурительных тренировок под надзором Небесных Воинов, которые напрочь забыли, что значит иметь смертное тело и смертные слабости.

-- Отлично, -- холодно протолвила она. -- Просто чертовски отлично.

-- Фрейя, дочь моя, -- протолвил Морек, подойдя к девушке и решительно

положив руки ей на плечи. -- Будь осторожна. Думай, что делаешь и говоришь. Они терпят тебя из-за меня, но так будет не всегда.

Она хотела страхнуть отцовские руки. Она ненавидела его нотации, как ненавидела слепую веру в его госпог. Он сотворил их, хоть и знал, что когда-то они тоже были смертными. Небесные Воины едва ли знали, что существуют такие смертные, как Фрейя и ее отец, хотя без верной Гвардии Этта они не смогли бы поддерживать порядок даже в части громадного лабиринта, которым был Клык.

-- Не беспокойся обо мне, -- ответила она, подавив попытку неповиновения. -- Я могу сражаться. Это все, о чем они заботятся.

Морек пристально посмотрел на дочь. Она знала, что творилось в его душе. Как и многие отцы, он хотел защитить ее от всего. Она была единственным, что у него осталось. Она хотела бы дать ему хоть немного утешения, немного уверенности, что пойдет по его стопам.

усердно выполняя долг перед Руссом и бессмертными. Иногда ей действительно хотелось этого, но космогесантники сделали эту задачу чертовски трудной.

— Ты слишком явно выказываешь свои чувства, — посетовал Морек, качая головой.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — выпалила девушка, стряхнув его руки и нагнувшись к ботинкам. — Если они хотят покорных, пугливых слуг, то выбрали не ту планету. Фекке, я дочь Фенриса, и у меня горячая кровь. К тому же смертная кровь. Они могут в ней утонуть.

Она подняла глаза, внезапно обеспокоившись, что переступила черту, и увидела, что отец смотрит на нее со странным выражением на лице.

— О да, ты действительно дочь Фенриса, — промолвил Морек, его карие глаза сияли. — Я горжусь тобой, Фрейя. И смертельно боюсь за тебя.

Он оттолкнулся от стены и собрался уходить.

— Быстрее надевай броню и собирайся

свое отделение. У нас есть час, чтобы
принять пост от Огдиннацатой. Не хочу
выглядеть плохо перед этим ублюдком
Локкборном.

--- Так что происходит?

Морек пожал плечами:

--- Понятия не имею. Даже ума не
приложу.

В Вальгарде с пусковых площадок
стартовали корабли. Слово вороны
покидали гнездо. «Грозовые ястребы»
стесались с несколькими оставшимися
«Грозowymi птицами», создавая
бесконечный поток зазубренных теней на
холсте пасленово-синего неба. Тут были и
более крупные эскортные корабли типа
«Хлауна», тяжеловооруженные аналоги
эстинцев Имперского флота типа «Кобра».
Суда такого размера обычно не могли
входить в атмосферы планет, но
исключительная высота посадочных
площадок Вальгарда позволяла им
приземляться на Фенрисе. Двенадцать
кораблей уже улетели, быстро пустели
громадные ангары. Прошло всего семь дней

с открытия Къярлскара, а фортирование флота уже подходило к концу.

Высоко над процессией атмосферных судов зависли корабли костического флота. Трэллы готовили плазменные двигатели для полета к точке прыжка. Некоторые суда прибыли на сбор совсем недавно, всего лишь несколько дней назад призванные Железным Шлемом с патрулирования. Другие многие месяцы находились на Фенрисе в состоянии боевой готовности. Острые тени ударных крейсеров скользили среди роя меньших судов. Каждый был отмечен символом Великой роты и черной волчьей головой оргена.

В самом центре скопления, отделенный ровными колоннами десантно-штурмовых кораблей, ожидавших разрешения войти в похожие на пещеры пусковые отсеки, находилась гордость оргена, гигантский «Руссвангум». Построенный по проекту, утраченному в катастрофе Ереси, громадный корабль неподвижно застыл в пустоте. Ударные крейсера, тоже серьезные боевые корабли,

пролетая под ним, полностью скрывались в
его тени. «Руссвангум» господствовал над
пространством, словно альфа-самец в
своей стае. Как и все подобные корабли
костогесантников, этот был создан лишь
для одного — с орбиты обрушивать
сокрушительную, уничтожающую все и вся
мощь на поверхность непокорной планеты.
Он проделывал это уже много раз, и его
гесантные капсулы и торпедные аппараты
почернели от частого использования. Все
среди Влка Фенрика были хищниками, и
«Руссвангум» был, вероятно, самым
впечатляющим воплощением их
ужасающего размаха и силы. Только
легендарный «Храфнкель» обладал большей
мощью, но он остался лишь в сагах.

Из башни, расположенной высоко на
склоне Ярлхейма, Железный Шлем
наблюдал за последними
приготовлениями. Он видел тонкие и
изящные следы «Грозовых ястребов», когда
те разрывали атмосферу. Тактические
дисплеи вокруг него показывали
расположение судов, пока они медленно
двигались в эскортном строю. Скоро он

тоже займет свое место на флагмане.

Знакомая дрожь оживляла его усиленное нутем геной модификации тело. Пройдут долгие дни -- даже недели, -- прежде чем он сможет целиком обратить свой пыл в боевую ярость. Природной мысли о грядущем побоище холодная ярость воцарилась на его грубом лице.

Они забыли, на что мы способны. Мне будет очень приятно напомнить им об этом.

Любой враг Всеотца возбуждал ярость в сыне Фенриса, но Магнус находился здесь на особом положении. С Тысячью Сынов всегда было так. Саги, которые все еще рассказывали в пещерах Этта, повествовали о предательстве колдунгов, об их высокомерии и, что хуже всего, об их побеге. Легион не был уничтожен на Просперо, лишь разбит. Этот позор занял Волков более чем на тысячи лет, и не важно, какие великие дела они совершили с тех пор, неудача преследовала их, словно следы на снежном покрове.

Возможно, если бы предатель Магнус

исчез в Оке Ужаса и никогда не объявился вновь, этот позор можно было бы снести. Но он не исчез. Он возвращался в последующие столетия, сея разрушения и оставаясь неуловимым. Меткие удары по имперским мирам не прекращались, и каждый был нацелен на поиск какой-то крупицы эзотерических знаний. Несмотря на тяжелый урон, нанесенный им Руссом, Тысяча Сынов все еще были способны организовывать рейды в защищенный космос, и мысль об этом каленым железом жгла Великого Волка. Она терзала его десятилетиями, и все остальное переставало казаться важным.

Несмотря на все ресурсы, направленные на поимку Магнуса, погоня всегда оканчивалась неудачей. Он всегда оставлял следы, по которым его можно было выследить, гразнящие подсказки и вызовы. На Правии, Даггеггхане, Вреоле, Хроморе. Изменник оставил после себя знаки, настехаясь на Волками, которые вечно следовали по пятам, но оставались ни с чем.

Мы были терпеливы. Мы долго

ждали. И вот теперь ловушка захлопнется.

Краем глаза он заметил, как вспыхнула рюна над дверью.

--- Входи, --- сказал он.

В залу ввалился Стурмъярт. Глаза рунного жреца полыхали яростью.

--- Почему? --- потребовал он.

Железный Шлем решительно вытянул руки.

--- Огаин, --- начал он. --- Это...

--- Ответь мне: почему?

Большой Волк вздохнул и щелчком пальцев закрыл двери.

--- Ты же знаешь Клинка Вирта. Занят нужен пристотр.

Стурмъярт зарычал, оскалившись:

--- Как за ребенком? Это для тебя более важно?

--- Только ты можешь обуздать его. Он играет с силами, которые могут уничтожить всех нас.

--- Но ты сам позволяешь ему это сделать.

--- Потому что он может преуспеть.

--- Вели ему подождать. Прикажи прерваться до тех пор, пока Стая не

вернется с Гангавы. Я не дам лишить себя этой чести!

Железный Шлем покачал головой:

--- Это переломное время. Щенок --- его протеже, и мне нужна мудрая голова, что будет держать Эмт под контролем. Ты не полетишь с нами.

Стурмъярт зарычал, и вспышка желтой энергии скользнула по его груди. Железный Шлем почувствовал огонь разочарования, пылавший в теле рунного жреца.

--- Не делай этого, --- настаивал он, изогнув всех сил стиснув свой посох.

У Великого Волка брови поползли вверх: Стурмъярт никогда прежде не отказывался подчиниться приказу.

--- Огаин, ты угрожаешь мне? --- промолвил он, позволив нотке вызова прозвучать в голосе.

С мгновение Стурмъярт стоял неподвижно, уставившись на него с перекошенным яростью лицом. Наконец он с неохотой опустил глаза и с отвращением плюнул на пол.

--- Ты не понимаешь, --- пробормотал

он. — Колдуны. Они берут элементы и портят их. Это мои враги.

Железный Шлем внимательно посмотрел на рунного жреца. Стурмъярт в сердце своем был воином, неуступчивым, бесстрашным прерывателем нитей, но он должен знать, кто командует Стаей.

— Нет. Они — надежда для всех нас. Фрей будет там, и остальные рунные жрецы тоже. А ты нужен здесь.

Стурмъярт стиснул кулаки, и новые потоки стихийной энергии пробежали по перчаткам. Он старался сдерживать гнев, но тот причинял ему боль.

— В качестве няньки для Клинка Вирта, — горько выплюнул он.

— Нет, брат, — ответил Железный Шлем. — Клинок Вирта играет очень опасными вещами. Если он ошибется, ты должен быть около него. Ты должен за ним приставлять.

Разочарование на лице Стурмъярта сменилось изумлением.

— Ты слышал меня, — сказал Железный Шлем. — Что бы ни думал Грейлок, ты будешь здесь моей опорой. Ты

должны помнитъ Волчьихъ Братьев, их
неудачу и ее причины. Я не допущу, чтобы
на эту дорогу ступили и ты.

В глазах Стурмъярта засветилось
сомнение.

--- Ты думаешь, он...

--- Клинок Вирта так же предан, как
Фреки, --- промолвил Железный Шлем,
расслабившись, когда увидел, что гнев
рунного жреца поутих. --- Но мы должны
пристатривать за ним ради будущего.

Он подошел к Стурмъярту и положил
тяжелую руку ему на плечо.

--- Я делаю это, потому что могу
доверять тебе, брат, --- прошептал он,
наклоняясь ближе. --- Из всех Волков больше
всего я доверяю тебе. Ищи правду в вюрге,
если хочешь, и поймешь: Укрощение --- это
наша судьба.

Стурмъярт заглянул Великому
Волку в глаза. Он все еще не стирился, но
подчинится приказу.

--- Так значит, у меня все полномочия,
лорд? --- спросил он.

Железный Шлем трaчно улыбнулся.

--- У нас всегда все полномочия, ---

протолвил он.

Клык не имел себе равных --- громадное переплетение туннелей, шахт и помещений, пронизывавших ник до самого верха. Но при всем том крепость была крошечной в сравнении с гигантским массивом горы, и лишь самые верхние уровни были приспособлены для жизни. На большей части Волки обитали в недрах горы, и их лежбища прятались под километрами скального монолита. Только на самой вершине, на уровне Вальгарда, искусственные сооружения выходили на поверхность. Именно там располагались мощные посадочные площадки и стыковочные причалы, лепившиеся вокруг массивных башен, которые на сотни метров вырастали из каменного тела горы. Древние приводные механизмы обслуживали шахты, уходившие вниз. По ним поднимали материалы и боевую технику из складов в глубине горы и загружали на ожидавший в ангарах транспорт. Тут всегда кипела работа, свидетельство неугомонного духа Волков.

и их бесконечных путешествий в мире
звезд.

Хаакон Гилфассон стоял у края
одного из таких ангаров, наблюдая за
десятками трэллов и сервиторов,
скопавшихся на источавших пар корпусов
кораблей, подобно насекомым на трупах.
Дюжины судов уже улетели, и
большинство оставшихся предназначались
для боевого флота. Двенадцатой роты
оставили очень мало кораблей, большая их
часть были самыми медленными и слабо
вооруженными из всей армады. На орбите
для охраны планеты останется только
один ударный крейсер — «Скрэмар» с
эскортом из дюжины судов поменьше.

Гилфассону такое решение казалось
разумным. Но вот с чем он был совсем не
согласен, так это с реквизицией «Науро».
Это было прямо-таки личным
оскорблением.

— Прошу прощения, лорд, — в третий
раз повторила кэрл, напряженно
вглядываясь в инфопланишет перед собой и
избегая зрительного контакта с
Гилфассоном. — Это часть реквизиции.

Великий Волк...

--- Дай-ка я кое-что скажу тебе, ---
мрачно промурлыкал Гилфассон. Он
говорил не как обычный костодекантник, и
в нем не было ничего ужасающего, в
отличие от остальных воинов. Он был
стуглым, с густой спутанной шевелюрой,
более стройным, чем большинство членов
Стаи, даже будучи облачен в полный
панцирный доспех скаута. Выдавали его
только глаза --- пылавший янтарь с
черными зрачками. Ни у кого, кроме сынов
Рюсса, не было таких глаз. --- Я не самый
милый человек. И не обладаю
великодушием моих братьев. Я мало
времени провожу с ними, как и они со мной.

Кэрл выглядела так, словно с
огромным удовольствием оказалась бы в
любом другом месте, но только не здесь.
Но тем не менее она уважительно
выслушивала Волка.

--- Так что не думай, что я не притом
это близко к сердцу. Не думай, что я не
выясню, кто твой ривенластер, и
отправляю тебя на месяц во внешний
патруль в Асахейт. Мне нужен этот

корабль. Это мой корабль! Он останется
здесь!

Кэрл внимательно взглянула в
планшет, словно какая-то новая
информация на экране могла бы ей
помочь. В пятидесяти метрах за ее
спиной возвышался сам «Науро», стоявший
на площадке ангара и мягко выпускавший
поток пара. Он не походил ни на один из
кораблей, ожидавших на пластыре. В
отличие от всех судов флота,
выкрашенных в серый металл, этот
корабль был угольно-черным. Его класс был
неопределенным — маловат для фрегата,
великоват для трансатмосферного
корабля, и вмещал он всего пятьсот членов
экипажа. С низкой посадкой, как будто
льнувший к земле, с плоским профилем,
необычайно узкий. Почти треть его длины
занимали плазменные двигатели.
Благодаря таким пропорциям корабль был
удивительно быстр. И именно за это его
любил Гилфассон.

— Ты не найдешь там того, что
ищешь, — терпеливо протурлыкал Волк,
наблюдая, как Кэрл тянула время.

Она уныло взглянула на костогесантника. Женщина была сложена, как большинство обитателей Фенриса. Ширококостная, с мощными плечами. Она побывала в сражениях, судя по черепам, вышитым на униформе, поэтому мало что в галактике могло вывести ее из равновесия. Но общение с Небесным Воином явно входило в число этих исключений.

--- Чернокрылый, оставь ее в покое, --- раздался из-за спины кэрла металлический голос.

Со скрипом гудела броня, когда железный жрец Гаръек Арфанг шагал по площадке. Хоть он был в древнем шлеме IV типа «Максимус», Гилфассон чувствовал, что жрец веселился. Где-то там, под всеми этими слоями брони и аугментики, костогесантник улыбался.

--- Не вмешивайся, жрец, --- предостерег его Гилфассон. --- Это мой корабль.

--- Ты скаут, --- прямо протолвил Арфанг. Кэрл воспользовалась представившейся возможностью и оставила воинов наедине. --- Ни один из

кораблей не принадлежит тебе.

--- Никто не летает на нем так, как я.

--- Что правда, то правда. Посетуйся, что ярл Ойррейссон не захотел его взять. Вместо этого он берет «Хлауну». Это сугдно развалится после первого же выстрела, но когда дело касается технологии, у ярла отказывает вкус.

Гилфассон подозрительно воззрился на Арфанга.

--- Так значит, его не реквизировали?

--- Уже нет.

--- Тогда что случилось?

Из шлема Арфанга раздался скрип, похоже, затенявший железному жрецу стех.

--- Ярл Грейлок захотел, чтобы ты остался в патруле системы. Ты и остальные скауты. Я выяснил, что ему не нравится, когда Эмт остается без защиты.

Гилфассон широко улыбнулся.

--- Снова на костическую службу! --- воскликнул он, довольнo поглядывая на «Науро» и думая о долгих свободных часах

далеко от гүхоты Клыка. -- Ты даже не представляешь, как меня это радует.

Грейлок стоял в Зале Стражи, омываемый потоком белого света, ниспадавшего с крыши. Верхняя часть помещения и потолок терялись во тьме. В тьме неслышно сновали трэллы, уткнувшись в инфопланишеты и негромко переговаривавшиеся. Расположенные вдоль стен экраны мерцали быстро обновлявшейся информацией, сообщая о движении флота к точкам прыжка. Одиночные зеленые индикаторы превращались в красные.

-- Открыть канал с флагманом! -- велел Грейлок.

Трэллы кинулись выполнять приказ. Мерцание иконки сообщило ему, что связь налажена.

-- Лорг, -- протолвил он, придерживаясь почтительного тона, что усвоил в Совете, -- мы получили сигналы о полном сборе. Вы можете покинуть орбиту.

-- Подтверждено, -- пришел

потрескивающий голос Железного Шлема
с мостика «Рүссвангута». — Мы скоро
уйдем, и на Эмте станет тихо и спокойно.
Как раз как ты любишь.

Грейлок улыбнулся:

— И правда. Мне нужно закончить
охоту.

Раздался резкий взрыв помех на
другом конце линии. Возможно, это было
настешливое фыркание.

— Ты пропустишь все самое
интересное.

— Может быть. Да защитит тебя
глань Рүсса, лорд.

— И всех нас.

Связь прервалась. Грейлок несколько
мгновений стоял неподвижно. Его худое
лицо было задумчивым.

А затем пикты ожили, неся новую
информацию. Приборы показывали
многочисленное движение. Флот отбывал.

К неподвижному волчьему лорду
подожел трэлл и поклонился.

— Лорд, обзор орбитальной сети
готов, — сообщил он, не отрывая глаз от
пола. — Вы можете проверить, когда

бүдгөтө готомы.

Грейлок кивнул, едва замечая фигуру перед собой. Взгляд белых глаз был прикован к скале. Камень оставался столь же гол и неприукрашен, как в день создания этого зала.

Пролетевшие столетия мало изменили Эмт. Почти все оставалось таким же, как во времена Рүсса. Эмт был таким же холодным, полупустым и продуваемым ледяными ветрами Фенриса. Нижние уровни вообще не использовались, и даже Клинок Вирта не знал, что сохранилось в самых глубоких шахтах и залах.

Мы не развивается. Остается прежними.

Трэлл помедлил еще мгновение, прежде чем поспешить прочь. Его стенила другая фигура, намного больше. Тяжелая поступь Россекса эхом разнеслась по залу.

--- Тромл, --- протолвил Грейлок, очнувшись от своих мыслей.

--- Ярл, --- отозвался волчий гвардеец.

--- Ты нашел Когтям дело?

--- Они колотят груг гружку в

пещерах.

--- Отлично. Вот и занимай их этим.

--- А потом?

Грейлок воззрился на своего подчиненного. Россек обычно так и пылал энергией.

--- Ты не согласен с моим решением, --- промолвил он.

Выражение лица волчьего гвардейца не изменилось.

--- Кто-то же должен охранять Эмт.

--- Но ты не считаешь, что это должны быть мы.

--- Нет, не считаю, раз уж ты позволил мне высказаться.

Грейлок кивнул.

--- Что еще? Говори.

Россек посмотрел ему прямо в глаза, как всегда. В его взгляде отчетливо светился упрек.

--- Лорд, у нас меньше трофеев, чем у других рот, --- промолвил он. --- Поговаривают, что нам не хватает духа. Говорят, что твоя кровь холодна.

--- И кто же так говорит?

--- Так, слухи.

Грейлок вновь кивнул. Слухи были всегда. С самого момента вступления в ряды Кровавых Когтей ему пришлось сражаться за свою честь, опровергая обвинения, что он не настоящий Волк, что Хеликс не прижилась должным образом, что он был скорее существом изо льда, нежели истинным воином Стаи из крови и плоти. Но давно миновали те дни, когда подобные пересуды могли его беспокоить.

— Слухи те же, что и всегда. Почему же ты обращаешь внимание на них сейчас?

Россек выдержал его взгляд.

— Нам нужно быть осторожнее, — выдавил он. — Другие ярлы...

— Забудь о них. — Грейлок положил облаченную в перчатку лапоть на руку волчьего гвардейца. Глухо звякнул кератит. — У нас нет причин для уныния. Есть больше способов сражаться, чем перечислено в сагах. Галактика меняется. Мы должны меняться вместе с ней.

Грейлок почувствовал, как в душе Россек зашевелилось беспокойство. Гвардеец не любил таких разговоров. Никто из Волков, с их приверженностью к

традициям, не любил. Только давнее братство воинов удержало Россек от того, чтобы сказать больше, выступить против способа ведения боевых действий, который Грейлок навязывал Двенадцатой.

--- Тромл, ты доверяешь мне? --- мягко спросил Грейлок, не убирая руку.

Мгновение промедления.

--- Всей моей жизнью, лорд.

Его янтарные глаза не моргнули. Грейлок удовлетворился этим. В войне были сомнения, они вились, словно вороны над падающею, но сердце его оставалось верным. Так было всегда, даже после того, как Грейлок победил его с небольшим перевесом голосов на выборах на пост ярла после ухода старика Ойи Аркенджо. Если бы выборы были проведены снова, Россек несомненно, победил бы. Старый вояка всегда утверждал, что не хотел такой чести. Но все могут передумать.

--- Хорошо, --- протолкнул Грейлок, ослабляя хватку и отпуская руку. --- Ты нужен мне, Тромл. Вы все нужны. Когда Железный Шлем вернется из своей безумной скрегр-охоты, кое-чему придется

измениться. Мы не можем вечно
охотиться за призраками прошлого. Ты
поймешь, если подумаешь.

Россек ничего не ответил. Такой
разговор заставил его почувствовать
неловкость, и Трейлок знал, что нельзя
давить слишком сильно.

С экранов на стенах зала исчезли
последние сигналы, когда арьергард флота
отбыл к точкам прыжка. Трейлок
почувствовал волну удовлетворения, и
часть его забот свалилась с плеч.

Кампания Железного Шлема
развивалась по плану. Этим остался в руках
Трейлока.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кир Эсвай, прозванный Кулаком Хель, расхохотался, брызжа слюной.

--- Клянусь Руссом, какой же ты медлительный, --- поддел он и вновь ринулся в атаку, крутанув топор и обрушив его на плечо противника.

Озрим Резр Брафссон по прозвищу Красная Шкура уклонился от смертоносного удара.

--- Для тебя достаточно быстрый, --- парировал он, отходя и пуская в ход собственный топор. Отведя оружие в сторону и оставив пространство для замаха, он ждал нового нападения противника.

Треск и грохот ударов, высекавших из оружия снопы искр, раздавались в глинном ряду железных тренировочных клеток.

Эта парочка была не единственными Кровавыми Когтями, сражавшимися на площадках, — всему пехотному составу Двенадцатой роты было приказано усиленно тренироваться с первого дня, как отбыл флот Железного Шлема. Грейлок прекрасно знал, насколько будет разочарована его рота тем, что не поучаствует в действиях на Тангаве, и удостоверился, что занял все ее свободное время.

Кулак Хель усилил атаку. Его лицо все еще в общих чертах оставалось человеческим, но лицевые мускулы уже стали слишком мощными и крупными, что было общей чертой костогесантников. Коротко стриженные русые волосы, щетина на покрытых татуировкой щеках. Он обладал звериной энергией племени хтанни и всегда был исполнен уверенной, klokoчущей угрозы.

— Не-а, — ухмыльнулся он, кружа вокруг противника. — Ты чертовски медленный.

Красная Шкура мог бы сойти за его двойника, если бы не всклокоченная копна

огненно-рыжих волос и взъерошенные бакенбарды. Клыки у него были короче, еще не успев вырасти от воздействия Хеликса. В нижней губе болталось железное кольцо, отражая свет висевших под потолком светящихся сфер. Когда он улыбался, что случалось редко, кольцо скрежетало по зубам, как щебень о лег.

--- Хватит болтать, --- бросил он, подманивая молодого Волка поближе. --- Давай уже драться.

Кулак Хель метнулся влево, затем замер и направил лезвие топора, метя в живот Красной Шкуре. Топоры, столкнувшись, высекли тучу искр и сцепились рукоятками. Кулак Хель обеими руками толкнул соперника, вкладывая в это всю свою силу.

Красная Шкура пошатнулся и потерял равновесие.

--- Ага! --- завопил Кулак Хель и набросился на противника.

Топоры с треском столкнулись, еще и еще раз. Кулак Хель действительно был быстрее, и его работающие руки показались бы зрителю размытыми.

пятном.

--- Ну, теперь я до тебя доберусь... ---
прохрипел Кулак Хель сквозь стиснутые
зубы. Его лицо превратилось в маску
сосредоточенности. Капли пота
выступили на висках, несмотря на то что
в тренировочных клетках было по-зимнему
холодно и на металле поблескивала корка
льда.

Красная Шкура не ответил,
внимательно отражая яростные атаки
товарища по Стае. Лезвия топоров были
специально затуплены для тренировок, но
все равно могли разбить кости и порвать
плоть. Оба Кровавых Когтя были без
брони, только в кожаных туниках и
наголенниках, украшенных изысканной
шнуровкой. Инструкторы сделали это
намеренно, чтобы внушить должное
уважение к ударам и отучить полагаться
на боевой доспех.

Красная Шкура ударился о прутья
клетки, упал и откатился в сторону как
раз за секунду до того, как топор Кулака
Хель вспорол воздух там, где только что
была его грудь.

Снарүжи клетки раздался взрыв хриплого стеха.

--- Скитъя, --- вырүзался Красная Шкүра, различив темные силүэты других Кровавых Когтей, стоявших за границами света сфер. У них появились зрители. Раздались язвительные смешки и замечания, когда Красная Шкүра с трудом увернулсЯ от очередного удара.

--- Медленно, медленно, медленно! --- гразнил Күлак Хель. Он с важным видом преследовал противника, тяжело дыша, по лицу тек пот. Красная Шкүра даже испытал небольшое удовольствие от того, что победа дается другу совсем не просто.

--- Ты дрался бы лучше, если б болтал поменьше, --- пробормотал он, пытаясь обрести равновесие и перехватить инициативу.

--- Можешь так считать, если тебе от этого легче, --- насмехался Күлак Хель, преследуя его и некрепко держа топор. Когда он приблизился на достаточное для удара расстояние, на его губах заиграла снисходительная улыбка победителя.

--- О да! --- зарычал Красная Шкүра.

словно дикий зверь, сжавшись для прыжка. —

— Так лучше.

Внезапно он рванулся вперед, бросившись на приближавшегося Кулака Хель и отпихнув того. Противник, став самонадеянным, оказался слишком близко, и не смог вовремя воспользоваться топором. Красная Шкура обхватил его медвежьей хваткой и из всех сил толкал перед собой, загоняя к дальней стене клетки. Они с грохотом врезались в нее.

Кулак Хель выронил топор и сжал кулак, натерившись нанести тот самый сокрушительный удар, что дал ему прозвище. Но Красная Шкура оказался быстрее и головой ударил противника в лицо. Раздался треск кости о кость, и в воздухе повис металлический запах свеженролтой крови.

Голова Кулака Хель откинулась назад, а только что блесевшие глаза остекленели. Красная Шкура выронил оружие и обрушился на шатавшегося Кровавого Когтя настоящим ураганом ударов. Кулак Хель упал на колени.

Зрители вокруг клетки

неодобрительно заревели. Но железными прутьями бьцали оруаем, и эх доносилось до крыши, заставляя всю залу вздрагивать.

Какофония была столь оглушительной, что почти поглотила звук гонга, сигнализовавший конец схватки. Притворившись, что не услышал, Красная Шкура нанес еще один сокрушающий кости апперкот, прежде чем дверь клетки с грохотом распахнулась и ввалился Бракк, чтобы прекратить бой.

--- Хватим! --- прорычал он, оттолкнув Красную Шкуру от пошатывавшегося Кулака Хель и швырнув его через всю клетку. Даже без силовой брони волчий гвардеец был гораздо сильнее любого из Кровавых Когтей. --- Это тренировка, а не уличная граа.

В ответ разразился хор неодобрительных криков, когда Красная Шкура вскочил на ноги, а Бракк поднял Кулака Хель и прислонил его к стене клетки.

У Красной Шкуры болело все тело. Из садины на лбу сочилась струйка горячей

крови.

Он был обессилен, избит, покрыт синяками, но при этом испытывал исключительный подъем.

Кулак Хель, уронивший голову на грудь, начал приходить в себя, поводя по сторонам мутным взором. В глазах у него еще явно двоилось.

— Это было очень глупо! — прорычал Бракк. — Я что, должен выбивать мутность из тебя, Кровавый Коготь?

— Можешь попытаться, — растягивая слова, протянул Кулак Хель, в ошеломлении опираясь на прутья клетки.

Красная Шкура ухмыльнулся и заковылял к противнику. Бракк сплюнул на пол.

— Приведите себя в порядок, — велел он. — Ярл хочет получить доклады о вашей боевой готовности, придется тренироваться еще усерднее.

Бракк выбрался из клетки, пробиваясь через толпу зрителей снаружи. Красная Шкура подхватил Кулака Хель, прежде чем тот снова обрушился на пол, и грубо поставил на ноги.

— Как я и сказал. Слишком быстрый для тебя, — сказал он.

Взгляд Кулака Хель прояснялся. Кровь в его ранах уже потемнела, свертываясь. Понадобилось много сил, чтобы сокрушить его, но еще больше понадобится, чтобы не дать подняться.

— В этот раз, брат мой, — ответил он, ухмыльнувшись и показав окровавленные зубы. — Только в этот раз.

Красная Шкура довольно растеялся, и стех его был больше похож на звериный рев. Два бойца стукнулись правыми кулаками, и покрытые синяками пальцы быстро сжались.

Клинок Вирта откинулся на троне, чувствуя себя совершенно измотанным. Работа была изнурительной даже для существа с такой генно-усиленной физиологией, как у него. Многие дни тестов, очистки, новых тестов, сраживания, поиска скрытых изъянов, искоренения ложных надежд и раскрытия тайн, скрывававшихся внутри пробирок и сосудов. Повсюду вокруг него не стихал

незрозумілий шум лабораторіюта: траллы
внимательно изучали образцы на подносах,
когитаторы пощелкивали, пробирки с
жидкостью слабо пұзырились под
воздействием тщательно выверенных
температур.

Деять дней. Прошло деять дней с
тех пор, как улетел Железный Шлем,
забрав с собой Великие роты, оставив
пұстыми коридоры и залы, где теперь
свободно гуляли сквозняки. За это время
почти ничего не было достигнуто. Каждый
шаг вперед сопровождался шажками назад,
вниз или в сторону. Как просто было в
таких условиях отчаяться, утратить
надежду.

Но конечно же, отчаяние было чұждо
сыновьям Рұсса. Так же чұждо, как мир и
покой.

Секреты ускользают от меня только
потому, что я подбираюсь к ним все ближе.
Словно добыча на льду, что чұствует
постұпнь охотника.

Это сравнение помогло ему. Были
времена, когда непреодолимые, казалось бы,
проблемы разрешались, стоило только

представить себе охоту. Жажда убийства можно обуздать, превратить в источник чистейшей ментальной решимости. Это тоже внушало надежду. Он еще столько многого не понимал, но и столько многое начинал видеть ясно. Жажда убийства имела те же истоки, что и привычные положительные состояния.

Не остеливаюсь ли я на слишком многое? Быть может, это запрещено? Возможно. Но ведь мы никогда не были теми, кто следует правилам. Пусть этим занимаются сыны Жиллимана.

Клинок Вирта еще раз проверил данные. Образец, который он изучал последние несколько недель, был отвергнут. Понадобится еще неделя работы, чтобы все исправить, распутать спутанные клубки. Не в первый раз он понял, что питал искреннее восхищение перед изначальными создателями, теми, кто собрал вместе элементы, кто направил реку человеческой природы в новое, прочное русло.

Запрещено ли это? --- вновь спросил он сам себя, уже зная ответ.

Конечно да.

На ворме гонеха мигнула рѹна, предупрежда о близком присутствии Стѹрмѹарта. Рѹнный жрец, при всей мощи на поле брани, был неважным шпионом. Клинок Вирта вздохнул, опускаю инфопланишет в потайное отделение в подлокотнике трона. Жестом он подал знак ближайшему трѹллу, и облаченный в кожаную маску смертный кивнул, демонстрируя, что все понял. Противовзрывные двери глубоко в комплексе лабораториѹта, мягко соскользнув, затворились, пряча содержимое дальней комнаты. Экраны с результатами очистились и теперь показывали ряды рѹн, выглядевших совершенно обычно.

Клинок Вирта поднялся с трона, устало готовясь встретить обычное пренебрежение и подозрение брата.

Он многого боится и о многом догадывается, подумал Клинок Вирта, неуклюже, словно старик, шаркая ногами по перетекавшим огнам в дрягѹю залам. Что ж, пусть так и бѹдет. Чем больше он подозревает, тем больше боится. Только

Трейлор видит возможность, но у него странная душа.

Клинок Вирта приблизился к первому залу лабораториума и увидел массивную фигуру ждавшего его рунного жреца. Его богато украшенный, инкрустированный знаками доспех резко контрастировал со стерильным миром творцов плоти.

Мне просто нужно больше времени.

Клинок Вирта заставил себя улыбнуться. Знакомая кривая улыбка появилась на торщине лица, приветствуя брата и ожидая обычных несдержанных шуток.

Чуть больше времени.

Флагман флотилии Тысячи Сынов «Херумон» начал затедляться, готовясь прорвать барьер между варпом и Материумом. Остальной флот вокруг него — пятьдесят четыре сине-золотых боевых корабля и войсковых транспорта — тоже снизил скорость до необходимой для перехода.

На мостике «Херумона» плечом к плечу стояли Темех и Афаэль, Пирриг и

Корвиг. Их окружали члены старшей командной свиты — Орман, Хетт и Цамин. Все были облачены в боевую броню и шлемы. Большинство провели долгие, томительные, исполненные скуки часы на Планете Колдунов, полируя и переделявая доспехи. Теперь на шлемах красовались гребни и насечки из бронзы и золота, а на поножах были выгравированы пышные цитаты, отсылавшие к давно позабытым эпиграммам.

Темех терпимо относился к этому. Но из всех его спутников, кажется, лишь он один видел, как низко они пали.

Мы лишились вкуса. Превращается в пародию на самих себя.

Его доспехом был относительно немогифицированный тип III, перекрашенный в сапфировый цвет согласно приказу Магнуса. Но в остальном он оставался практически таким же, что и до Предательства, все так же носил бороду, которую отпустил на Просперо, и по-прежнему аккуратно подстригал светлые волосы. Интересно, как поступили Амон, Собек и Хатор Маам?

Присоединившиеся к лютяжной группе Аримана обладали самым сильным разумом, волей и наибольшей мощью. Отребье, оставшееся верным примарху, было вторым сортом, теми, кто не постеснялся пойти за колдовством Рубрики.

Не то чтобы это что-то значило. Контрзаклинания в конце концов подействовали на всех, защитив менее сотни колдунов легиона и обратив в прах остальных, рубрикатов. Сейчас остатки тех, кто когда-то были самыми лучшими в армии Императора, дезградировали в банды мародеров, мстителей и похитителей знаний. Этот великий флот, скопление несравненных сил, был последним осколком, последним эхом катастрофы, разразившейся более тысячи лет назад.

--- Лорд, мы готовимся к перемещению.

Говоривший, обритый наголо старший вахтенный офицер с жирно подведенными сурьмой глазами, должно быть, служил на флоте уже много лет. Большинство мертвых членов экипажа было набрано

относительно недавно: плоды проглатывания
насаждения кукла в сотнях имперских
тиров.

Афаэль повернулся к Темеху.

--- У что ты видишь, прорицатель? ---
спросил он. Голос искажался искусно
выполненной вокс-решеткой.

Темех подавил раздражение,
вызванное этим повторным вопросом, и
мысленно сфокусировал взгляд на Великом
Океане. Мистические связи между варп-
пространством и реальным миром
разворачивались перед ним, словно ветви
уравнений, которые слабо двигались одна
против другой, обретая и теряя
равновесие.

Он выяснил местонахождение флота
и проследил его направление. Отклонения
были незначительными. Если они
сохранят прежний курс, то выйдут из
варпа совсем рядом с Фенрисом.

--- Ты ведешь нас очень быстро, ---
заметил Темех, возвращаясь в
реальность. --- Слишком быстро.

Афаэль растеялся.

--- А ты хочешь дать им время

подготовиться? --- Пирриг потряс облаченной в броню головой. --- Помнишь, как были уничтожены наши орбитальные станции? За пару секунд. Именно так следует сжигать мир. Океан Души был успокоен, чтобы мы могли обрушиться и прямо на головы.

Темех чувствовал, что Афаэль улыбался в шлеме, ощущал его жажду схватки.

--- Ничто не потревожит нас, брат, --- продолжил Афаэль. --- Если построишь сам, то увидишь, что флот Нсов находится уже в нескольких днях пути и призвать его обратно нельзя. Мы все сделаем быстро.

--- Отлично. Только не забрось нас в ядро планеты.

На это Афаэль не растаял.

--- Время для перехода? --- спросил он, повернувшись к офицеру.

--- Нагвизается, лорд.

--- Тогда активируйте экран.

Перед командной группой из бронзовых плит пола грациозно выросло изогнутое зеркало. Блестящая поверхность

переливалась красками, что стешивались и расслаивались, словно в капле масла на поверхности воды. Темех посмотрел на него с отвращением. Это было грубое подражание эфиру, результат его проекции, сделанной при помощи глаз духа машины.

--- Начинайте! --- приказал Афаэль.

На всех кораблях флота отключили варп-двигатели. Пятьдесят четыре судна действовали согласованно, их плазменные двигатели реального пространства с ревом возродились к жизни, вновь запульсировали пустотные щиты.

Разужные разводы на зеркале исчезли, стенившись изображением костоса. Перед ними ужасающе близко появился желчужно-белый шар. Он тчался навстречу приближавшемуся судам, с каждой секундой становясь все больше. Флот Тысячи Сынов, ведомый лучшими провидцами, вышел из варпа ближе и быстрее, чем стогло бы любое судно под управлением смертных.

Темеха вдруг обуяло неприятное предчувствие. Так вот какова она, цель

давних и горьких замыслов Магнуса. Она казалась меньше, чем он предполагал. Грязный шарик ревущих бурь и треснутого льда.

Афаэль источал дикую энергию. Перед «Херутоном» в окулярах реального пространства появлялись другие суда флотилии. Полосы кипящей плазмы прочертили небеса, когда ударные корабли понеслись вперед, окружая цель. Огромные войсковые транспорты вслеп за ними занимали позиции. Не было ни ошибок, ни неумелых ретатериализаций.

— Вот и Фенрис, — выдохнул Афаэль, целиком поглощенный открывавшимся перед ним видом. Ужасающие силы располагались в костоме тесным строем, силы, не собиравшиеся вместе со временем Прегательства.

Темех, наблюдая то же самое, не чувствовал ничего, кроме усталости и ужаса. Он оплакивал разрушение Тизки, но оно не подогрело в нем жажду мести. Жажда Афаэля же, напротив, казалась ему вульгарной и пустой.

Мы утратили вкус.

Пирриг рассеянно подошел к зеркалу, наблюдая, как сфера заполняет собой весь экран.

--- Это причинит вам боль, ---
прошептал он. --- О, это причинит вам
столько боли!

Последний день Агамана Цэфейла начался плохо. Мало кто из астронавтов, входивших в состав коммуникационного шипля в Вальгарде, был рожден на Фенрисе. Их было около дюжины на всю планету, выходцев из других миров. Его подчиненные, уроженцы Фенриса, грубые вонючие создания, отпускали злые шутки в адрес его магии. Они не любили использовать гар псайкеров, даже несмотря на то, что их собственные Тремящие Костями пропускали немало эфирной энергии в мануфакториум. Даже спустя сорок лет службы он не смог избавиться от привычек родного мира, планеты-улья Анрага. Цэфейл ненавидел Фенрис. Ненавидел это зловоние, эту скуку, ненавидел этот холод.

Он успел проспать меньше двух часов.

когда неистовые сигналы вызвали его на астронавтическую платформу. Весь хор был занят по горло последние несколько дней, передавая сведения для флотилии. Агатам изможденно вывалился из своей кельи, страхиая тени сна с незрячих глаз. В коридоре он почувствовал присутствие тел, сновавших во все стороны. Но вокс не стихал негромкий, сосредоточенный стрекот. Кто-то переполошил весь шпиль.

Цэфейл уверенно шагал в Санктум Теленатика через толпу кэрлов и трэллов, по запахам и звукам определяя, откуда они идут. Путь от его кельи к тронам передатчиков был знаком ему так же, как собственное тело. С момента пробуждения он чувствовал тупую боль за глазами, не дававшую ясно мыслить и затруднявшую работу.

Он занял свое место, чувствуя себя отвлеченно: с тяжелой головой, вялый и раздражительный.

Сервитор заскрипел, помогая ему забраться на трон-передатчик, и Цэфейл поморщился, ощутив холодную сталь имплантатов во входных узлах в кисти.

Не было ни одной проклятой причины, чтобы чувствовать такую боль, — и если бы дикари на этом позабытом всеми мире заботились о чем-то вроде удобств, то давным-давно поставили бы новое оборудование.

— Воды, — прохрипел он, зная, что сервигоры понадобится целая вечность, чтобы отыскать чашку и принести жидкость, холодную, с привкусом кремния.

Боль усилилась, но он кое-как начал расшифровывать программу предстоящей работы, когда другие астронавты начали читать литании.

«Благословенный Император, Защитник Человечества, Владыка Небес, направь мои мысли в службе Тебе и очисти мой разум...»

Цзфейл стал повторять это вслух, одновременно настраивая на панели перед собой ряды циферблатов и рычажков. Оборудование было теплее, чем обычно, — но так и должно быть, чтобы его иссохшая старая плоть не прилипла к холодному металлу.

Пока он говорил, в разуме стал

проясняться маршрут. Цэфейл не мог четко видеть текст, но послание было столь же ясным, как и ментальный образ.

«Пусть выдержит мой разум и душа останется чистой, мой внутренний глаз останется ясным, а внешнее око — темным, словно вечная печать Твоей милости...»

Он повторял знакомые слова, когда железный колпак, ошестинившийся тонкими иглами зондов, навис над ним и опустился на голову. Повторял, когда зонды проникли сквозь обрамленные стальными кольцами отверстия в лысой черепе и остановились в обозначенных местах. Повторял, когда остальные голоса вокруг стали тише и глуше.

Эта головная боль, она меня просто убивает.

Воду так и не принесли. Цэфейл ухватил первую передачу. Стандартное межпланетное коммюнике, что-то об эскорте в одной из систем, защищаемых Волками.

— Да хранит Твоя защита...
Проклятье, Фрор, почему этот список

такой огромный?

Раздался треск полых на линии с
суперинтендантом, двухсотлетним
уроженцем фенриса.

--- ϕ_{pop} ?

Цэфейл сдался. Дряхлый старый козел. Боль в глазах становилась все сильнее. Казалось, что выжженные нервы каким-то образом восстановились.

Что, во имя Хель, все это значит?

Отключая контакт, он хотел было позвать апотекария, но затем передумал. Его и так считают слабаком, мягкотелым чужеземцем с наклонностями к порочной магии.

Он открыл разум.

И тогда ворвался эфир. Из пустоты на
УфеЙла уставился единственный глаз,
обратленный алым кольцом.

--- Святой Импера... --- выдохнул он, и вот тогда появилась настоящая боль.

Что-то громадное вторглось в его сознание, что-то обширное и древнее, столь могущественное, что Цэфейл тотчас понял, что его время сочтено.

--- Фрор! --- воскликнул он, может,

голосом, а может, лишь мысленно. Он слышал, как из темноты появлялись приглушенные голоса. Раздавались тяжелые шаги, словно кто-то бежал по залу. Затем он услышал истошные крики. И все затопила боль — сокрушительная, спутывавшая сознание боль.

На один краткий миг Цэфейл решил бороться с ней. На мгновение, одно кошмарное мгновение его как будто вернули к процедуре привязывания души на Терре. Там он подвергся воздействию столь же мощной силы, как и та, что выжгла ему глаза и опалила душу.

Эта та же самая сила.

Нет, не та же самая, хотя и похожа на нее. Даже извиваясь в путах, припиленный к креслу безумцами сквозь тело электрода, он смог узнать знакомые очертания в варп-сигнатуре.

Оборвите связь!

Было уже слишком поздно. Цэфейл чувствовал, как взрываются органы в его теле. Кровь струилась по его лицу, попадая в открытый рот, замороженный в безмолвном вопле. На него яростно взирало

Око, пульсируя сдержанной угрозой. Оно даже не особенно старалось.

--- Что ты такое? --- послал Цэфейл, но его сообщение было похоже на выстрел микролюменом в звезду.

Око не шевельнулось, но только добавило Цэфейлу тук. Именно тогда несчастный понял, что то же самое происходит со всеми другими астронатами. Это казалось невозможным --- ведь были заклинания, защищавшие от проникновения в шпиль, и все псайкеры были связаны душами. Но это создание раздирало их на части, словно защиты не существовало вовсе.

Астронавт агонизировал на троне, чувствуя, как его покидает сознание. Нервы были выжжены, что уменьшило боль.

Оно изолирует нас, подумал он, прежде чем умереть. Оно хочет нас заглушить.

Это была предпоследняя мысль Агатана Цэфейла. Последняя принеслась следом.

И что бы это ни было, осознал вдруг

он, пока его обожженное тело содрогалось в
мучениях, оно подобно самому Императору.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Волчий скаут Хаакон Гилфассон, тот, кого прозвали Чернокрылым, восседал на командном троне «Науро» и внимательно изучал развернувшуюся перед ним картину. Посадочные площадки остались далеко позади, и темное небо в окулярах реального пространства превратилось в испещренное звездами чернильное покрывало. Ослепительно-белый изгиб Фенриса уменьшался, пока корабль взмывал все выше. Его двигатели сражались с мощным притяжением отдаленнейшей планеты. Много дней ушло на подготовку «Науро» к патрулированию границ системы, но теперь раздражающее ожидание осталось в прошлом, и Хаакон вернулся туда, где должен был находиться.

Внизу, в нише для сервиторов, трудились на своих местах дюжина увитых проводами автоматов. На верхних платформах шесть кэрлов были пристегнуты ремнями безопасности, ожидая момента, когда корабль выйдет из атмосферы планеты и гравитационные генераторы смогут стабилизироваться.

--- Штурман, готовься к готовности! --- тихоходом приказал Чернокрылый, наслаждаясь движением корабля, пока тот выходил на низкую орбиту. Металлический пол слегка вибрировал под ногами. Судно было похоже на борзую --- столь же стройную, угрожающую, нетерпеливо натягивавшую поводок.

--- Ты очень сильно разогнал корабль, --- донесся по комлинку ответ из машинного отделения. Штурман очень долго служил с Чернокрылым и прекрасно знал, что костодесантник едва ли примет во внимание его предостережение.

Чернокрылый любил ему досаждать. Он вообще не упускал шанса взбесить кого бы то ни было. Вот в чем заключалось

удовольствие пилотировать перехватчик, чья команда состояла целиком из мертвых, — ощущение абсолютной власти, уверенность, что он может разгонять судно как захочет. Это был прекрасный корабль, породистый, и на нем было просто скучно соблюдать границы, требуемые соображениями безопасности.

— Продолжай в том же духе, штурман, — ответил космогесантник. — Кораблю нравится именно так.

Прежде чем оборвалась связь, с другого конца котлинка донеслась приглушенная ругань. Чернокрылый ухмыльнулся и вызвал гололит из подлокотника трона. Перед ним вспыхнул, пробуждаясь, тактический дисплей, вращавшаяся сфера, показывавшая локальный космос.

— Мы пройдем сквозь сеть, — поделился он с тактиком, мысленно проведя траекторию, которая выведет корабль в нескольких километрах от первой орбитальной оружейной платформы. — Привнесем немного веселья в их серые будни.

--- Я не могу связаться с ними, ---
ответил облаченный в серый тундир
тактик, сидевший за панелью как раз за
спиной Чернокрылого.

--- Что ты имеешь в виду?

--- Только то, что не могу с ними
связаться.

Чернокрылый, нахмурившись,
переключился на канал связи, но услышал
лишь треск помех.

--- У нас что, повреждена связь? ---
требовательно спросил он.

--- У нас все нормально, --- отозвался
тактик. Его пальцы порхали над панелью,
которая больше походила на клавиатуру
органа. --- Проблемы у них.

Чернокрылый перевел взгляд на
дисплей гололита. Первая оружейная
платформа плавала в зоне действия
авгүра, одинокая рүна в изумрудно-зеленой
сфере.

--- Что у них случилось? --- спросил он.

Повернувшись, тактик пожал
плечами.

--- Может, система отказала, ---
предположил он. --- Или их глушат.

Чернокрылый резко растеялся:

--- Ага, похоже на то...

Внезапно в его душе шевельнулся волчий дух, словно пробуждаясь от сна. Он почувствовал, как под броней дыбом встали волоски на руках.

--- Продолжай попытки связаться с ними, --- приказал он и расширил границы тактического дисплея.

Значки внутри сферы превратились в крошечные точки, когда стало отражаться большее пространство. В поле зрения авгура попало больше орбитальных платформ.

--- Мы можем связаться со «Скрэтаром»? --- спросил он. То, что он увидел, ему совсем не нравилось.

--- Не отвечают.

Сфера продолжала расширяться, потеря того как датчики охватывали все большее и большее пространство. А затем, на самой границе локального космоса, появились новые руны. Множество рун. Уни одной с символами Фенриса.

--- Что с нашими щитами? --- спросил Чернокрылый, чуть крепче сжав

поглокотники трона.

--- В порядке.

--- Вот и держи их в порядке.

Подключить вспомогательные плазменные модули.

Тактик повернулся и уставился на десантника так, словно тот спятил.

--- Мы все еще в пределах действия гравитации...

Чернокрылый наградил его испепеляющим взглядом.

--- Мне нужна скорость атаки. Сейчас же. Затем свяжись с Вальгардом и вели бросить сюда все, что у них есть. А потом начинай молиться.

Чернокрылый вернулся к тактическому дисплею и погрузил пальцы в поглокотники управления. Он увеличил мощность и почувствовал, как лихорадочный машинный протестующее взвыл.

--- Привыкай, -- прорычал он, вдавливая перчатки в металл. -- Скоро будет гораздо хуже.

Что-то шевельнулось в разуме

Грейлока даже раньше, чем зажглись предупредительные руны. Он был глубоко в недрах Клыка, трудясь над лезвием своего старого топора, Френгура, который забрал из прежней жизни и с тех пор держал при себе. Волчьи жрецы не любили, чтобы сохранялись следы прошлых дней, но оружие было священно. А теперь, когда Грейлок стал ярлом, у них было гораздо меньше власти, чтобы обратить свое неудовольствие в какие-либо реальные санкции.

Он водил по смертоносному лезвию оселком, действуя осторожно, чтобы сохранить режущую крошку. Топор был железным, и его металл был куда мягче, чем у оружия костогесантников, и потому в битве становился бесполезным. Но Грейлок все равно многие годы хранил его в идеальном состоянии, не позволяя металлу притупиться или заржаветь. По мере работы голый каменный пол усеивала пыль от точильного камня.

Затем вспыхнули руны, установленные высоко на стенах кузни. В то же самое время на воротах его брони

зажглись красные символы, уменьшенная версия данных, которые космогесантники увидели бы перед глазами, будь он в шлеме.

Грейлок опустил топор.

--- Ярл, --- раздался голос в наушнике, --- на нас напали. Приближается множество целей, защитные системы под огнем. Шпили-передатчики выведены из строя, несем потери.

В ту же секунду Грейлок схватил шлем с подставки и вихрем вылетел из комнаты в коридор.

--- Всем вожакам Стай явиться в Зал Стражи! --- рявкнул он по связи. --- Включая Клинка Вирта. Сколько врагов?

--- Приближается более сорока крупных целей, --- раздался ответ. Это был Скриейя, волчий гвардеец, которого Грейлок оставил в зале. --- Возможно, больше.

--- Сорок? Откуда столько?

Гвардеец затешился:

--- Неизвестно, ярл.

--- Проверь, чтобы Стуртъярт явился, --- рыкнул Грейлок, несясь к залу. Все его тело превратилось в натянутую

струну. — Молот Рүсса, лучше бы у него
была причина, почему он этого не
заметил.

Ривенмастер Грегр Кьолборн с
орбитальной платформы «Рейке Ог»
бежал по пласталевому коридору к
командному модулю, почти оглохнув от
рева клаксонов на каждом углу. Раздался
мощный толчок, грохот, и его мир
накренился на несколько градусов.

От толчка он врезался в ближайшую
стену и выругался сквозь зубы.

— Откуда, Хель их раздери, они
явились? — пробормотал Грегр, поднимаясь
с пола. Двери командного модуля были
распахнуты, и он увидел царивший там
хаос еще до того, как забрался внутрь.

— Статус! — потребовал он, занимая
позицию на возвышении в центре модуля.

Командный модуль оружейной
платформы был семи метров в
поперечнике. На потолке располагались
окұлары реального пространства. Обычно
они взирали в открытый черный космос. Но
теперь через плексиглас можно было

заглянуть в саму преисподнюю. Все сооружение, машина в несколько тысяч тонн из пластали и адамантия, опасно накренилась. На полу модуля кэрлы и сервиторы работали за скоплением панелей, на которых сейчас пылали предупреждавшие об угрозе руны. Далеко внизу, в пустоте, светилось снежно-белое северное полушарие ледяного Фенриса.

--- Неизбежен отказ основного щита, --- доложила его хускарл Элме Вреборн. Ее голос был тверд и решителен, что делало девушке честь, учитывая, что пылавшая панель перед ней стреляла искрами. --- Мощность всего на десять процентов больше нижнего предела. У нас есть несколько минут.

Кьолборн кивнул, чувствуя, как кровь толчками бежит по телу.

--- Оругия?

--- Состояние критическое, --- доложил другой кэрл.

--- Отлично.

Кьолборн попытался разобраться в ситуации. Семь минут назад сканеры дальнего действия уловили некие сигналы.

Спустя две минуты эти сигналы выдали приближение боевых кораблей. Либо что-то серьезное стряслось с авгуром, либо какой-то флот вышел из варна угрожающе близко к гравитационному колодезю Фенриса. Не было никакого предупреждения, никакого обнаружения варн-следов, и не осталось времени на что-либо, кроме как зарядить орудия и приготовиться к ответному огню. Когда залп был дан, его мощи оказалось угрожающе недостаточно.

Сплошная стена кораблей стремительно неслась на них, посылая энергетические заряды в объединенную сеть орбитальных платформ. Некоторые орудия вышли из строя почти моментально, уничтоженные массированным огнем. Их пустотные щиты перегружались и разрывались на части вспышкой высвобожденной энергии.

Контратаки защищавшихся были спорадическими, так как времени на координирование ответного огня просто не было. После первой атаки из тени крупных судов вынырнули истребители.

приближаясь на дистанцию огня и атакующие
целевые части обороны. Все это
происходило слишком быстро, слишком
шошеломительно. Внешняя сеть была
объята огнем, полыхая и обрушиваясь в
верхние слои атмосферы. А то, что
осталось, не могло заметить вражескую
атаку.

--- Эти предупредили? --- спросил
Кьолборн, оглядывая картину побоища и
лихорадочно соображая.

--- О, они уже все знают, --- отозвалась
Вреборн.

--- Повезло им.

На мгновение Кьолборн с тоской
подумал о спасательных капсулах,
прикрепленных к обращенной к планете
стороне платформы. Если бы он вырос где-
нибудь в другом месте, а не на Фенрисе,
то попытался бы добраться до них.

--- Направить всю мощь щитов на
переднюю батарею! --- приказал он,
откидывая взглядом светящиеся огни на
тактических дисплеях.

--- Сэр?

Раздался второй удар, когда что-то

врезалось в платформу снизу. Потухло
освещение, остались только кроваво-
красные аварийные огни. Команда модуля
теперь больше походила на бродящие во
траве потусторонние тени.

— Вы меня слышали. Я хочу нанести
еще один удар, прежде чем мы погибнем.

Кэрлы подчинились без дальнейших
обсуждений. С невольной дрожью Кьолборн
наблюдал, как пустотные щиты
платформы исчезают на окулярах
реального пространства. Пропавая, они
оставили после себя мерцавший след, и
затем перед платформой открылся
непосредственный вид безбрежного космоса.

— Цель — приближающийся Фиф-Тра,
координаты 2.-2.-3. Как захватите цель,
стреляйте.

Кэрлы бросились выполнять команду.
Краем глаза Кьолборн увидел, как
огромным шаром добела раскаленной
плазмы взорвалась еще одна платформа и
ее сигнал погас на тактическом дисплее.
Он оставил случившееся без внимания,
сосредоточившись на своей цели. Среди
целого моря приближающихся судов уже

пострадал от чьего-то нападения
вражеский фрегат. Он начал
поворачиваться, чтобы задействовать
носовой лэнс-излучатель. Ненадолго
блеснула сапфировая обшивка, отразив
свет от полудиска Фенриса.

--- Попался, --- трачно протолвил
Кьолборн, не обращая внимания на
лазерный огонь со стороны эскадрильи
истребителей.

--- Все готово для выстрела, ---
положил второй кэрл, стараясь выровнять
платформу после второго нападения.

--- Вышвырните его из костюса.

Флуоресцентные лучи, от которых
слезились глаза, пронеслись через
пространство и поразили фрегат, вскрыв
раковину пустотного щита. Гро�агные
безмолвные взрывы расцвели в нижних
левых галереях судна, когда смертоносная
энергия вспорола обшивку. Корабль
завертелся по неуправляемой спирали.
Вспыхнули новые взрывы, когда что-то
взорвалось внутри судна, вызвав цепную
реакцию.

Довольный Кьолборн невозмутимо

смотрел на его гибель. Еще больше истребителей нацелились на темный диск платформы, тяжелым лазерным огнем разрывая физическую защиту.

--- Что у нас осталось? --- спросил он, морщась от каждого удара.

Вреборн криво улыбнулась во мраке, ее лицо было освещено лишь алым светом аварийных ламп.

--- Ничего, --- доложила она. --- Этот выстрел нас прикончил.

Кьолборн дуко расхохотался, глядя, как жаждущие тесни вражеские суда хлынули к платформе. Другие оружейные платформы теперь стреляли чаще, но они быстро уничтожались, после того как поражали свои цели. Костос пылал на каждом окуляре вперемешку с темными очертаниями разбитых судов и раскаленных обломков, падавших вниз, на планету.

--- Целью этого выстрела было поддразнить их, --- сказал он самому себе, наблюдая, как новые сигналы приблизились к его позиции, и напрягся в ожидании новых ударов.

Эскадрилья истребителей теперь
неслась прямо к платформе, лавируя
между медлительной фалангой крупных
судов и собираясь произвести прицельный
залп.

Вреборн повернулась лицом к
Кьолборну, внезапно оживившись.

--- Спасательные капсулы! ---
протолвила она.

--- Ты не доберешься до них вовремя,
хускарл.

Будь внутри светлее, Кьолборн
увидел бы ее взгляд, полный
оскорбительного презрения.

--- Они летают.

Кьолборн понял, что она имела в
виду, и пожал плечами:

--- Если сможешь запустить их,
действуй.

Десантно-штурмовые корабли,
остроносые «Грозовые ястребы»,
стремительно занимали позицию, их
пушки были готовы открыть огонь.
Кьолборн наблюдал за их действиями,
жалея, что не напился перед всем этим.
Он не боялся смерти, но это не значило,

что сама идея ему imponировала.

И я даже никогда не узнаю, кто все это делает.

Вреборн яростно работала, направляя платформу вперед. Двигатели для подобных маневров были уничтожены, и огромный диск поворачивался очень медленно. Когда он наконец развернулся, Кьолборн услышал, как на нижнем уровне с громким треском раскрывались тяжелые зажимы, освобождая спасательные капсулы.

Он поднялся с трона, наблюдая, как со звезд приближается смерть.

— Не так я хотел уйти, — сообщил он остальным в модуле. — Но вы были отличной командой. Вот что я хотел сказать. Есть еще только двое, вместе с кем я предпочел бы умереть, и один из них...

Это были последние слова, сказанные на оружейной платформе «Рейке Ог», прежде чем приблизившиеся «Грозовые ястребы» Тысячи Сынов разрядили главные орудия по выбранной цели. Без щитов платформа погибла почти мгновенно, и осколки металла, пластами и кости, что

не были распылены на атомы, обрушились в атмосферу, где вспыхнули и прогорели дотла.

Поэтому хускарл Вреборн так никогда и не узнала, что семь пустых спасательных капсул были выброшены за миллисекунды до взрыва. Четыре упали на Фенрис, две были уничтожены взрывной волной от другой погибшей платформы, одна, вопреки всем вероятностям, попала в цель. «Грозовой ястреб», на полной скорости проносясь под разрушенной оружейной платформой, ничего не смог сделать, чтобы избежать столкновения с капсулой из металла, усиленного адамантием. Она попала прямо в кабину. Корабль лишился управления и ворвался в верхние слои атмосферы на смертельной скорости.

Он сиял, словно метеорит или останки уничтоженной им платформы, прежде чем погиб во взрыве протетия.

Трейлок ворвался в Зал Стражи через пару секунд после Россекка и Клинка Вирта. Рунный жрец Стурмъярт уже был

там, как и шесть волчьих гвардейцев
Грейлока. Один из них, Леофр, все еще
облачался в броню при помощи дюжины
трэллов, и сверлящие звуки их работы
эхом разносились по темным коридорам.

--- Выкладывайте! --- прорычал ярл,
занятая место в колонне света. С этого
места он видел все пикт-экраны,
опоясывающие помещение.

Грейлок чувствовал, как быстро
работает его разум, рассматривая все
возможности, изучая каждый отрывок
информации. Страх не было, только
быстрый механический процесс оценки.
Все присутствующие гвардейцы стояли
наготове в ожидании.

--- Флот атакован, ярл, --- доложил
Хатнр Скриейя, отворачиваясь от экранов,
чтобы встретиться с Грейлоком лицом к
лицу. Громадный белокурый гвардеец
терзался стыдом, и из-за этого его речь
была резкой и свирепой. --- «Скрэтар»
получил тяжелые повреждения, но
остается на позиции. От сети осталось
процентов двадцать.

--- Кто постел?

На секунду вспышка гнева исказила
напряженное лицо Скриеи.

— Архивраз, ярл. Сыны.

На мгновение Трейлок застыл на
месте.

Тысяча Сынов! Железный Шлем, что
ты натворил! Ты попал в эту ловушку.

Он покачал головой, отгоняя скорбные
мысли, и посмотрел на тактические
гололиты. На мгновение даже он, ветеран
сотни космических сражений, был
шошеломлен. Флот неприятеля оказался
огромным. Вокруг пятидесяти четырех
точек света, обозначающих крупные суда,
вились и светились сотни сигналов
поменьше. Красные огоньки, маркирующие
обороняющихся, были окружены. Пока ярл
смотрел, три красные точки погасли.

— Как они сумели подойти так
близко? — требовательно спросил он,
чувствуя, как вскипает внутри
неожиданный гнев. — Почему не было
предупреждения?

Далекий рокот донесся до стен зала,
когда открыли огонь защитные батареи
Клыка, с грохотом посылая снаряды-убийцы

в далекий космос.

--- Нас ослепили, --- выгавил Стурмъярт. Как и у Скриеи, на его лице застыл стыд. --- Я ничего не видел, авгурь ничего не увидели.

--- Чертов Железный Шлем, --- сплюнул Грейлок. Он ощущал сильное желание наброситься на кого-нибудь, швырнуть что-нибудь тяжелое в экраны, которые докладывали о боине в небесах. --- Мы можем связаться с флотом?

--- Нет, --- признался Скриея. --- Мы ни с кем не можем связаться. Все астронавты мертвы, все выходы из системы заблокированы.

--- Нам нужно присоединиться к войне в воздухе, --- промолвил Россек, отворачиваясь от тактического дисплея и собираясь уйти. --- В ангарах остались «Грозовые ястребы».

--- Нет.

Грейлок глубоко, резко вдохнул. Тактические дисплеи давали более чем четкую картину. Война в небесах шла менее часа, но было уже понятно, что она проиграна.

--- Подготовить Стаю к обороне.
Этта. Мы не можем помешать ил
высадиться.

--- Ярл... --- начал Россек.

--- Откройте канал со «Скрэтарот»!
приказал Грейлок.

Установили потрескивающую связь.
На заднем фоне не столкал
оглушительный грохот. Ударному крейсеру
наносили тяжелейшие повреждения.

--- Ярл! --- раздался по связи голос
костодесантника. Он булькал, словно
говорившему в горло попала кровь.

--- Ньян, --- тязко ответил Грейлок. ---
Как долго ты сможешь их сдерживать?

В ответ донесся отрывистый стех.

--- Мы уже должны быть мертвы.

--- Тогда продержись еще немного. Нам
нужно время.

Раскатыстый грохот ворвался в
котлинок, а следом раздались звуки,
похожие на рев пламени.

--- Именно этого мы и добиваемся.
Наслаждайся битвой, когда она приходит к
тебе.

Грейлок холодно улыбнулся:

— Я так и сделаю. До следующей зимы, Ньян.

Связь прервалась, внезапно обрезав донесения о далекой битве. У собравшихся остались только безобидные яркие точки на тактических дисплеях.

Грейлок повернулся к командирам, сверкая белыми глазами.

— Как это вышло, мы обсудим позднее, — рыкнул он. — А сейчас готовьтесь к бою. Подготовьте Козтей, подготовьте Охотников. Когда они высадятся, мы разорвем их глотки.

Раздался оглушительный рев, когда колоссальные защитные батареи Клыка отправили очередную порцию смерти на орбиту. Грейлок позволил волку внутри себя вынырнуть на поверхность и устоял на собравшихся волчьих гвардейцев с выражением чистой звериной ненависти.

— Это наша земля, братья, — рыкнул он. — Мы научим их бояться ее.

«Науро» на полном ходу прорывался сквозь багровые облака взрывов.

прокладывая себе путь, лавируя меж останками погибших кораблей и уворачиваясь от мерцавших лучей лазерного огня. В ледяном безмолвии костоа маневрирование становилось на редкость красивым зрелищем, демонстрацией несравненного мастерства пилота.

В недрах корабля кипела бурная деятельность. Члены экипажа бросились тушить пожары, бушевавшие на нижних палубах, в то время как кэрлы делали все, чтобы спасти пустотные щиты от выхода из строя. Плазменные двигатели опасно нагрелись, а внутренняя система авгуров почти полностью вышла из строя. Еще парочка серьезных попаданий, и корабль превратится в быстро летящую руну.

— Верни в строй эти чертовы излучатели! — проревел Чернокрылый, направляя корабль резко вниз, чтобы избежать попадания плазменных зарядов.

Два подвесных лэнс-излучателя, единственное серьезное наступательное оружие, что осталось у корабля, были выведены из строя столкновением с

громадным вращавшимся обломком чье-то носового щита. «Науро» уже получил серьезные повреждения, и неспособность вести ответный огонь добавляла проблем.

--- Мы не можем спасти оба! --- заорал кто-то из команды. Чернокрылый не мог разглядеть, кто это был, --- он вообще едва ли видел что-либо, кроме танцующих огоньков на гололитическом дисплее. Пилотирование корабля в трех измерениях через вихрь плазмы и лазерного огня было настоящим кошмаром даже для пилота с его реакцией и тренированностью.

--- Тогда хоть один! --- взревел Чернокрылый, отвернув корабль как раз вовремя, чтобы избежать столкновения с разбитым, пылавшим остовом фрегаты Костических Волков, мягко скользящим в пустоте. --- Всего один. Клянусь волосатыми яйцами Моркаи, я не так много прошу!

Он рванул «Науро» в узкий коридор открытого пространства и попытался оценить тактическую ситуацию. Траектория от Вальгарда направила его прямоиком в пекло орбитальной битвы.

Волки, неподготовленные и колоссально
уступавшие по огневой мощи, были
отброшены назад. Орудийные платформы
первой линии уже были холодны и мертвы,
превратившись в круг темного
дрейфовавшего в пустоте металла.
Вторая и последняя линии пока держались,
но понесли чудовищный урон. Каждый
успешный залп защитников навлекал
ураган ответного огня. Ударные суда
Тысячи Сынов быстро занимали
пространство для маневра, очищая путь
для более крупных боевых кораблей, чтобы
те заняли позиции и добавили головной
боли защитникам.

Прибытие «Скрэмара» с эскортом
ненадолго остановило побоище, но флот
защитников все равно во много раз
уступал врагу в численности. Лишь
горстка фрегатов Костических Волков все
еще функционировала, и как только их
защитный кордон будет прорван, вся мощь
атаки обрушится на «Скрэмар».

--- Лэнс-излучатель правого борта
функционирует в половину мощности,
лорд! --- радостно закричали с палубы под

командным тронот.

--- В половину? --- огрызнулся Чернокрылый, увиливая от крыла вражеских истребителей и поворачиваясь к ним менее поврежденным правым бортом. Датчики, вибрировавшие в недрах корабля, сообщили ему, что бортовые оружейные батареи все еще действуют. Это было уже кое-что. --- В половину? Что это значит?

--- У нас есть один, быть может, два выстрела. А потом мы сгорим.

--- Еще одна жертва --- это все, о чем я прошу.

Он знал, что все они умрут. В следующую секунду или через минуту, но явно очень скоро. Оборона планеты превратилась в попытку уничтожить как можно больше врагов, прежде чем все защитники превратятся в потоки орбитальной пыли. Но несмотря на все это, ни один из кораблей Двенадцатой не повернул назад. Ни один.

Вот ведь упрямые мерзавцы, подумал Чернокрылый, кидая взгляд на целые заросли предупреждающих рун на консоли.

Упрямые, бесподобные мерзавцы.

--- Лорд, у меня связь с Фенрисом, ---
положил кэрл из команды платформы
связи. --- Вам стоит это услышать.

Чернокрылый кивнул, все еще
фокусируя внимание на пилотировании
корабля, и моргнул, чтобы получить
информацию.

--- «Науро», «Слейкре», «Огмар», ---
раздался прерывающийся сухой голос,
прошедший через внешние системы
корабля. Это была запись --- как же долго
они пытались пробиться? ---

Астронавическая связь не работает.
Повторяю: астронавическая связь не
работает. Прорывайте блокаду и
направляйтесь к системе Гангава.
Соединитесь с Великим Волком и
потребуйте его срочного возвращения.
Повторяю: потребуйте срочного
возвращения.

Чернокрылый мысленно выругался.

--- Они думают, что мы сбежим и
брошим их, --- пробормотал он, уже ища
возможное направления для выхода. Однако
«Науро» оказался в самом сердце бурлящей

массы кораблей, и никакой возможности для бегства у него не было. За ближайшим кольцом судов кораблей приближались новые. Паутина была отлично сплетена.

Впереди, недалеко от края растянувшейся сферы, в которую превратилась битва, космогесантник увидел вражеский эстинец, управлявшийся от прямого попадания лэнс-излучателей. Это было хорошо -- по крайней мере, хотя часть платформ все еще действует.

-- Захватить вон ту цель! -- прорычал Чернокрылый, уже планируя схему атаки. -- Подготовить корабль к варп-переходу. Но мы не уйдем, пока я не прикончу эту посудину.

Глубоко в недрах Клыка оглушительно ревели клаксоны, эхом разносилось по извилистым каменным коридорам и сотрясало костяные трофеи на стенах, словно они все еще были живыми. Из глубины доносились крики, крики мертвых людей, перемешанные с ревом их сверхчеловеческих мастеров. Это мобилизовывалась Гвардия Этта --

контингент кэрлов, предназначенный для защиты крепости Рүсса. Сотни тяжелых баштаков барабанили по полу, когда ривены занимали свои позиции по всему уровню Логова, отчитываясь в арсеналах, чтобы получить дополнительные патронташи и защитные шлемы.

Логово было трепещущим сердцем Этта. Тысячи смертных воинов, ремесленников, техников и рабочих обслуживали эту гигантскую крепость и всю жизнь проводили в ней. Они редко покидали Клык, если только не отбывали на войсковых транспортах: воздух на такой высоте был слишком разреженным даже для местных обитателей. Их кожа была столь же бледной, как и лег, сковавший верхние склоны, и все они родились на Фенресе и были из племени, которое все еще странствовало по покрытым снегом полям под Асахейтом и поставляло рекрутов для Небесных Воинов. Их забрали в просторные залы Этта, когда были вырублены в горе первые помещения. И все они могли проследить свою родословную вплоть до тринадцатого

колена и далее. Только некоторые смертные --- кэрлы --- носили оружие постоянно. Но все умели обращаться с клинком и стрелять из скъолдтара, тяжелого бронебойного огнестрельного оружия, облюбованного Гвардией Этта. Они были детьми мира смерти, и все, от детей до стариков, владели искусством убивать.

Выше, за громадным темным бастионом Клыкмана, расположился Ярлхейм, обитель Небесных Воинов. На этой высоте смертные появлялись только по приказу своих хозяев --- Небесных Воинов. Здесь обитали двенадцать Великих рот. Залы Волков бывали пусты и тихи, так как их частенько призывали в поход в какой-нибудь дальний уголок их галактического протектората. Тем не менее одна из Великих рот всегда поддерживала священное пламя в очагах, выражая почтение оберегам, охранявшим Клык от малефикарума. В Ярлхейме находились усыпальницы павших, тотемы, собранные рунными жрецами в далеких мирах, арсеналы, полные священного

оружия. В святых местах среди пыльных рядов черепов, брони и других трофеев покоились потрепанные знамена былых кампаний.

Когда клаксоны заревели в покое двенадцатой роты, узкие коридоры залились свирепым огнем. Хозяева горы были призваны, и как будто сама гора ожила. Стены и своды содрогались от сильных толчков, когда возродилось к жизни множество волчьих духов. Воины облачались в броню, звериные шкуры почтительно набрасывали поверх керамики, на наплечники густой кровью животных наносились руны, атлеты вешали на шеи и обматывали вокруг укрытых броней запястий.

Глубоко в центре лабиринта из шахт, галерей и туннелей раздался бой большого барабана. Он вплетался в хор других звуков, выбивая пульсирующий ритм все нарастающей ярости. Эти вибрации пронизывали все вокруг, заставляя лабиринт резонировать все возрастающим крещендо ненависти и мощи.

Разжигающая желание убивать
Великая рота Космических Волков. Мало
было в целой галактике зрелищ более
устрашающих. Один за другим появились
Серые Охотники, облаченные в доспехи,
которые были благословлены
подчиненными Стурмъяртү рунными
жрецами. Овеянные смертоносной мощью,
они шли, и алые линзы шлемов угрожающе
светились в маслянистой темноте. За
ними выступали вооруженные
огнестрельным оружием отряды Длинных
Клыков, трачные и еще более громадные.
Их лица вытягивались в звериные морды.
Тяжелое вооружение они несли так, словно
оно было не тяжелее рукояти топора.

Последними появились Кровавые
Когти, новобранцы. Проклинаая врага, они
жаждали ринуться в битву. Гиганты в
полосатой красно-желтой броне, они
толкали друг друга, спеша занять позиции.
Из всех ангелов смерти в них оставалось
больше человеческого, ибо они были только
наполовину изменены формирующей силой
геносемени Хеликс. Но их глаза горели
свирепым восторгом грядущего насилия.

Они жили только ради радости охоты, победы в схватке, удовольствия от запаха крови и страха тех, на кого их напустят.

Среди них, присоединившись к Стая Сизрга Бракка, шли Кулак Хель и Красная Шкура. Раны, полученные на тренировке, зажили, как и все другое, что они получили за дни постоянных учебных поединков. Стая из двенадцати воинов, включая вожака из Волчьей Гвардии, трюсила по широкому полукруглому туннелю под грохот барабанного боя, отпихивая кэрлов и трэллов, которые не успели убраться с пути.

— Моркаи, — процедил Бракк, чей голос фильтровался через потянутую решетку шлема. — Брать с собой вас, мешки с дерьмом... — Он покачал головой, и костяные тотемы застучали по доспеху, словно жгуты. — Просто поприте быстро или не пугайтесь у меня под ногами.

Кулак Хель ухмыльнулся.

— Мы сдерем с тебя шкуру, — свирепо рассмеялся он, сжимая силовой коготь. Как и вся Стая, он был в шлеме — слишком уж тяжела была почти костическая высота

Клыка, чтобы бравировать здесь непокрытой головой.

--- Если придумаем, что стожем за нее выручить, --- добавил Красная Шкура, поднимая болт-пистолет и проверяя на бегу счетчик боеприпасов. Его наплечники были выкрашены в кроваво-красный, а по низу шлема тянулся ряд зубов.

--- И все-таки куда ведет нас этот старик? --- спросил Кулак Хель. С его шлема свисал бледно-соломенный хвост конских волос, а на нагруднике были выгравированы две Руны Завершения --- Утир и Ганн.

--- К Вратам Восхода, --- огрызнулся вожак. --- К единственному месту на планете, которое прочнее ваших пустых черепов.

--- Это шутка, брат? --- поинтересовался Кулак Хель.

--- Нет, думаю, что оскорбление, --- отозвался Красная Шкура.

Бракк остановился, когда потолок туннеля над ними внезапно ушел в пустоту. Впереди пол перешел в выступ, нависавший над громадной темной

цахтой. Провал внизу был огромным, окутанным тенями и освещенным только разбросанными кое-где красными светящимися сферами. Трохот барабанов поднимался именно оттуда, низкий и угрожающий.

— А разве у нас ворота охраняет не Гвардия Этта? — спросил грубой Кровавый Коготь, Фиер Сломанный Зуб. Его голос был низким от волчьего духа, гортанным и агрессивным.

— Думаешь, мы будем ждать, пока эти ублюдки доберутся до ворот? — спросил Бракк, оборачиваясь к Стае и становясь спиной к провалу. — Клянусь задницей Рюсса, парень, ты, похоже, сначала отрастил клыки и только потом мозги!

А затем он исчез, прыгнув вниз, в теплые восходящие потоки, преодолевая сотни метров и опускаясь с уровня Ярлхейма в Логово.

Красная Шкура посмотрел на Сломанного Зуба.

— Думаю, это был хороший вопрос.

Сломанный Зуб пропустил мимо ушей

эго замечание и последовал за вожаком в
провал. Сигналы в шлеме Кулака Хель
показали, что они оба падают к уровню
врат.

--- Постарайся не отставать, брат, ---
сказал он Красной Шкуре, присоединяясь к
Стае и ступая за край ямы.

--- А ты попробуй меня остановить, ---
отозвался друг. Он прыгнул последним и
развел руки, чтобы контролировать
падение.

Сталкиваясь, словно камни в
стрелнине, Кровавые Когти неслись к
месту сбора. Грохот барабанов стенился
новым срочным вызовом. На каждом уровне,
в каждом проходе обитатели Клыка
занимали предписанные им позиции.
Вращались болтерные батареи, с хриплым
рычанием оживали двигатели
«Лендрейдеров», и по всему Этту воины в
серых доспехах спешили к своим постам.

Волкам постели бросить вызов в их
Логове, и теперь, словно призраки,
скользившие по льду, они спешили с
ответом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чернокрылый потерял счет повреждений, что нанесли его кораблю. На консоли зажглось так много красных рун, что стало сложно различать их. Даже если все будущие снаряды, лазерные лучи и торпеды каким-то образом пройдут мимо, из-за уже понесенного ущерба корабль обречен.

Впрочем, сообщение из Вальгарда слегка изменило положение. В отличие от своих более горячих братьев, Чернокрылый никогда не был приверженцем героического последнего боя. Он был темным волком, крадущимся в ночи, а это предполагало мощный инстинкт самосохранения. Вот почему Когти и Охотники не любили его, а он, в свою очередь, недолюбливал их. Но семья Рүсса было щедрым и создавало все

виды убийц, — в конце концов, удар кинжала в сумерках был не менее смертоносен, чем выстрел болтера при свете дня.

На нижних экранах появился выбранный им в качестве жертвы накренившийся эстинец. Он тоже получил сильные повреждения после прямого попадания из оружейной платформы. Такие устройства стреляли с ужасающей силой. Кроме пробойн в корпусе вражеский корабль, похоже, потерял управление и теперь дрейфовал в сторону планеты. Длинный хвост из ржаво-красной плазмы вытекал из верхней части правого борта. Чернокрылый заметил огоньки вдоль бортов, когда корабль попытался включить бортовые батареи. Но активировать их быстро ему все равно не удастся.

— Мы можем стрелять? — запросил скаут, поворачивая корабль так, чтобы направить орудия правого борта на приближавшееся крыло десантно-штурмовых модулей.

— Так точно! — рявкнул кэрл за

пультом управления стрельбой, и голос его звучал уже гораздо увереннее, чем мгновение назад.

--- Тогда захвати цель и действуй, --- отрезал Чернокрылый, раздраженно наблюдая за потерями энергии в генераторе щита левого борта. Что-то там было серьезно повреждено, и он ничего не мог с этим поделать.

--- Двадцать секунд.

А затем Чернокрылый увидел шедшую на них смерть. Фрегаты Тысячи Сынов перестали назойливо атаковать «Скрэтар» и его эскорт. Теперь они возвращались, чтобы покончить с остатками разбитого флота Волков. Корабли двигались быстро. Слишком быстро. Но меньшей мере три из них окажутся в зоне ведения огня прежде, чем Чернокрылый сможет выйти из боя и прорваться в открытый космос. Одно дело десантно-штурмовые суда, но совсем другое --- фрегаты.

--- Лорг, у нас...

--- Да, благодарю, у меня есть глаза. Определите траекторию до цели и дайте

мне скорость атаки.

На этот раз все кэрлы подняли головы и уставились на пилота, даже те, кто был занят тушением огня на своих панелях.

Чернокрылый холодно воззрился на них в ответ.

--- Или мне разорвать вам глотки, огнү за другой? --- спросил он, выдерживая болт-пистолет из кобуры.

Команда поспешила выполнить приказ. «Наүро» с большим трудом подстегнул двигатели, и боевой курс был заменен курсом на перехват. Ставший целью эстинец приближался. Все ближе и ближе.

--- Десять секунд.

--- Быстрее, --- бросил Чернокрылый, стиснув подлокотники трона и напряженно наблюдая, как приближается цель.

Он видел вспышки пламени на бортах, чьи языки пожирали золотую отделку палуб. Капитан корабля пытался убрать с пути, но с искалеченными двигателями его действия были так же бессмысленны.

как подъел паруса на ялике в полный штиль. Расстояние между кораблями стремительно сокращалось.

--- Пять.

Фрегаты теперь были уже в пределах досягаемости, и сенсоры на консоли Чернокрылого показывали, как подается энергия в их лэнс-излучатели.

--- Скитъя. Увеличить скорость!

Он на мгновение представил яростные переговоры между эстинцем и приближавшимися фрегатами. Всем казалось, что Чернокрылый идет на таран, словно самоубийца, и что только безумный варвар может на такое решиться.

К этому моменту скаут уже легко различал украшения на вычурном носу эстинца. Тот назывался «Иллюзия Уверенности».

Очень подходящее имя.

--- Огонь!

«Науро» содрогнулся, когда оставшийся носовой лэнс-излучатель ожил, послав обжигающий ослепительно-белый луч в эстинец. Луч попал прямо в середину

корпуса вражеского судна, раздирая ослабленные щиты и взрызаясь глубоко в недра. Шар пламени и металлических обломков вырвался наружу, развалив эстинец надвое.

--- Мы врежется! --- завопил кэрл.

«Науро» нырнул прямо в самый ад. Он был уже слишком близко, чтобы сбросить скорость, и потому понесся прямо через центр разваливавшейся посудыны.

--- Столкновение! --- безумно вскричал другой кэрл, перенаправляя энергию к передним щитам.

--- Держать себя в руках! --- заревел Чернокрылый, не снижая скорости и ведя корабль через все расширяющуюся сферу пламени и осколков адамантия.

Прямо на них летел громадный обломок палубы эстинца, по размерам почти такой же, как сам «Науро». Чернокрылый направил корабль резко вниз, обернувшись, когда вращавшееся скопление распорок и креплений пролетело мимо левого борта. Обломки были повсюду, крутясь и ударяясь об ослабленные пустотные щиты, словно дегон щелкал

пальцами по полю Геллера. Что-то большое и тяжелое врезалось «Науро» в днище, отчего судно подскочило, словно бык, прежде чем метнуться в очередное облако из кусков обшивки.

— Мы проскочили! — вскричал он, резко накренив «Науро» на правый борт и направив вверх, дав двигателям все, что в них еще оставалось. Языки плазмы зазмеились следом, когда он вырвался из сферы разрушения.

Выход из обратной стороны разрушенного эстинца подарил Чернокрылому драгоценные секунды. Экипажи фрегатов решили, что враг погиб во время тарана. Плазменный след еще несколько секунд будет вводить в заблуждение их прицеливающиеся когитаторы.

Несколько секунд — это все, что ему нужно на таком быстром корабле. Он был уже на границе орбитального сражения, и впереди простирался открытый космос.

— Быстрее! — заревел Чернокрылый, пытаясь уловить, какой урон был нанесен проходом через обломки эстинца. Похоже,

они потеряли большую часть щитов и в
верхнем машинариуме зияла пробоина. ---
Проклятье, поднажмите или я все же
порву вам глотки!

Машинный дух «Науро» взвыл от
ярости, протестуя против безумных
требований капитана и угрожая
отключить системы жизнеобеспечения.
Чернокрылый проигнорировал его, тратя
все, до последнего тераджоуля энергии, и
выжимая максимальную скорость.

--- Каково положение «Слейкре» и
«Озмара»? --- рыкнул он, следя за лэнс-
излучателями фрегатов, залп которых
мог свести на нет все его усилия.

--- Уничтожены, лорд. --- Голос кэрла
все же выдал его восхищение
костогесантником, но в нем отчетливо
слышалось: «И с нами могло быть то же
самое». --- Теперь мы сами по себе.

Чернокрылый ухмыльнулся. Что-то в
таком обмане смерти за счет гибели
других взывало к темным сторонам его
души.

--- Сохраняйте курс и скорость, ---
приказал он. Фрегаты не бросились в

погоню. Впрочем, они в любом случае были слишком медленными, чтобы поймать его теперь. Он окинул взглядом тактический гололит, наблюдая, как отдаляется рой судов. Вопреки всем ожиданиям они прорвались. — Доставьте нас к точкам прыжка и рассчитайте вектор перехода к Тангаве.

Скаут повернулся к ряду рун на консоли, что игнорировал последние минут десять. Они все еще горели ядовито-красным. Теоретически это означало, что корабль был практически обречен. Если он не развалится на куски в обычном космосе, его почти наверняка прикончит варп. Не осталось ни щитов, ни оружия. Корабль терял кислород, а девять его палуб были объаты огнем. Невеселая картинка.

— Но я сделаю это, — громко произнес Чернокрылый, не в силах погасить трагичную улыбку. — Кровь Русса, я это сделаю!

«Скрэтар» был дреднином, мощным боевым кораблем, закаленным за долгие

десятилетия Великого Очищения и
несшим ишрамы от сомен конфликтов.
Некоторые из его деяний были хорошо
известны: корабль целых две недели
противостоял эскадре Архиврага в проливе
Элнон, пока не прибыло серьезное
подкрепление и не переломило ход
сражения. Именно он уничтожил
превосходивший его размерами флагман
эльдарских корсаров «Ор-Улагриль» и
руководил прорывом блокады на Нилосе JV
во главе Имперского флота, сильно
уступавшего в силе противнику. Его
таштинный дух был стар и хитер, как
демон. Корабль был быстр, оснащен
стертоносным оружием и не собирался
легко утирать.

Так что когда он наконец погиб,
окруженный врагами на высокой орбите
Фенриса, смерть его не была быстрой. Не
случилось ни внезапного разрушения варп-
ядра, ни мощного взрыва цистерн с
прометием. Корабль был разбит на
тысячи обломков, испещрен миллионот
лазерных лучей, разрушен парой десятков
торпедных попаданий и обуглен облаками

горящей плазмы. Враги продолжали наступать волна за волной десантно-штурмовых кораблей, танцую вокруг сокрушавших столбов кипящей энергии, выброшенных в космическую пустоту приближавшимися линкорами.

С треснувшим корпусом, источая пламя и кровь, «Скрэтар» маневрировал с поврежденными двигателями, не переставая вести огонь по боевым судам Тысячи Сынов. Его эскорт из фрегатов давно обратился в атомы, последние оружейные платформы превратились в дым и искры, а он все еще держался, одинокий темно-серый остров, окутанный золотисто-сапфировым роем.

Носовые батареи «Скрэтара» прогретели в последний раз, посылая поток хлесткой кипящей ненависти в подбитый эстинец Сынов — «Носох Холека». Вся оставшаяся у корабля энергия ушла на этот выстрел. Он разорвал вражеское судно от носа до кормы, сокрушив пустотные щиты с ошеломляющей силой.

«Носох Холека» стал добавкой, присоединившись в забвении к

«Ахеоникалу», «Исчислению» и
«Фүлькрүтескү». «Скрэтар» своим
сопротивлением собрал тяжелую дань, но
его конец быстро приближался. Скользя в
волнах медленно вращавшихся обломков,
словно хищник в глубинах океана, из теней
выплыл громозгкий корнүс «Херүмона» и
вышел на линию огня.

«Скрэтар» повернулся. Невероятно, но
быстро терявший кислород и израненный
ударный крейсер сумел заметить
опасность и каким-то образом произвел
расчет ведения огня. На каждой из палуб
оставшиеся кэрлы взвалили на себя ношу
выживания и проявляли чүдеса героизма,
удерживая плазменные двигатели от
взрыва.

Ньян Анъеборн, прозванный Серобокил,
единственный выживший в рүинах
командного мостика, все еще пилотировал
израненный крейсер, готовясь к очередному
залпү и зная, что на этот раз это скорее
всего будет не үбийство, но лишь последняя
кровавая дань.

Безжалостно, не встречая преград,
«Херүмон» держал курс. Не давая

противнику ни единого шанса, с холодной точностью наведя бортовые батареи, флагман Тысячи Сынов свел все возможности к единственному безжалостному решению.

Он занял позицию, открыл огонь, и пуста заполнилась ослепительным светом.

Когда сияние померкло, изувеченный «Скрэтар» объяло ледяной агонией. Последний из его щитов изогнулся и с шипением отключился. Серия взрывов пробежала по левому борту, извиваясь подобно клубу разъяренных змей. Приблизились другие вражеские суда, зная теперь, что флагман Волков лишился зубов.

На командном мостике окровавленный Анъеборн сражался с железной паутиной, в которую попал. Все экраны вырубались. Системы жизнеобеспечения вышли из строя, обрекая еще живых членов команды на удушье или гибель от ледяного холода. Он оглянулся, думая, что бы такое сделать, прежде чем приближающиеся копы энергии обрежут

жизнь последнего из них.

Ничего не было. Машинный дух был холоден и безответен. Аньеборн поднял голову, посмотрев через плексигласовые окуляры реального пространства в космос. Последним, что он увидел, был громадный корпус «Херумона», заполнявший все поле зрения. Совсем рядом он видел ряды десантных капсул, набитые посадочными модулями стартовые отсеки, линии испепелителей «костос-земля» и бронзовые выступы торпедных аппаратов. Все они еще не применялись в бою.

Оружие, которое принесет на Фенрис Хель.

Пока взрывы с нижних палуб прогрызали себе путь на мостик, сотрясая все, что осталось от его корабля, и разнося обломки в небытие, Аньеборн смотрел, как идет к нему смерть. С трудом поднимаясь с колен, он встретил ее на ногах, расправив плечи, оскалив клыки и с дерзким высокомерием глядя на врага, который обладал таким превосходством.

--- По делам вашим узнают вас! ---
зарычал он, когда последовал последний,

подобный молоту удар и в недра корабля
наконец ворвался вакуум. --- Вероломные.
Предатели. Труссы.

Волчья Гвардия ринулась в бой.
Россек, Скриея и остальная элита
Двенадцатой роты разошлись по постам,
каждый во главе своей Стаи. Только три
Волка остались в Зале Стражи, и даже
они не собирались оставаться там
надолго.

--- Орбитальной защиты не осталось, ---
--- трачно промолвил Грейлок,
отворачиваясь от свидетельств ее
разрушения. --- Что посоветуете?

Клинок Вирта почесал жесткую шею
и сторщил орлиный нос, обдумывая
происходящее. На пикт-экранах светились
данные авгура, показывая движения в
костосе над ними.

--- Они спустят на планету десант
вне пределов досягаемости зенитных
орудий и придут к нам по земле.

Стурмъярт непонимающе посмотрел
на него.

--- Они контролируют костос. Почему

не болбить нас оттуда?

Клинок Вирта криво устехнулся:

--- Занимайся своими заклинаниями, жрец. Щиты над Эттол построены так, что выдержат осаду флота, который больше этого раза в четыре. У колдунов нет такой огневой мощи. Но крайней мере, с тех пор как мы разбили их на Просперо.

--- В любом случае, --- спокойно промолвил Грейлок, --- они пришли не для того, чтобы сеять смерть издалека. Они хотят взять это место, осквернить его.

--- Я ничего не чувствую, --- пробормотал Стурмъярт. Он переводил взгляд с Клинка Вирта на Грейлока, и на его лице отражалось сомнение. --- Я вообще ничего не чувствую.

Волчий жрец пожал плечами:

--- Они мастера вюрга.

--- Они ничего не знают о вюрге! --- вывалил рунный жрец.

--- Но при этом все равно оказались способны ослепить тебя и всех твоих аколитов. Их защищает нечто очень могущественное.

Никто не стал произносить это имя.

--- Но у нас есть защита, --- протолкнул угрюмый Стурмъярт. --- Внутри Эмта есть обереги, целые сотни оберегов. В скалах вырезаны символы отворачивания, исполненные мирового духа. Ни один колдун не сможет войти сюда, даже самый могущественный.

Грейлок кивнул.

--- Твои братья заботились о них с исключительной бережливостью. Теперь наша очередь. Сколько рунных жрецов осталось?

--- Шестеро, но четверо из них аколиты, и их силы еще не опробованы. Только мы с Лауфом Разгоняющим. Облака равны по силе колдунам Тысячи Сынов, так что один из нас должен быть у порталов.

Грейлок вновь про себя обругал Железного Шлема.

Тебя предупредили, Великий Волк. Ведь были же знаки. Магнус сделал из тебя дурака, а мне следовало говорить убедительнее.

--- Тогда им придется учиться --- и быстро. Удостоверься, что обереги

освящены и что ривенмастеры Этта
знают об их значении. Именно там
защита должна быть сильнейшей.

Стурмъярт склонил голову.

--- Бүгет сделано, --- сказал он,
поворачиваясь, чтобы уйти. Когда жрец
выходил, поступь его была менее
величавой, чем обычно.

--- Считает себя виноватым, ---
протолвил Грейлок, когда рунный жрец
ушел.

--- А не должен, --- прямо сказал Клинок
Вирта. --- Ты знаешь, кто стоит за всем
этим. И тот, кто оставил нас
беззащитными, сейчас не на Фенрисе.

--- Мы выдержим. Какой-нибудь из
кораблей прорвал блокаду?

--- Последний, корабль Чернокрылого,
погиб, врезавшись в противника. Мы
остались одни.

Грейлок глубоко вздохнул. Он поднял
перчатку и мгновение смотрел на нее.
Броня ее была покрыта множеством
царапин и вмятин, полученных, когда
Волк в бесчисленных сражениях сокрушал
тела врагов. Ярл долго смотрел на

перчатку, словно пытаясь вызвать некую заключенную в ней силу.

--- Стаи помешают их высадке, --- промолвил он наконец. --- Они не ступят на Фенрис без сопротивления. А когда придет время, мы встретим их здесь, и тогда ты понадобишься мне, жрец. Ты будешь мне нужен, чтобы сделать смертных сильнее.

Клинок Вирта кивнул:

--- Они не поведут. Но Укрощение...

--- Я знаю. Не позволяй ему затуманить твои суждения. Этот нуждается в твоём огне.

Клинок Вирта, казалось, хотел что-то сказать, но передумал. Когда он склонил голову, под глазами чернели тени.

--- Да будет так, ярл. И когда они придут сюда, то узнают, как этот огонь может пылать.

Грейлок кивнул.

--- Они узнают, жрец, --- промолвил он. --- Я рассчитываю на это.

Пространство над Фенрисом было завоевано. Афаэль ощущал, как наслаждение теплой волной растекается

по телу. Он не чувствовал себя так хорошо с тех пор... ну, за прошедшие десятилетия было много странных ощущений, некоторые острее других.

Он сидел на командном троне «Херумона», украшенный гребнем шлем был снят и лежал на коленях. Он смотрел, как обломки последнего из кораблей Волков дрейфовали в сторону планеты, где будут уничтожены при входе в атмосферу. Он потерял больше кораблей, чем планировал, но ни одно из десантных судов не пострадало. Афаэль ненадолго задумался о содержимом этих громадин, о том, что они могут сотворить и как их много. У него стало еще лучше.

--- Лорг, блокада осуществлена, --- раздался голос снизу.

Капитан Стражи Шпиля стоял, вытянувшись, на золотых ступенях, ведущих к контрольным панелям. Афаэль взглянул на него. Он много недель не чувствовал себя так хорошо.

--- Капитан, ты знаешь, почему называешься Стражем Шпиля?

--- Лорг?

--- Ответь мне.

Капитан выглядел сбитым с толку.

--- Так меня назвали.

Афаэль растеялся:

--- И ты даже не полюбопытствовал?

Мой друг Темех был бы разочарован. Слепо принимать то, что тебе дается, --- это не наш путь. Это путь тех, кого мы караем.

На секунду капитан показался испуганным, его кадык нервно дернулся под ремешком высокого золотого шлема.

--- Некогда было место, --- объяснил Афаэль, позволив отвлечься своему мысленному взору, --- где были настоящие иппили, которые охранялись тысячами таких, как ты. Многими тысячами.

Он вновь посмотрел на капитана. Мужчина совсем не походил на воина с Просперо. Невысокий, жилистый, с грубой, бледной кожей. Все его сослуживцы были такими же. Их набрали в высокогорных горах и приучили к сильным морозам, так что когда они вступят в бой, то облачатся в тяжелые пластинчатые доспехи, маски и респираторы, а не в пурпурно-золотые латы. Фенрис был не

тем местом, где ценят элегантность.

--- Прости меня. Это было не так давно. Но крайней мере для меня.

Капитан терпеливо ждал. Все они так ждали, эти новые смертные. Тысячи культов, из сотен миров гордого Империиума, теперь собранные вместе для создания Последнего Воинства, войска мстителей. Их обучили, что Тысяча Сынов --- это боги, глашатаи нового рассвета наук и просвещения в сгущающихся тенях невежества и слепой веры.

Когда-то мы были именно такими. Действительно были.

--- Можете готовиться к высадке, --- промолвил наконец Афаэль, возвращаясь к более приземленным вопросам. ---

Расположите транспорт над сектором ф'и и получите приказы от Хетта. Бомбардировочные эскадрильи уже на месте?

--- Да, лорд.

--- Хорошо. Они могут вступать, когда будут готовы. А что с перехватчиком? Тем, что прорвал

блокаду?

Капитан нерешительно выказал огорчение:

--- Он совершил прыжок прежде, чем мы смогли его догнать, лорд. Но если будет угодно судьбам, он погибнет прежде, чем доберется до Гангавы.

Афаэль настешило изогнул бровь.

--- На «Иллюзии Уверенности» находился отряд рубрикатов во главе с лордом Фүэрца.

--- Какое это имеет значение?

--- Когда корабль Нсов проходил через обломки, его щиты не работали. Меня уведомили, что на микросекунду была замечена деятельность переносчика.

--- Ты в этом уверен?

--- Нет, лорд. Записи авгуров неполные. Но лорд Фүэрца --- искусный мастер этой технологии.

--- Это правда. Возвращайся и выясни больше подробностей --- от этого многое может зависеть.

Капитан поклонился и спустился по ступеням. На мостике, похожем на внутреннее пространство кафедрального

собора, тихо и сосредоточенно трудились другие члены экипажа. По мраморному полу разносилось слабое эхо, когда шагали облаченные в белое ординарцы, передававшие инфопланшеты дежурным из Стражи Шпиля. Бронзовые рамы обрамляли высокие окна, выполненные из прозрачных кристаллов йемина. Бархатный гул двигателей «Херумона» теперь был низким и звучным.

Афаэль окинул взглядом схему, пробежавшись по таршруту, который будет завершен прежде, чем он соединится со своими силами на Фенрисе. Сам изгиб планеты низко нависал в нижних окулярах левого борта. Несмотря на бойню в верхних слоях атмосферы, Фенрис казался вполне мирным.

А затем он вновь ощутил этот нестерпимый зуд. Кожа на шее пылала, и колдун схватился за затылок. Потом выступил по всему телу, облаченному в шелковую мантию и сапфировый доспех.

Афаэль огляделся, проверяя, не заметил ли кто-нибудь его внезапную слабость. Нет, команда все так же

сосредоточенно работала.

Медленно двигая пальцами, он провел ими по затылку и шее, ощущывая мягкую плоть там, где ворот доспеха терся о кожу.

Становилось все хуже. Он нащупал шишны и какие-то мягкие завитки.

Перья. Милосердный Магнус, перья.

Он отдернул руку и стиснул зубы. Он мог это побороть. Рубрика сделала их невосприимчивыми, и он был одним из тех воинов, Пирригов, что были самыми сильными телесно и меньше всего подверженными искажению Великого Океана.

Однако Темех не должен это видеть. Прежде всего Темех. В любом случае, пришло время вновь надеть шлем. Будет битва, и шлем увеличит дистанцию между Пирригом и мертвыми.

--- Ненавижу, --- прошипел он вдруг. Бронзовые губы искривились, когда Афаэль кинул взгляд в окуляры реального пространства, туда, где висел холодный и нетронутый Фенрис. --- Вот во что вы заставили нас превратиться. Вот что вы

сделали с нами.

Он поднялся с трона, сжав в руке шлем и не замечая никого вокруг. Его голубые глаза становились безжизненными. Настроение менялось очень быстро.

--- Вы будете мечтать очиститься от порчи, но не сможете, --- прошептал он. --- Мы вам не позволим. Мы оставим вас испорченными, такими, какие вы и есть. Оставим вас сломленными, такими, какими стали мы. И когда придет Конец Времен, как и предначертано, вы будете слабыми и одинокими перед лицом Уничтожения.

Затем он склонил голову, всего на мгновение задумавшись, на что же именно направлена его ярость.

--- Как и мы сами, --- прошептал он еще тише.

Зал Клыкмана был звеном между Логовом и Ярлхеймом. Его вырубili прямо в центре горы, точно под посадочными площадками Вальгарда. Любой враг, который сумел бы пробиться внутрь Клыка на уровне ворот, был бы вынужден

пройти через Клыкταν, чтобы добраться до верхних уровней. Его стены взмывали высоко в темноту на сотни метров, мягко изгибаясь к затерянному во тьме потолку. Все население Логова, исчисляемое сотнями тысяч, могло бы поместиться в этой просторной пещере, наполнив замороженное пространство теплым человеческим дыханием. Войти сюда можно было, поднявшись по громадным Ступеням Огваи, обрамленным высеченными из горной породы изваяниями древних героев и освещенными вспыхивающими факелами.

На стенах зала были вырезаны знаки Фенриса, каждый больше пятидесяти метров в диаметре, украшенные замысловатыми узлами, прославившими каменотесов. Были там и символы Великих рог прошлого — волчьи головы, сломанные луны, когти, рукоятки топоров и выбеленные черепа. Монументальные изображения природных сил Фенриса — духа бури, носителя льда и грозового сердца — в мерцавшем свете, казалось, двигались в одном ритме с пламенем и

мягкими тенями. Над всем этим размещались руны, проводившие душу мира смерти в сферу живых и защищавшие от талефикарума.

Трэллы молча пришли на зов, все были знакомы со священным вюрдом этого места. Не звучало ни грубых шуток, которые обычно разносились по коридорам Логова, ни непристойностей, ругани и зортанного раскатистого смеха. Ярл двенадцатой Великой роты собрал всех, кто еще не был призван к оружию. На памяти живущих такого не случалось ни разу, не рассказывалось в известных трэллам сагах и не упоминалось в слухах. Тревога пронизала мертвую тишину.

Ряды облаченных в серую броню мужчин и женщин шагали меж двутягдесятиметровыми гранитными статуями Фреки и Гери, что охраняли западные ворота. Фигуры пригнулись, как будто готовясь к прыжку. Перед ними убежал вперед просторный зал, превосходивший размерами любой собор, освещенный только кроваво-красным огнем в железных жаровнях высотой в рост человека. А в

дальнем углу, наиболее ярко освещенная, возвышалась самая громадная из всего множества статуй — колоссальное изваяние Лемана Рүсса. Размерами с капитана класса «Нес войны», гранитный примарх, оскалившись, взирал прямо перед собой. В одной руке он сжимал свой меч, Мьолнир, другую стиснул в кулак. Другие примархи могли изображаться в более спокойных позах, но только не Рүсс. Каменотесы представили его именно таким, каким он был при жизни: машина войны, живое божество, громыхавший, поглощавший все вулкан насилия, воплощение жажды битвы.

Морек Карекборн ждал в первом ряду толпы, ближе чем в сотне шагов от статуи, чувствуя внушавшую уверенность тяжесть скьолдтара в руке. Его ривен, почти пятьсот кэрлов, выстроился в галерее вдоль стен зала, чтобы сохранять порядок.

Его сердце все еще взволнованно билось. Он видел, как уходили Волки, как вытекали они из Клыка, подобно серым теням. Видел, как десантники

разогревали «Грозовые ястребы» или устанавливали тяжелые орудия по всему Эмму. Работали они быстро и продуктивно.

Как и всегда, он чувствовал, что его мертвого отклика недостаточно. Он погрузился в уныние, когда получил приказ охранять Клыкман до конца смены.

Здесь не будет битвы, не будет убийств. Я не могу достойно служить хозяевам внутри Эммы.

Он подавил недовольство в душе. Это было недостойно. Небесные Воины могли толковать вюрд, и это было от него сокрыто.

Я научусь принимать это. Есть другие способы служить.

И все же, если грянет битва, он обязательно получит возможность встать в первых рядах. Он заслужил это долгой службой. Несомненно заслужил.

Впереди зазвучал громадный гонг, заполняя все гигантское пространство. Эхо металось по залу. Другой гонг гремел далеко позади, под ногами вибрировал каменный пол.

Все разговоры столкли. Вэр Грейлок, ярл Двенадцатой роты, великоленный в своей боевой броне, прошагал к платформе у ног Рүсса. Смертный показался бы карликом рядом с фигурой притарха, но облик волчьего лорда подавить было не так-то просто. За время после первого военного совета Грейлок облачился в терминаторскую броню с волчьими когтями на руках, пульсирующую силовыми полями. На нем не было шлема, и ледяные глаза яростно сверкали в свете факелов.

Словно тень Моркаи. Снег на снегу.

— Воины Фенриса! — рыкнул Грейлок, и его голос перекрыл затихавшее эхо гонга. Был ли он усилен неким акустическим эффектом или просто превосходил возможностями границы, доступные голосовым связкам смертных, но он донесся до всех уголков гигантского зала.

— Я зову вас воинами, ибо таковы все, рожденные на Фенрисе. Мужчина или женщина, щенок или старец, все вы носите дух Рүсса в крови. Вы убийцы, вскормленные в мире, где уважают лишь

охоту. Пришло время и вам надеть эту
мантию.

Взгляд его светлых глаз скользил по
неподвижным рядам. Морек шевельнулся,
позволив себе отвлечься, чтобы проверить
своих людей. Все они были поглощены
речью ярла. Редко кто из Небесных Воинов
обращался с речью к мертвым, и они
ловили каждое слово.

— Архивраг здесь. Скоро они
высадутся в нашем мире, числом, которое
мы не видим тысяч лет. Они верят, что
пришли, дабы взять это место, сжечь его,
осквернить дом ваших отцов. Никогда со
времен, когда Всеотец шествовал по льду,
враг не приходил на Фенрис с силой,
способной сотрясти эти стены. Я не стану
скрывать от вас правду. Такой день
наступил.

Трэллы ничего не ответили, лишь
невозмутимо и внимательно слушали. Во
время военных кампаний Морек был на
далеких мирах и видел, как живут другие
мертвые. Были миры, где такая речь
вызвала бы панику или спровоцировала
яростное осуждение, плач и уныние.

Но не на Фенрисе. Они приняли вьюрг и выдержали.

— Вы сыны вечного льда, и потому я даже не говорю: не бойтесь, ибо знаю, что вы не будете бояться. Вы защитите ваш очаг со всей силой, что есть в ваших кулаках. И вы будете не одинокими. Даже пока я говорю с вами, Небесные Воины покидают Эмт, охотясь за первыми десантом Предателей, чтобы на их посаженных площадках сеять смерть. Когда война придет в стены Эмта, они будут среди вас. Буря долетит сюда, в этот мы можем быть уверены. Но когда она придет, мы встретим ее вместе.

Морек чувствовал, как быстрее забилося сердце. Именно эти слова он хотел услышать.

Они будут сражаться рядом с нами. Небесные Воины рядом с нами. Это честь, о которой я мечтал.

— Всех вас вооружат, — продолжил Трейлок. — Сейчас доставляется оружие из арсеналов. Кэрлы объяснят вам, как им пользоваться. Орудуйте ими, как прежде орудовали топоратами. Каждый из вас будет

призван на битву. Пришло время нашего испытания.

Я приветствую его. Я горжусь этим. Мы пройдем испытание вместе.

--- Осталось совсем мало времени до удара. Используйте его с умом. Помните о своей ненависти. Помните о внутреннем огне. Предатели пришли бросить нам вызов в нашем собственном мире. Ухмыляющегося, но они ничего не знают о гневе Фенриса. И они увидят его.

Голос Грейлока постепенно становился все громче. Пока он говорил, его кулаки потрескивали все ярче от заключенной в них энергии.

--- Не разочаруйте меня, --- осканился он, и угроза навлечь на себя его гнев порывом ледяного ветра пролетела по залу. --- Не отвергайте веру, что живет в вашем духе и решимости. Мы вышвырнем захватчиков обратно в космос, чего бы нам это ни стоило.

Когти поднялись вверх.

--- Вы сделаете это ради Всеотца!

Толпа стала напирать вперед.

--- Вы сделаете это ради Руща!

Толпа зарычала в знак одобрения.

--- Вы сделаете это ради Фенриса!

Гул возбужденных голосов становился все громче.

--- Вы сделаете это, потому что вы душа и опора смертного мира! --- громогласно прорычал Грейлок, и его ногти полыхнули кипящей энергией. Он словно сбросил былую холодную личину, и то, что оказалось под ней, было добела раскалено и пылало неистовой яростью.

Все как один ударили кулаками по груди. Тяжелый, глухой рокот прокатился по залу, словно раскаты грома на далеких вершинах.

- - - Фенрис! --- рычал Грейлок, вслушиваясь в волны ярости.

--- Фенрис хьолга! --- вторила толпа.

Откуда-то из потайных мест в зале загрохотали барабаны, и волнующий ритм током пронзил возбужденные массы.

--- Хьолга! --- кричал Морек со всеми остальными, чувствуя, как сильнее пульсировала кровь. И в нем проснулась жажда убивать, звериный дух народа Фенриса. Это было устрашающе и

прекрасно. Ни в одном человеческом мире не было ничего подобного.

Морек во все глаза смотрел на одинокого Небесного Воина впереди, не переставая кричать. Закованный в терминаторскую броню Грейлок был живым воплощением всего, что он читал, всего, во что верил.

Бог среди людей.

--- Фенрис! --- разносилось по залу. Факелы вспыхнули ярким, яростным светом, извивались и лизали камни и железо, словно бешеные звери.

--- Фенрис хъолда! --- повторял Морек, вскидывая оружие.

Они будут сражаться среди нас.

Когда зал захлестнуло ревом и воплями и крылья войны опустились над Клыком, Морек Каренборн посмотрел на изображение Короля Волков и почувствовал, как вера его вспыхнула подобно комете в пустых небесах.

Вот что они не могут отнять, подумав он, думая о бесчестных предателях, пришедших, чтобы в своей негальновидности и безумии разграбить

Эт т. Мы утрем за Небесных Воинов,
потому что они показывают нам, чем мы
можем стать. Против этой убежденности
у врагов ничего нет. Ничего.

Он улыбнулся, не прекращая кричать,
чувствуя хрипоту в горле, но радуясь ей
как знаку своей преданности.

За Всеотца! За Рюсса! За Фенрис!

ЧАСТЬ II
ПРОБУЖДАЯ
МЕРТВЫХ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Огонь обрушился на Асахейм через двенадцать часов после уничтожения орбитальной защиты.

Боевые суда Тысячи Сынов «Александретта» и «Фозис Т'Кар» заняли позицию на геостационарной орбите в ста километрах над Клыкот и приготовились к бомбардировке. На двух кораблях осталась минимал команды — меньше чем по две тысячи на каждом — и практически не было оружия для войны в костосе. От битвы их прикрывала дюжина фрегатов, и они держались подальше от кораблей, оснащенных для ближнего боя. По форме они напоминали громадные вертикальные цилиндры, вжатые в надстройку обычного боевого корабля. Все на борту этих двух судов было спроектировано так, чтобы

погнатывать цилиндры, обеспечивать их громадным количеством прометия и обогащенных производных плазмы, что нужны были кораблям, чтобы действовать. Изогнутые стволы были направлены на планету и готовы разрядить энергию, уже сходящую внутри полированных стен.

Афаэль называл их чистильщиками планет. Они могли стирать с лица земли целые города и уничтожать континенты. В космосе не было ничего, что могло бы противостоять им.

Приказы были переданы по каналу флота, и устройства начали разогреваться. В котандных галереях, тянущихся вокруг цилиндров, тихое завывание сменилось низким гулом. Цепочка молний проскочила в вакуумной камере между стенками цилиндра, потрескивая близ адамантиевой защиты и вырываясь в космос. Генераторы ускорились, выталкивая энергию в громадные конверторы и направляя ее в машины разрушения.

Корабли эскорта отошли на несколько сотен километров. Весь флот

держался на расстоянии, словно стадо перепуганных травоядных, скучившихся при появлении охотника.

Из наблюдательной каюты на борту «Херумона» Темех наблюдал, как аккумуляровалась титаническая мощь. Энергия стремительно собиралась, и он чувствовал пульсацию яростного потока, запертого в недрах орудий, когда были достигнуты допустимые пределы.

--- Лорд, ваши покои готовы.

Стоявший сбоку адъютант Стражи Шниля нарушил задумчивость Темеха, и колдуну пришлось сдержаться, чтобы не наброситься на смертного. На секунду он прикрыл глаза, сохраняя положение внутри исчислений. Некоторые старые привычки очень тяжело забываются.

--- Благодарю, --- ответил он наконец. --- Я остотрю их перед отбытием.

Прежде чем он закончил говорить, чистильщики открыли огонь.

Массивные извивающиеся колонны золотисто-серебряной энергии обрушились на цель внизу, скручиваясь и сверкая от столкновения с атмосферой. Они врезались

в континентальный шельф. Поток был стабильным нескончаемым дождем из миллионов и миллионов плазменных снарядов, спаянных в два столба сокрушительной мощи. Он ударил по вершинам горных хребтов внизу.

--- Клянусь Алым Королем, --- прошептал агьютант, забывшись от зрелища столь смертоносной энергии.

Темех улыбнулся:

--- Думаешь, это световое представление повредит Псам? Не обманывайся. Это лишь отвлечет их, пока лорд Афаэль занят высадкой.

Он отвернулся от портала и мысленной командой затешил перископы.

--- Есть другие способы согнать с них шкуру, --- промолвил он, выходя из каюты и направляясь к покоям, которые с таким трудом для него подготовили. Агьютант поспешил следом. --- Пора обратиться к ним.

Фрейя Морекборн услышала удар раньше, чем увидела его последствия.

--- Держать позиции! --- рявкнула она

своему отделению из шести кэрлов, стараясь, чтобы удивление не ощутилось в ее резком голосе.

Они действовали в верхних уровнях Вальгарда, помогая готовить оставшихся «Лендрейдеров» и «Рино» к битве. Работа по большей части заключалась в охране, пока проводились нескончаемые ритуалы. Механикус по пробуждению духов машин. Бездействие, в то время как другие отряды были уже отправлены на боевые посты, сводило с ума.

А затем хлынул огонь. Их ангар использовался «Грозовыми ястребами» и выходил прямо в атмосферу Фенриса. Мощные щиты прикрывали стартовую площадку и создавали на такой высоте пригодную для дыхания среду. Небо снаружи было темно-голубым, как всегда бывало во время недолгих сумерек на Фенрисе. А затем вдруг оно вспыхнуло ослепительным калейдоскопом красок, когда сверхнапряженная плазма врезалась в поверхность пустотных щитов. Небо сошло с ума.

Ангар, ранее наполненный клацаньем

и скрежетом механических устройств и
подъемных механизмов, внезапно
заполнился пронзительно-высоким свистом
и шипением противостоявших удару
щитов. Высоко над головами кэрлов
заревели предупреждающие клаксоны,
отвлекая техножрецов, склонившихся над
филлиатами и священными маслами.

--- Что это? --- спросил юный кэрл,
светловолосый рекрут по имени Лир,
инстинктивно подняв винтовку. Он был
бесстрашным в обычном бою, но мощные
потоки энергии, обрушившиеся с небес всего
в паре сотен метров, явно выбили его из
равновесия.

--- Обыкновенная бомбардировка, ---
протолвила Фрейя, которая понятия не
имела о том, что за вид секретной
технологии был применен. --- Отбой,
солдат. Мы не сдвинемся с места, пока не
получим приказа отступить.

--- Совершенно верно, хускарл, ---
раздался вдруг металлический голос.

Фрейя резко обернулась и оказалась
лицом к лицу с высоченным Гарьеком
Арфангом, железным жрецом

Овенадцатой. Она рефлекторно сглотнула и тут же обругала себя за эту слабость.

Как они это делают? Как создают эту ауру устрашения?

--- Лорг, --- промолвила она, поклонившись.

--- Эти лучи не способны повредить нам, --- продолжил он, вещая через вокс-решетку шлема.

Как и у всех жрецов его ранга, у Арфанга была серворука, торчавшая из-за спины странного готического доспеха. Вместо обычных тотемов и трофеев, навешанных на керамит брони, он носил на груди череп и шестеренку Agentys Mechanicus вместе с изображениями важнейших фенрисских рун. Темный доспех был в патине от долгой носки. Казалось даже, что он вообще не снимался. Фрейя точно никогда не видела ни одного из железных жрецов без брони, и потому было легко поверить слухам, что они отказались от смертных тел и навсегда слились с древней технологией внутри доспехов. Жрец держал тяжелый посох, увенчанный молотом из адамантия.

выкованным в виде оскалившейся морды.

--- Они делают это, чтобы мы не могли стрелять в ответ.

Жрец прошел мимо девушки и остановился, повернувшись к открытым посабочным площадкам, наблюдая, как ливень из кипящей плазмы омывает пустотные щиты.

--- Наши щиты работают от термальных реакторов, расположенных в километрах под поверхностью горы, --- возгласил жрец, наполовину говоря сам с собой. --- Этот огонь не что иное, как простое сотрясение щитов, но из-за него мы сами не можем выпустить ни одной ракеты по их кораблям.

Он повернулся к Фрейе:

--- Неудобно, правда?

Оттуда-то из недр его донесся низкий скрежещущий звук.

Он рычит? Или прочищает горло? Или смеется?

--- Светло, лорд, --- ответила она. --- Значит, здесь мы в безопасности?

--- Полностью, хускарл. На данный момент.

Железный жрец переводил взгляд с одного кэрла на другого, оценивая отражение Фрейи на соответствие чему-то. У него была непривычная, резкая манера говорить, и движения тоже были не совсем привычными для Небесного Воина.

Металлические головы. Еще более пустые, чем остальные.

--- Я выбрал вас, --- объявил Арфанг. --- Мне понадобится эскорт для моих трэллов, а мои техножрецы полностью загружены.

--- Как прикажете, лорд, --- неуверенно произнесла Фрейя. Что угодно будет лучше, чем это сидение в ангарах, но жрец так и не сказал, чего же именно хочет.

Железный жрец кивнул сам себе, явно удовлетворенный ответом. Он поставил перед собой увенчанный молотом посох, и из тени ближайшего «Грозового ястреба» поспешно вынырнули несколько сутулых фигур. Это были трэллы-сервиторы, наполовину люди, наполовину машины, автоматы, служившие в арсенале. У нескольких еще остались человеческие лица, на которых после лоботомии

застыло пустое, безжизненное выражение. У других вместо лиц теперь были железные пластины, а вместо рук — бұры, тиски, замки, трещотки и когти-молоты. У некоторых к тощим изначальным телам заклепками прикрепили искусственно выращенные мұсқұлы, которые управлялись через пұчки проводов и контрольных изл. Они являли собой нестройное собрание кошмаров, результат темного единства Бога-Машины и фенрисской эстетики свирепости.

— Нужно закончить приготовления. На это уйдет несколько дней. Когда я призову тебя, приходи без промедлений.

— Простите меня, лорд. Но куда?

Железный жрец обратился к ней облаченную в броню голову. Линзы шлематерцали кроваво-красным светом, словно внутри тлели угли.

— Куда же еще, хұскарл? Разве ты не слышала о совете военных провидцев? Умоги битвы не обдуманы соответствующим образом. Здесь кроется смертельная опасность.

Казалось, для него это был ответ на

все вопросы. Жрец прошагал мимо девушки, клая по полу посохом. Затем он остановился, словно размышляя над тем, что, возможно, выразился не совсем ясно.

Арфанг повернулся, и Фрейя вроде бы уловила нечто похожее на волнение в его ровном, неживом голосе.

— Это приказание ярла Грейлока, Хускарл. Мы идем будить мертвых.

Клык был самой высокой вершиной Асахейма. Другие пики взмывали вокруг Мирового Хребта в морозном воздухе, едва не царапая его, пока он истончался на пути к космической пустоте. Горы грохотались одна на другую, посягая на пространство соседей, сражаясь, словно тянущиеся к свету сосны энка в долинах. Все на Фенрисе боролось за выживание, даже сама измученная, изломанная земля.

Ближайшие к Клыку пики тоже вошли в легенды Влка Фенрика, оставляя след в коллективном сознании с тех пор, как Всеотец привел их туда в полубытых сумерках основания. На юге возвышался Асфрик, широкий и прямой,

разрывававший облака. На востоке маячили
братья грома, Фриетияки и Трор. На
западе расположился суровый Кракгард,
темный пик, на котором горели герои, а на
севере были Бродгья и Атмагримгүль,
стражи Врат Охотника, через которые
кандидаты отправлялись на испытания
превращения.

Дороги между пиками были
ненадежны и известны лишь тем, кто
проложил их, будучи кандидатом. Их
рассекали отвесные расщелины и глубокие
обрывы. Некоторые охотничьи тропы
проходили по твердой породе, другие
бежали по мостам из льда, что грозило
обрушиться при первом же шаге. Огни
змеились в верном направлении, ведя
охотника из расщелин в тени горных
вершин вниз, в долины, где паслась добыча.
Другие вели в никуда, во тьму, в пещеры,
которые пронизывали недра древнего
ландшафта, полные лишь обмороженных
костей и отчаяния.

При всем великолении и ужасе этой
дикой земли здесь были и островки
стабильности, места, где гигантские

каменистые выступы создавали ровные
плато, обрамленные острыми стенами
гор. Именно в такие места Волки
приходили общаться с дикой душой горной
страны. В Лето Огня, когда по всей
планете таял лед и война приходила к
смертным племенам, в таких местах
зажигались громадные костры и скальды
рассказывали саги. Тогда воины Рүсса
ненадолго забывали о жажде битвы и
вспоминали тех, кто пал в Долгой Войне,
а рунные жрецы проникали в пучины
мистерий вюрда, пытаясь постичь путь
оргена в незнакомой местности.

Именно на одном из таких собраний
Железный Шлем провозгласил первый
поход для поимки Магнуса. В далеком
прошлом на том же месте было принято
решение о создании Волчьих Братьев,
злосчастного преемника оргена
Костиических Волков, позже осужденного,
расформированного и ставшего
источником тайного стыда.

Для Тысячи Сынов, которые не знали
и знать не хотели всего этого, плато
были всего лишь посадочными

площадками, местами для высадки войск и машин из шаттлов. Поэтому через сорок восемь часов после уничтожения орбитальных платформ они явились спиралевидными колоннами, и от их числа потемнело небо. Тяжелые и неповоротливые десантные суда вылетали из трюмов транспортных кораблей и спускались к точкам посадки, охраняемые крыльями штурмовиков и прикрываемые батареями боевых судов класса «костопланета», расположившихся на орбите. Один за другим бронзово-сапфировые суда врывались в атмосферу, при спуске оставляя за собой огненные следы.

К наступлению ночи спустились дюжины кораблей, но это была лишь сотая часть тех, что еще ждали спуска. Сизрг Бракк наблюдал, как последний из десантных кораблей, тизая огнями, спускался прямо к нему, в тень Кракгарда, и хищно улыбнулся, обнажив клыки. Как и вся его Стая, он, укрывшись под нависшим пологом сугроба, ждал, когда вражеские командиры выберут для посадки обозреваемое им плато.

--- Вот этот, парни, --- довольно
прошипел он, легко скользя к спускавшемуся
судну. --- Первая добыча ночи.

Капитан штурмовиков Скит Хемлок
влажными руками сжимал лавинтовку.
Несмотря на защитный костюм, он
чувствовал, что воздух жутко холодный.
Но все равно обливался потом.

Под ногами хрустел снег,
искрившийся в свете фонаря на его шлеме,
метавшемся по бело-голубой поверхности.
Его отряд, тридцать подготовленных для
сурового климата солдат, веером
расположился рядом.

Так вот каков этот Фенрис, подумал
Хемлок, с испуганным изумлением
разглядывая мрачные очертания черных
пиков. Ближайшая вершина превосходила
все, что он видел в своем родном мире,
Квавелоне, который, между прочим,
считался гористой планетой.

Что-то странное присутствовало в
воздухе. Не просто холод --- что-то резкое,
дикое. Даже очищенный респиратором и
обогащенный кислородом из ранца на спине,

воздух все равно был слишком разряженным и едким. Впрочем, в его крови, наверное, еще оставались лекарства от высотной болезни.

А еще было чересчур тихо. Единственным звуком оставалось жужжание двигателей десантного корабля. Огромное судно, двадцати метров высотой и гораздо больше шириной, приземлилось на скалу, растопив снежный покров. Началась разгрузка артиллерии и солдат. Уже более сотни Стражей Шпиля высыпали наружу, с фальшивой бравадой шагая в мир, который совершенно очевидно хотел их прикончить и казался способным сделать это в самое ближайшее время. Они были первыми, оказавшимися на линии огня, тем, кому поручили создать плацдарт для дальнейшей высадки.

Но пока сопротивления не было. Ни единого движения. Ничего, что выдало бы обитателей планеты.

Тишина.

--- Быть наготове! --- велел Хеллок по воксу, не отрывая глаз от открывшегося перед ним зрелища.

Плато было шириной более восьмисот метров. С трех сторон оно обрывалось в пропасть, а с четвертой крутой лестницей вздымались скалы. Сложно, но проходимо.

Он нервно сглотнул, взглядываясь вперед, хотя миллиард точек света на плоской посадочной площадке затуманивали взгляд. После высадки на планету были сразу же собраны стационарные прожекторы, и все солдаты на полную мощность включили фонари на шлемах. Получавшееся освещение скорее мешало, чем помогало, потому что в ночи звездами зажглись сотни ярких точек и модули ослепительной яркости.

Десантный корабль приземлился в центре площадки, из выхлопных отверстий клубился дым и пар. Темная грохота, обращенная линией мерцавших огней. Хетлок знал, что пилотам не терпится убраться отсюда. Несмотря на то что посадочные площадки патрулировались штурмовиками, на земле солдаты были уязвимы, словно хищная птица в гнезде.

Пока он наблюдал, высадились еще одна группа войск, которая несла более тяжелое вооружение. Выгрузили громоздкую лазанку, которую тут же окружила дюжина канониров, готовых развернуться на границах посадочной зоны. Чуть позже будут установлены генераторы пустотных щитов и соответствующая противовоздушная артиллерия. Когда это случится, площадка станет хотя бы относительно безопасной. Но до тех пор они уязвимы, и все прекрасно это понимали.

--- Поиск завершен, --- пришло по воксу сообщение с дальнего угла зоны высадки.

--- Нашли что-нибудь? --- спросил Хемлок настойчивее, чем собирался.

Проклятье. Сохраняй спокойствие перед людьми.

--- Ничего, сэр.

--- Тогда удерживайте позицию. Пока не установим приборы, ваши глаза --- это все, что у нас есть.

Внезапно вокс-связь отключилась. Хемлок попробовал вновь связаться с солдатами, но ответа не было. Это было

неприятно.

--- Будьте наготове, --- повторил он. Слетавшие с его уст банальности стали казаться странными и смешными. Завывание ветра среди высоких гор, отсутствие реакции на высадку со стороны защитников планеты, до костей пронизывающий холод. Все это выбило бы из равновесия и куда более подготовленного человека, чем Скит Хеллок.

--- Верьте в хозяев, --- пробормотал он.

На дальней стороне плато потухла, в последний раз моргнув, прожекторная установка.

Хеллок напрягся.

--- Держитесь, ребята, --- велел он, проверяя на дисплее шлема, кто отвечал за тот сектор периметра.

Еще один прожектор погас.

Вот дерьмо.

--- Они идут! --- закричал он, уже не заботясь о том, каким пронзительным стал голос. --- Искать цели!

Хеллок вскинул ладан к плечу, водящим из стороны в сторону и взглядываясь в темноту. Краем глаза он видел, что его

люди делают то же самое. Однако его измеритель расстояния был пуст. Ни стрелы, ни обратной связи.

Они так же перепуганы, как и я.

А затем слева от него вспыхнули слепящие полосы лазерного огня, а следом раздался хлесткий звук их залпа. Солдаты плохо прицелились и стреляли в снежку куда попало. Быстро, краем глаза Хемлок увидел какую-то огромную тень, скользящую по снегу.

Он обернулся, наугад выстрелив из лазгана. Когда лучи пронзили полог ночи, раздались гневные крики. Некоторые выстрелы поразили борта десантного корабля.

Хемлок испуганно припал к земле, чувствуя, как молотом колотится сердце.

Это какой-то кошмар. Они доберутся до нас, прыгая по теням.

А затем откуда-то из глубин, существования которых он даже не догадывался, к солдату пришла решимость. Надо организовать оборону, создать подобие баррикады. О Волках ходило много легенд, но прежде всего они

лишь люди.

--- Ко мне! --- решительно прокричал он, вскакивая на ноги. --- Построиться и взять этих...

Внезапно перед ним появилось лицо из ночного кошмара. Он увидел горящие красные глаза, усеянный клыками темно-серый шлем, мощные наплечники, обгазренные кровью.

--- Тихо! --- раздалось утробное, невообразимо низкое рычание, больше походившее леопарду, чем человеку.

Прежде чем Огрим Красная Шкура латной перчаткой разограл Хетлоку горло, на неопытного штурмового капитана снизошло озарение. Но он с ним припозднился.

Это не люди.

Кулак Хель неся по зоне высадки, ныряя под вспышками лазерных лучей куда искуснее, чем можно было ожидать от такой бронированной туши.

Мало что из арсенала смертных могло повредить ему, но он все равно двигался абсолютно бесшумно и не

стрелял из болтера. Это был предмет гордости — чистое убийство с минимума шума. Ночной визор его шлема очень четко показывал местность. Судя по хаотичным движениям и выстрелам противника, у врагов такой технологии не было.

Метнувшийся луч прожектора на секунду вырвал костогесантника из темноты. Руны шлема показали наличие шести мишеней вокруг, и Кулак Хель резко изменил траекторию бега, чтобы добраться до них.

Шесть смертных в двадцати метрах от него, все одеты в бледно-серую камуфляжную броню, маски и шлемы, глаза опущены.

— Корм для скота, — выругался Кулак Хель. Скользя к целям, он уже наслаждался брызгами крови на броне и в выверенном размахе поднимал силовой кулак.

Случайный луч попал в него прежде, чем он врезался в жертву. Не нанеся никакого вреда, выстрел отразился от наручей, украшенных выгравированными символами. Кулак костогесантника врезался в лицо одного из солдат.

отшвырнув несчастного далеко в сугроб. Продолжая движение, Кулак Хель ударил стоявшего позади первой жертвы.

Аккуратно повернувшись на левой ноге, костодесантник рукоятью болта пистолета разбил визор павшего солдата. Просвистел воздух, и мужчина рухнул на колени, схватившись за сломанную челюсть.

Остальные солдаты рассыпались, пытаясь убежать.

— Отбросы! — заревел Кулак Хель, схватив ближайшую жертву и резким движением силового кулака переломив ей позвоночник.

Шлем показывал позиции его боевых братьев, прорубавших себе путь к десантному кораблю. Везде метались лазерные выстрелы, потрескивая и щелкая в урагане огня и страха. Все больше мертвых солдат занимали позиции на площадке, пытаясь организовать оборону, которая могла бы задержать Волков. Нет, это не поможет. Кулак Хель видел приближавшиеся сигналы штурмовых кораблей и чувствовал, как заряжались

лазнышки. Но и это едва ли изменит ситуацию.

Ничтожные. Как его все это бесит!

--- Вы пришли сюда! --- зарычал он, обезглавив солдата смертоносным апперкотом. --- Осквернили это место!

Он выпотрошил другого взмахом силового кулака, даже не активировав силовое поле.

--- Как вы постели? --- проревел он, омывтый кровью захватчиков, оставляя за собой пробитые черепа, ослепленные лица, сломанные позвоночники. --- Вы меня очень разгневали!

Слева от него протелькнул стремительный призрак: это Красная Шкура как раз рванул к десантному кораблю. Кулак Хель вытряхнул жизнь из солдата, которого сжимал в руке, отбросил тело прочь и поспешил за боевым братом. Волчий дух в нем, воплощение жажды убийства, потянулся и обнажил когти.

--- Еще не стрелял? --- осведомился по связи Красная Шкура.

Запустив цепной меч, он по дуге

рассек попадавших ему на пути охваченных паникой смертных. Во все стороны брызнула кровь.

--- Нет нужды, --- с отвлечением отозвался Кулак Хель, плечом вперед рванув прямо в завесу лазерного огня и врезавшись в перепуганных стрелков. --- Они этого не заслужили.

Красная Шкура растеялся, с силой врезав рукоятью пистолета в торс следующей мишени. Солдат отлетел назад, его живот разорвало ударом, кровь обазрила снег.

--- Не спорю, брат.

К тому времени, как они добрались до открытого отсека десантного корабля, слякоть под ногами стала розовой. Сломанный Зуб немного задержался, занятый наполовину собранной батареей лазнущек. Где-то еще дальше сеял смерть безмолвный Бракк. Он молчал с самого момента высадки Стаи на посадочную площадку, позволив Когтям сосредоточиться на главной цели, а сам тем временем опустошал ряды пехоты.

Застигнутые в середине разгрузки

пилоты пытались взлететь. Вражеские солдаты, словно обезумевшее стадо, бросились назад, напрасно считая негра корабля безопасным местом. Их слепил ужас перед скользившими по снегу кровожадными тенями.

--- Меня от них тошнит, --- продолжил Кулак Хель, запрыгнув в огромный грузовой отсек и приземлившись прямо среди перепуганных солдат.

Красная Шкура вскочил следом, задержавшись лишь для того, чтобы стряхнуть кровь с цепного меча, прежде чем вновь запустить его.

--- Среди вас Волки! --- заревел он на гоги, дико расхохотавшись.

Враги ощущали себя колосьями пшеницы под взмахами косы и даже не пытались организовать отпор, охваченные стадным ужасом. Некоторые тщетно пытались спастись от гибели и прыгали от неистовствующих Кровавых Козтей снова на лед, но ни один не миновал возвращавшихся клинков Красной Шкуры. Остальные забивались все дальше в глубь корабля, лишь на пару мгновений отсрочив

смерть и тицетно стреляя из лазганов.

Послышался громкий взрыв, и
стальной пол грузового отсека задрожал.
Десантный корабль сумел-таки подняться
в воздух.

--- В кабину! --- рыкнул Кулак Хель.

Красная Шкура, опередив брата,
пронесся по грузовому отсеку и взлетел по
первой лестнице. Широкие плечи его
догоснеха задевали стены узкого коридора,
оставляя глубокие царапины на
прессованном металле.

Кулак Хель моргнул по руне на
дисплее шлема, и его силовой кулак
окутало энергетическое поле, послав
голубые молнии по отсеку корабля. Врезав
сияющей перчаткой в качавшийся пол, он
вырвал из него лист. С яростью отшвырнув
его прочь и сбив при этом с ног первый ряд
съежившихся от страха солдат, Волк
обнажил внутренние конструкции корабля.
Присев, он выдернул провода, разрывая
соединения и стряхивая кабели, словно
внутренности раненого животного.

Погнув, погас свет в грузовом отсеке,
погружая корабль во тьму. Раздались

вопли солдат, внезапно ввергнутых в ад из
теней и мечущихся фонарей на шлемах.

— Бегите, пока можете, жалкие
людишки, — прорычал Кровавый Коготь,
убрав пистолет и ринувшись в темноту.
Его силовой кулак потрескивал разрядами
стертоносной силы. — Хель идет к вам.

Красная Шкура вихрем ворвался на
следующий уровень, с каждым шагом
оставляя бронированными ботинками
вмятины на металлических ступенях. На
верхней платформе его ждала вооруженная
охрана, и при появлении он получил в
правое плечо заряд лазерного огня.

— Храбро, — рыкнул он, выпрямившись
и вонзив окровавленный цепной меч в
ближайшего из врагов. — Но глупо.

Он бросился на стражников, яростно
размахивая мечом. Движения казались
хаотичными, но то была лишь видимость.
Великолепная физическая форма делала
его удары неожиданно эффективными.

Стража не отступила перед столь
бешеным нападением и потому погибла.
Прикончив последнего, Красная Шкура

увидел на дисплее, что Кулак Хель прорубал себе путь уровнем ниже. По углу наклона палубы было ясно, что корабль набирает высоту.

В конце платформы была запертая дверь. Красная Шкура бросился к ней, выпустив на бегу три болта, понаваших прямо в замок. Реактивные заряды взорвались, врезавшись в металл, и Красная Шкура отшвырнут на пол обестворки.

Внутри оказались четыре человека, парами сидевшие за контрольными панелями. Окна кабины тянулись в дальнем углу помещения, и через них были видны вспышки лазерного огня внизу, пока корабль пытался набрать высоту с открытым люком.

Красная Шкура дико расхохотался, и кошмарный звук загрел в тесном пространстве рубки. Три пилота подпрыгнули и неуклюже попытались убратся с пути Волка. Но скрыться было невозможно. Зажужжал цепной меч. Два мощных взмаха — и трое мертвых были разорваны на части, кресла с

металлическими спинками залило кровью. Красная Шкура схватил оставшегося в живых пилота за шею и дернул из ремней безопасности. От рывка позвоночник сломался, и труп обмяк в перчатке Когтя.

Зарывав от отбращения, костодесантник отшвырнул тело прочь. Без пилота штурвал закачался, и корабль начал сильно крениться.

--- Вот Хель! --- бросил он по связи. --- Пора убираться отсюда.

Красная Шкура сорвал с пояса краш-гранату, но затем увидел мигающие на линзах шлема руны опасности и вздернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как звено штурмовиков Тысячи Сынов приближается к посадочной площадке. Они уже были в нескольких сотнях метров.

А вот это уже интересно.

Он убрал гранату и схватил штурвал, казавшийся в его громадных руках детской игрушкой. Корабль тут же выровнялся. Вместо того чтобы дать судну врезаться в землю, Красная Шкура вывел его из пике и прибавил скорости. С протестующим визгом измученные

атмосферные двигатели вновь заработали в полную силу.

Пилоты, выискивавшие цели на земле, заметили опасность слишком поздно. Огромный и медлительный десантный корабль неся прямо на них.

Красная Шкура ухмыльнулся и разбил ближайшее окно рукоятью цепного меча. Отпустив управление, он присел и выпрыгнул головой вперед в окно, вырвав металлическую раму и выпав, кувyrкаясь, в ночной воздух. В тот же момент пикирующие штурмовые корабли сменили курс, чтобы избежать столкновения с громадным куском стали и прометия, оказавшегося у них на пути.

Только теперь Красная Шкура увидел, как высоко взлетел. Плато маячило под ним в паре сотен метров, время от времени освещаемое лазерным огнем.

--- Скитъя, --- выругался он. --- Это будет...

Коготь камня падал на землю, едва ли заметив взрыв над собой, когда два штурмовика столкнулись с десантным

кораблем. Небо осветилось громадным шаром вспыхнувшего топлива и боеприпасов.

--- ...больновато.

Костогесантник ударился о скалу, перекатился и заскользил по льду. Колени обожгло болью, даже несмотря на защиту брони, и Красная Шкура почувствовал резкий, горячий треск в позвоночнике.

С секунду он лежал неподвижно, ошеломленный падением. Затем зрение стало проясняться. Морщась от боли, Козоть поднялся на ноги, не обращая внимания на тревожные раны, говорившие о повреждении мышц и переломе бедренной кости.

Ступно он понял, что должен обратить внимание на что-то другое.

--- Беги, тупой придурок! --- откуда-то заорал по воксу Кулак Хель.

И тут Красная Шкура понял, в чем дело. Несмотря на тучения, он бросился вперед, в болезненный спринт по камням, когда на место его падения рухнул с неба огненный шар. Разбитый десантный корабль, неуправляемый и искалеченный

столкновением с штурмовиками.

Красная Шкура бежал. Бежал, как беженный скейскре, перебирая израненными ногами и чувствуя, как пульсируют в крови эндорфины.

Клянусь Руссом, какой же ты медлительный.

Земля вздрогнула, когда металлический корпус врезался в катни за его спиной, раздавив всех, кто еще выжил внутри, и расплескав расплавленный металл вокруг. Разбитый корабль продолжал кувыркаться, словно поверженный зверь на равнинах, заывая в предсмертной агонии и вызывая все новые взрывы внутри округлого корпуса, прежде чем наконец со скрежетом остановился.

Только тогда Красная Шкура тоже остановился и обернулся, смотря на učinенные им разрушения и зная, что только что заработало его второе сердце и теперь тяжело стучит в груди. Начали срастаться сломанные кости, но действовали болеутоляющие, но сильнейшим стимулом для него был внутренний волк, метавшийся в ярости и

неистовстве. Красная Шкура чувствовал, как нахлынула жажда убийства, тяжелая смесь адреналина и генетической ярости.

--- Фенрис! --- зарычал он, широко размахивая цепным мечом над головой. --- Хьолда!

Откуда-то сбоку появился Кулак Хель, тяжело хлопнув брата по спине и отрывисто расхохотавшись по связи.

--- Клянусь задницей Моркаи, ты чокнутый, как унгур, --- сказал он, тоже давая волю внутреннему волку. Несмотря на броню, Красная Шкура чувствовал витающие в воздухе феромоны убийства. --- И такой же крепкий.

Затем рядом появился Брак с остальной Стаей, вырисовываясь на фоне горящих обломков. Лазерный огонь прекратился. Ни один из Стражей Шпиля не выжил, чтобы увидеть падение десантного корабля, а уцелевшие штурмовики все еще разворачивались, чтобы пойти на новый заход.

--- В другой раз просто используй гранату, --- раздраженно прорычал волчий гвардеец. --- Следующая цель к северу, они

там создали плацдарм. Выдвигается.

Стая мгновенно бросилась вперед, все как один, несясь по катням, словно скользящая по теням серая жидкость. Силловые кулаки были выключены, цепные мечи безмолвствовали. Когти вновь стали почти незаметными, словно призраки, что было ужасающим отражением их боевой ярости.

К тому времени, как вернулись штурмовые корабли, летя низко над площадкой высадки, там остались лишь костры, искореженные обломки и уже начавшие леденеть трупы тех неразумных, что принесли войну в мир Волков.

Аурис Фүэрца из кўльта Навонигов прислонился к стене, согнув раздираемые болью ноги. Он смотрел смерти в лицо, увидел последние объятия изменения плоти, и это было сущим кошмаром. Даже сейчас, вырвавшись из ужасов варп-безумия, он чувствовал, как судорожно бьются сердца в сломанной грудной клетке, словно звери, стремящиеся вырваться наружу. Как долго он был без сознания? Минуты? Часы? Дни? В варпе это всегда было трудно понять.

Перемещение в злобредных потоках эфира и в лучшие времена требовало хорошей физической подготовки, а уж совершать прыжок в таких условиях было делом крайне опасным. Когда Фүэрца увидел несшийся к его поврежденному судну корабль Нсов, у него оставались считанные

секунды на принятие решения. К счастью, подготовка к эвакуации уже была завершена из-за сильного пожара на «Шлюзии Уверенности». Но даже при этом расчет новых варп-направлений был делом далеко не простым.

Фүэрца мог отчасти даже гордиться, что не отправил самого себя напрямик в корпус корабля-агрессора, и даже пораился тому факту, что по-прежнему дышал воздухом, а не металлом. Это лишний раз доказывало, что у вселенной имеется план, и план этот включает в себя Ауриса Фүэрцу.

Впрочем, едва ли. С лагоней содрало кожу, и теперь в темноте они блестели, как обогранные туши в лавке мясника. Он хватал воздух резкими, неровными глотками и, даже не снимая маски, чувствовал, что и лицо тоже пострадало.

Из четверых рубрикатов, бывших с ним в варп-пузыре, выжил только один. Двое, должно быть, погибли при прыжке, разорванные на куски коварными течениями океана. Третий материализовался внутри толстой балки

из адатантия, и черные металлические пруты быстро прикончили бездушное создание. Вспышки от остатков варпа пробежали по сломанному нагруднику, все еще пытаясь восстановить тело воина. Тысячи Сынов.

Тщетно. Рубрикаты считались одними из самых крепких созданий в галактике. Невосприимчивые к боли и отчаянию, они были способны действовать даже после тяжелых увечий. Но столкновение с корпусом перехватчика разрушило целостность брони десантника-предателя. Пока Фүэрца смотрел на несчастного, не в силах чем-либо помочь, слабый свет в разбитом шлеме рубриката моргнул и погас. Дух воина, каким он был, исчез.

Фүэрца почувствовал глубокую печаль, эхо душевной боли вдобавок к физической.

Нас и так мало. А теперь меньше еще на одного.

Он медленно повернулся к выжившему, морщась от мучительных спазмов в сдавленном позвоночнике. Рубрикат стоял

неподвижно и бесстрастно, не выражая ни малейшего интереса к судьбе собратьев. Не в первый раз Фүэрца погивил, сколь же неполноценной была жизнь этих созданий. Видят ли они, подобно ему, бегущие по дисплею шлема рун? Есть ли у них речь, как у простых людей?

Невозможно было сказать. Ариман, будь проклято его черное имя, сделал их холодными и лишенными чувств, словно надгробные статуи Неюмаса Тертиуса.

Несмотря на все это, зрелище было впечатляющим. Громадный, в санфирово-бронзовом боевом доспехе, рубрикат все еще держал изукрашенный болтер, с которым шел в битву на Просперио как живой костюмодесантник. Его нагрудник был украшен изящными линиями змей и драконов, созвездий и астрологических символов, таинственных знаков и древних глифов силы, каждый из которых был настоящим произведением искусства.

Символы изменились. Фүэрца не знал, как и даже не замечал когда, но они редко оставались неизменными надолго. Единственным, что присутствовало

всегда, было Око.

— Ну что, брат, — прохрипел Фүэрца, внимательно глядя на рубриката и чувствуя, как кровь бежит у него по подбородку и израненной груди. — Что нам теперь делать?

Они ретематериализовались в темном коридоре, простиравшемся во трак в обе стороны. Фүэрца оперся о стену, рубриката стоял неподвижно. Стены были из незащищенных механизмов и труб, грубые и отвратительные. Пол служил металлическая решетка, а потолком — скопление силовых кабелей, охлаждающих труб и коробок модулей жизнеобеспечения. Было темно и очень холодно.

Фүэрца предположил, что они находятся на одном из нижних уровней, поскольку совсем близко грохотали двигатели. Шум варп-двигателей казался вроде бы обычным, но, даже сам израненный, Фүэрца был способен ощутить боль, причиненную машинному духу корабля. Высоко над ним раздавались слабые крики и тяжелый, сотрясающий все вокруг грохот. Команда делала все

возможное, чтобы корабль не развалился на части.

--- Мы в варне, --- задумчиво протолвил колдун, облизав потрескавшиеся, сухие губы. --- Насколько мы знаем, только одно судно вырвалось из блокады Афаэля.

Он посмотрел на шлем рубриката, наблюдая, как полированный кератин гребня поймал слабый луч и превратил его в красивый образ.

--- Это корабль Волков, --- продолжил он, думая, как вывести корабль из строя. --- Их может быть много на борту.

Он улыбнулся, подавив кровавый кашель, и доверительно положил руку на наплечник рубриката.

--- Не важно, брат мой, --- протолвил он. --- Я могу исцелиться от всех этих ран. Ты будешь моим защитником в грядущие дни. К тому времени, когда судно покинет объятия океана, мы будем на нем единственными живыми душами.

Высадка в горах Асахейта длилась три дня. Все три дня охотившиеся Стаи разрушали и сжигали посадочные

площадки, производя атаку за атакой. Три дня они одерживали победы, не давая врагу обосноваться на Фенрисе. Немало десантных кораблей было уничтожено еще в воздухе группами Длинных Клыков, еще больше выведены из строя мобильными. Стаями уже после посадки.

Но несмотря на все усилия, враги преуспели в создании плацдармов. Волки столкнулись со слишком многочисленным противником. Они не могли быть всегда и везде, и битвы становились все яростнее и свирепее. Тысяча Сынов смогли обосноваться в десяти местах в горных рядах вокруг Клыка, высаживая на планету все больше людей и техники и постепенно сооружая оплоты, из которых будут вестись атаки.

Когда наступил рассвет четвертого дня, крепость оказалась окружена огнем. Масляные черные колонны, порожденные извержениями вулканов, который горел даже на льду, образовали обширный, во много километров шириной, круг в горной цепи. Вражеский лагерь расширялся, купленный жизнью тысяч вражеских солдат. Каждая

новая смерть отвоевывала пространство для посадки еще одного десантного корабля, выгрузки еще одной лазпушки, спуска еще одного танка по погрузочной рампе.

«Грозовой ястреб» Грейлока, «Врагnek», приземлился в Вальгарде, нырнув под зонт взрывающейся плазмы там, где пустотные щиты еще сопротивлялись непрерывной бомбардировке с орбиты. Когда корабль замер на каменном полу ангара, двери пассажирского отсека распахнулись и в Эмт вошел сам волчий лорд в сопровождении свиты в терминаторских доспехах. Встретил его Клинок Вирта.

Доспехи Грейлока были обуглены с одного бока и залепаны засохшей кровью. От правого наплечника отбит кусок керамики и изуродована руна Триски. Волчьи когти все еще жужжали от остаточной энергии, а корка багровой крови на плечах показывала, что оружием активно пользовались.

— Удалась охота? — спросил Клинок Вирта, с одобрением подмечая следы битвы.

Трейлор с шипящим свистом снял шлем и взял под руку. Белые глаза полыхали ледяным огнем.

--- Их слишком много, --- пробормотал он, прошагав мимо Клинка Вирта, так что волчьему жрецу пришлось повернуться и поспешить за ним. --- Мы обазрили легкую кровью, но они все прибывают.

Клинок Вирта кивнул.

--- Первая волна десантных кораблей должна была только отвлечь нас. Позже они посадили тяжелые десантные суда. Отряды десантников-предателей теперь маршируют вместе со смертными.

Трейлор сплюнул кровавой слюной и покачал головой.

--- Когти Русса, Тар, --- прошипел он. --- Я хотел лишь сражаться. Я мог бы оставаться на льду, пока мои клыки не сжали бы их холодные мертвые кости.

Он посмотрел волчьему жрецу прямо в глаза, и его худое лицо было искажено звериной жестокостью.

--- Я не хотел ничего другого. Ты понимаешь?

Клинок Вирта внимательно

посмотрел на него, ища симптомы. Он
встатривался очень долго, особое внимание
уделяя белым радужкам.

--- Это праведный гнев, брат, ---
промолвил он наконец, увесисто похлопав
Грейлока по плечу. --- Так и должно быть.

Волчий лорд фыркнул, плохо скрывая
облегчение, и страхнул руку волчьего
жреца.

--- А теперь говори.

--- Мы окружены, --- доложил Клинок
Вирта. --- Кольцо соединилось. Если ты
оставишь Стаи снаружи, их перебьют.
Теперь в их рядах есть колдуньи, а у нас
нет рунных жрецов, чтобы противостоять
им.

--- Так просто их не отозвать.

--- Тогда они умрут. Можу показать
тебе данные ауспиков.

Грейлок помолчал, мрачно взвешивая
все варианты.

--- Мы охотники, Тар, --- ответил он
наконец. Резкость покинула его голос,
когда столкла жажда убийства. --- Мы
преследуем. Враги загнали нас в угол.
Такая схватка не подходит Клыккам.

Клинок Вирма криво улыбнулся, и улыбка походила на разрез ножом.

— Значит, ты научился воевать по-новому. Не это ли ты всегда говорил?

— У меня было видение об этом. Укрощение...

— Они научатся. Ты должен вести их.

Трейлок холодно посмотрел на Клинка Вирма. Его мысли ясно отражались на его лице, и он даже не трудился их скрывать.

Они не доверяют мне. Я Белый Волк, бесстрастный призрак. Они чувствуют, что я хочу сделать, что я хочу изменить всех нас.

— Отзови Стаи, — прорычал он, устало повернув головой, разминая плечи, день за днем бывшие в напряжении от боя. — Мы встретим нападение здесь. Если не останется иных вариантов, их обескровит проход через Врата.

Открытое небо было исчеркано следами снарядов. Враг сумел укрепиться на огневых позициях в нескольких

километрах к востоку от Россек.

--- Ройк! --- рыкнул он по связи. --- Где эта проклятая тяжелая поддержка?

В наушнике раздалось шипение помех. Либо подавили связь ближнего действия, либо отряд Длинных Клыков Торзрита Ройка выведен из боя. В любом случае ситуация усложнялась.

Отделение Россек за ночь атаковало шесть посадочных площадок, полностью их уничтожив, прежде чем двинуться дальше. За четыре дня его десятерым Серым Охотникам все-таки пришлось понести потери, несмотря на громадное число убитых врагов. И только постепенно им открылась истина. В первой волне на планету спустились новобранцы --- плохо тренированные и экипированные рекруты, посланные сбить ярость Волков, а настоящие солдаты высадились позднее. Теперь горы наводнились вражескими отрядами. Сотнями отрядов.

Как раз один такой приближался к ним сейчас.

--- Фрар, Шрат, --- прошипел он по

оперативному каналу. — Остотритесь.

Два Серых Охотника немедленнотреазировали, отделившись влево ототряда и полчавшись по склону. СтаяРоссека прошла далеко вниз по глинной,узкой расщелине в горе, под прикрытиетнеприступных скалистых стен с обеихсторон пробираясь незатеченными.Разбитые валуны, некоторые размером с«Рино», служили отличной защитой. Вконце долины, на расстоянии всегонескольких сотен метров, продвигалсявраг.

Два танка с ревом катились кпозиции Россека под охраной фалангисолдат. Огонь был сильным и точным,гробя валуны и наполняя воздух обломками.Вражеские машины были не совсемобычными. Ходовая часть как у «ЛеманаРүсса», но с автомашками и тяжелымиболтерами. Этими они больше походили насобственные танки ордена,«Экстерминаторы». Убийцы пехоты.

— Эрикссон, Вре, — прошипел Россек.

Еще два Серых Охотника отделилисьнаправо, низко пригибаясь и лавируя между

валунами. Под защитой ущелья осталось только семь Волков.

Громадный валун всего в нескольких метрах справа от Россек разлетелся на куски от выстрела из миномета. Огонь тяжелых болтеров с танков обрушивался на дно долины, подбываясь все ближе и ближе к месту, где расположились Волки.

Россек проверил локатор шлема, наблюдая, как его воины заняли наилучшие позиции.

--- Сейчас! --- проревел он.

Серые Охотники на флангах выскочили из укрытий и рванули к вражеским линиям, несясь по пересеченной местности, словно спасающийся бегством конунгур. Они двигались невероятно быстро, уверенно ступая по вероломной и коварной почве и обрушивая огонь из болтеров в бока танков и передние ряды пехоты.

Россек смотрел, как тяжелые болтеры на танках повернулись в стороны флангов, и потянули несколько секунд, нужных для того, чтобы переместить огонь с фронтальной стороны, и крепко

сжал кулак.

--- Хьолга! --- заревел он, выскакивая из укрытия.

Охотники последовали за ним, вызывая рыча. Шкуры развевались на доспехах. Время уловок миновало, теперь все решала скорость.

Выстрелы свистели прямо над плечом Россек, пока он летел к цели. Звериные чувства позволяли ему на шаг опережать реакции простых смертных. Он выстрелил в ответ от пояса --- короткими, резкими очередями из спаренного штурмболтера в правой руке. Приблизившись к первому танку, он активировал цепной кулак, с визгом и ревом вспоровший воздух.

Машины были мощными, но не слишком быстрыми, к тому же им мешала пересеченная местность. Волки прыгали и ныряли, приближаясь к врагу. Несмотря на громадную силовую броню, они двигались плавно и стремительно.

Россек добрался до первого танка и при помощи сервомоторов брони запрыгнул на его башню. Та завертелась в его

сторону, но Волк погрузил ценной кулак в металл, вскрывая обшивку и высекая снопы искр.

Два Охотника запрыгнули на другую танк, а отряд пронесся мимо, направляясь к пехоте. Громкое рывканье болтеров быстро потонуло в треске ответного лазерного огня.

Огнем движением Россек прицелился болтер, схватил гранату и швырнул ее в дыру, проделанную в броне башни, а затем сквозь град ответного огня прыгнул с танка. Тяжелые болтеры повернулись вслед за ним, но тут приглушенный взрыв гранаты сорвал их с танка. Машину тряхнуло, ее броня от внутреннего взрыва вспучилась.

Второй танк тоже взорвался, перевернувшись, когда ему пробили топливные баки. Черный дым за клубился от их разорванных корпусов.

А затем сломались смертные, заснежив туда, откуда столь уверенно пришли всего несколько минут назад. Кто-то в снелке и панике даже побросал оружие, отступая. Россек презрительно

зарычал, вновь схватил штурмболтер и собрался мстить захватчикам.

Но сейчас его дистанционный сканер уловил новые сигналы, замаскированные приближением пехоты. Дальше по гну щелья медленно и неумолимо продвигалась линия сапфирово-бронзовых фигур. Россек пригнулся за прикрытием, подсчитывая их. Восемнадцать. Две шеренги по девять.

— Сигнал по связи с Этта, ярл, — запыхавшись, доложил Фрар, приземляясь рядом с Россеком и клацнув при этом о камень. Голос его был низким и хриплым от жажды убийства. — Приказано отступить.

Пригнувшись, Россек усилил приближение в линзах шлема и теперь рассматривал линию десантников-предателей, шествовавших через отступавшие остатки своих смертных союзников. Они не скрывали своего присутствия, не пытались укрыться. Они шли безмолвно, дерзко, словно уже завоевали этот мир.

— Предатели, — процедил он.

чувствуя, как вскипает еще сильнее жажда убийства. Смертные были только мясом для его болт-пистолета. Вот они, настоящие враги.

--- Ярл? --- позвал Фрар. --- Ты ответишь?

Россек пришел от вопроса в раздражение. Только теперь он видел врагов, достойных его клинков, тех, кто не побежит, словно скот, лишившийся укрытия. Он невольно издал низкое рычание, палец потянулся к спуску болтера.

--- Нет, брат, --- рыкнул он, отвечая на вопрос о расположении Стаи, когда она снова собралась вокруг него, определяя расстояние до десантников-предателей и оценивая укрытия на местности и вероятное воздействие артиллерии. --- Не отвечу. Я бы не ответил, даже если бы приказ отдал сам Всеотец.

Он повернулся к Серому Охотнику, чувствуя его готовность к убийству. Вся Стая сражалась уже несколько часов, и тяжелый запах крови стоял в ноздрах у каждого воина.

— Отрубь связь! — велел он. — Мы займемся ими. По моему знаку принесем гнев Руща тем, кто постел посягнуть на его владения.

Охотники напугались, приготовившись к бою, стиснув болтеры и ценные мечи.

— Гнев Руща, ярл, — эхом откликнулся Фрар, и в его голосе звенела жестокая, звериная радость.

Рамзес Хетт перешагнул через очередную лужу, подол его светлой мантии уже промок. Золотой доспех защищал от переохлаждения, но жестокий холод упорядился проникать даже в герметичный боевой доспех.

Зона высадки Хек'ель Махди с пятачка в пару сотен метров выросла в миниатюрный город, на несколько километров раскинувшийся на ледяной возвышенности. Там были противоздушные батареи, генераторы пустотных щитов, сборные штурмовые стены и рвы, в спешке вырытые по периметру лагеря. Больше двух тысяч

Стражей Шпиля уже приземлились, и с каждым часом их прибывало все больше. Среди них вышагивали отряды рубликатов, каждый в сопровождении мага и окружении сотни мертвых солдат. Просперианские танки и мобильная артиллерия прокладывали путь по серым участкам прессованного снега, их двигатели работали во всю мощь, выпуская клубы черного дыма. В одном только Хек'ель Махди расположилась целая армия, но он был лишь одной из девяти защищенных зон высадки. Никогда еще размах амбиций Афаэля не был столь очевидным.

У нас никогда не будет второй попытки. От этого удара зависит все.

Лорг-чернокнижник Ранторов добрался до места назначения. К нему приблизился и салютовал командир Стражи Шпиля, облаченный в тяжелую броню, маску, скрывающую все лицо, и тактический боевой шлем, которыми пренебрегли первые высадившиеся на планету.

--- Он прибыл вовремя, командир? ---

спросил Хетт своим скрипучим голосом. Ему не удалось невредимым покинуть Рубрику, и голосовые связки растянулись сильнее, чем у людей. Впрочем, если Страж Шниля и заметил это, то не подал виду.

— Точно в срок, лорд, — ответил он, поглядывая в небо.

Они стояли на краю широкой посадочной платформы, расчищенной мельта-зарядами и выровненной пластикритом. Рубрикаты охраняли периметр, столь же неподвижные, как катки вокруг.

Хетт проследил за взглядом командира и увидел корабль Афаэля, спускавшийся к ним. Это была «Грозовая птица», одна из многих, которые были когда-то в распоряжении легиона, позолоченная и украшенная изображениями невероятных мифических животных. Кабина пилота терялась в окружении барочных символов, геометрических и таинственных. Над всеми доминировало Око, созданное в виде мозаики из гранита, рубинов и бериллия.

Глядя, как корабль садится на платформу, Хетт задумался, прав ли был Темех, утверждая, что легион утратил вкус. Пожалуй, да, судно был слишком ярким. Громадным. Вульгарным.

Утратив собственные суждения, способность понимать, мы теряем все.

Опустилась рапна, мягко коснувшись жижи на земле. Лорд Афаэль спустился вниз, окруженный шестью громадными рубрикатами в терминаторской броне. Его бронзовый шлем, снабженный удлиненной вокс-решеткой, словно выражал самодовольство. Каждое движение командующего казалось элегантным и сдержанным.

--- Поздравляю, брат, --- протолвил Афаэль, подойдя к Хетту. --- Ты сделал то, что нужно.

Хетт поклонился:

--- Лорд, мы потеряли много людей. Больше, чем я рассчитывал. Псы улизнули из ловушек.

Афаэль пожал плечами:

--- Это их мир. Нам стоило столь же яростно защищать свой.

— И тем не менее, — протолвил Хетт, развернувшись и следуя за колдунот, — мертвые не могут справиться с костодесантниками. В нескольких местах случилась резня.

Он почувствовал вспышку раздражения в Афаэле. При всей внешней невозмутимости командующего под ней крылось что-то непонятное, что-то хрупкое. Будь Хетт АтенеЙцем, он смог бы сказать, что именно.

Не страх, но, возможно, нечто на него похожее.

— Вот поэтому на войну идут рубрики, — ответил Афаэль. — Благодаря благословенной хитрости нашего лорда, в Логове осталось не больше сотни Псов. Мы привезли шестьсот наших безмолвных братьев. И у нас два миллиона мертвых солдат против нескольких тысяч. Какое количество войск успокоило бы тебя, брат?

Хетт ощутил некоторую взвинченность в интонации командира.

Он боится поражения? В этом все дело? Нет. Беспокойство более глубокое.

Это что-то еще, что-то внутри его самого.

--- Я не допускал...

--- Нет, именно это ты и сделал, --- устало перебил Афаэль. --- У это твое право. Ты такой же командующий, как и я.

Он остановился, осматривая зону высадки, массу солдат и боевой техники. Звено штурмовых кораблей пролетело низко над землей, на некоторых видны были следы недавних боев. Это зрелище впечатляло, демонстрация силы, против которой мало кто в галактике смог бы выстоять.

--- Будь это не Фенрис, я бы сказал, что у нас уже есть все, что нужно, --- промолвил Афаэль. --- Хотя самоуверенность в этом месте будет всем нам стоить жизни.

Он оглянулся на «Грозовую птицу», стоявшую с открытым грузовым люком. Что-то спускалось по рампам. Что-то громадное.

--- Увидишь, Рамзес, все меры предосторожности приняты. Мы пойдем в битву со всем оружием, каким еще

обладает легион.

Двигающаяся гора металла с грохотом выбралась из тени грузового отсека. Голова у нее располагалась прямо в центре широкой бочкообразной груди, окруженная бронзовым орнаментом. В одной массивной руке громадина держала пшuku, в другой — гигантский бур. Она тяжело и неторопливо передвигалась, идеально при этом балансируя. Золоченый монстр распространял запахи густых масел и охладителей. Ничего больше. У него не было души. Даже рубрикации обладали более значительным присутствием в варпе.

Пораженный Хетт с изумлением взирал на махину.

— Катафракты, — выдохнул он, увидев, как за первым спускается еще один монстр. — Я думал, что все они были...

— Уничтожены? Не все. Это последние.

Хетт смотрел, как громадные боевые роботы, творения древней кибернетической техномагии, добрались до края посадочной площадки и

остановились. Они казались грозными и непоколебимыми. За этими последовали другие, целый отряд смертоносных машин.

--- Конечно, были сделаны кое-какие улучшения, --- объяснил Афаэль, кивая на руки-бүры. --- Если придется выкапывать Нсов из их Логова, мы без труда сможем это сделать.

--- Думаешь, до этого дойдем?

--- Это меня не волнует, --- протолвил Афаэль с неподдельной ненавистью. На мгновение его голос стал больше походить на голос Хетта. --- Если они встретят нас на льду, мы придем за ними туда. Скроются в туннелях --- мы последуем за ними. Если закопаются в горах, мы сможем проникнуть и туда. Мы будем травить их, втягивать в битву и бить, пока их кровь не зальет это место так, чтобы оно никогда не возродилось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

--- За Русса!

Забрызгав визор шлема слюной, Россек врезал цепным кулаком, прочертив лезвием клинка по грудной пластине десантника-предателя, когда тот повернулся. Краем глаза он видел, как в битву вливались его братья, болтеры столкли, когда завязалась рукопашная. Жалкие остатки смертных были теперь не у дел. Важны были только предатели: восемнадцать десантников Рубрики против одиннадцати Костических Волков с объатыми пламенем кулаками.

Шансы были равны.

Десантник-рубрикат, противостоявший Россеку, двигался столь же быстро, как и Волк. Хотя сапфировые гиганты шествовали к полю боя

неторопливыми, ровными рядами, они ускорились, как только завязалась схватка. Их реакция была такой же быстрой, как у Астармес.

Кератит с треском ударялся о кератит, серые фигуры схлестывались с бронзово-сапфировыми. Ревущая и рычащаястая Волков яростно сражалась, металась костяные тотемы, облаченные в шкуры могучие руки наносили ужасающие удары с точной, ломающей кости силой.

Предатели отвечали безмолвно, трачно встречая каждый удар контрвыпадом. Они так же быстро поворачивались, с тем же мастерством обменивались апперкотами, парировали удары клинками и атаковали терцавшими силовыми мечами с кристаллическими клинками.

Россек был выше всех, великодушный в опаленном лазерным огнем терминаторском доспехе. Он прорубал себе путь через охрану Предателя, разбросав ее одной лишь инерцией движения, выписывая широкие смертоносные дуги жужжащим ценным кулаком.

Десантник-рубрикат покачнулся,
стойко сопротивляясь налетевшему
шторму, но Волк шаг за шагом оттеснял
его.

--- Смерть Предателю! --- проревел
Россек, чувствуя, как новые порции
адреналина попадают в кровь. У Волка
внутри его от боевого безумия шла пена из
пасти, он рычал и метался. Безмолвие
врага лишь подстегивало ярость Россека,
делая атаку все более свирепой.

Затем рубрикат споткнулся о
камень, и Россек кинулся на него,
воспользовавшись брешью в обороне
противника, чтобы выпустить очередь из
болтера. Снаряды взорвались, раскалывая
прекрасный доспех, отрывая декоративные
гребни со шлема и наплечники предателя.

--- Гнев Фенриса! --- закричал Россек, и
к его кличу присоединились вой и боевые
крики его братьев.

Вот это жизнь! Вот это
совершенство! Именно для этого и создал
его Всеотец. И потому гнева, слепой
ярости, знакомой жажды убийства было
еще кое-что.

Наслаждение.

Россек расхохотался в тяжелом терминаторском шлеме, едва замечая раны на линзах дисплея, показывающие расположение Стаи, жертв и жизненные показатели. Раненый десантник зашатался под натиском волчьего гвардейца, не в силах сопротивляться ярости ударов. Какое бы убогое существование он ни вел, оно подходило к концу.

А затем все вдруг остановилось.

Россек видел, как Шрат прыгал по скалам справа от него, кидаясь на десантника-рубрикама, за его спиной развевалась черная шкура. И вдруг Серый Охотник замер, словно его заморозили в невозможном, незаконченном прыжке.

С остальной Стаей творилось то же самое: они затедрялись, словно двигаясь сквозь густое масло, а затем вовсе застывали.

Ошеломленный Россек обернулся, прежде чем тяжесть навалилась и на его тело.

--- Братья, сражайтесь с этим! ---

завыл он, чувствуя вонь талейфикарута, нечестивое зловоние окутавшего его колдовства. Руны на броне вспыхнули кроваво-красным, сопротивляясь волнам порчи. Его зрение затуманилось, словно долину неестественно быстро заволокло туманом. — Боритесь!

На десантников-предателей чары не действовали. Невозмутимо и эффективно они двинулись на Волков, погружая клинки в застывших врагов без единого проблеска эмоций, рассекая горжеты доспехов и обнажая бледные тела. Они были равнодушны к приглушенным крикам и агонии умирающих.

Россек все еще мог двигаться, хоть и медленно. Каждое движение было вязким, мучительно медленным, раздавленным стертельной тяжестью.

Слишком медленным, чтобы спасти их.

— Хнн-урх! — прорычал он, заставляя себя сражаться одной лишь силой воли. По татуированным бровям бежал пот, скатываясь вниз, к стиснутым скулам. Даже поднять руку стоило титанических

усилий, а уж использовать их — и того труднее.

К нему приближались трое десантников-рубрикатов. Тот, с которым Волк недавно сражался, не казался ни разгневанным, ни жаждавшим мести за разбитую броню. Воздев меч, он невозмутимо собирался убить.

Россек видел, как одна за другой гасли на дисплее руны его Стаи. Воинов, которых он вел в битву, вырезали, но не в достойной схватке, а как беззащитный скот.

Рассвирепев, он что было сил сжал кулак и стиснул клыки. Он чувствовал, что вот-вот взорвутся сердца, вот-вот вырвутся мышцы от костей, но каким-то образом все же смог поднять оружие.

А затем он впервые увидел колдуня. Всего в нескольких метрах из укрытия появился маг Тысячи Сынов. Его силуэт угрожал и расплывался. Россек ощущал вонь, пагубную сладость порчи в ноздрах. Под этими одеждами был воин из плоти и крови, сердце, которое билось, и разум, объятый злобой.

Колдун держал золотой посох, и с
изукрашенного символами наверху
срывались быстрые молнии.

+ Умирая, нес-воин, знай, + раздался
тонкий, сочившийся ненавистью голос в
голове Волка. + Мы поступим так с
каждым из вас. +

А затем мир Росссека наполнился
болью и светом. Какая-то сила сбила его с
ног, протащив по камням и подкинув в
воздух. Он почувствовал, как его
отшвырнуло взрывом, контузив даже сквозь
броню. Он тяжело обрушился на землю,
оцепеневший и израненный, а потом
почувствовал во рту резкий вкус
собственной крови и острую вонь
взорвавшейся крак-гранаты.

Пересиливая боль, он поднял голову,
стараясь не терять сознания. В глазах
гвоило и расплывалось.

Откуда здесь крак-граната?

--- Ярл, не двигайся!

Голос Ройка по связи. У Росссека
стало проясняться в глазах, как раз
вовремя, чтобы увидеть новый залп по
отряду Тысячи Сынов. Десантников-

предателей раскидало по сторонам, как и остальных солдат. Громадные клубящиеся шары пламени расцвели на взорванных валунах, когда крак-гранаты и снаряды тяжелых болтеров дождем обрушились на десантников-рубрикатов. Он увидел, как этот огненный ад разрывал предателей на части, их броня разлеталась на куски. Выжившие отступали в дисциплинированном молчании, спасаясь от потока огня.

Через несколько мгновений несколько рук вцепились в доспех Россек и поволокли его с поля битвы на разбитой земле.

— Моя... Стая... — прохрипел Россек. В глазах у него все расплывалось.

Движение прекратилось. Перед ним замаячил знакомый шлем цвета выбеленной кости в виде устрашающего медвежьего черепа. Он больше походил на шлем волчьего жреца, чем Длинного Клыка.

— В живых осталось только двое, — доложил Торgrim Ройк. В голосе старого воина ясно звучало обвинение. — Мы

забрали вас обоих и уходят.

Где-то рядом Россек услышал громоподобное рычание двигателей «Лендрейдера». Судя по звукам, болтерный огонь усилился, и воздух вспорол залп снарядов Длинных Клыков.

Россек страхнул с себя руки помощников и, пошатываясь, поднялся на ноги. Его тошнило, он чувствовал себя оскверненным.

— Геносемя, — невнятно выдал он, думая о павших братьях. Мир все еще качался, наполненный снарядами и грохотом взрывов.

Ройк приказал своим людям отступить к открытому люку «Лендрейдера». Ветераны отходили без паники, не переставая стрелять. Они несли Аунира Фрара, неподвижного, истекавшего темной кровью.

— Останется здесь — утрет, — холодно ответил Ройк. — Взгляни сам.

Россек резко обернулся, чуть не рухнув при этом на землю. В нескольких сотнях метров, за участком, где среди катней лежали бездыханные тела его

Волков, он увидел, как десантники-
рубрикаты вновь выстраиваются в боевой
порядок. К ним присоединялось все больше
вражеских войск, как мертвые, так и
предатели. А еще дальше маячили танки,
гораздо более мощные, чем те, что Волк
уничтожил. Под их гусеницами
размалывались в пыль валуны.

Наступление Тысячи Сынов шло
полным ходом. Россек до сих пор ощущал
острую и едкую вонь малефикарума. Они
не могут побороть это колдовство.

Оцепенев, он позволил то ли увести,
то ли утащить себя в ожидавший
транспорт. Густой дым струился из
выхлопных отверстий. Болтеры
«Лендрейдера» стреляли постоянно,
прикрывая отступление.

Россек не почувствовал, как рухнул на
пол пассажирского отсека, и не ощутил
скрипучего толчка двигателей, когда
транспорт понесся прочь по усыпанной
катнями долине. Огуряющая пелена порчи
окутала его разум, стешивала чувства,
притупляла инстинкты.

«Лендрейдер» увеличил скорость,

выбираясь из огненной бұры. Россек сүтел
подняться на колени. Изломанное тело с
трудом сражалось с поврежденными
сервотеханизмами доспеха. Только теперь
начала возвращаться ясность, понимание
того, что случилось.

Я убил их.

И тогда янтарноокий Волк внутри
его завыл, но не от жажды битвы или
славы, а от горя.

Матросу Рери Урфангборгу нравился
жизнь. Даже несмотря на тошноту во
время путешествия в варне. Стать
членом команды судна Агентус Астартес
было значимой ступенькой в жизни любого
человека в Империи. Он прекрасно это
знал, потому что бывал в других мирах и
собственными глазами видел многие
ужасы и чудеса галактики. Видел города
из металла и пластика, чьи
башни взмывали выше кислотных облаков,
огромные агрокомбинаты — скопление
тыли и постоянного рабского труда, мир
кузны, покрытые мануфакториумами
размером с континент, задыхавшиеся в

масляном дыме и пропитанные грязью и болезнями.

Так что при всех испытаниях службы жизнь в машинариуме «Науро» отнюдь не была плохим вариантом. Здесь было темно и холодно, но ведь и на Фенрисе условия не отличались разнообразием. Большую часть времени здесь гурно пахло, но через некоторое время запахи уже не замечались. Кэрлы были грубы и не задумывались, прежде чем наградить ударом за медленную работу, но, за исключением этого, они были достаточно гуманны. После прорыва блокады на орбите действующий штурман даже приказал раздать команде полутед, крепкий алкогольный суррогат священного боевого стимулятора Небесных Воинов. Это было хорошо. Все стали счастливее, несмотря на несчастья, что посыпались потом как из рога изобилия.

С тех пор работа стала особенно изматывающей. Трудно было сказать, сколько прошло времени, — внутренние хроносы ненадежны в варпе, и только навигатор примерно знает, как долго

летит корабль с тех пор, как они достигли точки прыжка и включили варп-двигатели. Прошло много дней, но крайней мере так подсказывало Рери его тело. Работы стало больше обычного — он спал в каждый цикл не больше пары часов. Что-то заставляло пилота гнать корабль на пределе, выжимая максимальную скорость и не обращая внимания на повреждения, полученные в битве над Фенрисом.

Как работник нижней палубы, Рери не имел возможности охватить всю картину целиком, но знал о состоянии двигателей, и они были плохи. Повсюду были протечки, разорваны без всякой надежды на восстановление три из четырех главных топливных трубопроводов, шедших от цистерн к двигателям. Семь палуб были полностью запечатаны, что сильно затрудняло перемещение между разными уровнями. Однако лица старших офицеров вместо крайней тревоги стали теперь просто мрачными. Моркан все еще знался за ними, но, возможно, немного поотстал.

Это была хорошая новость для Рери

Урфангборга. Он любил жизнь, особенно с тех пор, как Ани́а из команды интенданта отбросила наконец излишнюю скромность и, кажется, искренне пожелала провести с ним некоторое время за переборкой. Он не обманывал себя по поводу сильной симпатии с ее стороны. Сутулая фигура и серая кожа, результат работы всей жизни на судне, никак не превращали его в идеал мужественности. Однако близость смерти удивительным образом может иногда ослабить сопротивление женщины.

Он уверенно пробирался по служебным туннелям. Было темнее обычного. Целые сектора погрузились во тьму, когда еще работавшие механизмы корабля неожиданно потребовали больше энергии. Так что Рери пристегнул два фонаря по обе стороны ржавого шлема. Крадясь по туннелям, он слышал собственное дыхание, тяжелое и насыщенное ожиданием. Прошло много времени, его ладони стали влажными от желания и машинного масла.

Всвое согнувшись в тесном

пространстве, он свернул за угол, аккуратно обходя выступавшие пучки оголенных проводов. Металл вокруг постоянно грожал из-за пульсации расположенных выше гигантских двигателей.

Стоило ему добраться до цели, склада, затерянного глубоко в лабиринте служебных туннелей, как тусклые лампы погасли.

Рери ухмыльнулся и включил фонарик. Два луча оказались бледными и угрожающими, но их было достаточно, чтобы видеть дорогу. Он спрыгнул из туннеля в потешение склада, опрокинувшись при приземлении ящик изношенных подшпинников. Рери оглянулся, лучи фонарей скакали по беспорядочному нагромождению коробок на металлическом полу.

Аниа уже была здесь, сгорбившись перед кучей старых запчастей и ожидая его в темноте. Голова ее была опущена. Рери видел, как вспыхнули в свете фонарей рыжие волосы, и почувствовал, как сладкой волной пробежало по телу

возбуждение.

--- Значит, ты все-таки пришла, ---
жадно произнес он, подбегая к девушке.

Она не ответила, и Рери на мгновение помедлил. Может, она больна? Или передумала? Он опустился рядом с ней и осторожно протянул худую руку к рыжей челке. Он медлил, дрожали пальцы. Как-то странно она сидела.

--- Ани́а?

Убрав волосы, он обнажил ее бледное лицо. Вместо глаз были черные дыры, от которых тянулись кровавые дорожки.

Рери с воплем отскочил, врезавшись в стену за спиной.

Вот только это была не стена, а металлический гигант, монстр в позолоченной силовой броне и высоком, увенчанном гребнем шлеме. Чужовище наклонилось и схватило матроса за плечо, стискивая тело, пока не хлынула кровь.

Рери вопил, когда появился второй монстр. Он был в глинной струящейся ленте, украшенной тем же орнаментом, что и броня, но двигался и стоял так, словно был тяжело ранен. Его шлем

напоминал голову кобры с раздутым
золотым капюшоном. Чудовище в мантии
неспешно шевельнуло рукой, и Рери
обнаружил, что больше не может
кричать. Из его рта не вылетало ни звука,
хотя дикий вопль все так же звучал в его
голове. Он боролся, но скорее
инстинктивно, чем осознанно. Он понял,
кем были фигуры перед ним: какие-то
выродоизмененные костогесантники. Это
сказало ему все, что нужно было знать о
шансах на выживание.

Тот, что в мантии, стоял теперь
прямо перед ним. Лучи Рери скользнули по
золотому капюшону кобры, вспыхнув в
усыпавших его драгоценных камнях. Словно
в забытом ночном кошмаре, монстр не
произносил ни звука. Его лицевые мускулы
были расслаблены, а затем лицо и вовсе
приняло выражение крайней скуки.

Чудовище в мантии что-то сказало
металлическому гиганту, но Рери не знал
этого языка. Затем золотой шлем
повернулся к матросу.

--- Я рад, что ты пришел, ---
протолвила маска кобры, говоря на языке

Фенриса, но со странным акцентом. Голос оказался на удивление мягким. Даже добрым. — Твоя подруга не пережила этого процесса. Думаю, ты окажешься покрепче.

Он поднял обе облаченные в перчатки руки. В одной оказался изукрашенный скальпель. В другой — две сферы, мерцавшие нечестивым, бледно-зеленым колдовским светом и больше походившие на чьи-то глаза.

Рери продолжал кричать. Он вопил, когда погасли фонари, когда мастер Фүэрца приступил к работе, кричал, пока лорд-колдун Тысячи Сынов не закончил. И хотя его черты оставались расслабленными и не выражали никаких чувств, скованные магией более могущественной, чем все, что когда-либо видел матрос, некая часть Рери Урфангборга отныне никогда не переставала кричать.

Күлак Хель высоко подпрыгнул, лучи утирающего света отразились от его доспеха, снег крупными кусками сыпался вниз.

— Волки среди вас! — заревел он, нарушив долгую тишину, наполненную терпеливым ожиданием.

В пяти метрах под ним колонна марширующих смертных резко обернулась, в ужасе уставившись на противника. С их стороны было очень глупо подходить так близко к уступу.

В двух метрах от Кулака Хель из снега выпрыгнул Красная Шкура, рыча с тем же хищным задором. Следом показалась и остальная Стая во главе с громадным Сизргом Бракком, настоящим кошмаром в броне и с клинком. В сгущавшихся сумерках Волки выпрыгнули разом, словно оползень, обрушившись на ничего не подозревавших смертных.

Но Волкам ударил лазерный огонь, когда солдаты бросились бежать прочь от тени уступа по неровной, предательской земле. Многие спотыкались, ломали голени и запястья, падая на острые камни. Солдат было больше сотни, все хорошо вооруженные и экипированные для простых смертных.

Кулак Хель тяжело приземлился,

слота в спину отступавшему солдату ударом силового кулака, потрескивавшего кипящим разрушительным полем. Обернувшись, он сбил с ног еще двоих, срывая с них маски и оставляя задыхаться в разреженном воздухе. Свободной рукой он вынул из пистолета шпатель и, выжигая из убийственного огня, прорезав в толпе солдат кровавый коридор, а затем кинулся к новым жертвам.

— Гнев Русса! — вопил он, объятый жаждой убийства и радостью, выбирая себе цели среди массы разбегавшихся прочь фигур.

К тому времени Красная Шкура с остальной Стаей тоже оказался среди мертвых, рубя, кромсая и стреляя короткими прицельными очередями. Вспышки выстрелов разгоняли тучи сумерек, затмевая лазерные лучи, хотя враг и пытался из всех сил оказать сопротивление, а не просто погибнуть, как скот.

— Идите к моим клинкам, отбросьте Предателя! — закричал Красная Шкура, перетахивая через камни с ловкостью

истинного Волка. — Ощутите мой...

Меткий лазерный выстрел попал ему прямо в грудь, сбив с ног и опрокинув на спину.

Кровавые Когти с хриплым хохотом пронесли мимо, с ужасающей легкостью убивая смертных.

— Ощутите мой что, брат? — подразнил Кулак Хель, выстрелив солдата выстрелом из болт-пистолета, а затем схватив другого силовым кулаком и раздавив.

Сломанный Зуб постеивался, даже когда вырезал ценным мечом целую группу перепуганных, ползавших по земле солдат. Мономолекулярные лезвия рассекали броню, словно тонкую ткань.

Красная Шкура тяжело поднялся, излучая ступение и ярость. От черной отметины на нагруднике курился дымок.

— Кто, фекке, это был? — заревел он, вновь ринувшись в битву. Его грохочущий голос заглушал даже крики и всхлипывающие стоны спасавшихся бегством смертных. Он дюжинами косил солдат бешеным болтерным огнем. —

Попробуйте еще раз! Попробуйте еще раз!

Кулак Хель ухмыльнулся, врезав по шлему одного из солдат и крутанувшись, чтобы пристрелить еще нескольких.

--- Надеюсь, что кто-нибудь попробует, --- сказал он по связи. --- Убивать скоро будет некого.

Это было правдой. Бракк прорубал себе дорогу через толпу врагов, убивая их с точностью и мастерством, которые поражали даже его Кровавых Козтей. Как и всегда, волчий гвардеец оставался мрачно-толчаливым во время битвы, позволив молодым Волкам проявлять свирепость, а сам занимался беглецами. К тому времени, как он приблизился к Кулаку Хель, местность была усыпана быстро остывавшими телами. Костогесантники с отвлечением вырезали последних из оставшихся врагов.

--- Довольно! --- рявкнул Бракк, когда волна убийств измельчала, и вставил новый магазин в болтер. --- На этом все. Возвращается в Энт.

Красная Шкура все еще пыталась злостью.

--- Почему? --- выпалил он, не останавливая жужжания цепного меча. --- Мы можем сражаться всю ночь!

Бракк фыркнул. В отличие от вожаков других Стай, он был в стандартной силовой броне, а не облачался в громозгкий терминаторский доспех. Но при этом все равно возвышался над всеми воинами.

--- Чтобы ты еще раз свалился на задницу? --- прорычал он. --- Я получил приказ из Этта. Мы возвращаемся.

Кулак Хель встал рядом с Красной Шкурой. Его тело наполняли эндорфины. Убийств было совершено много, но качество их было низким. Оставалось еще много работы, и такой отзыв в Логово был настоящим оскорблением.

--- Мы должны остаться, --- обронил он почти неосознанно.

Стая замерла в молчании. Бракк медленно повернулся и воззрился на бунтаря:

--- Правда? Это твой тактический гений посоветовал тебе такое?

Кулака Хель больно уязвил сарказм.

В его голове пылали ответы, предложения, что зрели в нем месяцами.

Наш волчий лорд слишком осторожен. Его кровь холодна. Он не дает нам завоевать славу и делает щенками в оргене. Лучше бы лордом стал Россек. Он бы кинул нас на врага, выпустил наши когти и позволил убивать, чего мы так хотим.

Но ни одно слово не слетело с его губ. Бракк был старым волчьим гвардейцем, крепким, словно адамантый, закаленным на наковальне бесчисленных сражений. Он был высшим хищником, бесспорным лидером Стаи. Кровавые Когти в юношеском загоре могли насмехаться над этой мощью, но никогда не смогли бы бросить ей вызов.

Так что Кулак Хель безмолвно поклонился, чувствуя, как запылали щеки.

— Теперь среди предателей есть колдуны, — объяснил Бракк, обращаясь ко всей Стае. — Так далеко от Стурмъярты мы уязвимы. Потому отступаем туда, где сможем лучше с ними сражаться. Ярл знает, что делает.

Стая послушно убрала оружие, готовясь к возвращению в Этт. Огин за другим, держась ближе друг к другу, они отправились в путь, скользя по неровной земле. На Фенрис опускались сумерки.

Кулак Хель хотел последовать за остальными, но к нему подошел Бракк и взял Кровавого Когтя за руку. Отнюдь не мягко.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он по закрытому каналу. — И твой пыл делает тебе честь, Кир Эсвай. Будет еще много убийств, и будет слава.

Хватка усилилась.

— Но если ты еще раз оспоришь приказ, — прорычал он, — я разорву твою наглую глотку!

Амүз Темех оглядел помещение. Он находился в самом сердце «Херүмона», защищенный от космоса прочнейшими корабельными стенами. Идеально круглый зал был девяти метров в диаметре, и его стены отполированы до зеркального блеска. Даже Темех, чувствительный к любому несовершенству, не мог найти

изъяна в их поверхности. То был результат десятилетий труда неопитов, прежде чем им рассказали об операции на Фенрисе. Пол был таким же гладким и блестящим. Зал венчал богато украшенный потолок высотой метров двадцать. Выполненные золотом и эмалью зодиакальные фигуры и пять платоновых тел^[1] расположились вокруг центральной эмблемы, Ока.

Око. Когда оно стало нашим символом? Думал ли кто-нибудь из нас, что оно означает?

Темех взглянул вверх психическим зрением, изучая рисунки. Прекрасно исполненные изображения были не просто украшениями. Их расположили в определенных точках по отношению к центру зала, в точках, обусловленных гармонией, которую они пробуждали внутри эфира, и резонансами, что создавали.

Некоторые практики и неопиты предполагали, что Уматериум и Материум не имеют прочной взаимосвязи

и что происходящее в одном лишь частично отражается в другом. Эти предположения были неверны, сколь бы прозрачными и нестойкими эти взаимосвязи ни казались непосвященному. Причинно-следственные связи здесь были более постоянными и точными, чем все, что существовало только в физической реальности, просто потребовалась бы целая жизнь, чтобы научиться видеть, как сочетаются друг с другом бесконечные элементы разделенных вселенных. Даже мастера-колдуны нуждались в знаках, чтобы найти смысл этих потаенных значений. Изображения и были частью таких знаков, как и имена. Именно поэтому стены зала были исписаны словами силы. Их идеальные линии нанесли механизмы, давно забытые и запрещенные в мертвом Империи.

Сами по себе имена мало что значили. Но если расположить их в надлежащем порядке и обращаться с должным почтением, то значение их могло стать ужасающим. Все дело здесь было во взаимосвязях, соединениях и

причинно-следственных связях.

В центре помещения возвышался алтарь, отлитый из бронзы и украшенный многочисленными эзотерическими символами. Темех стоял перед ним на протяжении последних двенадцати часов в полной неподвижности. Сжав руки и опустив голову, он безмолвно медитировал. Колдун витал в Учислениях, приближаясь так близко к выходу из тленной оболочки, как только остеливался, даже в наслаждении возможностями полня об опасностях.

Над алтарем обретало форму нечто. Даже не открывая своих фиалковых глаз, Темех видел, как оно разрастается. Мерцание тут, вспышка там. Время от времени словно в горячем масле подрагивал воздух.

Задача была трудной, несмотря на долгую подготовку, тщательные исследования и принесенные жертвы. Как только достигались определенные состояния, как только отступала определенная степень физического притяжения, вернуть успех было крайне

сложно. Вселенная за долгие тысячелетия научилась сопротивляться появлению чистой психической сущности. У Материума была собственная душа --- хотя об этом тоже не было широко известно, --- общая способность сопротивляться вторжениям с другой стороны пелены. Если бы ее не было, демонические силы давно бы уже хозяйничали в смертной галактике.

Дабы исполнить желание господина, нужно было нейтрализовать эту силу, осторожно и мягко обойти ее. Ариман однажды назвал эту процедуру «колыбельной для вселенной». Очень точный термин.

При воспоминании о старом друге Темех почувствовал, как успокаивается биение сердца. Пульс упал до одного еле слышного удара в час. Воспоминание помогло ему. Способ работал.

На одно краткое мгновение над алтарем вдруг вспыхнул красный глаз со зрачком, глубоким, словно сапфировая пустота. А затем пропал, став лишь эхом среди полупознанных форм.

плававших над бронзой и золотом.

Мой лорд, они ищут тебя на Гангаве, подумал Темех, позволив части своего разума оценить иронию происходящего. Словно вы все еще ограничены физической геометрией. Они не знают, сколь могущественным — и сколь слабым — вы себя сделали.

Теплый воздух вдруг угрожал, словно передавая некое раздражение, некое отражение чувств громадного, властного существа, которое можно оскорбить, задев уязвленную гордыню.

Темех обуздал поток мыслей. Необходима была сосредоточенность. Потребуется еще много дней. Все здесь будет сопротивляться ему, каждый закон физики станет изгибаться и бороться. Материум чувствовал чудовищный замысел, который Темех вознамерился осуществить, и поэтому буйствовал со все возрастающей яростью.

Успокойся, велел Темех, безмолвно распространяя по залу неуволимые силы. В этом месте мой голос — закон. Моя воля главенствует. Я здесь, чтобы выполнить

волю моего господина. Я здесь, чтобы
усыпить тебя.

Над Асахеймол вставало солнце, бросаая слабые золотые лучи на горы, нежным сиянием касаясь нетронутого снежного покрова. Свет заскользил по склонам Клыка, расщелившись об острые уступы Фриетияки.

Рассвет явил всю картину разрушений. Осадный лагерь Тысячи Сынов был построен, создав стальное кольцо вокруг пика. Дождь плазмы с орбиты не прекращался ни на секунду, молотая по пустотным щитам крепости и каскадом стекая в разреженном воздухе. Все входы и выходы из Клыка были блокированы громадными орудиями пехоты и механизированных частей. Тяжелая артиллерия окопалась на скалах, обратившись в сторону Клыка, и каждый

снаряд устремлялся к одинокому
очертаниям бастиона Волков. Ряды людей
все так же передвигались, занимая
позиции под прикрытием колонн танков и
низко летящих эскадрилий штурмовиков.
Уже были развернуты тяжелые орудия, и
непрерывный поток снарядов взрезал
морозный воздух, взрывая далекие камни и
лег на цитадели Рюсса.

С наблюдательной платформы высоко
над Вратами Восхода Грейлок,
Стурмъярт и Клинок Вирма следили за
развертыванием сил врага. Снизу
доносились звуки сверления и стук,
подкрепленные вспышками сварочных
аппаратов и лазерных горелок. Гигантские
батареи, размещенные над Вратами и
рядом с ними, были усилены
дополнительными противопехотными
устройствами, извлеченными из
арсеналов. Сами Врата, достаточно
широкие, чтобы пропустить сотню
человек, шедших плечом к плечу, были
освящены рунными жрецами и покрыты
новыми знаками защиты. Громадная
постройка из адамантия, гранита и

кератита оцетинилась присоединенными к ней башнями болтеров, ракетными установками и плазменными пушками. Собранная здесь огневая мощь была огромнейшей, такой арсенал больше подходил группе линейных крейсеров, чем земной цитадели. За воротами расположились защитники, облаченные в силовую броню или сидевшие в отсеках «Лендрейдеров», ожидая момента, когда нужно будет выйти из укрытия. Но всей постройке растянулись щиты, слабо блестящие, когда косые солнечные лучи пробивались сквозь густые облака горевшего машинного масла.

Трейлок приблизил изображение вражеских орг, оценивая их число, расстояние и вероятную мощь.

Мы должны заставить их дорого заплатить за проход через ворота!

Он чувствовал себя спокойным и собранным. Рейды на зоны высадки дали его воинам трофеи и отсрочили нападение главных сил войск. Конечно, были потери, но они не шли ни в какое сравнение с погибшими у врага.

--- Как они смогли собрать такую армию? --- спросил явно впечатленный Стурмъярт. --- Саги говорят, что мы разбили их наголову.

--- Больше будет трофеев, --- сухо отозвался Клинок Вирта. --- Рагүйся этому.

--- Они планировали нападение много столетий, рунный жрец, --- ответил Грейлок. --- Железный Шлем должен был это предвидеть. Мы все должны были.

Ноздри Стурмъярта раздувались под шлемом. Последние три дня он трудился с невероятной энергией, чтобы напичкать Клык оберегами от колдовства, и все еще переживал из-за своей неспособности читать руны.

Поняв это, Грейлок повернулся к нему:

--- Брат, я не порицаю тебя. Их способность исказить вюрд --- это их позор.

--- Они не искажают вюрд, --- упрямо не согласился Стурмъярт.

Клинок Вирта резко застонал:

--- Знаешь что, брат? Мне на самом деле плевать, откуда берется их

колдовство. Они горят в пламени Хель так же, как смертные. И только это имеет значение.

Стурмъярт окинул волчьего жреца долгим взглядом, словно проверяя, настухался тот или хвалил.

--- Они будут гореть, --- пробормотал он, обращая украшенный рунатами шлем в сторону далекого врага. --- О да, они будут гореть.

За их спинами раздалось гроыхание кулака о нагрудник, и на наблюдательной платформе появился Хатнр Скриейя. Как и у всех волчьих гвардейцев, на его броне виднелись следы недавних боев: силовой кулак обуглился от многочисленных включений энергетического поля, шкуры на терминаторском доспехе превратились в обрывки спутанного меха.

--- Скриейя, --- промолвил Грейлок. --- Возвращение закончено?

--- Да, ярл.

--- Каков итог крови?

--- Мы потрепали их, ярл. Потери минимальны, но... существенны. Одна Стая потеряна.

Грейлок вопросительно поднял брови. Приказ о возвращении был дан раньше, чем появление колдунгов превратило поле боя в смертельную ловушку для его истребительных команд.

--- Целая Стая? Чья?

Скриейя потеглил с ответом.

--- Тромта Россек, ярл.

У Грейлока было такое чувство, словно Скриейя пнул его в живот.

Россек. Из всей моей элиты именно Россек.

--- Он поправится, но его Стая погибла.

Грейлок подавил вызванные новостью противоречивые чувства. Даже в броне состояние его феромонов было очевидно остальным Волкам.

Истинный сын Рүсса, упорный воин, неодолимый Волк. Брат мой, вот почему ты никогда не мог стать ярлом.

--- Он должен быть наказан, --- холодно промолвил Клинок Вирта. --- Его Стая могла бы сражаться рядом с нами.

--- Не сейчас, --- прорычал Грейлок. --- Нам понадобится его клинок.

На мгновение показалось, что Клинок Вирта хочет возразить, но затем жрец склонил голову:

--- Как скажешь, ярл.

Воцарилась ледяная тишина. Вдали продолжали маршировать вражеские войска. С каждой секундой долины, ведущие к воротам, заполнялись авангардом Предателя. Они нападут раньше, чем солнце достигнет зенита.

Грейлок оглядел будущее поле сражений. Шлем скрывал его бледное лицо, на котором застыло мрачное выражение безграничной горечи.

--- Я только хочу, чтобы началась битва, --- прорычал он, и волосы на теле встали дыбом от предвкушения драки. --- Кровь Рюсса, пусть они придут ко мне сейчас, и я покажу им, что такое агония.

Арфангу понадобилось больше времени, чем ожидалось, чтобы призвать на помощь. Фрейя даже стала надеяться, что он нашел кого-то другого для охраны своих драгоценных сервиторов, и честно сосредоточилась на обязанностях хускарла.

Ух у нее было много, включая стрелковую подготовку отряда, в котором многие не соответствовали желаемым стандартам.

Но железный жрец не забыл и вернулся к Фрейе, когда армия Тысячи Сынов начала стягивать кольцо вокруг Этта, устанавливая орудия на окружающих Клык горных вершинах.

--- Время пришло, --- прогудел он.

Девушка со своим отрядом оставила Вальгард, не задавая вопросов, готовая ко всему, что скажет Арфанг. Довольно быстро все стало ясно. Они спустились. Глубоко вниз.

Все мертвые, как и Фрейя, при всей отваге и силе уроженцев Фенриса, не могли без посторонней помощи прыгать в вертикальные шахты, соединявшие уровни Клыка. Но даже если бы она могла это сделать, сервиторы не могли точно --- на прыжки были способны только Небесные Воины. Так что путешествие через сотни уровней от Вальгарда на вершине Клыка до низших залов Логова заняло много времени. Разномастная компания проехала более чем на дюжине

грозыхавших турболифтов, спустилась по
бесчисленным грубо высеченным в скале
залам, освещенным тлеющими углями
старых костров. С каждым уровнем
украшений становилось все меньше,
светосферы располагались все дальше друг
от друга, а голоса становились все
приглушеннее.

Они быстро прошли через Клыкταν, где теперь трудились трэллы. Фрейя знала, что отец был занят его обороной. Но когда они с Арфангом пробирались через толпу, она не смогла его найти. Отряды смертных устанавливали оружейные башни в дальнем конце уровня, но полупреисли мощные кабели толщиной с человека. Одно это остудило ее кровь. Клыкταν был священным местом, и если ярл ожидал пришествия войны даже сюда, значит, штурм будет страшнее, чем все, что обрушивалось на Фенрис прежде.

Интересно, ощущают ли Небесные Воины хоть чуточку волнения. Нет, решила Фрейя, для этого нужно быть людьми.

Но конечно же, они не были людьми.

Космогосантники и смертные были скорее разными видами, чем разными классами.

Видати. Звучит так, словно я описываю животный мир.

После Клыктана они пошли дальше, спускаясь все ниже и ниже в недра Этта. Могово, просторный, пронизанный туннелями уровень, где Фрейя родилась и провела детство, совсем не походило на то шумное, гудевшее место, которое она помнила. Трэллы с напряженным ожиданием на лицах сновали с оружием в руках, работая под руководством опытных кэрлов. В стратегических точках сети туннелей возводились баррикады, а на перекрестках устанавливались оружейные платформы. Оберегающие руны, Глаза Отвращения, охранявшие каждый крупный перекресток, были заново освящены рунными жрецами и их вюрд-трэллами в кожаных масках. Горати, чуть ли не до самого потолка, под бдительным пристотром хускарлов складировались боеприпасы.

Довольно часто мимо отряда быстро проходил кто-нибудь из Небесных Воинов.

И на доспехах всегда алела свежая кровь. Они ни разу не поздоровались с Фрейей, но неизменно уважительно кивали Арфангу, прежде чем раствориться в тенях. Фрейя чувствовала, что они напряжены больше обычного. Костодесантники сражались уже не первый день и были максимально готовы к предстоящей битве. Их янтарные глаза сверкали, а сами они стали еще сдержаннее в словах, чем обычно.

У подножия Логова, лежавшего глубоко в недрах горы, расположилась Печать Борека, крупнейший из бесчисленных залов Клыка. Громаднее Клыкмана, эта необъятная пещера была мрачным, окутанным тенями местом. Как Клыкман защищал подходы от Логова к Ярлхейму, так Печать Борека хранила проход к нижним уровням, Хранилищу Молота и полуизученному Подземелью Клыка. Колоссальная, размером с корпус линкора, она была почти лишена шкур, костей и резьбы, что украшали большинство помещений Этта. Голые каменные стены как бы служили напутным об изначальной дикой

природе Волков. Несколько костров горело в широких круглых ямах, но их огонь был слабым, и они мало разгоняли царивший здесь холод.

Шагая по огромной пещере в компании прихрамывающих и ковыляющих сервиторов, Фрейя не могла оторвать глаз от необъятных колонн, поддерживающих высокие своды. Каждая была толщиной с «Руно», в пятнах от красных отблесков костров.

Девушка никогда не спускалась так глубоко. И никто из тех, кого она знала. Этот зал лежал ниже уровня Врат, последнего уровня, где несли службу патрули кэрлов, и дальше не ходил никто, кроме рунных жрецов.

— Ты испугана, хускарл? — спросил Арфанг, гүлко стүча посохом по каменному полу.

«Испугана» на фенрисе означало легкое оскорбление.

— Осторожна, лорд, — ответила Фрейя так резко, как только остелилась.

Арфанг скрипуче үстехнүлся:

— Так и нужно. Я не хотел, чтобы

ценки спускались сюда со мной. Ничего бы не получилось.

Фрейя осторожно взглянула на железного жреца. В темноте его броня была черной, словно обугленный металл, испещренной красными полосами от костров.

--- Простите меня, лорд, --- остелилась девушка. --- Это необычно. Кэрлы не спускаются в Хранилище Молота.

--- Не спускаются, --- скрипуче согласился Арфанг.

Они шли все дальше. Железный жрец, казалось, не считал нужным продолжать объяснение.

--- Итак, если я могу спросить...

--- Ты хочешь знать, почему я вызвал тебя и какую пользу может смертный принести мне здесь.

--- Не могу представить, что вам может понадобиться моя помощь.

Арфанг остановился и повернулся к девушке. За нити с лязгом и клацаньем остановилась вереница сервиторов.

--- Думаешь, в кузнях безопасно?

--- Лорд, мы в Эмте.

— Мы на Фенрисе, хускарл. Мы не уничтожили опасность в этом мире, хотя и могли бы. Мы держим ее рядом, учимся жить вместе с ней, используем, чтобы стать сильнее. Подземелье Клыка кишин опасностями. Некоторые неизвестны даже Великому Волку.

— Но ты же не собираешься...

— Это время опасности, и есть пути из темных мест в Хранилище Молота. Если бы я мог выбирать, я отправился бы сюда со Стаей Охотников. Но все они нужны наверху, чтобы отражать врагов. Так что пришлось идти смертным.

Он наклонился вперед, и глаза его сияли подобно древним мудрым звездам.

— Пробуждение мертвых — трудная задача, — прозвучал он низким, раскатистым голосом. — Она займет меня на многие часы. Пока я буду занят, трэллов нужно охранять. Ты справишься с этим, хускарл? Или убоишься глубинной тьмы?

Фрейя огадила жреца сердитым взглядом, уязвленная обвинением в слабости. Она почувствовала вспышку

возмущения, всегда присутствовавшее
желание схлестнуться с высокомерием
бронированных полубогов.

Космогесантники не испытывали страха
только потому, что он был уничтожен в
них Хеликс, но крайне быстро научились
презирать смертные чувства, саму суть
человечества, которое призваны были
охранять.

--- Я ничего не боюсь, лорд, ---
ответила она, стараясь скрыть
раздражение.

Шлем железного жреца скрывал
выражение его лица, но легкое движение
головы подсказало Фрейе, что где-то за
потертой броней он улыбается.

--- Посмотрим, хускарл, --- протолвил
он, зашагав дальше. --- Посмотрим.

Морек шел по Клыктану, петляя
между прибывающими колоннами раненых
и вернувшихся с поверхности.
Большинство приземлилось на «Грозовых
ястребах» в Вальгарде, но некоторые
приходили и через наземные врата.
Громадный зал был заполнен шумом и

сутамохой кэрлов, спешивших установить
оружейные платформы.

Внезапно появились Небесные Воины. Высокие и мрачные, с отблеском победы в янтарных глазах, они надменно и гордо шествовали среди толпы смертных, подобно полубогам. Некоторые были ранены и пылали зловещей, темной решимостью расплатиться по счетам. Морек знал их достаточно хорошо, чтобы держаться поодальше. Когда в Волках просыпался зверь, они с трудом разбирали, кто им враг, а кто нет.

--- Ривентастер! --- раздался внезапно гортанный, грохотный голос.

Морек обернулся, и у него упало сердце.

Прямо к нему, хромая, шел волчий гвардеец. Громадная фигура в терминаторском доспехе выросла из освещенной огнями темноты. Броня была в трещинах, и сам воин выглядел не лучше. Он снял шлем, обнажив обрамленное медно-рыжей гривой сплошь покрытое татуировками лицо. На висках поблескивали штифты, а в глазах

плескалась дикая, страшная скорбь.

Рядом с ним на суспензорной платформе парило совершенно неподвижное тело другого Серого Охотника. Броня была рассечена на части, но ее пластинам текли глинные кровавые полосы. Вдоль каркаса платформы светились яркими огоньками руны. Морек не был апотекарием, но мог легко распознать Руну Смерти, как и любой другой житель Фенриса.

— К вашим услугам, лорд, — отозвался он, поклонившись.

— Доставь этого воина к лорду Хральдир, — прорычал волчий гвардеец. — Немедленно.

Морек потемдел, но лишь мгновение. Ему уже было приказано наблюдать за организацией обороны Клыкмана. В зале было множество трэллов, которые могли бы сопроводить раненого Небесного Воина к волчьим жрецам.

Ривенластер мог бы воспротивиться. Но это не имело смысла. Возвышавшийся перед ним волчий гвардеец был ранен и явно из всех сил сдерживал платя

трачной ярости.

--- Бүдет сделано, лорд, --- ответил он, стараясь не думать о множестве дел, которые не будут выполнены из-за его отсутствия.

Волчий гвардеец с ворчанием подтолкнул к нему платформу, слегка вздрогнувшую от прикосновения. Теперь Морек видел обширные повреждения на истерзанном теле, глубокие порезы от клинка и свернувшуюся кровь. Похоже, Охотник пребывал в состоянии, которое его собратья называли Красным Сном, --- глубоком восстановительном процессе, запущенном слишком близкими объятиями Моркаи.

--- Потерпись, смертный! --- проревел волчий гвардеец, отворачиваясь в ту сторону, откуда пришел. Но затем остановился. --- Как тебя зовут?

Морек встретился с Волком взглядом. Долгий опыт научил его, что всегда нужно смотреть им прямо в глаза.

--- Морек Карекборн, лорд.

--- Охраняй его из всех сил, Морек Карекборн. Когда все закончится, я найду

тебя. Его зовут Аунир Фрар, Серый Охотник из моей Стаи. Его вюрд и твой теперь едины. Запомни это.

Ривенмастер не отводил взгляда, хотя это было трудно. Янтарные радужки волчьего гвардейца казались странно расфокусированными, словно полученные раны что-то повредили внутри его. Но что не подлежало сомнению, так это угроза в его словах.

— Я понимаю, лорд, — отозвался Морек, уже продумывая маршрут подъема до палат творцов плоти, места, за простое приближение к которому часом назад он бы заплатился жизнью. — Его вюрд — мой вюрд. Моя жизнь за его жизнь.

На восьмой день после прибытия Тысячи Сынов на орбиту Фенриса началось наступление на Врата Клыка.

Хотя оба наземных входа, Врата Кровавого Огня и Врата Восхода, располагались высоко на склонах, к ним можно было подобраться с соседних гор. Гигантские естественные каменные дамбы, каждая несколько километров

шириной и сглаженная нескончаемо
двигавшимися ветрами, тянулись от них до
ворот цитадели. В полузабытом прошлом
тысячелетии Всеотец и Леман Руссы
существовали по этим камням, планируя
строительство Эмта и видя, что
истерзанную землю Асахейма можно
изменить и возвести величайшую
крепость за пределами Терры.

Наблюдая за тем, как грозные силы
под командованием Тысячи Сынов катятся
вперед, Грейлок безмолвно вознес хвалу
Руссу за его предусмотрительность.
Залитые светом полуденного солнца орды
захватчиков превосходили все, что яро
видел под знаменами Предателя. Великое
Очищение разгромило их легионы, и войска
Магнуса сильно поредели в агю на
Просперо. Но в следующие столетия они
явно не теряли времени даром.

Армия захватчиков разделилась на
две части, и каждая направилась к одним
из ворот. В авангарде на мощных траках
двигалась тяжелая артиллерия, взрывая
снежный покров. Среди них были большие
мортиры, машины, перевозившие осадные

орудия, и еще более гигантское плазменное оружие, вооруженное на грохотающие шасси. Далее двигались машины еще тяжелее, раскачиваясь, словно пьяницы. Были в армии и мобильные пусковые установки с каскетами ракет, установленными под углом, а также громадные сверхтяжелые танки с осадными пушками, выступавшими из раздутых башен.

Между ними двигались транспортные машины: «Химеры», перевозившие смертную пехоту, и полные десантников-предателей «Рино» и «Лендрейдеры». «Рино» были сотни, а «Лендрейдеров» совсем немного. Но уже эта первая волна вражеских сил была мощнее всего, что имелось в распоряжении Грейлока. И он знал, что у Предателя припасено еще много тысяч солдат в резерве.

Над приближавшимися рядами пронеслись звенья штурмовиков, летевших низко и близко друг к другу. Выше на завывавших двигателях парили атмосферные суда покрупнее, и каждое

было до отказа забито оружием, обращенным в сторону Клыка.

Где-то в пучине этого потока людей и машин скрывались колдуньи, надшесткоподесантники, горстка ведьмаков, которые руководили атакой, сжимая в бронированных кулаках порочную силу Варна.

То была устрашающая мощь, остатки одного из легионов Смерти Императора, армия, способная поставить целый мир на колени.

Но Фенрис не был обычным миром, и его обитателей нельзя было запугать.

— Огонь! — приказал Грейлок, и склоны Клыка исторгли смерть.

Плазменные заряды и мощный лазерный огонь ударили из-под льда. Сотен позиций, укрытых на склонах, грянули тяжелые болтеры. Автоматы извергли потоки бронебойных снарядов на колонны врага. Ракеты с визгом вылетали из шахт, взмывая высоко в прозрачное морозное небо, прежде чем обрушиться на ряды захватчиков.

Вражеские танки ответили сразу

же, как только вышли на линию огня, и в склоны горы врезались потоки снарядов, залив их лавой кипящего прометия и взрывающихся ракет. Эта преисподняя разверзлась одновременно с плазменным огнем с орбиты, который многие дни поливал гору. Вся вершина Клыка теперь купалась в бьющемся океане пламени.

Неподвижный Грейлок оставался на платформе, невозмутимо наблюдая, как щиты перед ним впитывают потоки огня. Вражеский снаряд вынырнул из моря огня и взорвался в паре метров от яра, послав через пустотный барьер грожащую взрывную волну. Лорд остался недвижим, сосредоточившись на развернувшейся внизу обстреле и выслеживая малейшие признаки слабости или дисбаланса.

Атака Тысячи Сынов была сложной и продуманной. Даже когда Волки обрушили всю свою ярость на приближающуюся армию, их огонь столкнулся с неожиданной защитой. Нечто могущественное, какое-то колдовство прикрывало танки от ударов. Защита не была идеальной — колонны бронетанковой техники дымилась то

здесь, то там и двигались уже не так ровно, но этого все равно было недостаточно, чтобы остановить врага.

Расстояние между воротами и партией Тысячи Сынов неуклонно сокращалось. Место каждой взорванной машины занимал новый танк, катясь по горевшему, искореженному металлу. Дамбы постепенно покрылись ковром ползущего металла.

А затем началась воздушная атака. Бомбардировщики и тяжелые штурмовые корабли встретились к склонам Клыка, стреляя по зенитным установкам. С каждым заходом орудия защитников сбивали корабли врага, которые падали на землю, оставляя за собой дымовой след. Они обрушивались на собственные войска, неся опустошение своей гибелью. Но с каждым заходом уничтожалась еще одна зенитная батарея или огненного ливня не выдерживал еще один пустотный щит.

Воздух наполнился удручающими клубами чернильно-черного дыма. Теперь разглядеть ворота было уже невозможно. Растущие стены дыма затмевали

солнечный свет, окружив гору пеленой теней.

Трейлок тем временем спокойно проверил дисплей шлема, отмечая позиции Волчьей Гвардии, расположение рунных жрецов, размещение ключевых объектов и состояние защиты.

А теперь начнется испытание. Да защитит нас десница Рюсса!

Волчий лорд повернулся, — его когти вспыхнули пробуждающейся энергией, мерцая парой разрушающих полей, — и спустился на уровень Врат, готовый встретить прилив ярости, когда тот обрушится на защитников.

Грохот молотов разносился по залам, отражаясь в катнях, грожа в глубоких шахтах, эхом отзываясь в тайных склепах. Даже несмотря на встроенные в шлем акустические компенсаторы, этот беспрестанный шум дезориентировал Фрейю.

— Теперь я понимаю, откуда взялось такое название, — трачно протолвила она.

Железный жрец кивнул.

— Это великолепно, — отозвался он, и в его голосе по вокс-связи не было и тени иронии.

Они находились в Хранилище Молота, на самом краю пропасти. Впереди бежал единственный каменный мост, перекинувшийся через бездну, всего шесть метров в ширину и без перил. Концы моста исчезал во тьме. В сотнях метров под ним в громадной пещере под мостом развернулась панорама настоящей Хель. Гигантские, массивные печи, каждая высотой с титана класса «Владыка войны» и раза в два его толще, изливали кроваво-красный свет. Желоба из почерневшего металла направляли огненные реки из одного зала в другой, и они текли через железные шестерни и поднимавшиеся и опускавшиеся поршни. В тарефе виднелись силуэты сервиторов-трэллов, чьи усеянные кабелями спины изгибались от толчков. Они ползали между титаническими механизмами, проверяя мерцавшие экраны с данными и заботясь о модулях когитаторов с медным покрытием. Все пространство было напоено низким гулом

и грохотом. На клацающих лентах конвейера между горнами Фрейя разглядела первоначальные формы брони транспортных средств, артиллерийских снарядов и даже части доспехов.

А еще были молоты. Они управляли рядами безликих сервиторов с усиленной мускулатурой и металлическими ребрами, прикованные нейрокабелями к адамантиевым наковальням. Они постоянно работали, неустанно молотили. У них там были целые вереницы: люди, превращенные равнодушным искусством творцов плоти в бездушных и безмозглых големов. Они были идеальными работниками: не уставали, не жаловались, отличались богатырской силой, довольствовались трудом у плавильных ям, пока смерть от истощения не дарилась им отдых и покой.

Едва ли это похоже на жизнь.

— Мы зря тратим время, — прогудел Арфанг, побуждая личных сервиторов ковылять по мосту. Железный жрец ступил на каменную полосу вслед за ними, заставляя Фрейю и кэрлов

потопорониться, чтобы не отстать.

--- А кто присматривает за ними? ---
спросила девушка, не в силах отвести глаз
от легионов, трудившихся в аду из
пламени и жара.

--- Им не нужен никакой присмотр, ---
холодно отозвался Арфанг. --- Им известен
лишь один путь служения. Не презирай их,
хускарл, --- без них наши воины
отправились бы на войну с пустыми
руками.

--- Я не презираю их, лорд. Я просто
понятия не имела, что их... так много.

--- Что тебя беспокоит?

Беспокоило. Беспокоило даже больше,
чем девушка смогла признаться жрецу.
Беспокоило, что всю ее жизнь под ногами
суетились легионы полумертвых,
полумеханических рабов. Беспокоило, что
она не знала, откуда они взялись и почему
она стала хускарлом, а они --- пищей для
кузниц. Ее беспокоило, что она так мало
знала о подобных вещах, и что многое в
Этте было столь деспотичным и
сокрытым в тумане традиций, и что
только Небесные Воины имели к этому

доступ.

--- Мне просто любопытно, --- сказала она.

--- Опасный инстинкт. Будь осторожна, иначе он поглотит тебя.

Понадобилось почти десять долгих минут, чтобы перебраться по мосту на кузнями. Арфанг шагал очень быстро, и сервиторы с трудом поспевали за ним. Даже Фрейя обнаружила, что ее закаленные боями мускулы заняли к тому времени, как показался конец моста.

Мост заканчивался грубо обтесанной скалой. В нее была врезана обитая железом дверь, украшенная изображением двухлового волка Моркаи, стража мертвых. Изображение казалось старым, гораздо старше всего в Логове, края его отполировали горячие, упрямые ветра. Проход был открыт, стража отсутствовала. Только одинокий зеленый свет мерцал у основания тяжелой рамы.

Арфанг щелкнул пальцами, и свет сменился на красный. Жрец шагнул внутрь. За проходом оказался черный туннель, не освещенный ни факелами, ни кострами, ни

сферати.

Фрейя настроила визор на режим ночного видения, и в зернистом бледно-зеленом свете показались стены. Девушка давно привыкла к холоду и темноте, но все равно невольно вздрогнула, переступая порог. Холод здесь казался еще более пронизывающим. Они шли вперед, и грохот толотов стихал, вытесняемый мертвой, холодной тишиной.

Они спускались вниз. Очень глубоко. Фрейя видела отверстия в стенах туннеля: боковые коридоры, из которых веяло морозным холодом. Вскоре дорога стала разветвляться, и путь принялся петлять, змеясь меж корней горы. Но при этом сам туннель оставался широким и высоким, так что по нему с легкостью проехал бы «Рино».

Фрейя стала терять ощущение времени и пространства и уж точно не знала, как далеко они зашли. Абсолютный мрак и холод, пробирающий до костей, странным образом спутывали все чувства. Было очень легко вообразить, что остальная галактика просто перестала

существовать за пределами этой вечной, изначальной черноты.

Когда раздался первый звук, девушка вцепилась в скьолдтар. Сердце ее заколотилось раненой птицей. То был низкий рык, пробежавший по позвоночнику, как ртуть в столбике термометра. Она видела, как напряглись кэрлы, вооруженные в разные стороны.

--- Что это? --- прошептала девушка.

Железный жрец невозмутимо шагал дальше. Таинственные звуки его не беспокоили.

--- Я же говорил тебе, хускарл, --- промолвил он, и рокочущий голос звучным эхом ударился в стены. --- Во тьме таятся опасности. Держи оружие наготове и не позволяй навредить моим трэллам.

Фрейя проглотила готовое вырваться ругательство. Железный жрец раздражал ее сильнее, чем когда-либо.

--- Не беспокойтесь, лорд, --- ответила она, насупившись. --- Мы здесь, чтобы служить вам.

--- Рад, что ты так считаешь.

Фрейя быстро посмотрела через

плечо. Далеко позади, в конце извивавшегося туннеля, она заметила две светящиеся точки. Девушка моргнула, и огоньки исчезли. Ей стало еще холоднее и неуютнее.

Что это?

Они пошли дальше, спускаясь все ниже и ниже, в самую глубь беспросветного мрака.

Не поднимая головы, Морек прокладывал себе путь через уровни Ярлхейма. Большинство спешивших мимо обитателей бежали в другом направлении, сторонясь туда, где битва была самой ожесточенной. Те немногие, кому было по пути с Морекот, оказывались канонирати, направлявшимися на стену к зенитным батареям.

Когда Морек поднимался в лифте, шахту тряхнуло.

Как такое возможно? Мы в глубине горы. Что это у них за оружие такое?

Носилки парили за спиной в стальной клетке, неся бесчувственное тело Серого Охотника. Морек не смог побороть

искушение посмотреть на Небесного
Воина.

Лицо Аунира Фрара открылось, когда
Длинные Клыки сняли с него шлем, еще в
«Лендрейдере». Оно было гордым, строгим,
с резкими чертами. Рот приоткрылся,
влажно блестели мощные клыки, нижняя
часть лица уже вытянулась в волчий
профиль воина-ветерана. Возможно, он
собирался получить повышение в Волчью
Гвардию. Красный Сон все еще держал
воина в объятиях, дыхание его было
поверхностным, почти незаметным.
Часть доспехов просто сорвали, обнажив
более дюжины глубоких колотых ран,
включая ужасный разрез на шее, порвавший
артерию. Будь Фрар простым смертным,
его невозможно было бы спасти.

Лифт с грохотом остановился.
Морек открыл двери и выбрался наружу,
таща за собой носилки. Перед ним
расстилались залы творцов плоти. На
катенных перемычках дверей были
вырезаны знаки защиты. В нос ударил
резкий запах антисептика. Тусклый
красный свет Этта стенился резким

белым освещением. Стены были выложены плиткой, повсюду стояли металлические столы с хирургическими инструментами. В отличие от остальных помещений в Логове Волков, богато украшенных тотемами и выбеленными черепами животных, обитель волчьих жрецов была девственно чистой, холодной и лишенной всяких украшений.

Стоя рядом с носилками, Морек сощурился от яркого света ламп. Вдалеке раздавался какой-то шум, но никого не было видно. Ривенластер пошел вперед, проходя мимо бесконечных рядов столов сквозь залы, набитые оборудованием, с назначением которого он едва ли мог догадаться. Рядом с хирургическими машинами и физической аугментикой стояли глиняные ряды мягко жужжащих древних когитаторов в бронзовых контейнерах.

Звук становился все громче. Морек явно приближался к их источнику. Завернув за угол, он оказался в более просторном и ярко освещенном зале с

күполом влесто потолка. Там тоже стояли огромные тяжелые столы, два были заняты. На них лежали Небесные Воины, оба в сознании. Их оперировали бригады трэллов в кожаных масках. Смертные работали быстро и утло, рассекая плоть, пришивая мышцы и орудья излами-зондами. Все трэллы были в железных визорах с линзами бутылочно-зеленого цвета, в которых отражались огоньки света.

--- Смертный! --- раздался низкий голос, и Морек обернулся в его сторону. Волчий жрец, сүдя по виду один из помощников Клинка Вирма, шел к ривенмастеру в иссиня-черном доспехе. Его голые руки были в крови. --- Расскажи о своем деле.

Морек поклонился.

--- Мне поручили доставить этого воина, Аүнира Фрара, рүнному жрецу по прозвищу Клинок Вирма.

Волчий жрец фыркнүл.

--- Думаешь, он здесь? Сейчас, когда на Этт напали? --- Он покачал головой. --- Мы заберем его. Возвращайся на свой пост, ривенмастер.

Пока жрец говорил с Морекотом, трэллы сгрудились вокруг носилок, таща их к одному из металлических столов. В бесчувственное тело были внедрены стальные нити, а над ранами застрекотали сканирующие устройства. Волчий жрец повернулся к новому пациенту и принялся руководить операцией.

Морек поклонился. Повернувшись, он направился обратно, через пустые залы творцов плоти, чтобы как можно быстрее унести отсюда ноги. Что-то в этом месте очень нервировало его. Запахи были чужими, совершенно непохожими на запахи углей и шкур, с которыми он сроднился.

И слишком много света.

Ривенмастер прошел через другую комнату, затем свернул налево, проходя через открытые двери. Он сделал еще несколько шагов, прежде чем понял, что зашел не туда. Комната, в которой он оказался, была меньше других, но тоже выложена белоснежной плиткой. В центре стояли три громадных контейнера с прозрачной жидкостью. Сосуды были

цилиндрическими, не больше метра в диаметре, но высотой до самого потолка. Собранные у их основания оборудование ритмично гребезжало и тикало.

Он знал, что должен смотреть в другую сторону, но содержимое емкостей его притягивало. Там плавали тела, темные очертания людей, паривших в жидкости. Громадные грудные клетки, мускулистые руки, мощные шеи. Они плавали в цилиндрах, слегка покачиваясь. Морек ступно различал змеевидные кольца шлангов респираторов, закрывавших опущенные лица.

Он отвернулся, зная, что зашел слишком далеко, потакая любопытству.

Любопытный разум открывает двери к проклятию.

В этот самый момент слева, в стороне от основного потока света, он увидел металлический стол. Содержимое его притянуло его взгляд, и Морек застыл на месте.

Медленно, почти бессознательно привенластер ощутил, как ноги сами несут его туда. Он прошел мимо резервуаров,

забыв об их содержанием. Он просто не мог смотреть на что-то другое, не мог отвернуться.

На металлическом столе лежало тело или, возможно, труп. Гигантские легкие не дышали. Но крайней мере, Морек не заметил движения. Как и остальные тела, это было обнажено и лежало на спине, вытянув руки по бокам.

Ривенмастер тут же почувствовал что-то неправильное. С мгновение он не мог понять, что же именно было не так с этим трупом — он видел их достаточно много, — но затем пригляделся и все понял.

Руки были гладкими, почти безволосыми. Ногти не длиннее его собственных. Челюсть квадратная и мощная, но без признаков волчьей вытянутости. Во рту обычные зубы мертвых.

Морек подошел ближе, чувствуя, как участилось его дыхание. Глаза трупа были открыты, пусты и незрячи.

Они были серыми, как и у него самого, с такими же зрачками, как у мертвых. На грубоватом лице не было никакой

растительности, даже брови отсутствовали. Что же до лицевых мышц, то они были мощными, но какими-то бесформенными.

Нет, это не Костицкий Волк. Грубая подделка, подобие, насмешка.

Морек почувствовал тошному в горле. Небесные Воины были для него столь же священны, как мировая душа, как духи льда, как жизнь дочери. Здесь же на столе лежала мерзость, некое ужасное вмешательство в неизменный порядок вещей.

Он сделал шаг назад. Позади, в операционной, раздался шум от движения трэллов, сражавшихся за жизнь Аунира Фрара.

Это запрещено. Я не должен быть здесь.

Тошному стенил страх. Он видел, как смотрят на него трэллы в кожаных масках, и хорошо знал репутацию творцов плоти. Они не прощают вмешательства в их дела.

Морек повернулся и поспешил той дорогой, которой пришел, стараясь не

смотреть на плававшие тела в контейнерах, намеренно не замечая рядов оборудования, стоявших за ними вдоль стен, и едва видя вереницы пробирок, аккуратно расставленных под ярким потоком света.

Где-то позади слышались тяжелые шаги, и у ривентастера упало сердце. Он шел все дальше, опустив голову и надеясь, что тот, кому они принадлежали, направлялся в другую сторону. Соединенные залы сбивали с толку, мешая найти верный путь, и звук шагов мог доноситься откуда угодно.

Постепенно шаги стихли. Морек вновь очутился в приемных комнатах, тех самых, с пустыми металлическими столами. Перед ним виднелся выход в коридор к шахте лифта.

Сердце тяжело колотилось в груди.

Любопытный разум открывает двери к проклятию.

Он посмотрел на свои руки. Они были загрубевшими, шероховатыми и мозолистыми. А сейчас они телко подрагивали. На мгновение он остановился.

уже не заботясь, смотрят ли на него
трэллы.

Что это была за штуковина?

Еще несколько ударов сердца он стоял
неподвижно, не веря в то, чему стал
свидетелем. Волчы жрецы были
хранителями Этта, стражами традиций
Волка Фенрика. Если они это допускают,
значит, имеют на то разрешение.

Но ведь это мерзость.

Морек оглянулся через плечо. Перед
ним тянулись выложенные плиткой
комнаты, перетекающие одна в другую.
Каждая воняла антисептиками и кровью.
Ривенмастер почувствовал, как
накатывает тошнота.

В зале Клыкмана он до хрипоты
кричал клятвы Небесным Воинам,
телесному воплощению божественной
ярости Фенриса. Как он ни пытался,
вернуть былой душевный настрой не
получалось.

Пошатываясь и уже не понимая, что за
цель привела его в это жуткое место,
Морек поплелся к лифту. С его открытого
честного лица исчезла уверенность.

И впервые за всю жизнь в сердце
рибенластера поселилось сомнение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Чернокрылый уселся на металлический стол, игнорируя сидящих за ним людей, и провел руками по спутанным волосам. Он не обращал внимания на вспыхивающие лампы, на кэрлов, стоявших в грязной униформе навытяжку вдоль стен, и на доносящийся снизу шум и скрежет поврежденных двигателей.

Скаут чувствовал себя запертым в клетке. Каждый день после бегства с Фенриса был изнурительной чередой аварий и авральных ремонтов, и все ради того, чтобы «Науро» попросту не развалился на куски.

Это была унижительная работа, подходящая для смертных, но не для него. Чернокрылый был вскормлен для более

достойных дел, для искусной охоты в
тенях, для торжества в костических боях.
Его неизменно утомляла необходимость
выслушивать рабочих машинариума и
паникующих корабельных тактиков.

Не то чтобы ситуация была совсем
ужасной. Он достаточно много знал об
устройстве корабля, чтобы понимать,
когда посудина соберется развалиться
всерьез. Откровенно говоря, это уже
должно было случиться — до Танзавы
оставалось еще двенадцать дней пути, да
и то это стало возможным только
потому, что Чернокрылый не переставал
подгонять варн-двигатели, несмотря на
протест штурмана. Несколько дней назад
Волк совершил ошибку, спросив инжиниря
«Науро» — смертного, прошедшего
всестороннее обучение у техноагентов
Agentus Механикус, что все это время
делает дух машины.

— Пронзительно кричит, сэр, — грубо
и деловито отозвался инжинирий. —
Вопит, как унгор с перерезанным горлом.

Вот тогда Чернокрылый порадовался,
что не отличается большой

чувствительностью к таким вещам.

Собственно говоря, он ко многому был нечувствителен. Скаут никогда не сближался с боевыми братьями, никогда не заводил дружбу, что связывала отряды. Старших офицеров он презирал, установленные ими правила его раздражали. Но даже в ордене Космических Волков, известном по всему Империи, вольным отношением к Кодексу Астартес, дисциплина была суровой.

Чернокрылый всегда был гружим, подверженным мрачным настроениям и склонным к приступам маниакальной, опасной самоуверенности. Корпус скаутов стал для него идеальным местом, где можно совершенствовать мастерство одиночного убийства вдали от шумного братства Этта. Такой изоляцией он был вполне доволен.

Но теперь он начал задумываться, был ли этот выбор так уж хорош. Никто из смертных на «Науро» не был способен на трудные решения, которые приходилось принимать ему, командиру. Такие решения, от которых зависели их жизни.

Возможно, было бы лучше, окажись рядом брат-воин, чтобы посоветоваться. Кто-то, кто смог бы ненадолго разделить с пилотом его тяжкую ношу.

Но едва ли кто-то из боевых братьев согласился бы на это. Чернокрылый создал вокруг себя почти идеальную сферу единенности, отвращая даже тех, кто обычно не питал неприязни к скаутам.

Что ж, так тому и быть. Он сам выбрал этот путь, и раньше его все устраивало. Не все сыны Рүсса должны быть вопящими во всю глотку берсеркерами.

--- Лорг?

Голос принадлежал штурману корабля, сеговластному человеку по имени Георит. Чернокрылый поднял глаза. Даже без брони костодесантник подавлял размерами всех присутствующих. Георит сглотнул, когда на него установились глубоко посаженные янтарные глаза.

--- Вы просили отчет о пожарах.

--- Именно так, штурман. Расскажи мне последние хорошие новости.

--- Мне нечем вас порадовать. Три

уровня все еще непригодны для использования, туда не попасть даже трэллам-сервиторам.

Пожар распространился к отсекам управления. Когда иссякнет запас огнетушителей, резко уменьшится наша способность его сдерживать.

--- У я знаю, что ты рекомендуешь.

Теорит глубоко вздохнул.

--- Мое мнение не изменилось, лорд.

--- Ты хочешь, чтобы мы вышли из варна, открыли эти палубы для вакуума, промыли их и затем отремонтировали.

--- Да, все верно.

--- У сколь долгим будет этот маневр, учитывая оптимальные условия и выполнение?

--- Неделя, лорд. Возможно, меньше.

Чернокрылый одарил его холодной, высокомерной улыбкой. В ней не было ни тени веселья, лишь осознанное пренебрежение.

--- Это слишком долго.

--- Лорд, если трубы с протечет...

Чернокрылый со вздохом обрушился в кресло.

— А если в этих палубах есть
пробоины? Тогда, штурман, все мы умрем.
Даже я, безграмотный дукарь,
занимающийся только войной и с нулевым
техническим образованием, знаю это.

Пронзительными янтарными
глазами он уставился на смертного.

— Подумай вот над чем, — сказал он. —
— Без помощи Великого Волка Эмт падет.
Корабли лорда Железного Шлема все еще
в варне. Если мы сохраним текущий курс,
без пауз и снижения скорости, то прибудем
на Тангаву на много дней позднее их. А
затем, даже если я смогу быстро передать
сообщение лорда Грейлока и убедить
Великого Волка вернуться на Фенрис,
пройдет еще двадцать дней, прежде чем он
доберется домой. Это означает, что лорду
Грейлоку, которого, как я знаю, высоко
ценят в оргене, придется по меньшей мере
сорок дней оборонять цитадель при
помощи лишь Великой роты. Ты,
штурман, видел силы на орбите. Знаешь,
что они сделали с нашей обороной. А
теперь скажи мне честно: ты
действительно думаешь, что такой

артии может сорок дней противостоят
одна рота?

Лицо штурмана посерело.

--- Если Русс поможет... --- неуверенно
начал он, но в голосе не прозвучало и тени
уверенности. Он смолк.

--- Вот именно. Так что теперь ты
поймешь мое стремление достичь Танзавы
как можно скорее. В этом путешествии
мы ускользали из лап Моркаи уже не раз,
так что будем обманывать его и дальше.
Считай, вам повезло, что вами командует
скаут. Именно это мы и будем делать.
Ускользать.

Штурман ничего не ответил, лишь
рухнул в кресло с пустым выражением
лица. Но Чернокрылый видел, как работал
разум человека, пытаясь найти способы
сдерживать пожар и дальше. Уверенным он
пока не выглядел.

Скаут повернулся к остальным
членам команды, до сих пор хранившим
молчание.

--- Нужно ли нам обсудить что-то
еще? --- сухо осведомился он.

Тактик протолчал. Этот человек

был смертельно измотан, глаза покраснели от усталости. Инжинерий уже дал оценку ремонтным работам и был нужен в трюме. Оружейник давно погиб, убитый обрушившейся переборкой через несколько часов после ухода с Фенриса.

Огун Нейман, навигатор, сохранял спокойствие. А еще он был единственным в команде, кто родился не на Фенрисе. Белесарианец с Терры, он был столь же стройным и холодным, как его сослуживцы — коренастыми и порывистыми. Он редко отрывался от своей работы — проведения корабля через опасности Улматериума. В присутствии немутантов свой третий глаз он закрывал шелковым платком поверх стальной пластины.

Он молчал, пристально глядя куда-то в сторону, на кэрлов, стоявших вдоль стен совещательной комнаты. Его обычные глаза не двигались.

Чернокрылый начал раздражаться. Он не для того призвал этого человека на встречу, чтобы тот о чем-то мечтал.

— Навигатор, не хотите с нами поделиться? — спросил он.

Нейман не отреагировал.

--- Кто этот человек? --- спросил он вдруг, уставившись на особенно грязного кэрла.

Чернокрылый проследил за его взглядом. Кэрл был ниже остальных, сгорбленный, с грязными волосами и синяками вокруг глаз. Он действительно был намного грязнее остальных, но ведь бесконечные проблемы, связанные с выживанием, сказывались на всей команде корабля. Что странно, так это то, что он не походил на солдата.

Совсем не походил.

--- Это что, очень важно? --- раздраженно спросил Георит. --- У нас тут масса неотложных проблем.

Кэрл на вопрос не ответил. Он продолжал пялиться пустым взглядом, выражение лица оставалось совершенно безучастным. Кэрлы рядом, казалось, только сейчас заметили его присутствие. Один из них с тревогой глянул на своего сержанта, словно говоря, что странный человек все это время оставался невидимым.

Чернокрылый ощутил, как вздыбились волосы на спине. Его настроение мгновенно изменилось со скуки на крайнюю боевую готовность. Почему он не замечал этого человека раньше? Что почувствовал навигатор?

— Взять его, — приказал он, поднимаясь с кресла.

Кэрлы схватили человека за плечи. У в этот момент словно щелкнули некие выключатели, и человек с пустым лицом буквально озверел. Ребром ладони он врезал кэрлу слева, впечатав несчастного в стену, схватил другого за шею и ударил по голове. Так и не произнеся ни звука, тужчина развернулся и бросился к дверям, швырнув в сторону другого кэрла, который попытался его перехватить.

Двигался он с ошеломительной скоростью. Но все же это была скорость мертвого. Чернокрылый был быстрее. Перепрыгнув через стол, он врезался в человека, когда тот бросился к двери. Вместе они покатились по металлической палубе. Скаут схватил кэрла за волосы и яростно впечатал его

лицом в стену, оглушив, а потом быстро вскочил на ноги, таща жертву за собой.

--- Лорд, берегитесь! --- предостерег Нейман. --- Я чувств...

Раненый кэрл повернул окровавленное лицо к Чернокрылоту, и его глаза внезапно вспыхнули бледно-зеленым, тошнотворным светом.

Чернокрылый почувствовал запах талейфикарута. Одним движением он вырнул кэрла кувырком в дальний, пустой конец совещательного зала. Прежде чем странный человек приземлился, Волк выхватил из кобуры болт-пистолет и метко выстрелил. Пуля прошла через голову кэрла и взорвалась, разбрызгав обломки черепа и поблескивавшее серое вещество по стенам.

Безголовое тело с влажным стуком обрушилось на металлический пол. Пару мгновений оно дергалось, а затем затихло.

--- Зубы Руща! --- выругался Георит, уже без всякой надобности направляя на трун свое оружие. --- Что за Хель...

--- Оно знало, как оставаться невидимым, --- протолвил Нейман, с

тревогой глядя на Чернокрылого. — Это колдовство, он же стоял у всех на виду.

Чернокрылый остановился и поднял что-то с пола. По металлическому полу прокатилась сфера размером с глазное яблоко. Она светилась зеленым светом, вспыхивая призрачным колдовским мерцанием.

Костогесантник выпрямился, разглядывая окровавленный шарик на ладони. На ощупь он казался горячим, почти обжигающим. При взгляде на него Волк почувствовал, как тупая боль взорвалась за глазами.

Чернокрылый раздавил его в пыль, стиснув когтистые пальцы.

— Кажется, у нас появилась новая проблема, — трачно протолвил он, медленно поворачиваясь к потрясенным членам экипажа. — На корабле что-то есть. Что-то, несомненно желающее нам навредить. И что бы это ни было, теперь оно знает, насколько мы слабы.

Железный жрец внезапно исчез. И без него тьма стала еще холоднее и

отчужденное. Все труднее было вспомнить, что же такое гневной свет и сколько прошло времени. Возможно, началось наступление, или же Небесные Воины все еще сдерживают врага в горах. Если битва пришла в Этт, почувствуется ли вражеское вторжение так глубоко внизу?

Девушка пробежала взглядом по залу. Большой, но трудно было сказать насколько — даже ее визор в режиме ночного видения не рассеивал тьму дальних углов. Одна из стен, возле которой собрался ее отряд, усиленно использовалась. В центре расположились огромные двери, также украшенные гвүликим Моркаи. Пространство вокруг дверей было заставлено загадочными механизмами — спиралями охлаждающих труб, величественными группами энерготрансформаторов, железными решетками, скрывающими непонятные механизмы внутри. Невероятно, но, несмотря на то что здесь царил зверский холод, а команды технического обслуживания находились очень далеко,

низко гудевшие машины, похоже, работали исправно.

Трэллы-сервиторы определенно знали, что со всем этим делать. Когда их хозяин прошел через Врата, они приступили к работе, подсоединившись к входящим клапанам и начав просматривать серии протоколов. Деятельность их была цикличной и крайне шумной. Время от времени вдоль стены с механизмами тизгали огоньки, болезненно вспыхивая в крошечной темноте. Те сервиторы, что не подсоединились к устройствам, начали выполнять серии ритуалов перед главными машинными модулями: стазывать движущиеся детали едкими маслами, безжизненными металлическими голосами читать глинные списки благословений, кланяясь железу и стали, словно алтарю неких неведомых богов.

Они трудились методично, неустанно и бездушно. Между ними и железными жрецом внутри не поддерживалось никакой связи. Арфанг был один, вероятно в том месте, где дозволялось находиться лишь

Небесным Воинам. Жрец не оставил указаний, как долго он будет отсутствовать и что вообще собирается сделать.

Фрейя отчаянно боролась с растущей скукой. Гнетущая темнота сочеталась с заунывными голосами сервиторов.

Довольно трудно было в таких условиях сохранять бдительность.

--- Будьте настороже! ---
Предостерегла она своих людей по вокс-связи, обращаясь не только к ним, но и к самой себе.

Четверо из шести кэрлов отряда стояли рядом с ней, спиной к стене с механизмами. Дула их винтовок были наведены в темноту. Еще двое отдыхали, присев между товарищами и получеловеческими сервиторами с их нервными ритмалами.

А затем она снова услышала тот шум. Скука была мгновенно забыта, и девушка почувствовала, как вспомели в перчатках руки.

Другие кэрлы тоже слышали

странный звук и напряглись. Отдыхавшие вскочили на ноги, схватившись в темноте за оружие.

Низкий, раскатистый звук, влажный и гортанный, дрозью прокатился по катням.

--- Держать строй, --- прошипела Фрейя по связи, стараясь разглядеть хоть что-то в том зернистом изображении, что давал визор.

За ее спиной сервиторы продолжали делать свою работу. Кэрлы навели свои винтовки на дальний конец зала. Девушка чувствовала их напряжение.

Внезапно из ниоткуда разразился характерный скрежещущий лай скьолдтара, частые вспышки выстрелов ослепляли. Фрейя сама рефлекторно чуть не нажала на спусковой крючок.

--- Прекратить огонь! --- прокричала она, взглядываясь в тени. Счетчик дистанции показывал лишь группу гружественных сигналов вокруг.

Эхо стрельбы долго не стихало. Виноватый, возможно Лир, она точно не могла сказать, потряс головой. К этому времени сердце Фрейи уже билось спокойно.

и размеренно. Там что-то было, что-то, что она не могла видеть, что-то звучало -- и ощущалось -- крайне угрожающе.

-- Держать строй, -- повторила она, чувствуя, как скручивало желудок.

Возьми себя в руки, женщина. Ты -- дочь Рюсса, дитя бури.

-- Мы плохо видим через визоры, -- промолвила она. -- Я пройду дальше и проверю.

Никто из солдат не ответил. Они остались там, где стояли, оценив полукругом безразличных сервиторов.

Глубоко вздохнув, Фрейя начала продвигаться вперед. Она шла медленно, чувствуя собственное тяжелое, учащенное дыхание. Впереди не было видно ничего, кроме помех.

Затем звук раздался вновь, на этот раз ближе, турлыкающий и звучный. Он исходил не из туннелей позади девушки. Он был здесь, в зале. Где-то здесь.

Фрейя прошла десяток метров, прежде чем остановилась и быстро оглянулась через плечо, проверяя, все ли в порядке с отрядом. Они все так же стояли

на месте, окружив стену машин и охраняя
двери.

Девушка отвернулась.

Меньше чем в метре от нее
светилась пара золотистых глаз с
черными зрачками. Огромные и чистые,
они смотрели прямо на нее.

Фрейя застыла.

Скитъя.

Вражеский огонь был ужасающим. Он
плавил лед и снег, раскалывал камни и
превращал пласты гранита в облака
щебня и пыли. На линию огня вывели
сверхтяжелые орудия, и Клык угрожал
пог мощнейшим обстрелом. Его склоны
окутали дым и пар, когда снег испарялся со
скал и огна за другой уничтожались
орудийные установки. Вся гора была
окутана яростно бубевавшими языками
пламени, сверкавшими так, словно сама
магма из ядра планеты вырвалась в
вечную мерзлоту главной вершины
Асахейма.

Крепость пока держалась.
Стационарные орудийные установки

зрели, обрушивая смертоносную мощь, прожигая целые ряды вражеских сил, уничтожая наступавшую бронетехнику и оставляя горы обломков, мешающие продвижению захватчиков. Но так не могло продолжаться вечно. Тысяча Сынов наступали, кровью и огнем завоевывая каждый клочок земли. Только если ворота обернутся, Волки должны снова выйти на поле битвы, приветствуя захватчиков объятиями Моркаи. Но до тех пор задействовались другие силы.

Огаин Стуртъярт был в ярости. Исчезло его обычное бахвальство. Он был потрясен неспособностью предсказать атаку Тысячи Сынов, раздавлен тем, что не смог разглядеть обман, пока тот не раскрылся. Он больше не смеялся, в диком веселии предвкушая битву, и лишь сердито сверкал пылавшими глазами из-под психомистического капюшона. В довершение ко всему он не смог пристотреть за Клинком Вирта, как было приказано. Стуртъярт знал, что работа над Укрощением по-прежнему идет за закрытыми дверями. Он провалился во

всем, что имело столь важное значение, и доверие, оказанное ему Великим Волком, осталось неоправданным.

Пока что.

С тех пор как раскрылась его неудача, Стурмъярт работал с яростным фанатизмом, практически доводя до пределов своего закаленного в боях тела. Были усилены обереги по всему Эмту. Закровоточили руки, и он втирал в каменные фигуры собственную кровь.

Сейчас он стоял, облаченный в ритуальный доспех, высоко в наблюдательном зале Клыка и смотрел, как прямо перед ним отражается от пустотных щитов огонь. Ни один снаряд не мог пробить эту защиту, но существовало и другое оружие.

Стурмъярт ударил посохом по полу, и металл угрожал от удара. Душа бури закрутилась вокруг него. Жрец чувствовал, как воздушный поток становится все холоднее и яростнее. Гнев самого Стурмъярта питал надвигающееся стихия. Он мог использовать свою ярость, обратить ее в нечто совершенно

ужасающее, обладающее невообразимо чудовищной силой.

Яростные ветры ревели вокруг остроконечной вершины, завывали в кипящем плазме воздуха и хлестали раскаленные докрасна скалы. Чистое васильковое небо за клубилось облаками. Низкий рокот разносился меж окружающих. Клык пиков.

Почувствуйте же! Ощутите приход души мира. Это сила, подобной которой ни один колдун никогда не будет обладать.

Стурмъярт прищурился, стиснув посох. Его второе сердце забилося спокойно и ровно. Вызывание было делом болезненным. Но он наслаждался этой болью. Словно раскаленные цепи, она выжигала еще более сильную боль в его душе.

Все больше и больше туч зарождалось в небе, срываясь с гребней гор, их рваные края освещались резкими молниями. А в их тени пришел град, стремительной стеной обрушиваясь на многострадальную землю.

Поднимите глаза к небесам, предатели.

Он видел колдунѡвъ среди вражескихъ
ордъ. Ихъ психическія сущности, подобно
звездамъ, выделялись даже сквозь шумъ и
неразбериху. Они были могущественными,
погрозившими въ отвратительныхъ,
тошнотворныхъ энергіяхъ. Стурмъартъ
чувствовалъ ихъ высокомеріе, ихъ
самоуверенность. Некоторые были
физически испорченными, поддавшимися
темъ ужаснымъ измѣненіямъ плоти, что
разрушали ихъ родъ. Одинъ изъ нихъ, самая
яркая звезда изъ всехъ, продвинулся очень
далеко по пути разрушенія.

Вас много, а насъ мало. Но это нашъ
миръ, и ты владеетъ его мощью.

Буря усиливалась. Пролетѣвъ по
вершинамъ, ветеръ, грозно завывая,
направился къ Клыкѣ. Небо потемнѣло, и
теперь взрывы вокругъ горы походили на
яркіе угли въ кострѣ. Яростно молотилъ
крупный градъ, треща и стуча по камнямъ.

Вы думаете, что пришли сражаться
со смертными, такими же, какъ вы.

Ветеръ усилился и сталъ еще
стремительнее, превращаясь въ бешеный
вихрь, творившій ужасающіе разрушенія.

Приблизился снежный буран, питаемый
пульсирующей энергией бури. Стихия
переворачивала танки. Колонны пехоты на
флангах сметало шквальным ветром с
дагб вниз, в пропасть.

Думаете, мы поддадимся колдовству,
как это сделали вы?

Стуртъярт почувствовал кровь во
рту, она уже стекала по лоснящейся бороде.
Он проигнорировал ее. Резкая боль
потонула в стерче психической силы,
наполнившей его тело. Он был не чем
иным, как каналом, сосудом,
пропустившим через себя дикую ярость
стихии. Необузданный вой ветра
превратился в оглушительный рев. Огни
вокруг Клыка расцвели ослепительными
вспышками энергии, что разрывали в
лохмотья свирепые ветры.

Вы ошибаетесь.

Колдуны ответили, посылая
собственные мерцающие молнии и
полупрозрачные кинетические щиты в бой
против обрушивающейся с небес опасности.
Они были могучими, эти маги. Но колдуны
сражались с природными стихиями, и

атака на Клык захлебнулась. Штормовые корабли срывались на землю, словно кометы, разорванные на части бесновавшимися небом. Крики утирающих и объятых ужасом солдат эхом вплетались в пульсирующие потоки бури.

Стурмъярт наслаждался их крикатами. Они питали его силу. Питали силу планеты. Захватчики принесли с собой талефикарум и навлекли на себя справедливую кару.

И даже истекая кровью и забившись в укрытия, колдуньи усваивали урок; тот самый урок, что познавал каждый рунный жрец с тех самых пор, как Всеотец впервые принес путь вюрда в холодный мир смерти.

Стурмъярт знал это. Знал на протяжении многих столетий и теперь наслаждался, объясняя истину тем, кто остелился бросить ему вызов.

Не мы защищаем Фенрис. Фенрис защищает нас. Планета и народ едины. Мы делим душу, душу ненависти, и теперь она пришла к вам, темная ненависть на крыльях шторма.

Хорошо усвойте этот урок, ибо скоро эта истина убьет вас.

Тень в темноте отступила, и ужасные глаза исчезли. Фрейя понялась, вскинула винтовку и выстрелила. Пули скьолдтара при должном умении причиняли больший урон, чем автоматы Имперской Гвардии, и по залу разнесся вой нечеловеческой боли.

--- Хускарл! --- раздалась вопли слева.

Оттуда полыхнули новые залпы, когда солдаты побежали вперед, стреляя от пояса туда, где недавно стоял... зверь, которого она видела.

--- Назад! --- завопила девушка, прекратив стрелять и пытаясь разобратся в сигналах на дисплее визора. На счетчике дистанции не было ничего. Вообще ничего.

Солдаты отступали вместе с Фрейей, все еще стреляя. Из-за страха выстрелы были неприцельными.

О Русс, где наша храбрость?

--- Соберись! --- прокричала она, врезав ближайшему солдату. --- Стреляй, когда

видишь цель.

Он продолжал стрелять, палец намертво вжался в спусковой крючок. Под маской Фрейя увидела его расширенные от ужаса глаза.

— Оно идет! — вопил он. — Оно возвращается!

А затем Фрейя увидела это — огромную, стремительную фигуру, внезапно выпрыгнувшую из темноты подобно ночному кошмару. Винтовки продолжали стрелять, ослепительно белыми вспышками освещая сумеречное, тогучее тело. Фрейя успела поразиться зрелищу — янтарные глаза, невероятно тогучие плечи, кроваво-красные челюсти, — а потом тоже открыла огонь, отступая, пока не почувствовала спиной металлические конечности сервиторов.

Из темноты появлялись все новые жуткие фигуры, крадущиеся, прихрамывающие. Все они были разными, но одинаково кошмарными, словно сны творцов плоти, разорванные и заново собранные в беспорядке дикого ужаса.

— Держать строй! — закричала

Фрейя, опустошив магазин и грожащей рукой вставляя новый. — Держите их на расстоянии!

Она увидела, как один из монстров отпрянул, когда в него ударили очереди, заставив от боли припасть к земле. Существо завопило от ярости и боли, а затем вновь прыгнуло к людям.

Кровь Рюсса, оно еще живо!

Затем выскочил другой зверь, прорвавшись через поток огня и не обращая внимания на попадания, словно пули были легким дождем. Это оказалось гигантское, мощное животное с толстой, жесткой шерстью. Длинная, оскалившаяся морда излучала злобу, из клыкастой пасти свисал блестящий язык. Чудище встало на задние лапы, превратившись в пародию на человека.

Фрейя быстро повернулась, поймала цель и нажала на спусковой крючок.

Винтовку заклинило.

Выругавшись, она пошарила в темноте, чтобы перезарядить винтовку. Монстр тем временем поднял одного из солдат и швырнул через весь зал.

Несчастный с влажным хрустом врезался в стену и сполз вниз. С быстротой молнии другие твари прыгнули к раненому, хрипя и пуская слюни.

Фрейя низко наклонилась, вставляя обойму, и рискнула бросить быстрый взгляд на сервиторов. Они работали так, словно вокруг ничего не происходило, полируя и обслуживая механизмы, кланяясь и читая литании. Двери в зал оставались крепко закрытыми.

Да будь он проклят!

Фрейя вскочила на ноги и открыла огонь. Еще одного солдата эти твари утащили во тьму, и страх девушки растворился в пристыне бессильного гнева.

--- Будьте вы все прокляты! ---
закричала она, нажимая на курок. Она проклинала и тварей Подземелья Клыка, и железного жреца, приведшего их вниз, в объятия смерти.

Умереть ни за что. Я могла бы сражаться рядом с отцом.

Перед ней возвышался и вызывающе ревел, роняя слюну, один из монстров, гигантский зверь, похожий на извращенную

помесь волка и медведя гризли. Фрейю
окатила вонь звериного дыхания, заставив
поперхнуться даже через маску.

Она выстрелила в упор, выпустив все,
что у нее было, в потоке глухо
грохотавших пуль. Зверь отшатнулся,
вздрагивая от каждого попадания, но не
отступил. Когда скьолдтар опустел, он
ринулся к девушке, разинув пасть,
расширенные глаза полыхали ненавистью.

Фрейя отпрянула, скорее
инстинктивно, чем из страха,
потянувшись к пристегнутому к ботинку
ножу.

Смотри ему в глаза.

Она заставила себя не опускать
голову. Когда кошмарная тварь прыгнула,
нож в руках угрожал.

Смотри ему в глаза.

Но удара так и не последовало. У
только тогда Фрейя поняла, что все-таки
зажмурилась. Она открыла глаза.

Тварь висела в воздухе, как будто
схваченная за шею чьей-то гигантской
рукой, и извивалась. Стрельба стихла, зал
вновь погрузился в абсолютную темноту.

А затем в полумрак медленно просочился красный свет. Откуда-то вернулось освещение. Со всех сторон раздалась визги и рычание. Твари были по-прежнему здесь — просто они не напали.

Фрейя смотрела на зверя перед собой, оглядывая от изгиба грудной клетки до натянутых мышц шеи. Действительно, громадный металлический кулак крепко держал чудовище. Невероятно, но в зале появилось нечто более могучее, нежели эти твари. Она поняла, что двери открылись. То, что находилось в зале, то, что пришел пробудить Арфанг, наконец переступило порог.

— Ты потревожил мой сон ради этого, железный жрец?

Голос оказался глубоким вибрирующим басом. Он раздался над ее плечом и многократно отразился от каменных стен. Он был намного ниже, чем у ярла Грейлока, даже ниже, чем у Железного Шлема. В нем звучало древнее достоинство, властная самоуверенность и одновременно глубокая печаль. Даже проходя через катушки инертного

механизма, этот бас оставался самым
могучим, самым волнующим голосом,
который когда-либо слышала Фрейя.

--- Ты долго пробуждался, лорд, ---
ответил Арфанг. В его голосе звенела
непривычная искательная интонация.

Не в силах сдержать любопытство,
всегда бывшее ее бегой, Фрейя повернула
голову, чтобы посмотреть на того, кто
прошел в дверь.

--- И правда, долго, --- прогудел голос
Бьорна, прозванного скальдами в сагах
Разящей Дланью, последнего из легиона,
кто ходил по льду вместе с Руссом,
могущественнейшего из Волков, живой
связи со Временем Легенд.

Мертвый пробудился.

Бьорн отшвырнул волка в сторону,
словно тот был щенком, и клубок меха и
клыков с визгом отлетел в тень. Со
скрипом сервомеханизмов и шипением
пневматики огромная масса металла и
оружия тяжело шагнула в зал. Фрейя
почувствовала, как у нее отвисла челюсть,
и быстро закрыла рот.

--- Но теперь, раз уж я вернулся, я

вспомнил и мое предназначение.

Священный гредноут прошагал мимо Фрейи, по-видимому даже не подозревая о ее присутствии. Чудовища отступили перед ним, покорно опустив головы. Даже Арфанг казался чуть ли не щенком рядом с этой легендарной фигурой.

--- Я здесь, чтобы убивать.
Покажи мне врага.

ЧАСТЬ III
ЗАТЯГУВАЮЩАЯСЯ
НЕТЛЯ

Афаэль посмотрел вверх. Яростная буря изо всех сил билась о кинетический щит. Прозрачный барьер грожал, прогибаясь, словно ткань, под непрерывными ударами. Мощь Песых жрецов впечатляла, но в конце концов, это же их мир, и кто знает, какие жестокие силы царят здесь, готовые откликнуться на малопонятные ритуалы дикарей. Разбѣшевавшаяся стихия могла повредить его армии лишь тем, что чуть затежлила наступление.

Новая волна пылающего града обрушилась на щит, сотрясая защитное колдовство. Афаэль посмотрел на локатор на дисплее шлема. Его колдѹны равномерно расположились в войсках, поддерживая заклинания. Хетт, самый

могущественный из Ранторов, был в близости, спокойно и размеренно колдуя и поддерживая купола, прикрывавшие командующих войсками.

Афаэль находился в самом центре своего легиона, окруженный свитой в терминаторских доспехах. По обе стороны возвышались «Лендрейдеры», забитые рубрикатами, продвигавшиеся вперед чуть быстрее идущего человека. За ними расположились бронетранспортеры «Хилера», вздрагивавшие от попаданий, когда ракеты Нсов пробивали наиболее слабые участки барьера и взрывались между машинами. Впереди катились передвижные артиллерийские установки. Боевые единицы потопнее остановились позади, сфокусировавшись на пике и подняв стволы на надлежащий угол. Они вздрагивали от каждого залпа, испуская клубы черного дыма в уже потемневшее небо.

Прямо перед колдуном все небо закрывала громада Клыка. После целого дня мощного обстрела вершина плотно укуталась в покрывало из пламени, и

время от времени бесновавшиеся ветры выдирали из него кудрявые завитки плазмы. Защитные системы Клыка держались дольше, чем рассчитывал Афаэль, сотни огневых позиций вокруг врат сеяли смерть среди наступающих колонн. Но теперь, когда часть батарей была уничтожена, огонь защитников заметно ослабел.

Остальные тоже будут разбиты, одна за другой. Причиняемый ими ущерб был просчитан Корвидом много месяцев назад и учтен при фортировании войска. Танки сгорят, смертные умрут, но продвижение не остановится. Через несколько часов тараны окажутся рядом с целью, и врата, эти безвкусные нагромождения камня и льда, будут сокрушены.

И тогда начнется настоящая работа.

+ Как успехи, брат? + спросил Афаэль, зная, что вопрос вызовет раздражение у Темеха, находящегося в сотнях километров от него на борту «Херуллона».

Последовала долгая пауза, прежде чем пришел ответ.

+ Ты только что все испортил. Я не

могу оставаться на связи с тобой в этом состоянии. +

+ Прости меня. Но тебе стоит знать, что атака на врата близка к завершению. +

+ И что с того? Это ничего не значит, пока существуют их заклинания. +

Афаэля загел тон Темеха. Корвид пребывал в полной безопасности, окруженный удобствами просторных кают «Херумона». Здесь, на легяном насте, было куда менее комфортно.

+ Они падут очень скоро. Мне нужно знать, что твоя работа движется с той же скоростью, что и моя. +

+ Я сообщу, когда буду готов. Но до тех пор не беспокой меня. +

Связь между колдунатами оборвалась. Прерывание оказалось почти болезненным. У Афаэля даже глаза заслезились.

Почему он так враждебен?

Колдун почувствовал гнев и разочарование в надменном тоне Корвида. От этого у Афаэля вновь усилилось жжение кожи на шее.

Он напрягся, остановившись на пути к

воротам. Его свита в терминаторских доспехах безмолвно замерла рядом.

Зараза распространяется.

Он знает.

Раздражение стенилось холодным беспокойством. Со времен аритановой Рубрики угроза мутации превратилась в табу. В легионе, пожертвовавшем всем, чтобы избежать когтей Изменяющего Пути, любой признак того, что магия была не полностью успешной, считался чем-то вроде ереси.

--- Увеличить скорость! --- рывнул Афаэль по каналу связи.

«Лендрейдеры», подстегнувшие двигатели, ускорились. Все больше артиллерийских установок выходили на линию огня и зарывались в твердый, как сталь, камень.

Но почему сейчас? Почему, когда часовой победы так близок, происходит это все... возвращается изменение тела?

Он посмотрел вверх, на врата, покидая взглядом объятые огнем камни. На них были вырезаны знаки, обереги, созданные для защиты от мутировавшей

силы колдовства. Вот их-то он и должен уничтожить, чтобы проложить путь для прихода куда большей мощи.

За что я обречен на это?

Афаэль созерцал могущественные руны, вырезанные на взлетающих в небо скалах, и его настроение портилось все больше. Мистические знаки напугивали его тем, что он и без того знал, — судьбы избежать нельзя. Если для него и существует спасение, то лежит оно не в крепости Нсов Императора.

Да будет так. Я приму это и обращу свою порчу в силу.

Он вновь пошел вперед, едва замечая тени следовавших за ним воинов в терминаторской броне. Он чувствовал, как ускоряется в теле мутация, кипит под кожей, словно рой пойманных в ловушку насекомых. Но какое-то время доспех сможет скрывать ее признаки.

От новых взрывов плазмы зарябили кинетические щиты. Бронетранспортер вскрыло хлестким залпом огня, раскаленные куски брони разметало штормовым ветром. Каждую секунду

погибали люди, сотни солдат, вечное топливо для пламени, что полыхало уже многие столетия. Их судьбы всегда мало значили для колдуна и еще меньше сейчас, когда его собственные перспективы стали столь безрадостными.

— Лорд, тараны выходят на позицию рядом с обеими целями, — донесся по связи голос Стража Шпиля. — Ждут ваших приказаний.

Афаэль почувствовал, как потмо-воли изогнулись губы. Инфекция добралась и до лица.

— Вели им стрелять, как будут готовы, — ответил он, изо всех сил стараясь говорить своим обычным голосом. По зудящей коже градом катился пот. — Капитан, быстро доставь нас туда. Промедление губно на меня влияет, я жажду пролить кровь.

Чернокрылый пробирался по коридору с гвля дюжинами до зубов вооруженных кэрлов. Сам он был в панцирном доспехе, с болт-пистолетом в руке. Его люди шли настороженно, готовые стрелять по

первому знаку. За масками виднелись расширенные глаза. Теперь, когда нудные ремонтные работы сменились охотой, его скуку и усталость как рукой сняло.

Нейман осмотрел трюп матроса в совещательной каюте и сказал остальным то, что они уже и так знали. Человек был шпионом, способным сливаться с фоном и бесшумно передавать информацию через искусственные глазные яблоки тому, кто его контролировал. С той минуты Чернокрылый обыскивал корабль, неумолимо проверяя палубу за палубой. В ходе поисков были обнаружены другие шпионы, все — с такими же имплантированными глазными яблоками. Теперь они были мертвы, а их тела полыхали в топках машинариума.

Чернокрылый внимательно оглядывался по сторонам. Они были на нижних палубах корабля, в отсеках с плохим освещением, куда не спускалась команда. Идеальное место, чтобы спрятаться.

Волчий скаут прекрасно понимал степень собственной уязвимости. Кто бы

ни контролировал тех несчастных
марионеток, он был мастером в
колдовстве. У Чернокрылого не было
оружия, чтобы сражаться с такой силой, а
его команда еще менее могла себя
защитить. Даже если космогесантник
утихнется найти логово врага, была
вероятность, что он столкнется с тем,
кого не сумеет одолеть.

Такая перспектива его не пугала, но
определенно досаждала. Но меньшей мере,
он надеялся прожить достаточно долго,
чтобы его маневр на Фенрисе вошел во все
саги. И мысль, что все проделанное может
оказаться напрасным, раздражала скаута
до невозможности.

И конечно же, не менее важным
оставался вопрос выживания Клыка.

--- Вот Хель, где ты вообще? ---
спросил он по воксу, с отвлечением
оглядывая простирившийся впереди
грязный темный туннель.

--- Под задними топливными баками,
лорд, --- пришел ответ Рэкборна, хускарла.
Голос его звучал натянуто. Не испуганно,
но с явным напряжением. Чернокрылый как-

то совсем забыл, что смертным каждый цикл нужно спать хотя бы пару часов. Если в ближайшее время они ничего не обнаружат, придется дать людям немного отдохнуть.

Такие слабые. Столь утомительно слабые.

Он взглянул на дисплей шлема. Скауты редко надевали шлем в битву, но Чернокрылый никогда не понимал этой привычки. Риск лишиться головы от прицельного лазерного луча казался больше вопросом тупости, чем бравады. В его маске был тактический дисплей, показывавший жизненные показатели в радиусе тридцати метров, а также докладывавший о нахождении его солдат. Не так хорошо, как шлем типа VJJ «Аквила», но все равно очень неплохо.

Все руны на визоре, светившиеся в настоящее время, были все более назойливыми запросами от Неймана. Навигатор все прошедшие шесть часов призывал Волка вернуться на мостик, чтобы скорректировать вектор полета, прежде чем он отправится отдыхать в

свою каюту.

Чернокрылый ухмыльнулся. Столь скучным вопросом его не отвлечь от поисков. Даже если бы не приходилось искать лазутчика, скаута веселила перспектива пораздражать трехглазого мутанта необходимостью ждать.

--- Нашли что-нибудь? --- обратился скаут по воксу к своему отряду в тщетной надежде, что экипировка солдат уловит сигнал, который не поймал он сам.

--- Ничего.

Чернокрылый позволил фотореактивным линзам делать за себя всю зрительную работу. Как и все его сородичи, он обладал потрясающей чувствительностью к передвижениям даже в почти крошечной мгле. Его ноздри могли уловить запах объекта в густой облаке дыма от машинного масла и грязи корабля. Его тактильные ощущения позволяли почувствовать движение на полу в сотне метров от себя, а слух доносил, как кашлял кэрл на командном мостике.

И все равно ничего.

--- Угем! --- прорычал он, устремляясь

вперед.

Туннель впереди сужался из-за погнутой переборки, увешанной проводами. Вдали неровно вспыхивали огни, на секунды освещая очертания перемешанных металлических баррикад.

Чернокрылый шел вдоль деформированной переборки. Шум шагов солдат за спиной был сокрыт для мертвых, но все равно сообщал об их присутствии тому, кто знал, как слушать. Отряд прошел вперед еще около двадцати метров, прежде чем упереться в Т-образный перекресток. Коридор, сворачивавший влево, был в плохом состоянии. Пучки проводов свисали с потолка, словно связки сухой травы, жужжа и плюясь искрами. В полу зияли трещины. От удара снаряда пол вспучился. Даже кэрлу нужно было бы сильно нагнуться, а уж костодесантнику пришлось бы ползти по-пластунски. Единственное сохранившееся освещение шло от пола. Кажется, оно работало в четверть мощности.

— Ну что, направо или налево? —

задумчиво протурлыкал Чернокрылый, обводя пистолетом тень. И тут он ощутил легкую щекотку в ладонях. Неотчетливое предвкушение не отпускало, и он сузил глаза.

В нескольких метрах дальше по левому коридору виднелся открытый обслуживающий люк.

Было время, когда сверхъестественные чувства, дарованные Канис Хеликс, давали сто очков вперед любому шедевр технологий. Чернокрылый взглянул на дыру и почувствовал, как сами по себе напряглись мышцы.

--- По моей команде, --- протолвил он по связи, готовясь наступать. --- Держитесь...

Это последнее, что он успел сказать, прежде чем переборка взорвалась. Из облака металлических осколков появилась громадная фигура в доспехах и сапфировом боевом шлеме, непрерывно стрелявшая из болт-пистолета.

Чернокрылый бросился на пол. В воздухе жужжали болты, взрывались среди него солдат. Коридор внезапно заполнился криками и свистом рикошетирующих от

брони болт-пистолета.

Волк перекатился на спину, пытаясь прицелиться и избегая града снарядов. Именно тогда он увидел в тенях вторую фигуру, с гребнем в виде капюшона кобры. Хромая, она шипела и бормотала, словно бурлившая вода.

--- О, вот это нехорошо, --- прорычал скаут, проклиная собственную тупость и отползая назад. --- Совсем нехорошо.

Грохот взрывов прокатился по земле, сотрясая само основание гор. Согрогнулись каменные вены, зарывавшиеся на километры под землю. Тараны, огромные машины разрушения, принялись за работу.

Каждая машина сама по себе была шедевром техноколдовства, смещением запрещенных технологий и запретных устройств из дюжины потерянных миров. Странные механизмы поворачивались на поверхности бочек, словно ртуть, мерцающая призрачным, едва заметным колдовским светом. Высокий, пронзительный вой исходил из громадных жерл, напминавших части чудовищ, неземной звук, который

эхот разносился по округе, словно стоны и
всхлипы громадных безымянных толп.
Стволы пушек были опоясаны
эзотерическими бронзовыми символами.
Каждый из них имел какое-то значение,
давным-давно забытое в затемненной смертной
галактике.

У них были имена, у этих монстров.
Когда они на протяжении столетий
собирались в демонических кузнях глубоко
в Оке Ужаса, на этом особенно настаивали
воины Тысячи Сынов. Так что они
назывались «Накхет», «Талатемнон»,
«Маахекс» и «Гнозис», в которого попал
мощный залп батареи осажденных.
Последний был весь в дыму, источая
столбы угольно-черной сажи.

Они стреляли. Они без усталости
стреляли по вратам. Кошмарные взрывы
сотрясали все вокруг. Монстры искажали
данные ауспиков, перегружали слуховые
каналы, разлагали сам воздух на атомы,
когда необъятные неоновые-желтые лучи
энергии устремлялись к целям. Взрывы
были подобны приливным волнам ---
огромные, сотрясавшие все и вся стены

жгущего пламени, струившегося по
израненным склонам Клыка.

Раз за разом тараны обрушивали на
гору свою ужасающую мощь, блокируя
непрерывный ливень плазмы с орбиты.

Эти пушки не отличались
изяществом. Им требовалось большое
количество солдат для поддержки и
защиты, целые цистерны прометия, и
обслуживались они сотнями смертных,
превратившихся в гротескное стешение
человеческой плоти, проводов и оружия.

Единственной их задачей было
сокрушение порталов Клыка, уничтожение
защиты крепости Рүсса и превращение ее
в пустошь вроде той, какой стал Просперо.
Тысячи погибли, создавая этих монстров,
и их души топились в сваренных каркасах,
связывая внутри демонические силы.
Легион истратил массу средств на эти
машины, прекрасно зная, что применят их
лишь единожды.

Они были утверждением хаоса, эти
устройства.

Мы разрушим себя, истощим себя,
погубим собственное будущее, но разрушим

врата, что охраняют вашу цитадель.

Так что они выстрелили вновь, исторгая разрушительные лучи, похожие на взрывы сверхновой, обрушивая на врата копившуюся больше тысячелетия ненависть.

И массивные арки, вырезанные из холодного камня древними машинами, не менее могущественными, чем вражеские монстры, от взрывов покраснели и загрозили. Пустотные щиты усиливались отчаянными кэрлами, поднимались из неисчерпаемых колодцев под Клыкот, пока невидимые барьеры не сдались. Треснул и обрушился камень, сметенный потоками огня и энергии.

Над аркой Врат Восхода была вырезана рүна Гторл, символизовавшая Неповиновение.

И когда ее наконец разбило взрывом, как будто сами камни тяжело вздохнули. В воздухе раздался щелчок, и волна энергии вырвалась из цитадели. Глыбы гранита и адамантия обрушились, нарушая симметрию контрфорсов. Под вратами появились трещины.

затмеившиеся по земле струйками черной
лавы.

Оставшиеся пустотные щиты
вздрогнули, и те, что были на уровне
земли, отключились. Поток огня
немедленно хлынул в брешь. Тараны дали
еще залп, и Врата Восхода были
разрушены.

Когда рассеялись огненные шары,
мощные врата косо свисали на петлях
размером с «Грозового ястреба», а вокруг
все так же расцветали взрывы.

С мгновение никто не двигался.
Словно ужаснувшись содеянному, орда
Тысячи Сынов вдруг отступила,
установившись на гигантскую рану в теле
горы. Ветер яростно завывал, гуляя на
поле боя, но теперь злость в нем сменилась
тоскливым плачем.

А потом оцепенение спало. И враги
побежали вперед, сопровождаемые
танками и бронетранспортерами.
Артиллерия прекратила обстрел. Орда
авангарда, тысячи сильных воинов, строй
за строем неслись к вратам, внезапно
преисполнившись надеждой на победу.

Все они начали понимать, что совершили то, что еще не удавалось никому. И в свете этого знания даже страх перед Волками слегка уменьшился.

Каждый штурмовик, от самого последнего оружейного сервитора до могущественного колдуна, знал правду, ту правду, которую уже никогда не стереть из анналов галактической истории.

Они подступили к цитадели Русса, самой мощной человеческой крепости за пределами Терры, и сломали ее оборону.

Чернокрылый, пригнувшись, побежал, лавируя меж выстрелами, оставлявшими выбоины в стенах. Разорванные кабели выпускали на пол снопы искр. Его люди либо погибли, либо отступили еще раньше, чем он. Это был не бой, а бойня.

Чернокрылый метнулся к углу перекрестка и притаился у ближайшей стены, развернувшись к преследователям. Сначала в поле зрения вылетело безжизненное тело одного из кэрлов, а затем возник десантник-рубрикат.

Открыв огонь и потратив дюжину

болтов на бессмысленную стрельбу, скаут
вскочил на ноги и бросился дальше по
коридору. На бегу он рискнул бросить
взгляд назад.

Десантника-предателя изрядно
потрепало, броня была во вмятинах и
дытилась, но он уже поднимался на ноги.
Оглушительно рывнул его болт-
пистолет, и Чернокрылый нырнул за
переборку. В нее вонзились и взорвались
шесть снарядов, и скауту пришлось
удирать дальше, спасаясь от ливня
осколков.

+ Только один из вас, + раздался в его
голове чужой голос. Он сбивался, словно
говорящий был, терзаемый ужасающей
болью. + До этого момента я даже не
вполне в это верил. +

Чернокрылый никак не мог ответить
и сосредоточился на выживании --- хотя бы
в следующие несколько минут.
Положившись на свою генно-усиленную
ловкость, он, прыгая и пригибаясь,
постарался убраться подальше от
десантника-рубриката, вслепую паля за
спиной.

Коридор перетек в большой зал, один из тех, где он совсем недавно проходил. Его солдаты соорудили здесь подобие укреплений, перевернув столы и ящики для баррикад. Они открыли огонь, когда Чернокрылый ворвался в помещение, чуть не попав в скаута вместо громадного монстра.

Чернокрылый приземлился за одним из перевернутых столов. Он выхватил силовой меч, короткий колющий клинок и включил расщепляющее поле. Спустя пару мгновений в зал ввалился десантник-рубрикат.

Он отмахнулся от огня скъолдтаров, словно от града гальки. Десантник-предатель был невероятно быстр для своих размеров. Отбросив часть баррикады к стене, он посылал болты в беззащитных солдат.

+ Да еще и простой скаут. Похоже, мне везет. +

Чернокрылый отбросил стол в сторону и выпустил очередь болтов в десантника-рубриката. От некоторых тот увернулся, с потрясающей ловкостью

подныривая под выстрелы. Остальные
попали в цель, взрываясь на броне и
откалывая куски шлема и наплечников.

Скаут бросился в атаку, размахивая
кинжалом и целясь в кабели на шее
предателя. У господина VJJ тина «Аквила»,
в который был облачен рубрикат,
существовало лишь несколько слабых
мест, и это было как раз одно из них.
Клинок скаута со свистом понесся к цели.

Но не попал. Предатель скользнул в
сторону и, размахнувшись, ударил кулаком.
Волк успел отдернуть голову, но враг все
равно достал его, понав в щеку и подбросив
в воздух.

+ И не поспоришь, не правда ли? +

Чернокрылый извернулся в полуполете
и обрушился лицом на пол. Визор разбился
от удара, и перед глазами вместо
картинки заплясали суетасшедшие
фрагменты.

Так вот почему они не надевают
шлемов.

Пошатываясь, скаут заставил себя
подняться. Он слышал разрозненную
стрельбу: это несколько выживших кэрлов

предприняли отчаянную атаку на десантника-предателя.

По вискам его струилась кровь. Золотой монстр был занят убийством солдат, с хрустом ломая им конечности, прежде чем пристрелить из болт-пистолета.

А на заднем фоне, хромя по коридору, двигался колдун.

+ Мы заберем этот корабль, когда ты поколеешь, Нес, + прохрипела фигура в маске кобры. + И переместился прямо в центр вашего флота. +

Чернокрылый потряс головой, схватившись за меч и оценивая расстояние. Растерзав последнего кэрла, десантник-рубрикат повернулся к Волку.

+ Затем я взорву варп-двигатель. Что ты об этом думаешь? +

Чернокрылый вскочил на ноги. Двигаясь предельно быстро, он дал очередь в предателя, одновременно метнув клинок в колдуна. Металл блеснул в воздухе.

Волк сделал все почти идеально. Ошелотительная атака с двух рук на невероятной скорости. Отличная задумка.

Его болты вшивались прямо в цель, сотрясая броню десантника-рубрика и отрывая от нее большие куски.

Клинок, способный пробить кералит, со свистом летел к цели. Прыгая за ним следом, чтобы прикончить колдуна, Чернокрылый успел испытать гордость. Немногие из его боевых братьев могли бы повторить подобное. Это было великоленно.

А затем клинок врезался в кинетический щит колдуна и разлетелся на мелкие осколки. Десантник-рубрика пошатнулся, ему оторвало правую руку. Но монстр выровнялся и вновь стал наступать.

В этот момент Чернокрылый понял, что он покойник. Он больше ничего не сможет пожелать с врагами.

Тогда я загрызу вас, ублюдки!

— За Фенрис! — зарычал он, метнувшись к сгорбленному колдуну, толотя по врагу и чувствуя, как отскакивает кулак от щита.

Внезапно колдун испустил дикий, болезненно-яркий, разноцветный луч света,

за которым последовал оглушительный грохот. Нахлынула вонь Умлатериума, и Чернокрылого опять швырнуло на спину. Он с треском приземлился среди трюнов и фрагментов баррикады. Что-то тяжелое ударило его по голове, еще больше повредив визор. Мир вокруг закрутился волчком, выбитый из колеи нечестивым высвобождением варп-энергии.

Какое-то время оглушенный скаут лежал неподвижно. Что-то взрывалось и грохотало, сверкали новые разряды варп-энергии, от которой слезились глаза. Потом все стихло.

И какая-то мысль постучалась в его разум.

А ведь я не умер.

Морщась от боли, он поднял голову, чувствуя, как сдвинуло шейные позвонки. Десантник-рубрикат в трех метрах от него застыл прямо в броске. Колдун валялся на полу, его мантию пожирало жадное пламя, доспехи были расколоты. Плоть внутри оказалась... кошмарной.

--- Не смотрите сюда, --- раздался знакомый голос.

Игнорирүя совет, Чернокрылый повернул голову, чтобы выяснить, откуда он исходит.

Там стоял Нейтан, открывший свой варп-глаз. Навигатора трясло, его лицо было белым как полотно.

--- Я пришел вас забрать, --- разгневанно бросил он. --- И благодарите Императора, что мне это удалось, тупой вы ублюдок!

Грейлок бежал к пролomu, свита неслась на шаг позади, спаренные когти лорда светились в темноте подобно расщепляющему полю.

--- За Рүсса! --- вопил он, и крик эхом бился о стены залов-пещер.

Впереди виднелись разбитые Врата, все еще пылавшие от уничтоживших их взрывов. За клубами дыма и градом огня приближался враг. Первые ряды захватчиков уже подходили к пролomu, вдохновленные опустошительной работой таранов. На дисплее шлема Грейлока вспыхнули сигналы, когда машинный дух брони ощутил тысячи жизненных

показателей впереди, и перевели их в рунные цели.

Яростно рыча, ярл вырвался на открытое пространство, уклоняясь от лазерного огня и вдыхая холодный, резкий воздух Фенриса. Даже загрязненный машинным маслом и едкой вонью горящего прометия, он все равно был свежее, чем в самой цитадели.

Мы хищники. И здесь наше место.

Отряд скользил рядом с ним, в массивной терминаторской броне пробиваясь через груды дымящегося металла и камней. Над головами грохотали залпы. Это стреляли Длинные Клыки, все еще скрывавшиеся в недрах горы. Не уступали им кэрлы в панцирных доспехах, метко стрелявшие из тяжелых реактивных установок. Им было трудно состязаться с Волками, но Грейлок знал, что они так же жаждут схватиться с врагом.

При поддержке яростной бури, призванной Стурмъяртом, Грейлок врезался в ряды захватчиков. То были мертвые, как и его кэрлы, облаченные в

защитные костюмы и вооруженные
лазганями. Он убил уже сотни таких воинов
с тех пор, как первые вражеские корабли
осквернили его родной мир. Прежде чем
они успели что-либо предпринять, он уже
был среди них, прорезая себе путь в
человеческой массе.

— Убить их! — ревел он, чувствуя, как
кажда убивать все сильнее искажает его
голос. — Убить вас всех!

Он едва ли слышал грохот и треск
ударов, когда его свита вливалась в битву,
и каждый Волк выкрикивал собственную
боевую клятву, разрывая глотки врагам и
прорываясь через авангард Тысячи Сынов. В
воздух взлетали оторванные конечности и
куски брони.

Серые «Лендрейдеры» выбрались из
разрушенных врат, с ревом полосая
разбитую почву и обрушивая сильнейший
болтерный огонь и лучи лазпушек на
противника. Появлялось все больше
Волков, Серых Охотников и Кровавых
Когтей, их броню украшали грозные
мотеты смерти и отмщения.
Наступление Тысячи Сынов

приостановилось.

Грейлок был на острие атаки. Волк внутри его жадно облизывался, требуя все больше убийств и наслаждаясь видом солдат, разогранных его когтями. Ярл продолжал обрушивать клятвы ненависти и проклятия, круша врагов.

Рыки вызова и ярости издавались не просто так. Они были частью ритуала запугивания, сводя с ума людей послабее. Каждый удар доводился до болезненного совершенства, каждый выпад клинком точно рассчитывался, каждый болтерный залп делался с прицелом. Волки охотились так, как научил их ярл, — быстро, неотступно, смертельно. Прямо перед ними Белый Волк проложил себе путь через стену живой плоти, его когти обгазились кровью, энергия струилась с его рук и потрескивала ледяной яростью.

Мы должны заставить их дорого заплатить за проход через ворота!

Грейлок ударил ближайшего солдата, разорвав его пополам, прежде чем наброситься на бронетранспортер, пытавшийся развернуться на раскисшей

гряди и гравии. Ярл не останавливался ни на секунду, вертясь волчком и скашивая врагов направо и налево, словно целая стая хищников. Трейлок чувствовал, что его защищали могущественные заклинания Стурмъярта, барьер против чар колдунов. И знал выгоду этой защиты: на короткое время он мог убивать беспрепятственно, купаясь в крови тех, кто пришел и принес смерть в его владения.

Он использовал эту возможность с максимальной выгодой.

В тени Врат с грохотом и треском столкнулись две армии: одна громадная и мощная, другая по-звериному быстрая и хищная. Клык полыхал. Его склоны вздрагивали от звуков начавшейся наконец рукопашной. Гибли люди и горели машины, снижались штурмовые суда, возобновляя атаку, и каждый солдат осознавал холодную реальность.

Петля была наброшена, и вот она начала затягиваться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

У Фрейи было такое чувство, словно она провалилась в наркотический транс. Тело болело после перестрелки, она ощущала, как сочится по ребрам кровь. Спуск сюда был безумием чистой воды. Трое солдат погибли, пока их господин занимался своими делами в том провале. Даже ошеломительное появление Бьорна, фигуры, существование которой всегда казалось девушке скорее мифом, чем реальностью, не смогло перебить ощущение тщетности этого предприятия.

Разящая Длань оказался лишь одним из гредноутов, пробужденных Арфангом. Появились и другие, передвигаясь с размеренной, рычащей величавостью. На подъем этих почтенных воинов ушли долгие часы. Все это время стоя чудовищ

таилась в тенях, забывая и перебегая с места на место. Непонятно, сколько же их было, — дюжина, а может, и больше.

Фрейя не знала, кого опасаться больше — бесформенных кошмаров Подземелья Клыка или трачных оживших мертвецов. Когда гредноуты проходили через двери склена, они разминали гигантские кулаки и вращали стволы автомашек. Даже по меркам кровожадного оргена вид их был устрашающ. Гиганты шипели и источали пар при движении, выбрасывая клубы дыма из выхлопных отверстий. Все они были покрыты древними рунатами и украшены звериными шкурами, почерневшими от старости и ставшими твердыми, словно камень. С приходом каждого нового гиганта воздух в зале начинал вибрировать чуть сильнее из-за работы его двигателей.

Бьорн не протолкнул больше ни слова и держался в стороне. Время от времени он вздымал громадный, окутанный толнями коготь и вращал лезвиями, словно напотиная себе о чем-то из далекого прошлого. Ни один из смертных

не остелелся подойти к нему, впрочем, как и звери. Чудовища прокрадывались тихо, опустив головы и капая слюной из пастей. Они покорялись ему, словно щенки стаи, признавшие лидерство главного хищника.

Когда они попадали в поток скудного света из раскрытых дверей склена, Фрейя различала отдельные очертания. Все они были пестрой смесью животных форм, согнутые и странные. При движениях среди меха и сухожилий поблескивал металл. У одного из якобы волков на гладкой морде вообще не было глаз, у другого имелись стальные когти, у третьего была почти человеческая улыбка, несмотря на жуткие клыки в пасти. Монстры были громадными, почти такими же, как волки Фенриса, что водились на высокогорье, но не обладали дикой животной грацией последних.

--- Не смотри на них. Они воспринимают это как вызов.

Голос прогрохотал за ее спиной, почти такой же низкий и механический, как у Бьорна. Фрейя резко обернулась в темноте и оказалась лицом к лицу с

другим дредноутом. Насколько она могла
выглядеть, он выглядел так же, как
остальные, — мощный, с квадратными
очертаниями, гудевший
концентрированной угрозой. Возможно, на
нем было чуть меньше боевых отметин,
чем на остальных, и он казался почище. Но
только слегка. Девушка смогла разглядеть
на массивной бронированной ноге руну
Гордости — Джнер.

— Благодарю, лорд, — покорно
ответила она, хотя было бы лучше
услышать этот совет до того, как она
отправилась охранять сервиторов. Любовь
Волков к буйным опасностям просто
выводила из себя. Почему, во имя Хель,
такие ужасы терпят в Эмте?

Дредноут устроился рядом с Фрейей.
Какое-то время он стоял неподвижно,
загадочный за чистой лицевой пластиной
из кератита. Нахло от него маслами и
выхлопными газами.

— Ты смертная. Почему здесь нет
Небесных Воинов?

Отличный вопрос.

— Они слишком заняты, лорд. На Эмте

Напали.

Дредноут ответил не сразу, а когда заговорил, речь его была медленной и запинающейся.

--- Напали, --- повторил он, словно сама идея подобного события с трудом укладывалась у него в голове.

Гигант окунулся в созерцательное молчание. На его корпусе вспыхивали ряды огоньков. Возможно, они символизировали какую-то замедленную временную систему, которая теперь включалась. Каждое движение дредноута было тяжелым и нерешительным.

А я думала, отчего это мне плохо по утрам.

Чудовище Подземелья проскользнуло мимо них, прижимаясь брюхом к каменному полу. Фрейя напряглась, подняв оружие.

--- Опусти.

Девушка все так же держала винтовку, направив ее на мешанину меха и клыков. У монстра были бледно-янтарные глаза, сиявшие в темноте. Она почувствовала, что невольно сжала зубы.

--- Я сказал --- опусти.

Фрейя медленно опустила оружие. Сварь не обратила на нее внимания, но демонстрировала такую же покорность перед гредноутом, как прежде ее собратья перед Бьорном.

--- Что они такое? --- спросила девушка, глядя на странную сцену.

--- А ты любопытна.

Фрейя мысленно поморщилась.

--- Мне говорят об этом, лорд. Это слабость, и я должна трудиться, чтобы исправить ее.

--- Да, хорошая идея.

Чудовище кинуло один-единственный взгляд на Фрейю, в котором она не смогла ничего прочесть, а затем убралось обратно в темноту. Девушка заметила тусклую металлическую часть задней лапы. Там были стальные сухожилия, мягко ходившие поршни.

--- Смертная, они --- оружие. Все мы оружие. Даже ты по-своему тоже оружие. Этого будет для тебя достаточно.

--- Да, лорд, --- ответила Фрейя.

поклонившись. Она почувствовала, как от негодования у нее зарделись щеки.

Мои люди погибли из-за ваших проклятых тайн!

--- Меня зовут Альбр. При жизни я был Кровавым Котом, хотя Долгий Сон... изменил это.

Признание стало для Фрейи сюрпризом. Она не знала, что ответить. Ее не учили вести беседу с гредноутами. О Русс, даже с обычным костюгесантником было довольно тяжело разговаривать.

--- Это мое первое пробуждение. Процесс сложный. Расскажи мне о мире живых. Это поможет.

--- Что ты хочешь знать, лорд?

Последовала пауза. Арфанг был все еще занят в склепе. Фрейя понятия не имела, сколько Почтенных Павших было там и как много он планировал оживить. Процесс, возможно, подходил к концу, а возможно, был в самом разгаре.

--- Все, --- прогудел Альбр, и в его рокочущем голосе прорезались жадные нотки. Или же это было отчаяние. Мольба была почти детской. --- Расскажи мне

все.

--- Фенрис хъямлар кольгт!

Огаин Стүртъярт не сдержал
цветистой череды ругательств. Его
мощные легкие болели. Жрец стоял перед
разрушенными Вратами Кровавого Огня,
обеими руками стиснув посох и направляя
ярость стихии. Поле боя почернело, когда
солнце Фенриса, этот древний кроваво-
красный шар, давший Вратам их название,
медленно утонуло за клякстой линией
горизонта. Небо уже окрасилось в темный
багрянец, испещренное полосками дыма и
вспышками горящего прометия. Обстрел
продолжался, град выстрелов
мастерством рунного жреца превращался
в безобидные кляксы.

--- Хъолга! --- прорычал он, оскалив
клыки и чувствуя, как отзывалась на его
призывы ужасающая мощь. Молнии,
ослепительно-белые и искрящиеся
спектральной энергией, змеились с небес,
обрушиваясь на вражеские войска и
раздирая в клочья целые колонны людей и
техники.

Волчья пехота набросилась на врагов, оттесняя их от пролома. Серые Охотники прорубали себе дорогу через полки мертвых солдат с Просперо, которые пятились от грозного огня Длинных Клыков. Кровавые Когти завывали в остервенении чистой жажды убивать. А по флангам двигались рычащие «Лендрейдеры» и целые ривены кэрлов. Защищаемые бурей Стүртъярта, Волки могли безнаказанно убивать и жадно пользовались этой возможностью. Магия колдунов Тысячи Сынов не могла ответить натиску рунного жреца с тех самых пор, как несколько часов назадпали врата. Колдуны были заняты защитой собственных войск от гнева стихий.

При этом положение защитников Фенриса оставалось крайне опасным. Волки сражались, словно полубоги, уничтожая целые батальоны мертвых. Но в одном лишь авангарде их были многие и многие тысячи. К тому же время от времени мощный поток лазерных лучей поражал кого-нибудь из Охотников. Каждый раз, когда падал очередной

Небесный Воин, в груги Стүртъярта с новой силой вспыхивал всепожирающий гнев, и завихрения бұри становились еще смертоноснее.

И все-таки защитники Клыка отступали. Предатели-гесантники побеждали в битве. Они были зеркальной противоположностью Влка Фенрика, равными в смертоносности, но совершенно другими в бою. Если Волки сражались с азартом, ликую в своей первоизданной мощи, Тысяча Сынов шли в бой безмолвно, шагая, словно странным образом ожившие бронзовые призраки. Их было уже слишком много, но с каждым часом в зону боевых действий прибывали все новые и новые.

Однако, несмотря ни на что, воины Двенадцатой сражались с таким рвением, что оба сердца Стүртъярта пылали гордостью. Всюду Волки ввязывались в бой, не думая ни о чем, кроме уничтожения врага, которого ненавидели сильнее, чем могли бы выразить словами. Когда зашло солнце, Стүртъярт увидел одинокого Серого Охотника, сражавшегося с целым отрядом гесантников-рүбрикатов. Его

силою топор долго сверкал в темноте, прежде чем исчезнуть в потоке сапфировой брони. Этот маневр стоил Волку жизни, но он дал целой роте кэрлов время, чтобы отступить на место повыше и занять удобные огневые позиции.

Как же горько было терять брата-воина. Но всем была известна цена: каждый метр земли, каждый камень, каждый клочок почерневшего льда будут куплены реками вражеской крови. Таким Фенрис был всегда, с самой зари Улнериута, и всегда таким останется.

Стурмъярт кинул быстрый взгляд через плечо на бывшие ворота. Горделивые арки превратились в груды камней. В свете выстрелов он разглядел кэрлов, торопившихся к выходу. Многие несли боеприпасы, среди которых были и свежие обоймы к болтерам. Эти смертные отдают свои жизни, чтобы доставить боеприпасы на передовую, к Волкам.

Жрец увидел в глазах кэрлов ожесточенную решимость.

Не боятся. Кровь Рюсса, они не боятся! Он вновь повернулся к полю битвы.

Насколько хватало глаз, широкая гамба кишела врагами. Все было заполнено пехотой и бронированной техникой.

Неумолимо и неотвратимо враг приближался к цитадели Рүсса.

— Вы еще не добрались сюда, неверные ублюдки! — прорычал Стүртъярт, взмахнуv посохом и придав еще больше мощи буре. Зазмеились молнии, разрывая целые колонны десантных машин и подбрасывая обломки брони высоко в воздух, где их подхватывал напоенный огнем воздух.

Впервые с начала войны Стүртъярт стал сатит собой. Слишком долго он терзался виной и жаждой искупления. Неудачное предсказание о нападении ударило его очень тяжело, загнав кипучий волчий дyx в незнакомую ему область сомнений.

Довольно! Моя дyша живет для другого.

Эта необъятная сила очистила его. И, направляя стихии на праведное убийство, его кровь была так же горяча, как тьог. Жрец ощущал Хеликс,

серобокого зверя, который рычал в пещерах
его разума, выпуская когти в диком
наслаждении.

Стүрмъярт посмотрел наверх. В
черневших небесах низко летело звено
вражеских штүрмовиков. Враги не сумели
сокрушить его колдовством и решили
задействовать оружие попроще.

--- Давайте! --- заревел жрец. Его посох
вспыхнул пламенем вюрга, вмещающая мощь
столь дикую и яростную, что одно только
ощущение ее заставляло Волка хищно
ухмыляться.

К тому времени как штүрмовики
достигли линии огня, Огаин Стүрмъярт,
верховный рунный жрец ордена
Костических Волков, хохотал во всю силу
своих старых, закаленных в боях легких.

К тому времени, когда Арфанг
закончил ритуалы, из склепа выбрались
двенадцать гредноутов. Все они
возвышались в темноте, хищно шутя
двигателями. Сервиторы сновали вокруг
каждого гиганта, стазывая подшипники и
регулируя работу сочленений. Громоздкие

машины смиренно ждали, подобные
огромным зверям, что терпят паразитов-
чистильщиков.

--- Лорд, я больше не могу ничего
сделать, --- объявил Арфанг, поклонившись
самой величественной фигуре. --- Врата
разрушены, там кипит битва. Ярл
Грейлок вновь призывает меня на
поверхность.

Бьорн громоздко развернул торс в
сторону железного жреца.

--- Грейлок? Ваш Великий Волк?

--- Нет, ярл Двенадцатой,
единственной роты, что осталась в Этте.
Орген призван на Гангаву, где находится
Магнус Красный.

При упоминании Предателя Бьорн
издал низкое угрожающее рычание,
громкий механический грохот, исходящий
из самого сердца машины.

--- Расскажи мне все, пока будем
подниматься. Твои новости гnevят
меня, железный жрец. Нужно было
посоветоваться со мной, прежде чем
лететь туда.

Голос почтенного гредноута

постепенно терял свою медлительность. Древний разум машины постепенно просыпался. Бьорн говорил со странным акцентом, который оставался даже после обработки голоса всеми слоями вокалдинамиков. Каждый слог Бьорн произносил архаично, будучи самим олицетворением прошедших веков.

Фрейя против воли подвинулась его речи. От предвкушения у нее мурашки забегали по коже. Голос был тяжелым, словно гранитные корни горы. Но было в нем и что-то еще. То же самое, что и в речи Альдра.

Они искалечены скорбью, тьмой и холодом. Все это вошло в их души.

Арфанг, извиняясь, поклонился Бьорну и вновь взялся за посох. Раздался слабый щелчок, что-то в механизмах его брони послало сигнал сервиторам. Те выстроились вереницей. Все эти кошмарные полүлюги успешно пережили нападение. В отличие от солдат Фрейи. Трое мужчин останутся лежать мертвыми во тьме по крайней мере до тех пор, пока на поверхности кипит битва.

Без кремации и должных ритуалов.

И тогда Арфанг пронзительно взглянул на Фрейю.

--- Мы отправляемся назад, хускарл, --- сказал он все так же механически-резко, но теперь в голосе явно слышалась усталость, которую жрец и не пытался скрыть. Что бы ни делал Арфанг в склепе, ему пришлось работать на пределе возможностей. --- Ты прошла через тьму. Мои сервиторы целы.

Фрейю захлестнула волна горечи при этой холодной констатации. Ее окружали извращенные монстры и призраки из прошлого, которые не заботились ни о чем, кроме своих таинственных целей. Подыскивая подходящие слова, она сама чуть было не ответила слишком резко, что, без сомнений, было бы большой ошибкой.

К счастью, следующие слова Арфанга не дали ей заговорить. Он прямо уставился на девушку, хотя выражение его лица за потертой пластиной шлема было, конечно, невозможно угадать.

--- Благодарю тебя, --- коротко проскрежетал он.

Затем жрец развернулся и захромал к туннелю. Один за другим гредноуты поднимались на сервомеханизмах и шествовали за ним. С низким гудением бронированные гиганты выстроились в линию. Твари Подземелья Клыка, все так же скрываясь во мраке, внимательно наблюдали.

Один из солдат погодвинулся ближе к Фрейе.

— Что теперь, хускарл? — прошептал он по каналу связи.

Мгновение Фрейя понятия не имела, что ответить. Но затем страхнула изумление от благодарности Арфанга и с щелчком перехватила скъолдтар.

— Держись ближе, кэрл, — велела она. — Подальше от зверей. Но не мешай им, если последуют за нами.

Фрейя поторщилась, вспомнив, насколько они способны. Но не оставалось ничего другого, как приспособливаться. Важнее всего было то, что ее отряду все еще требовался командир.

— Они пойдут, как и все мы, — промолвила она, глядя, как массивная

фигура Альдра присоединилась к строю остальных гредноутов, --- на войну.

Кровавые Когти вновь бросились в атаку, перетахивая через валуны и скользя по неровной местности. Впереди неся Бракк, пригнувшись и подныривая под лучи лазерного огня. Несмотря на близость рассвета, было все еще темно, и ведущие кабылым Вратам Восхода склонно освещались лишь плазмой, стекавшей с уступов Клыка.

--- Устал, брат? --- поинтересовался Кулак Хель, набросившись на просперуанского солдата и врезав ему так, что человек отлетел метра на три к своим охваченным ужасом собратьям.

--- Конечно, --- отозвался Красная Шкура, застрелив нескольких смертных, прежде чем завести цепной меч. --- Но в остальном все отлично.

Кулак Хель растеялся, раздавая удары направо и налево потрескивающим силовым кулаком.

--- Не будь меня здесь, --- сказал он, нагоняя отступавшего солдата и с

ломающей позвоночник мощью вплющивая
его в землю, -- ты бы по мне скучал.

-- Как по болту в заднице, брат мой, --
ухмыльнулся Красная Шкура, погружая
клинок в тело одной из жертв, прежде чем
выдернуть его обратно и отрубить голову
другой.

Ни один не признался бы, что он
сражается на пределе возможностей.
Битва длилась уже несколько часов,
кошмарный, перемалывающий все и вся бой,
в котором Волки медленно отступали, с
отрадной необратимостью оттесняемые к
руинам врат. Хотя Когти предпринимали
атаку за атакой, каждой волной разбивая
врага, землю было не удержать. Слишком
много у врага солдат, готовых заполнить
образовавшиеся бреши.

И уж точно слишком много
десантников-рубрикатов. Пока Стая
Бракка справлялась со смертными
противниками, из темноты выныривало
все больше санфировых гигантов, чтобы
встретиться с Волками. Их оружие
сверкало во тьме.

-- Отбросы Предателя! -- проревел

Кулак Хель, устремляясь к нит, как только увидел ненавистную броню. В голосе его звенела особая ненависть, приберегаемая только для падших братьев.

Красная Шкура мгновенно оказался рядом с братом, и воины вместе набросились на рубриката, выбивая его из равновесия. С треском и грохотом остальные Кровавые Когти вступили в бой, рычанием высвобождая свою ярость.

К нит присоединился Бракк, вздымая силовой меч громадными, сокрушительными взмахами. Волчий гвардеец молчал, как всегда, но, как всегда, господствовал над всем вокруг. Он схлестнулся с десантником-рубрикатом, и их мечи встретились с громким, резонирующим клацаньем. Клинки танцевали, а сами десантники с такой скоростью наносили удары, что со стороны казались расплывчатыми пятнами, рубя и парируя с ошеломительной координацией и силой.

Кулак Хель и Красная Шкура вели атаку, оттесняя десантника-рубриката.

Красная Шкура ударил ценным мечом ниже торса, а Кулак Хель тем временем сделал выпад расщепляющим полет. Будущих противник смертным, он бы скончался в то же мгновение. Но предатель парировал мечом ценной клинок, прежде чем уйти от удара в голову. Выровнявшись, он выстрелил в Красную Шкуру из болтера, обрушив на спину и выведя Кровавого Когтя из боя.

Кулак Хель остался один. На долю секунды он увидел маску врага, освещенную вспышками бури. Маска была очень древней. Из линз сочился бледно-зеленый колдовской свет.

Воин внутри этих доспехов сражался уже многие столетия бесстрастно и утлено. Что-то ужасающее было в этом безмолвном видении — необратимая порча того, что когда-то было апофеозом человека.

На мгновение Кулак Хель оцепенел, пораженный зрелищем того, во что может превратиться Агентус Астартес. В кошмарных линзах маячило его собственное отражение.

— Малефикарүм! — раздался вгрудь
рядом низкий, резкий голос.

Новая фигура врезалась в десантника-
рубриката, обрушив его на землю. Кулак
Хель потряс головой, приходя в себя и
вспыхивая от стыда.

Эта тварь прикончила бы меня.

Он вновь ринулся в бой. Его
спасителем был Бракк. Отделенный от
остальных, волчий гвардеец одним
кинжолком оборонялся сразу от троих
десантников-предателей, включая того,
кто заморозил Кулака Хель. Старый воин
сражался, как берсеркер из старинных саг,
рассекая врагов смертоносным мечом
Даусвьером. Обугленные шкуры хлестали
по кератину. Кулаком свободной руки он
раскрошил змеиную маску одного
предателя, мечом пронзая руку другого.

— Кровь Рүсса! — С воплем Кулак
Хель бросился на помощь, чувствуя, как
энергия в силовом кулаке пробуждается к
жизни.

Он приблизился как раз вовремя,
чтобы увидеть, как ударили Бракка, как
разлетелась на куски лицевая пластина

шлема от близкого выстрела из болтера, а третий десантник-рубрикат нырнул Волка клинком в живот. На гвардейца наваливалось все больше безмолвных предателей, рубя и кроша, словно мясники, столь же бесстрастные в победе, как и в поражении.

--- Моркау!

Кулак Хель вихрем ворвался в этот круг, преисполненный ужасом и скорбью. Волк внутри его безудержно кричал, разинув пасть и зажмурив глаза. В глазах у Кулака Хель все покраснело, вспыхнули острые черные звезды. Он забыл все тренировки, забыл технику, забыл все, кроме накрывавшего с головой безумия. Он только чувствовал, как двигался, рубя врагов с ужасающей, неестественной скоростью. Вигел, как крошатся под ударами десантники-рубрикаты.

Где-то глубоко внутри его губы сложились в улыбку, обнажив желтые зубы.

--- Кир!

Прошли секунды, а может быть и минуты. Схватка захватила Когтя, превратив в безумную машину смерти. Он

убивал, убивал и убивал.

--- Кир!

Звук боя стихли перед ревом безумия, воплем животной ярости. Он был Волком. А Волк был им. Презрады исчезли.

--- Кир!

Перед ним возник новый противник, громадный, словно гора, с пылающими красными глазами. Кулак Хель приготовился к прыжку, готовый зубами порвать монстру глотку, выкупаться в горячей крови, пить ее и заглушать щемящую боль...

Громадная рука в перчатке сжала его руку с болтером. Пару секунд Кулак Хель еще рвался вперед, объятый жаждой убивать и потерянный в безумстве кровопролития.

--- Кир. Брат. Вернись.

Голос звучал спокойно, без криков.

В глазах у Кулака Хель прояснилось. Его держал здоровенный волчий гвардеец в металлически-серой терминаторской броне. Кроваво-красные линзы принадлежали Тромту Россек, цепной

Кулак был готов прикончить Кровавого Когтя. Все вокруг них двоих было завалено обломками десантников-рубрикатов. Их броня оказалась иссечена так, словно отряд попал в объятия жесточайшего урагана.

В венах Кулака Хель все еще отчаянно стучала кровь. Ужас был еще таким живым. Волк звал его назад, увлекал в объятия сладкого безумия.

— Кровавый Коготь, он ушел. А теперь мы отступаем. Больше ни один наш воин не погибнет под твоим началом.

Голос был исполнен скорби. Отказа он не принимал.

Сколько времени прошло в этой безумной ярости? Кулак Хель взглянул на дисплей в шлеме. Его отряд нес потери. Даже сейчас все больше вражеских сигналов приближалось к их позиции, притянутые бойней.

— Если ты останешься, Волк призовет тебя.

Кулак Хель знал, что это была правда. Он никогда еще не был так близко. Они с Красной Шкурой как-то стаялись по поводу Вульфена, отпуская шуточки о

спятивших ревунaх, когда поблизости не было жрецов.

Теперь он и сам это убигел. Убигел, во что может превратиться.

Козоть выключил расщепляющее поле вокруг кулака, и энергия погасла. У его ног лежало изрубленное тело Бракка. Кулак Хель стоял наг телом гвардейца. Помутнение прошло, и Волк почувствовал себя обессиленным.

Больным.

Он наклонился и высвободил клинок Даусвьер из смертной хватки волчьего гвардейца. На нем не было крови, ибо и те воевали против пустых доспехов десантников-предателей. Что ж, хотя бы клинок будет возвращен.

Россек одобрительно кивнул и направился назад, обратно к Вратам. Волки отступали. Дамбы были потеряны.

Объятый потрясением и горем, Кулак Хель повернулся, чтобы присоединиться к волчьему гвардейцу. И в этот момент к нему прыгнул Красная Шкура. Нагрудник Кровавого Козтя был расколот и изрешечен выстрелами из болтера.

Дыхание стало влажным и шумным, словно кровь все еще попадала в рот.

Он крепко сжал плечо Кулака Хель и сказал лишь одно слово:

--- Брат.

В прошлом после сражений два Кровавых Когтя всегда шутили над всем увиденным и сделанным. Это была их традиция, их дань жизненной энергии, пульсировавшей в генно-измененных венах.

Но не в этот раз. В голосе Красной Шкуры звучало лишь благое пожелание --- потрясенное, смешанное с ужасом благое пожелание.

Отступление было хорошо спланированным, и не случилось ни одного приступа паники. Первыми отошли кэрлы, потоком возвращаясь под ненадежную защиту обретенных Врат и подвергаясь постоянному огню в спину. За ними последовали Волки, двигаясь лицом к врагу, стреляя от пояса и приготовившись покарать любую попытку их догнать. Волчьи жрецы Клинка Вурма, всего четверо, включая самого старого Пса,

медлили дольше всех, собирая все геносетя, какое только смогли, прежде чем отступить. Артиллерия старалась прикрывать Длинных Клыков, но ее сил не хватало. Прикрывавшие ворота с флангов были почти полностью уничтожены, раздробленные вражескими снарядами и лазерным огнем.

Хоть авангард Тысячи Сынов и сильно пострадал от вылазки осажденных, врагов оставалось очень много. Когда подходы к бывшим воротам были наконец отвоеваны, вперед вырвались бронетранспортеры, изрыгая на поле боя массы смертных солдат. Среди них вышагивали десантники-рубрилаты, которых были уже сотни. За их сапфировыми спинами скрывались колдуньи. С отходом Стурмъярта и Разгоняющего Облака поле вновь очистилось для завоевателей, и над наступающими заблестели арки кинетических щитов. Ураган, причинивший им такой ущерб, выдыхался.

Трейлок наблюдал, как последние его воины исчезли в недрах Клыка. Он стоял на

каменном выступе как раз перед брешью
былых Врат Восхода, когти все еще
жужжали смертоносной энергией. Оба
сердца гүлко сокращались, дыхание
участилось. Волк яростно сражался,
может, яростней, чем любой из его воинов.
Как всегда, присутствовало искушение
поддаться радости убийств, отбросить
стратегические соображения и
насладиться охотой.

Я ярл. И должен быть выше этого.

Возможно, он будет сверх меры
вознагражден. Грейлок прекрасно знал свою
репутацию среди Кровавых Когтей и, быть
может, чересчур старался изменить свой
имидж слишком спокойного Волка.

В любом случае, он в конце концов
отдал приказ. Дамбы были освобождены от
войск, и теперь полчища врагов змеились к
уничтоженным вратам Клыка.
Ближайшие шеренги были уже в
нескольких сотнях метров. Захватчики
заплатили большую цену за право
забраться на склоны. Но только судьба
покажет, была ли она достаточной.

--- Как Врата Кровавого Огня? ---

спокойным голосом спросил Трейлок по
воксу, наблюдая, как все ближе
подкатывались первые линии врагов.

--- Все чисто, ярл, --- донесся ответ
Скриейи с дальней стороны горы.

--- Хорошо. Командуй там.

В последний раз прорывав вызов,
Трейлок последним из осажденных оставил
ворота и нырнул в громадную брешь.

В грожащей темноте он скользил
мимо громадных изваяний суровых воинов
прошлого, выстроившихся вдоль прохода в
гору. Над ними глубоко в теле камней
были вырезаны руны защиты и разрушения.
Никогда живой враг не видел эти статуи,
не ступал в священные порталы. Но через
мгновения сотни захватчиков грязным
потокот прокатятся мимо помертвых
изображений, спеша закончить начатое на
дамбах.

Никто из защитников не встретит
их здесь. Залы будут пустыми. Здесь не
было ни баррикад, ни огненных ям, ни
орудийных установок. Пока Трейлок мчался
в недра горы, лишь его тяжелые шаги по
грубому полу нарушали тишину.

Примерно через километр туннель закончился, и Грейлок ворвался в зал с высокими сводами, освещенный ревущим пламенем очагов. Здесь единая дорога в Клык разветвлялась на ряд коридоров и лифтовых шахт. В центре зала на гигантской цепи висела Великая Печать Рюсса.

Здесь его ждали защитники. Здесь были Россек, Разгоняющий Облака, Ройк и Клинок Вирта. Выжившие Волки тоже были тут, перезаряжая оружие и поспешно латая броню. Еще дальше суетились смертные, стараясь оправдать ожидания неумолимых хускарлов. Среди них ходили санитары, унося раненых подальше в глубь цитадели. Орудийные установки готовились к стрельбе по туннелю, который только что миновал Грейлок.

Но ничто не привлекло внимания Ярла, когда он ворвался в зал. Одна фигура доминировала здесь, и рядом с ней даже громадные воины в терминаторской броне меркли и казались ее уменьшенными копиями. В центре холла прямо под Печатью Рюсса возвышалась сама легенда.

Увидев Бьорна, Грейлок почувствовал, как подпрыгнуло к горлу сердце.

Не думая ни о чести, ни о своем звании, он упал на колени.

--- Лорд, ты отозвался на зов, --- произнес он, и в уставшем голосе искрилась поглотившая радость.

Дрежно он опустил коготь и неспешно призывал ярла подняться.

--- Ты ярл Грейлок?

--- Да, --- ответил волчий лорд, вставая на ноги.

--- И ты планируешь укрепиться здесь?

Пока Бьорн говорил, первые звуки преследования стали доноситься из туннеля. Вдали грохотали тысячи ног, раздавались боевые кличи солдат, жаждавших резни, в которой Волки отказали им, отступив.

--- Нет.

Бьорн ничего не сказал, лишь чуть склонился почти в человеческом жесте, выражая вопрос. Грейлок улыбнулся и кивнул Клинку Вирма.

--- Тар, давай, --- велел он.

Волчий жрец нажал на контрольную
ручку демонатора.

Мгновенно прогревели взрывы.
Крупные огненные цветы распустились по
всем километровым туннелям, дробя
камени и вырывая пещеры. Резкий гром
взрыва быстро сменялся оглушительным,
грохочущим ревом обрушения каменных
сводов, которые погребли под собой всех
врагов, что успели проникнуть внутрь.

Волна пыли долетела до Зала
Печати, неся на крыльях последние вопли
раздавленных заживо людей. Снаружи
Клыка из обрушенных Врат Кровавого
Огня и Восхода заклубились громадные
столбы черного дыма. Камни, лежавшие
ранее вокруг центральных Врат, теперь
свободной лавиной скатились по склонам,
давя солдат, готовившихся последовать
внутрь за своими собратьями.

Склоны горы вздрогнули, глубоко
внутри раздались последние, скрежещущие
взрывы. А затем в ночное небо поднялись
облака пыли, и их трепал утирающий
ветер.

Клык теперь был запечатан.

Бьорн пострел вниз, на Грейлока.
Волчий лорд пострел на Бьорна.

--- Неплохо придумано, --- прогудел
дредноут.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Гангава Прим, темный мир, далекий от гигантской красной звезды. Солнечная полоса медленно ползла по планете, когда та поворачивалась неосвещенной, ночной стороной. По всей затененной половине планеты вспыхивали искусственные огоньки, но в основном они концентрировались в яркое скопление высоко на северной широте. Город источал серные облака. Громадный, расползшийся спрутом город.

Стоя на мостике «Руссвангута», Железный Шлем смотрел на огни, тигавшие далеко внизу. Обитатели этих мест знали о прибытии Волков. У них были детекторы, сенсорные лучи, активированные пустотные щиты. Весь флот ордена, за исключением нескольких

сторожевых кораблей, оставшихся на Фенрисе, расположился здесь на орбите. Сконцентрированная огневая мощь была невообразимой, столь же огромной, как и армия, собранная в ходе Великого Очищения. У Гангавы не было орбитальной защиты, но она бы в любом случае тут не помогла. Стройные ударные крейсера и изогнутые эсминцы безнаказанно скользили в пустоте, готовясь обрушить Хель на мир внизу.

Великого Волка обуревала целая гамма чувств, когда он смотрел на город, который собирался уничтожить. В варпе он плохо спал. Магнус часто приходил к нему во снах, подстрекал его, настехался наг тем, что Железный Шлем десятилетиями не может поймать его. Великий Волк не видел лица примарха, как не видел его на протяжении многих лет прежних погонь.

Но Волк слышал голос врага. Незабываемый голос. Гордый, могущественный, учтивый, но с притесью плохо скрытого раздражения.

Мой отец сломал тебе хребет.

монстр.

Магнус самодовольно устехнулся на это, но в улыбке мелькнула боль. Настоящая, смертная боль.

Нависая над окулярами реального пространства, Железный Шлем чувствовал, как покалывает кончики пальцев в перчатках. Путь был слишком долгим. Но теперь всего несколько часов оставалось до высадки на планету десантных капсул, напоминавших дождь из темных семян, и все они упадут за границами защищавших город щитов.

Железный Шлем мысленным взором прослеживал их маршруты. Они в любое время были доступны на дисплее шлема, но он знал, что ему не придется им пользоваться. Он мог отчетливо представить все аспекты грядущей битвы. Закрывая глаза, он все равно видел тактические ходы, рисунок линий на гололите и руны, нанесенные на карту громадного города.

Многие в галактике верили, что Космические Волки просто дикари, чуть ли не животные, звери, которые слотя

голову несутся в бой, выкрикивая
маловразумительную брань. Лишь позднее,
когда враги обнаруживали, что их
поставки припасов сорваны, связь нарушена,
а союзники вдруг взбунтовались, то
понимали, что их представления не совсем
соответствовали действительности.
Планирование было крайне важным.
Планирование, координация передвижения
Стай, окружение добычи, чистота
убийства.

Волки были дикими, но отнюдь не
отсталыми. Гангава будет уничтожена
быстро и безжалостно. Примарх он или
нет, но Магнусу придется пожалеть о
решении обосноваться в зоне досягаемости.

В дверь за его спиной позвонили.

--- Входи, --- разрешил Железный
Шлем, не оборачиваясь.

Он слышал тяжелую поступь
Кьярлскара и чуть более легкие шаги
одного из рунных жрецов, Фрея. Два
облаченных в броню гиганта встали перед
Великим Волком.

--- Все готово? --- спросил Железный
Шлем, не отрывая взгляда от планеты.

--- Как ты велел, --- ответил Къярлскар. --- Девять Великих рот ждуть сигнала атаки; резерв будет готов, когда потребуется.

--- Есть новости с Фенриса?

--- Обычные астронавтические донесения, --- доложил Фрей. --- Никаких новостей. Думаю, им скучно.

Железный Шлем отрывисто растеялся:

--- Какая жалость. Мы привезем и наши трофеи, чтобы развеять скуку.

Къярлскар шагнул к окулярам. Его силы находились над городом на протяжении двадцати восьми дней. Железный Шлем знал, что волчий лорд все это время отчаянно хотел напасть, но подчинился приказу, что до тех пор, пока не прибудет весь флот, ни один болт не полетит во врага.

--- Фрей, ты все еще чувствуешь его? --- спросил Къярлскар.

Рунный жрец кивнул:

--- Он там, внизу. Там же, где был недели назад.

Къярлскар нахмурился:

--- Почему он столь пассивен? Вот этого я никак не пойму.

--- На Просперо было то же самое, --- спокойно протолвил Железный Шлем. --- Он верит, что колдовство защитит его, что нас укротит парочка заклинаний. Он даже представить себе не может, как что-либо может угрожать ему в его собственной цитадели.

--- А мы можем?

Железный Шлем повернулся лицом к Кьярлу Четвертой роты.

--- Кажется, ты сомневаешься, Арвен. Мне это не нравится, особенно перед битвой.

Но Кьярлскара было не запугать. Слишком уж он был стар, слишком много повидал битв.

--- Лорд, не приписывай мне страх или неохоту --- я бы сражался рядом с тобой даже за дверями Хель, и ты это прекрасно знаешь. Я лишь озвучиваю вопрос, который не высказал ни один из нас. --- Он спокойно воззрелся на Великого Волка. --- Убивали ли когда-нибудь смертные примарха в битве? Возможно ли такое вообще?

Железный Шлем не стал юлить:

— Не знаю, друг мой. Но так или иначе, мы получили ответ на этот вопрос.

Еще один день начался в ледяных пустошах Асахейма. Клык немного осел и обуглился. Потоки плазмы с орбиты прекратились. Ливень наступательной артиллерии тоже стих, так как на поверхности горы не осталось ни одной батареи защитников.

Почерневшие каменные склоны источали унылые столбы дыма. Когда стихла вызванная вьюгом буря, солнечные лучи морозного утра осветили всю картину опустошения и разрушений.

Тысяча Сынов теперь контролировали обе дамбы. Их войска свободно передвигались по широким каменным склонам. Все больше танков карабкались по склонам, и защитники более уже не мешали им. Одинокaя гора возвышалась среди колышaющегося моря захватчиков, а ее обитатели похоронили себя глубоко в ее недрах. Если бы не смотровая площадка на самой вершине,

Клык можно было бы легко спутать с любым другим клыком Асахейма, столь же безжизненным и заброшенным.

Когда солнце медленно поднялось, Афаэль отправился на смотровую платформу в километре от выжженной цитадели. Холод его нервировал. Вообще-то его физиология должна была делаться невосприимчивым к климатическим крайностям, особенно в броне. Но его все равно знобило.

Афаэль знал причину этой дрожи. Изменения в теле продолжались. Он сомневался, что сможет снять шлем, даже если очень захочет. Мышцы пальцев болезненно теснились в перчатках. Он изменялся. Первоначальная реакция — неверие — сменялась своего рода пугающей покорностью.

Был какой-то смысл в этой трансформации. Всегда и во всем имеется смысл. Просто Афаэль не знал, какой именно.

Платформу окружали десантники-рубрики. Часть их погибла при атаке на Врата, хотя смертных погибло в сотни

раз больше. Ярость Волков была вполне предсказуема, и Афаэль призывал мощнейшие силы, чтобы сравниться с бесподобным военным мастерством врагов. Отдельный Костицкий Волк, возможно, был самым непревзойденным мастером рукопашной во всей галактике. Но даже он мог прикончить лишь определенное число врагов.

Хетт уже ждал его на платформе, в ободранной и обугленной мантии. Его отряд десантников-рубрикатов попал в переделку. Афаэль слышал истории о том, как некоторые Волки впадали в ярость берсеркеров и убивали дюжины врагов прежде, чем погибнуть. Если так, то все шло хорошо. У Афаэля было достаточно войск, а Волки явно испытывали потрясение.

— Хорошая выдалась ночь, не так ли, Ратзес?

Раттор склонил голову в приветствии.

— Для вас, возможно. Я же потерял своих рубрикатов. Какой-то бешеный щенок снятил после смерти наставника.

— Тогда тебе придется взять по
начало несколько моих, друг мой.

Афаэль окинул взглядом окутанную
дымом гору. Когда-то девственно-чистые
ее склоны стали грязно-коричневыми.
Огонь все еще буйствовал и на галбах, где
догорал прометий.

Нсы, мы уже многого достигли.
Смотрите, как мы еще оскверним ваш
мир.

— Меня поражает, — задумчиво
промолвил Хетт, смотря в ту же
сторону, — как быстро Нсы способны
убивать. Никогда не видел, чтобы так
сражались. Любая другая армия в
галактике затаилась бы за стенами и
ждала, пока мы к ней подступим. А эти
встретили нас на открытом
пространстве, сражаясь, словно демоны.
Что или движет? Что делает их
такими?

Афаэль дернул плечами.

— Неужели я слышу слова восхищения,
брат? — спросил он. — Если так, то они
неуместны. Нсы были созданы для самой
грязной работы, за которую не возьмется

другие легионы. Они истребители, хищники Империи. Они не могут измениться и не способны стать лучше. Как и мы, они заперты в образе своего примарха.

При упоминании Рюсса Хетт совершил отбрасывающее знамение. Афаэль хрипло рассмеялся:

--- Не бойся, он не придет к ним на помощь, как тебе отлично известно.

Оба колдуна погрузились в молчание. Далеко под платформой через ряды войск прокладывали себе путь бронированные, тяжеловооруженные машины. Они были построены по древним чертежам, на их боках можно было разглядеть едва заметную эмблему Легио Кибернетика.

--- Так что сейчас? --- спросил Хетт.

--- То, о чем я говорил ранее, брат, --- ответил Афаэль, рассматривая машины с голей интереса. --- Будут использованы катафракты. Мы решили зарыться под землю.

Уставший от битвы, Афаэль глубоко вздохнул, даже через фильтры ощутив резкость воздуха.

— А ты, груз мой, будешь выкапывать их оттуда.

Чернокрылый вновь уселся на командный трон «Науро». Нейман занялся навигацией в своей каюте, кэрлы трудились не покладая рук. Курс сохранялся, судно тчалося на полной скорости, хоть двигатели и теряли топливо и охлаждающие жидкости.

С момента схватки с колдунот Тысячи Сынов и его немлым охранником прошел целый терранский день, отрезок времени, никак не связанный ни с исчислением времени на Фенресе, ни с естественным ритмом корабля. Но команда все равно придерживалась именно его, возможно полагая, что в их природе нечто функционировало согласно терранским циклам.

Какой бы ни была причина, двадцати четырех часов все равно не хватило, чтобы «Науро» обрел равновесие. По репутации Чернокрылого был нанесен чувствительный удар. Погибли все кэрлы, которых он взял с собой на охоту. У

команда знала, что только замешательство навигатора со смертоносным варп-глазом спасло космодесантника. В нормальных условиях это не сильно повредило бы пилоту. Но сейчас все были измотаны и истощены. Поднялся ропот, достаточно тихий, чтобы матросы не подверглись наказанию, но вполне громкий, чтобы обостренный слух Чернокрылого улавливал, о чем идет речь.

Нет, сплетни и жалобы его не заботили. На самом деле его задевало лишь то, что его чуть не прикончили воины в силовой броне и израненный заклинатель. Схватка должна была пройти лучше. Он все продумал, как и должен делать волчий скаут. Ему следовало устроить для них ловушку и поймать, как поймали его самого.

Чернокрылый крайне глупо угодил в перестрелку, и такая оплошность была хуже небрежности. Она приводила в смущение и замешательство.

Но по крайней мере, хвала Всеотцу, все закончилось для Волка не самым

хушим образом. Когда гибельный взгляд навигатора прикончил колдuna, последние остатки оживлявшей предателя магии исчезли, и пустые доспехи рубриката рухнули. Двигатели поглотили останки обоих, превратив разрушенный металл и израненную плоть в топливо.

С того момента Чернокрылый немало размышлял об этих двух «зайцах». Тело колдuna, хоть и искореженное переправкой, было во многом схоже с телами Волков. Коренастая фигура с усиленной мускулатурой и улучшенными органами. Во многом колдун стоял ближе к идеалу Agentus Астармес, чем сам Чернокрылый, с его волчьими чертами и особенностями, дарованными Хеликс.

Но десантник-рубрикат... вот он был очень странным. Внутри искореженной брони не оказалось ничего. Ни плоти, ни костей, лишь горстка серой пыли. Конечно, Чернокрылый слышал саги об обескровленных останках легиона Магнуса, проклятых темных ведьмовством Аримана. Их души были уничтожены, а души они обречены на вечную войну. Так

что, может быть, этому не стоило и удивляться. Чернокрылый должен был воспринять это как данность, как еще одну причуду сложной и трагической истории галактики.

Но он не мог перестать думать об этом. По какой-то причине то, что космогосантников можно было так искалечить, уничтожить сам нарек на их прежнюю природу, вызывало в Чернокрылом безумное отвращение. Есть некоторые вещи, с которыми просто необходимо разобратся. В случае сыновей Рүсса это был Вүльфен, темная часть Волка, что охотился в каждом из них.

Быть может, Тысяча Сынов страдают от какого-то похожего изъятия. Они, похоже, не стали бороться с этим пороком, но сознательно превратили себя в монстров. Чем больше Чернокрылый размышлял, тем больше все это ужасало его.

Вот в чем наше различие. Все мы испорчены, все старые легионы. Но Волки не сбежали. Мы каждый день сталкиваемся с собственным пороком.

Держимся близ опасности, чтобы становиться сильнее. Что бы мы ни сделали, мы должны об этом помнить.

--- Лорг.

Чернокрылый вынырнул из тумана рассуждений. Георит стоял прямо перед ним на командной платформе. Как и все мертвые на корабле, выглядел он ужасно. Мятая грязная форма, черные круги под глазами.

--- Говори! --- велел Чернокрылый, чувствуя пустоту внутри. Сам он бодрствовал уже много дней.

--- Поиски завершены. Ни на одной из палуб не выявлено подобных аномалий.

--- Хорошо. А как двигатели?

Георит глубоко вздохнул.

--- Я задействовал три командных матросов. Сдерживает самые сильные возгорания, но не знаю, насколько нас хватит.

--- Нам нужно шесть дней.

--- Знаю. Если бы у нас было больше людей... --- Он умолк. --- Но у нас их нет.

Это был намек? Умел ли в виду Георит тех мертвых кэрлов, что могли

не погибнуть, а трудиться на корабле?
Чернокрылый почувствовал, как от
раздражения волосы встали дыбом.

--- Все верно, штурман, --- протолвил
он. --- У нас недостаточно людей.
Недостаточно огнетущителей,
недостаточно запчастей для
поврежденных плазменных двигателей, и
генератор Теллера тоже дышит на ладан.
Я все это знаю, так что не нужно лишней
раз повторять. Мне нужно, чтобы ты
говорил то, чего я еще не знаю. У тебя
есть что сказать?

Тень воинственности пронеслась по
лицу штурмана. В таком состоянии
обреченности он был готов выкинуть все,
что угодно.

--- Вы знаете мой совет, лорд, ---
холодно произнес он.

Он все еще имел в виду остановку и
тушение пожаров при помощи пустоты
космоса. Тот факт, что человек уже
дважды предлагает одно и то же, лишней
раз доказывало, как пошатнулся
авторитет Чернокрылого.

Внезапно Волк понял, что трэлли

пог командным мостиком внимательно прислушиваются к разговору. Теорит говорит от имени всей команды. Они явно что-то задумали.

На космодезанта сошло холодное понимание ситуации. Последствия этого были серьезными.

--- Я полню твой совет, --- ответил он четко, зная, что будет услышан по всему мосту, и потому добавил к голосу низкое рычание. Янтарными глазами с узкими, с булавоочный укол, зрачками он воззрился на Теорита и оскалился, обнажив клыки. --- Возможно, мое предыдущее объяснение было недостаточно ясным. Так вот, у этого корабля лишь одна цель: доставить сообщение волчьему лорду Харему Железному Шлему на Гангаве и призвать его обратно на Фенрис. Мне все равно, даже если по трубам корабля будут ползать все демоны Хель или нам придется скорлмить печал всех наших трэллов, чтобы сохранить текущую скорость. Хель, мне уже все равно, даже если мне не придется вручить это сообщение. Но мы доберется туда и будем

там вовремя.

Чернокрылый подался вперед на троне, подняв коготь и направив его прямо на Георита. От угрозы штурман заметно побледнел.

— И ты это знаешь. Я лорд этого корабля. Он существует по моей воле. Его вюрг в моих руках, как и все ваши. Если я обнаружу попытку оспорить эту волю, повернуть этот корабль и не выполнить задание, я не буду медлить ни секунды и причиню тебе сильнейшую боль. Мы будем поддерживать скорость. Мы будем все так же чинить корабль. И не выйдем из варна. Это понятно?

Штурман поспешно кивнул, от страха белый как полотно, и сделал знак команде ускорить работу.

Чернокрылый устехнулся.

— Отлично, — протурлыкал он уже тише, чтобы его слышал только Георит. Рык угрозы все еще ощущался в его тоне, слабое эхо того, что скаут мог совершить, если бы захотел. — Вдвоем мы можем говорить более свободно. Возможно, ты преодолеешь в себе настрой остальной

команды. Первый смертный, который
решил устроить бунт на этом корабле,
встретится с моими когтями. Я сдеру с
него кожу заживо и залатаю ею дыры в
корпусе. Это не сильно улучшит наше
положение, но чувствовать я себя буду
гораздо лучше.

Чернокрылый вновь откинулся на
жесткую стальную спинку трона.

--- А теперь иди, --- прорычал он. --- У
изыщи способ, чтобы мы прожили еще
шесть дней.

Над алтарем вырисовывалась фигура.
Она еще не полностью материализовалась.
Через просвечивавшую кожу Темех видел
дальнюю стену. Но более проблематично
было то, что фигура оказалась не совсем
тем, кого он призывал. Это было не
изображение пламенеющего глаза, как
обещали его сны, не громадное лицо
притарха, закованное в высокий красно-
золотой шлем.

Это был ребенок. Рыжий мальчишка
в белом одеянии, болезненно юный.

--- Лорд, --- протолвил Темех, изыщно

спускаясь в Исчислениях.

Его работа не закончилась, и пройдёт ещё много дней испытаний и проб, но самая трудная часть осталась позади. Теперь, когда Афаэль не отвлекал, Темех работал гораздо быстрее.

--- Сын мой, --- ответил ребенок.

--- Вы выглядите не так, как я ожидал.

--- Чего же ты ждал?

Темех наслаждался знакомым диалектом. Он уже давно привык не слишком полагаться на визуальные проявления. Но то, как существо говорило, невозможно было подделать.

--- Как тогда, в башне. Я не уверен, что Волки сочтут ваш образ... устрашающим.

Мальчик улыбнулся, и вокруг глаз появились морщинки.

--- Что заставляет тебя думать, что мой образ на Планете Колдунів обладал какой-то особой убедительностью? Ты Корвид, Амүз. И знаешь, что видимое весьма сильно зависит от того, что хочешь видеть.

--- Возможно. В таком случае я хочу увидеть выражение вашей истинной силы.

--- Смотри внимательнее.

Темех сосредоточился. Может, это какая-то проверка. Если так, то колдун не понимал ее сути. Дитя выглядело слабым, хотя выражение единственного глаза и взрослые интонации несколько выбивались из образа.

--- Я думаю, вы только часть, лорд, --- промолвил он наконец. --- Возможность. Несмотря на мою работу, вы представляете собой лишь первые шаги на пути.

--- Очень хорошо, --- отозвался ребенок. --- Большая часть меня пребывает сейчас на Гангаве. Так должно быть, или иллюзия рассыплется.

Темех нахмурился:

--- Я не понимаю, лорд. Пытаюсь, но смысл ускользает от меня.

Ребенок не выглядел возмущенным таким ответом.

--- Ариман всегда одинаков. При всех своих дарованиях он принял неверное решение. Нет смысла сражаться при

помощи заклинаний со всей мощью Океана.
Что он принес нам в итоге? Пустые
оболочки, подчиненные колдунам. Есть
высшая сила в нашей трансформации, и
нужно научиться ее принимать.

--- Быть везде и нигде.

--- Даг, что ты помнишь.

--- Я помню ваши слова. Но до сих пор
не понимаю их.

Ребенок пожал плечами:

--- Вот время для твоего учения. У
для Хетта, Цатина и остальных. Когда
закончится эта война, у нас будет время,
чтобы начать все сначала.

Темех помедлил, озаренный
неприятной мыслью.

--- Вы не упомянули Афаэля.

--- А должен был?

--- Он величайший из нас, самый
могущественный из всех, что отказали
Ариману.

--- И он станет еще более
могущественным, сильнее, чем может себе
вообразить. Но сейчас нет такой срочной
необходимости обсуждать его судьбу.

--- Нет, думаю, что нет.

--- Я пришел воодушевить тебя. Я много поставил на тебя, Амуз Темех. Собранные флот и армия довольно скоро иссякнут --- и это их единственное назначение. А затем наши цели будут совсем иными.

Дитя улыбнулось. Столь простая мимика, но вмещающая целую бездну чувств. Гордость, быть может, и обвинение, но по большей части сожаление.

--- Не погведи меня, Амуз, --- мягко промолвил Магнус. --- Погвести отца --- смертный грех для сына.

--- Не погведү, лорд, --- промолвил Темех, зная, что имел в виду примарх, и в свою очередь отвечая совершенно честно: --- По крайней мере хоть этот урок будет тною хорошо усвоен.

Над Гангавой пробил наконец долгожданный час, и по всему флоту полетели сигналы. Плавно, без спешки над порталами запуска отключились щиты. Из отверстий хлынули волны посадочных капсул, вонзаясь в атмосферу и вспыхивая, словно кометы. Эскадрильи «Грозовых

астребов» последовали за ними, держа
строй треугольниками. Их острые носы
резко опускались, когда корабли входили в
разрезанный воздух планеты. За ними
быстро опускались тяжелые десантные
корабли, маневрируя при помощи
ракетных двигателей. Все серого цвета
Космических Волков, с черно-желтой
окантовкой и рычащей пастью на боках.

Зон высадки были дюжины, и все
находились вне пределов защищенного
щитами города. Железный Шлем
командовал неслетными силами и
соответственно с этим размещал свои
войска. Главных целей было три. Мощные
электростанции были обнаружены в
северо-западной части городского массива,
и две Великие роты отправились на их
разрушение. Еще две должны были ударить
по установкам пустотных щитов города,
расположенным на юго-западе и
окруженным мощной защитой.

Но главной добычей оставался центр
гигантского города. Целый район, во много
десятков километров в поперечнике, был
сооружен наподобие Тизки, с пирамидами.

взлетавшими высоко в напоенное пылью небо. Но это были уже не великоленные серебряные здания, что сияли под тусклым небом Просперо. На Гангаве промышленная пыль и грязь облепляли стены и крыши. Белая гота такими же грязно-красными, как вся планета. Из костоса они казались почти органическими, словно странные, геометрически правильной формы горы, возвышавшиеся над окружающим их хаотичным нагромождением жилых блоков и фабрик.

Где-то в этих пиратидгах и скрывался Магнус. Фрей вновь в этом удостоверился. Все рунные жрецы ордена чувствовали это, ощущали ужасающее присутствие примарха, затаившегося в центре самого большого сооружения, загрязнявшего бюрг, словно масляное пятно на поверхности воды. Железный Шлем руководил атакой на главную цель, взяв с собой целых пять Великих рот и большую часть рунных жрецов ордена. И все это с колоссальной огневой поддержкой. Их высадка на планету была запланирована рядом с пустотными щитами, в сомне

километров от хорошо охраняемого городского центра.

Тактики флота определили, что в городе сотни тысяч солдат, возможно даже миллионы, если все горожане вооружатся. И все они окопались за обширными укреплениями. Абзурь управляли передвижение отделений мобильной артиллерии, конвоем проезжавших по улице и проверявших ключевые точки города, блокируя движение по главным магистралям. Силы, собранные Магнусом, были хорошо вооружены и готовы к боевым действиям, несмотря на отсутствие орбитальной защиты.

Перехваченные сообщения дали некоторое представление об оборонительной стратегии. Приказы были закодированы, но многие шифры смогли взломать еще Къарлскар, так что командиром атакующих мало что осталось неизвестно. Из перехваченных данных стало ясно, что жители Тангавы прекрасно знают о том, что их ожидает. Их единственный ответ заключался в

численном превосходстве. Они не могли надеяться выиграть у Волков в битве, но планировали измотать захватчиков, заманивая в ловушки, где окопались тысячи мертвых с лазганями. По крайней мере, на это надеялись местные жители.

Кроме того, сами обитатели Тангавы с ужасом говорили о том, что обитало в пиратугах. Вновь и вновь разговоры по воксу касались Бича Волков. В первый раз это выражение вызвало на закаленном битвами лице Железного Шлема трагичную улыбку.

— Бич Волков? На старости лет он, похоже, полюбил телограты.

Его слова вызвали смех ярлов на командном мостике «Руссвангута», но теперь время для веселья прошло. Каждый воин отправился к цели с холодным, четким вниманием к деталям. Со всеобщим тщанием были проведены ритуалы ненависти, гривы непослушных волос приглажены, чтобы надеть боевые шлемы, болтеры проверены. Не было ни улыбок, ни шуток Кровавых Когтей, ни обычных подтруниваний Длинных Клыков. Все они

знали ценность добычи.

А затем десантные капсулы начали падать на планету, борясь с турбулентностью атмосферы и редким противовоздушным огнем.

Десантная капсула самого Железного Шлема, названная «Хекъярр», приземлилась одной из первых, подняв при этом гигантское облако красной пыли. С шипением вылетели болты люка, внешние сегменты капсулы отпали в кратер, выбитый в земле при посадке. Из крыши выдвинулись болтеры и ожили, пока отсоединялись ремни безопасности и всасывались в подлокотники кресел.

Как только убрали эту металлическую ленту, державшую Железного Шлема, Великий Волк стремительно сбежал по трапу на красную почву Гангавы. Ночное небо было цвета засохшей крови, испещренное темными следами отвесно падавших десантных капсул ордена. Вокруг возвышались здания, громадные черные шпиль из железа, связанные мостами и толстыми транзитными трубами.

Разведывательные огни метались по окрестности, пытаясь найти цели для артиллерии защитника, и где-то далеко завывали сирены. Негалеко от Железного Шлема загрохотали тяжелые орудия, и звук эхом отражался от отвесных стен окружающих построек.

Большой Волк глубоко вдохнул через шлем, наслаждаясь знакомыми запахами и звуками войны. Жажда убийства уже билась толчками во всех жизненных системах, готовя его к испытаниям и грядущему насилию.

--- Наконец-то мы на месте, братья, --- прорычал он, сжимая ледяной клинок и пробуждая к жизни энергетическое поле. --- Пусть же начнется убийство.

Клыкман кипел. В священном месте раздавались хриплые крики трэллов, спешивших выполнить распоряжения командиров. Ящики с бронебойными снарядами выгружались из грохотавшего транспорта и аккуратно ставились за башнями тяжелых болтеров и оружийных установок. Почти закончилось возведение баррикад в западной части гигантского зала.

Морек мрачно смотрел на это. Он слышал новости о враге и притерно мог представить себе его силы. Такие баррикады могли только чуть-чуть замедлить продвижение противника. В прошлом он верил, что Небесные Воины отбросят любую армию, но они уже были оттеснены дважды, понеся при этом

серьезные потери.

Ривенмастер потряс головой, пытаясь избавиться от мрачных чувств, не отпускаявших его после визита к творцам плоти. Все пространство вокруг превратилось в полевой госпиталь. В восточной части зала под громадной статуей Рүсса рядами были поставлены металлические кровати.

Словно пробирки на столе Клинкса Вирма.

Койки предназначались для смертных; раненые космогосантники переносились в специальные операционные, расположенные в Ярлхейме. Удя по проходу, Морек видел измученные лица раненых. Трэллы — творцы плоти работали быстро и ловко, сшивая и прижигая. Их методы были эффективны, но едва ли уменьшали боль. Морек видел, как крепкие, выносливые фенрисийцы, закаленные испытаниями и лишениями, кричали во время операций.

Одному из мужчин как раз ампутировали ногу ниже колена. Если он выживет, то со временем получит

искусственную конечность, но сейчас
принять участие в битве не стоило.
Ривенмастер видел, как корчился человек,
когда его тело принялись крошиться.
Пациент был напичкан болеутоляющими
препаратами, но все равно сохранял
достаточно сознания, чтобы понимать,
что происходит. Он изо всех сил сжимал
зубы, мышцы на шее вздулись веревками.
Пока творцы плоти делали свою работу,
он судорожно сжимал края койки, так что
побелели пальцы.

Морек отвернулся. Повсюду
раздавались стоны и низкие, хриплые
всхлипы. Сотни людей готовились к
операции, еще сотни лежали на гатбах, и
их тела уже затверзли, став твердыми,
словно лег. Впервые с начала битвы Морек
порадовался, что железный жрец забрал
Фрейю в Подземелье Клыка, вместо того
чтобы отправить в бой.

Они разговаривали лишь раз после ее
возвращения с нижних уровней. Морек
вспомнил, как обнял дочь. Он крепко
сжимал ее сильные плечи, чувствуя, что
она вновь в безопасности. И ему совсем не

хотелось ее отпустить.

Нуждалась ли она во мне тогда? А я в ней?

--- Папа, все хорошо? --- спросила девушка, с беспокойством заглядывая ему в глаза.

--- Как всегда, дочь моя, --- ответил он.

--- Что-то случилось?

Морек застонал:

--- Случилась война.

Они обменялись еще несколькими словами, прежде чем ее позвал громадный предок.

--- Папа, теперь я приписана к нему.

Прозвучало так, словно она этим гордится. Она никогда не была так горда раньше, работая на Небесных Воинов.

--- Что ему может быть нужно от мертвых?

Фрейя покачала головой:

--- Не знаю. Но что-то нужно. Они странные. Они помнят некоторые древние вещи, словно скальды. А что-то совсем забыли. Я помогаю ему вспомнить.

Морек заглянул в ее честное открытое лицо. Светлые волосы падали на

глаза, как и тогда, когда она была совсем ребенком. Ему приходилось сдерживаться, чтобы не приглаживать их назад. Ее мать всегда говорила, чтобы он так не делал. Сбивчивые, непрошенные слова крутились в его голове.

Ты все, что у меня осталось! Моя единственная связь с той, что была так прекрасна и неистова. Будь осторожна, дочь моя, — следи за тем, что говоришь, за тем, что делаешь. Береги себя. Пусть этот и все его залы охватит огонь, лишь бы ты спаслась!

Но он ничего не сказал, лишь поцеловал ее в лоб.

--- Выходи на связь, когда сможешь.

--- Обязательно, папа. Да хранит тебя рука Рюсса.

--- Пусть она хранит всех нас.

А затем она ушла, спеша за предновогодним, которого называли Альдрот Форкблейдом.

Морек вздохнул и посмотрел на громадную статую, пытаясь изгнать из памяти воспоминания. Внутреннее извращение Рюсса возвышалось здесь, как и

прежде, ноги чуть согнуты, лицо искажено
оскалом. У него были черты настоящего
Волка — вытянутые скулы, глиняные
клыки, суженные зрачки.

Минуло десять дней с того времени,
когда ярл Грейлок стоял здесь, воодушевляя
защитников Этта. Над ними возвышался
Леман Русс, и его дух приставивал за
всеми.

Знаешь ли ты? Знаешь ли ты, лорд,
что было сделано здесь с твоими
сыновьями? Проникает ли твой взор в залы
жрецов? Стирился ли ты с этим?

Катень не ответил. Все тот же
неизменный оскал и жажда убийства на
лице.

А затем началась суета в дальнем
конце зала. Громадный воин в угольно-
черной броне вернулся с поверхности. Его
доспехи были во вмятинах и ожогах, шкуры
содраны с плеч. Он вихрем пронесся мимо
рядов коек, а следом спешила стайка
трэллов.

Клинок Вирта вернулся. Он был без
шлема, глубоко посаженные золотистые
глаза яростно сверкали. Он направлялся к

шахтам лифтов, в свое логово в Вальгарде, место, где вел свои работы.

Морек проследил за ним взглядом, не в силах сдвинуться с места. Он не знал, смотрел ли на хранителя всего, что дорого ривенмастеру, или на разрушителя этого.

Внезапно Клинок Вирта, казалось, что-то почувствовал. Он напрягся, а затем вовсе остановился. Угрюмое лицо с острым крючковатым носом стало еще мрачнее. Волк огляделся.

Его глаза, глаза хищника, остановились на Мореке. Мгновение двое тужчин не сводили друг с друга взгляда.

Ривенмастер почувствовал, как заколотилось сердце. Он не мог отвернуться.

Он знает! Как он может знать?

А затем Клинок Вирта что-то проворчал и отправился дальше. Свита поспешила следом.

У Морекы закружилась голова, и он оперся о спинку кровати, виновато оглядываясь. Дежурные госпиталю продолжали работать. Никто ничего не

заметил. Да и почему они должны были что-то видеть? Он был простым кэрлом, мертвым, невозстановленным.

Ривенластер сгудорожно, глубоко вздохнул. Нужно было еще очень много сделать, его ждал целый ривен кэрлов. Пытаясь не замечать криков и стонов, Морек ускорил шаг.

Ему нужно занять себя.

И тут он вдруг осознал, что хочет, чтобы захватчики побыстрее пробили оборону и пришли. По крайней мере, с этими врагами он знает, как сражаться.

За двадцать четыре дня после того, как Железный Шлем созвал военный совет, одобливший поход на Тангаву, Круглый зал открывался лишь единожды. Он оставался почти таким же мрачным и темным, хотя на этот раз факелы в железных жаровнях горели чуть ярче. В настроении командующих не особо чувствовалось предвкушение победы.

Вокруг огромного каменного стола теперь стояли семь фигур, без шлемов, но в полном боевом облачении.

Присутствовали Грейлок, Стурмъярт, Арфанг и Клинок Вирта. Из волчьих гвардейцев были Скриейя и Россек. Огненно-рыжий воин выглядел совсем одичавшим, и его костатая грива топорицилась во все стороны.

Во главе стола возвышался Бьорн. Он вошел в зал почти час назад и долгое время оставался недвижим, молча уставившись в каменный пол. Никто не осмеливался потревожить его, пока гигант витал в прошлом, и никто не занимал места за столом, пока он не пришел в себя.

Когда совет начался, Грейлок внимательно рассмотрел гредноута. Керамитовый саркофаг был отделан совершеннейшим мастерством. На тяжелых передних панелях разместились золотые изображения волков. Железный череп со скрещенными костями располагался на глиняной лицевой пластине. Везде были вырезаны руны, и на каждую давно умершие жрецы разместили в нужном месте и связали целой сетью защитных ритуалов. Бьорн был воистину

великоленен.

Знаешь ли ты, сколько труда вложено в твой живой гроб? Но имеет ли это для тебя значение?

Бьорн пошевелился, словно мысли Грейлока каким-то образом передались ему.

--- Что ж, теперь мы планируем наше спасение. Ярл, твое мнение.

--- Все входы в Этт обрүшены, --- положил Грейлок. --- Взрывы сделаны с помощью мельта-зарядов и осколочных гранат. Часть взрывчатых веществ оставлена, чтобы взорваться, если завалы потревожат. Если Всеотец поможет, это сильно затежит раскопки.

--- Сколько у нас времени? --- спросил Скриейя.

Грейлок покачал головой:

--- Зависит от того, какие изгүшки они притащили с собой. Неделя. Может, меньше.

Низкий, скрежещүщий звук донесся из недр Бьорна.

--- Запечатаны, --- прорычал он. --- Совсем неблагородный способ вести

войнѹ.

Трейлока охватила легкая злость. Он принимал вынужденные решения, столкнувшись с армией, которая раз в двадцать, а то и больше превышала численность его людей.

--- Ты прав, лорд, --- промолвил он. --- Неблагородный. Но знамения против нас. Только восемьдесят семь братьев из моей роты все еще способны сражаться, не считая двенадцати Почтенных Павших. У нас несколько тысяч кэрлов --- достаточно, чтобы поддерживать оборону, но не более. Если враг войдет в Этт, нам придется сражаться непрерывно до самого конца.

--- Какие силы в распоряжении врага?

--- Много десантников-предателей. Возможно, шесть сотен, хотя мы уничтожили несколько отрядов во время первых высадок и подходов. Их смертные войска исчислению не поддаются. Бронированной техники очень много, но она, к счастью, не позожет им в туннелях.

--- И нет связи за пределами Фенриса?

--- Никакой, лорд, --- произнес
Стурмъярт. --- Наши астронавты были
коварно убиты каким-то дистанционным
оружием. Связь локального пространства
блокирована, и все попытки проникнуть за
барьер провалились.

--- Что могло совершить такое?

Стурмъярту явно стало не по себе.

--- Колдуньи пользуются мощными
темными силами, лорд, --- неубедительно
протолвил он. --- Что бы ни вызвало все
это, мы не можем победить. Любой флот
будет уничтожен блокадой вокруг
планеты. Мы огни.

--- А Великий Волк?

--- Все его мысли сконцентрированы
на Магнусе, лорд, --- встрял Клинок
Вирта. --- Если он вдруг сумеет выйти на
связь, враг вполне может представить все
так, будто на Фенрисе полный порядок.
Они завлекли его в ловушку и наверняка
позаботились о способах держать подальше
от планеты.

Бьорн погрузился в раздумья. В зале
воцарилась тишина, слышны были лишь
далекие, приглушенные клацающие звуки

внизу. В Ярлхейме приготовления к вторжению шли полным ходом.

Все взгляды были устремлены на предгрозу. Благоговение, испытываемое к нему, было абсолютным, и никто не сказал бы ни слова, прежде чем он заговорит.

--- Они будут пробиваться к реакторам, --- прогудел наконец Бьорн. --- Большинство войск должно разместиться в Печати Борека.

--- А что с Логовом? --- спросил Клинок Вирта.

--- Его защитить невозможно. Слишком много туннелей. Ярлхейм следует контролировать из Клыкмана.

--- Это означает разделение сил, --- промолвил Грейлок.

--- Увы. Но если враг захватит реакторы, Эмт будет уничтожен. Если возьмет Клыкман, ни одну из верхних частей цитадели нельзя будет защитить. У них будут два катя преткновения, два места, где маленькая армия сможет противостоять куда большей.

--- Лорг, есть и другие соображения, ---
вступил Стурмъярт. --- Это место
защищают заклинания. Самые
могущественные были на вратах, но они
разрушены. Но пока илеются хотя бы
самые талые руны, сила колдунов внутри
горы будет ограничена. Вот если они
осквернят священные места, их мощь
увеличится в разы.

--- Тебе не нужно объяснять мне
это, --- отозвался Бьорн, и в его рычащем
голосе внезапно прорезалась страстная
нотка. Когти сжались, словно от
воспоминания о какой-то старой боли. ---
Заклинания будут охранять везде, где
только стожем. Но будут и жертвы.
Если мы попытаемся спасти все, все и
потеряем.

--- Будет так, как вы прикажете, ---
сказал Грейлок, склонив голову. --- В
ключевых точках мы соорудим бастионы.
Но сопротивление будет всюду, где враги
появятся. Я не дам им ступить в Эмт без
крови.

Бьорн кивнул в знак одобрения:

--- Значит, мы пришли к

согласию. Я останусь в Печати
Борека вместе с Навшими Братьями.
Вумба придет туда раньше, а я
слишком долго чувствовал жажду
убийства лишь во снах.

Дредноут чуть склонился, чтобы
посмотреть на изображение Аннүлуса,
рычащего волка среди звезд.

--- Я был на Проспери, братья, ---
протолвил он. --- Был там, когда мы
выжгли их ересь из галактики. Вигел,
как Леман Рүсс сеял опустошение в их
владениях. Вигел, как стенали
предатели, когда мы обратили их
пиратиды из стекла в осколки.

Совет с почтением внимал каждому
его слову.

--- Но здесь этого не случится.
Понимание собственного вероломства
сделает их слабыми. Мы же сильны
нашей верностью. Там, где пала
Тизка, встает Этт.

Голос дредноута становился все
сильнее и громче. Он постепенно
вспоминал самого себя, вновь становясь
тем богом войны, о котором повествовали

скальды. И в пучине отчаяния это было
лучом надежды.

--- Хотя это может стоить
жизни всем нам, --- прорычал Бьорн, и его
механический голос прозвучал еще резче
из-за вокс-генераторов внутри саркофага. ---
Этм выстоит!

Когда совет закончился, Россек
смотрел, как Бьорн тяжелой поступью
проследовал по коридору из Аннүлуса
вместе с Грейлоком и остальными
командующими. Сам он задержался, не
желая ни с кем встречаться. На совете
гвардеец не проронил ни слова. После
возвращения с посадочных площадок он
вообще едва ли обмолвился с Грейлоком
хоть парой слов. Несколько раз он пытался
поговорить со старым другом, но ярл не
желал обсуждать ничего, кроме
второстепенных вопросов.

Возможно, это было и лучше. Россек
даже не знал, что сказать, представься
случай.

Что он сожалеет? Но извинения ---
это было не для волчьего гвардейца.

Что кажую ночь в мучительных снах видит лица погибших воинов? Это было правдой, но она ничего не меняла.

Раскаяние нелегко давалось сыну Рүсса. На пару благословенных мгновений, обазрив когти кровью врагов, Россек страхивал с себя оцепенение и обретал свое дикое наследие. Как бы он хотел, чтобы атака на врата длилась дольше, намного дольше. Пока он сражался, чувство вины притуплялось. Но оно всегда возвращалось.

--- Волчий гвардеец Россек.

Голос был саркастичен и сүх. Россек узнал его обладателя, даже не оборачиваясь. Клинок Вирма, должно быть, тоже остался в зале, ожидая, пока все үйдүт.

--- Лорд Хральдир, --- отозвался волчий гвардеец. Даже ему самому собственный голос показался слишком үгрютым.

Клинок Вирма вынырнул из сүтрака апсиды зала и стүпил на границу света. Черная броня отлично скрывала жреца в тенях слабо освещенных үчастков. Костяные трофеи были сколоты и

обожжены плазменными выстрелами, а шкуры, когда-то прикрывавшие кералит, и вовсе сорваны. Но золотистые глаза по-прежнему загадочно мерцали на старом лице, словно янтарь, инкрустированный в кожу.

— Ты сам не свой, Тромт, — промолвил волчий жрец, улыбаясь невесело и криво.

Россек возвышался над Клинком Вирта в терминаторской броне, но каким-то образом все равно из них двоих казался меньшим. Так было всегда. Волчьи жрецы обладали непререкаемым авторитетом в ордене, властью, выходящей за рамки обычной строгой иерархии.

— Жду боя, — ответил Россек, что было, в общем-то, правдой.

— Как и все мы, — промолвил Клинок Вирта. — В Эмте нет ни одного Кровавого Когтя, который не разделял бы твоих чувств. Но что делает твой настрой особым, волчий гвардеец?

Россек сужил глаза. Неужели старик его провоцирует? Пытается подтолкнуть к какому-нибудь вспыльчивому ответу?

--- Я не претендую ни на что особое. Лишь на желание делать то, для чего создан.

Клинок Вирта кивнул:

--- Это у тебя было всегда. Я помню, как подобрал тебя на льду. Ты был монстром тогда, настоящим медведем. Мы с самого начала отметили в тебе эту силу.

Россек устало слушал жреца. Он был не в настроении слушать проповеди. Любые намеки на его возможную карьеру в ордене вызывали у него тошноту. Он годами жаждал поста волчьего лорда, однако ничего не делал, чтобы его заполучить, и сразу признал право Грейлока занимать его. Однако сейчас доказательство его несоответствия должности было продемонстрировано со всей полнотой.

--- Что ж, возможно, вы ошиблись, --- вырвалось у него.

Клинок Вирта кинул на него презрительный взгляд:

--- Неужели я слышу жалость к себе? Оставь ее для мертвых. Какую бы вину

ты ни взвалил на себя, отбрось ее. Ты не можешь вернуть братьев, но можешь как следует сражаться.

Россек хотел ответить и пропустил апперкот, молниеносный, как укусы волчьих челюстей. Клинок Вирта ударил левой, обрушив волчьего гвардейца на каменный пол. Еще мгновение, и волчий жрец пригвоздил его к полу, сжимая рукой в перчатке обнаженную шею Россек и раскалив клыки.

— Я хотел, чтобы ты понес наказание за содеянное, — прошипел Клинок Вирта. Его лицо было всего в паре сантиметров от Россек. — Грейлок не позволил. Сказал, что твои клинки понадобятся. Кровь Рүсса, лучше бы тебе доказать его правоту!

Россек хотел было отшвырнуть жреца. Он физически был способен на это. Его броня вдвое мощнее доспеха Клинка Вирта, а волчий жрец стар.

Однако волчий гвардеец сдержался. Священность жречества была слишком сильна. Клинок Вирта стал первым, кого Россек увидел, войдя в Эмт укрощенным

кандидатом. Похоже, он же будет и последним, кого Тромм увидит перед уходом в Царство Моркаи.

--- Так чего ты хочешь, лорд? --- прорычал Россек, чувствуя собственную кровь во рту. --- Чтобы я сражался с тобой? Тебе не понравится результат.

Клинок Вирта с отворачиванием покачал головой и ослабил хватку. Вскочив на ноги, он отбросил Россек на стене.

--- Я хочу разжечь в тебе огонь, парень, --- пробормотал он. --- Напомнить о пламени, бывшем в твоей крови при твоём появлении здесь. Может, я опоздал. Может, ты уже позволил неудаче погасить его.

Россек вскочил на ноги, чувствуя, как взвыли сервомеханизмы поврежденной в битве брони.

--- Меланхолия делает тебя бесполезным, --- протолвил Клинок Вирта. --- Ты что, думаешь, ты первый волчий гвардеец, который привел свой отряд к поражению?

--- Я так не считаю.

--- Не вижү знаков.

--- Тогда, может, тебе стоит поискать получше.

--- И где же?

--- В воинах, которых я спас, --- оскалился Россек, чувствуя, как в нем наконец закипает гнев. --- В Кровавых Когтях, которых я вытащил из-под удара, когда погиб Бракк. В Прегателях, которых убил тогда и после. В щенке, взятом Волком, которого я вернул с самого обрыва.

Клинок Вирта потемнел, а затем внимательно взглянул на Россек.

--- Ты это сделал? Без жреца?

--- Да. И теперь, когда Бракк ушел, я поведаю остатки его Стаи. Им нужно руководство. --- Мүка на мгновение отразилась в его глазах. --- Тот, кто выучил урок командования.

Клинок Вирта все еще пристально взглядывался в лицо гвардейца.

--- Тогда делай это, --- протолвил он наконец, и в голосе уже не звучало обвинение. --- Но избавься от этой меланхолии. И тогда я поверю решению

Грейлока.

Россек проворчал, стремясь проскочить мимо волчьего жреца. Клетки для тренировок манили его, там можно было выместить горечь и разочарование.

--- У еще кое-что, --- сказал вдруг Клинок Вирта, положив руку на грудь Россек и не давая уйти. --- Охотник, что сейчас лежит в твоих залах, Аунир Фрар. Он будет жить.

Россек невольно почувствовал, как волна облегчения затопила его с головой, и ему пришлось из всех сил стараться, чтобы скрыть ее.

--- Спасибо, что сказал мне об этом.

--- Но не ты принес его к творцам плоти.

Россек покачал головой.

--- Его принес ривентастер.

--- Да, я знаю. Как его зовут?

Россек мгновенно вспомнил имя. Смертный из Клыкмана, с усталым, честным лицом.

--- Морек. Морек Карекборн. Почему ты хочешь это знать?

Клинок Вирта уклонился от ответа.

— Для полноты сведений, — сказал он наконец, опустив руку и давая Россек уйти. — Ничего важного. А теперь иди. Полни мои слова. Да пребудет с тобой глань Русса, Тромл.

— И со всеми нами, — отозвался Россек, прежде чем нырнуть в темноту, ведущую обратно в Ярлхейм, где Волки готовились к бою.

Чудовища кралась в чернильной мгле Печати Борека, исчезая за громадными колоннами. Они безмолвно скользили, прильнув к земле. Лишь когда желали объявить о своем присутствии, они нарушали маскировку, сверкая громадными чистыми глазами или издавая низкое утробное рычание.

Невозможно было определить, сколько их. Временами казалось, что из Подземелья Клыка выбралась пара десятков существ. Но в иные моменты было похоже, что их несколько сотен. Что-то притягивало их к жилым секторам Этта, и что бы это ни было, оно продолжало творить свою магию. С тех

пор как Бьорн явился из Хранилища
Молота со свитой из монстров, никто не
мог отрицать, что у них есть право быть
здесь. Но это не означало, что кэрлы были
от них в восторге или что они не делали
знак копы всякий раз, когда вынуждены
были проходить мимо костатых созданий.

Так что отряды смертных держались
подальше от темных углов пещеры. Все
лестницы и лифтовые шахты, ведущие
вверх и вниз, находились в западной части,
поэтому и защитные сооружения
расположились именно здесь. Как и в
Клыкмане, здесь установили огневые
линии и в ключевых точках возвели
баррикады. Сюда срочно доставлялись
боеприпасы, строительные материалы и
броня. Кое-что было совсем недавно
выковано и отлито в яростных глубинах
Хранилища Молота и еще не остыло.

Фрейя участвовала в этой работе,
хотя основную часть времени проводила с
Альдрот. Как и у большинства гредноутов,
его пост находился в Печати Борека, и
теперь он ждал начала действий. Когда
появятся враги, его орудия будут на первой

линии, вместе с боевыми братьями обрушивая огненный ад на захватчиков.

Дредноут становился все менее странным, по мере того как тускнели его воспоминания о заключении в гроб. Жалобы на неудобство и потерю стенились обнадеживающей решительностью. Фрейя могла сказать, что он с нетерпением ждал битвы. Ему сложно было пробудиться из Долгой Тьмы и затем проводить дни в подготовке и ожидании. Он предпочел бы выйти из укрытия прямо в бурю вражеского огня. Но вместо этого приходилось терпеливо ждать, пока трэллы-сервиторы снуют вокруг, проводя непонятные ритуалы и готовя его агамантиевый саркофаг к бою.

--- Так на что это похоже? --- спросила Фрейя, в минуту отдыха жуя черствую полоску сушеного мяса.

--- Что именно?

--- Когда над твоей броней так трясутся, --- пояснила девушка. --- Ты ощущаешь прикосновения к ней, как к коже?

Фрейя уже чувствовала, когда начинала раздражать Альдра. Она не

знала как — в конце концов, он не подавал никаких знаков и внешне никак не выражал своих чувств, — но впечатление было довольно сильным.

— Это любопытство. Недостаток почтения. Откуда оно у тебя?

Фрейя ухмыльнулась. Она не считала Альдра угрозой. Несмотря на громадное число убитых им врагов, до которого далеко было любому ярлу, он странным образом казался наивным и занимал ее так, как никогда ни один из живых Кровавых Козтей.

— Моя мать. Она пришла из снегов и выдержала все испытания.

Рассказывая, Фрейя вспомнила ее лицо, лишенное тонкости и изящества, как, впрочем, и собственное. Кудрявая копна светлых волос. Жесткая линия рта, который так редко улыбался. Кожа, загрубевшая от постоянной работы и трудностей. Но глаза, темные, искрящиеся глаза, они выдавали яркий, живой ум, пытливую, упрямую и своевольную душу, которой всегда чего-то не хватало. Даже в самом конце, когда обострилась болезнь,

которая и убила ее, эти глаза оставались живыми и пытливыми.

--- Тебе следует научиться контролировать это.

--- Я знаю, --- утомленно отозвалась девушка. --- Это ведет к проклятию.

--- Да, верно.

Фрейя покорно качнула головой и столкнула. Она никогда не понимала сдержанности Волков ритуалами, традициями, сагами и секретностью. Словно бы мир, в котором они обитали, был в какой-то момент заморожен, а все силы прогресса и развития погибли и сменились оцепенелым повторением старых, утомительных обязанностей.

Через какое-то время Альбр тяжело оперся на центральную двигательную колонну.

--- Ощущения, словно я живой, и не просто живой. Когда что-то касается моей брони, я чувствую это отчетливее, чем когда был живым воином. Мое зрение острее, слух лучше, мышцы сильнее, потому что теперь они из керамики и пласфибры.

Все намного лучше. Но все же...

Фрейя взглянула на лицевую пластину гредноута. Длинная щель в броне была темной — абсолютно непроницаемый колодец. Хотя он не подавал никаких внешних сигналов, девушка остро чувствовала, что Альдр несчастен, словно он плакал. На мгновение в ее уме возник образ Кровавого Когтя, скользящего по изъеденному ветром льду, размахивая клинками. Свободно развеваются глинные волосы. Воин исполняет свое предназначение и потому захвачен животной радостью.

Больше такого никогда не будет.

— Мне очень жа...

— Довольно вопросов. Еще много работы.

Фрейя послушно затолчала. Она уже увидела, как подвезли ящики с медикаментами и провизией, которые нужно было куда-то ставить. Поклонившись гредноуту, она направилась к хускарлу, руководившему доставкой. Но, уходя, она кинула взгляд на громадные очертания неподвижного Альдра.

Фрейя смотрела недолго, чувствуя, что и без того слишком далеко вторглась в его личное пространство. В любом случае, ей не нравились чувства, которые пробуждали в ней разговоры с гредноутом. На протяжении многих лет, раненная тем, что случилось с ее семьей в Эмте, она возмущалась Небесными Воинами почти столь же сильно, как и преклонялась перед ними. Теперь, когда война пришла на Фенрис, все старые чувства испытывались на прочность, причем неожиданными способами.

Девушка привыкла жить с неприязнью к костодесантникам. Возможно, она могла бы полюбить их, как отец, или презирать, как Тысяча Сынов. Но что она определенно не могла вынести, так это зародившегося недавно чувства. Она знала, что должна избавиться от него или оно помешает ей в грядущем сражении. Оно было чуждо ей и совсем не свойственно Фенрису, слабое и глупое.

Но ничего не получалось. Стараясь изо всех сил, Фрейя ничего не могла с собой поделать.

Теперь я заглядываю в их души, вижу,
какую жизнь они ведут, какой выбор они
сделали... Вот к чему я пришла.

Кровь Рюсса, мне жаль их!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

--- Фенрис хъолга!

Харек Железный Шлем мчался по разрушенной улице, не заботясь о пулях, горохом колотившихся о его боевой доспех. Его свита отставала лишь на шаг, целых двенадцать десятка элитных воинов в терминаторской броне. Когда они бежали, ног тяжелыми ботинками трескались плиты дороги. Их наплечники были покрыты кровью --- у некоторых в результате проведенного перед битвой ритуала, у других из-за боев в последние четыре дня. Никто из воинов не спал все это время; они даже не выходили из боя. Неумолимо и неотвратно ударные силы Волков крушили, резали, стреляли и прорубали себе путь к городскому центру.

Все это время Железный Шлем

грался с яростью, словно вернулся в юность, широкими взмахами вращая двуручный ледяной клинок, перерубавший врагов пополам. Он не использовал огнестрельное оружие, предпочитая рукопашный бой. Большинство гвардейцев поступали так же, нападая с когтями, клинками и топорами, крича и рыча, обрушивая смертоносное оружие на хрупкую броню тех, кто осмеливался встать у них на пути.

— Башня! — прорычал Железный Шлем, кивая вправо. Его Стая мгновенно изменила траекторию. — Наверх.

Охотящаяся Стая свернула с широкого, прямого шоссе, окруженного рядами высоких жилых блоков. Когда-то здесь были рельсы, ведущие в центр города, и поднятые над дорогой пешеходные пути. Теперь же, после мощной бомбардировки, вся улица превратилась в окутанную дымом долину искореженных металлических прутьев и оплавленных воронок. Клубы дыма закрывали все вокруг, едкие и жгучие из-за стрельбы тяжелых болтеров. Дома, обступившие улицу,

стали незрячими: стекла вылетели еще до начала наземной операции. Все районы города обратились в пустыню, и все это лишь за три дня интенсивной деятельности Волков.

Шоссе вело к группе пирамид. Гро�агная многополосная артерия когда-то гудела гражданским транспортом и полугравитационными летательными аппаратами. Теперь же здесь лишь потрескивало пламя и слышался отдаленный грохот танков. Волки прошли изуродованную местность подобно волне расплавленного металла, свободно окружая нужные объекты, уничтожая убежища, быстро и яростно отвечая на огонь защитников.

Впереди, справа от шоссе, виднелась одинокая башня, все еще занятая защитниками. Когда Стая приблизилась, мощные залпы раскрошили дорожное покрытие вокруг Волков, разбивая то, что еще осталось от дороги, и превращая щебень в шрапнель. Среди гавкающих выстрелов легкого стрелкового оружия слышался грохот и посильнее — в здании

авно ителась артиллерия и обстреливала Волков, рвущихся к башне.

Огневой заслон был мощным. Слишком мощным. Солдаты стреляли, охваченные ужасом перед тем, что сотворят с ними Волки, если доберутся до здания.

Вы не зря так боитесь, предатели. Улы за это благодарны -- ваш страх быстрее приведет нас к вам.

-- Пора заткнуть эти дырки! -- проревел Железный Шлем, молниеносно кидаясь к основанию башни. Подчиняясь инстинкту, он метнулся в сторону. Секундой позже место, где только что находился Волк, исчезло во взрыве кордита и протетия. -- Они на шестом этаже.

Воины без промедления рванули к башне. Первый этаж когда-то был красивым, из стекла и стали, украшен эмблемой Ока, которое присутствовало всюду на Тангаве. Теперь от здания осталась лишь испещренная выбоинами оболочка из разбитых панелей и обожженных пластмассовых колонн.

Волки ворвались внутрь, огибая груды

обломков и тлевшего мусора. Железный Шлем оставался на острие атаки, прорубая путь к шахтам лифта, сооруженным в центре строения.

--- Мы сможем их использовать? ---
равкнул он по каналу отряда.

Волчий гвардеец по имени Рангр со щелчком открыл переносной аусник, посмотрел на данные и покачал головой:

--- Затинирован.

--- Тогда выкури их оттуда! ---
скомандовал Великий Волк, жестом подзывая брата Эсгрека, державшего в гигантских бронированных руках тяжелый болтер.

Титаническое оружие прогретело, выстрелив в неподвижные клетки лифта. Взрыв поднял целое облако обломков. Эсгрек одну за другой уничтожил все шесть клеток, обрушив их в бездонные шахты. Когда он закончил, прямоугольные колодцы зияли открытыми черными ранами.

Не дожидаясь, пока стихнет пламя, Железный Шлем бросился в ближайшую шахту, допрыгнув до противоположной

стороны и вцепившись в металлическую решетку. Стальные прутьягнулись под его весом, некоторые вырывало из пласткритовых стен, но Волк упрямо полз наверх, словно гигантское, закованное в броню насекомое.

Остальная Стая поступила так же, прыгнув в зиявшие дыры оставшихся пяти шахт, чтобы лучше распределить вес в полуразрушенной постройке, и забираясь наверх. Словно крысы в канализационных стоках, Волки стремительно поднимались по шахтам, цепляясь за металлические прутья, с поразительной легкостью преодолевая тяжелейший путь.

Внезапно сверху началась стрельба. Защитники, поняв, что разрушение лифтов не остановило захватчиков, пытались теперь выстрелами отогнать Волков от своего убежища.

Железный Шлем хрипло растеялся, когда лазерный луч ударил ему в плечо.

--- Это лишь согревает мне руки! --- прогоготал он, подтянувшись на выдававшейся из стены балке и забираясь еще выше.

--- Приближается множество сигналов, --- сообщил по связи Рангр. Голос выдавал охватившую его жажду убивать. --- Следующий шестой этаж.

Волки с утроенным пылом рванули вверх, гигантскими скачками поднимаясь по шахтам в стремлении первыми добраться до врага.

Несмотря на свои годы, Великий Волк оказался там первым и сокрушил внешние двери лифта. Разбитые створки движением плеч были откинута в сторону, и воин бросился прямо в поток лазерного огня. Лучи с треском ударяли по броне, не причиняя ему вреда. Весь этаж представлял собой открытое пространство, где негде было укрыться.

--- Ощутите гнев Волков, предатели! --- проревел Железный Шлем и метнулся в ряды перепуганных солдат. Раскатистое эхо его голоса заставило звенеть еще сохранившиеся в некоторых окнах стекла. Волки один за другим выпрыгивали из шахт и выхватывали силовое оружие из магнитных замков, возвращая его к жизни.

Схватка была короткой и жестокой. На этаже находилось несколько сотен солдат. Они попытались развернуть пушки от окон, чтобы успеть остановить надвигающийся ужас.

Это не принесло им ничего хорошего. Железный Шлем с хрустом врезался в их ряды, сверкая клинком и тихо хохоча. Усиленные восклицаниями, эти ужасные звуки эхом метались по всему этажу. К Великому Волку присоединился Рангр, стесая так, что кровь стыла в жилах, и одним ударом убивая по несколько вражеских солдат.

— Гляди на меня, пацаль! — проревел Железный Шлем, взмахом клинка рассекая на части очередного солдата, а свободной рукой ударяя другого в грудь. — Деритесь как мужчины, которыми вы были когда-то!

В дальнем конце уровня, рядом с провалами разбитых окон, расчет автомашин пытался развернуть оружие на Волков. Железный Шлем краем глаза увидел это и зарычал от удовольствия.

— Отлично, парни! — заревел он, отшвырнув солдата со сломанным

позвоночником и устремляясь к
автомашке. — А теперь попробуйте
выстрелить!

Солдатам это почти удалось. Ствол
повернулся на громоздой оси. Лента
снарядов утонула в гнезде, и индикатор
безопасности, мигнув, отключился. С
ужасом на лице канонир нажал на
спусковой крючок, моргнув, когда в поле
зрения появилась громадная фигура
волчьего лорда.

Быстрый, как смерть в снегах,
Железный Шлем обрушился на
защитников, одной рукой оторвав ствол
от лафета. Размахнувшись стволот,
словно глубиной, он сшиб троих солдат
прямо в оконные проемы. И еще до того,
как стихли внизу их крики, волчий лорд
легяным клинком прикончил остальных.
Яростным пинком он отправил лафет
следом на разбитое шоссе.

--- Хьолда! --- заревел он, потрясая
клинком в одной руке и пушечным стволотом
в другой.

Отсюда Железный Шлем хорошо
видел город. Всюду, куда ни падал его

взгляды, полыхали пожары. Он видел, как обрушиваются башни, сокрушенные взрывами. Небо было исчерчено штурмовыми кораблями. Из-за стрельбы содрогалась земля. Ревели приближающиеся «Лендрейдеры».

Город уничтожался блок за блоком, район за районом. Не важно, как много войск кидалось в эту мясорубку, конец был уже близок.

Великий Волк взглянул на дисплей шлема. На каждой площадке захватывались ключевые объекты. Словно гигантские когти, Волки приближались к намеченным целям. Генераторы пустотных щитов будут отключены до рассвета, а следом за ними электростанции.

Его братья отлично показали себя. Никогда еще их военное мастерство не демонстрировалось с таким совершенством. Железный Шлем ухмыльнулся, чувствуя, как изогнутые клыки царапнули подкладку шлема.

И вот пелена дыма вдруг немного приподнялась на западе, открыв взору ряд

пиратид. Теперь они были гораздо ближе, темные и громадные.

--- Ничего вам уже не поможет, --- прорычал Великий Волк, поднимая ледяной клинок и указывая им в ту сторону, куда собирался отправиться. --- Изменники, вы стали играть с огнем, связавшись с Волками Фенриса!

Хищная улыбка вновь заиграла на его губах. В крови бурлила жажда убийства.

--- И они уже кусают вас за пятки.

Катафракты были машинами, внушавшими ужас, слиянием кибернетических технологий и исследований в области вооружения, дошедших из более одаренной эпохи. Громадные фигуры, отдаленно напоминавшие человеческие, они работали без отдыха, взгрызаясь в камень, без остановок и жалоб дробя породу руками-буратами. За ними шли сотни рабочих с Просперо, выгребая щебень и укрепляя своды туннеля. Работа шла так же, как и все у Тысячи Сынов, --- спокойно и эффективно.

Но недостаточно быстро. Афаэль

ловил себя на том, что едва сдерживает
раздражение, вызванное скоростью
раскопок. Прошло уже несколько дней,
которые он никак не мог позволить себе
потерять. Временами порогу было так же
трудно убрать, как выкопать новый
туннель. Усложняло работу и то, что Псы
установили в завалах мины, и несколько
бесценных катафрактов потеряли руки-
бурь, попавшись в такие ловушки.

Промедление его бесило. Афаэль знал,
что Темех все ближе подбирается к цели.
Если к тому времени, как он закончит,
Клык не будет покорен, а защитные
заклинания Волков не разрушены,
положение Афаэля как командующего
партией будет поставлено под угрозу.

Со своего места внутри туннеля
Афаэль наблюдал, как трое катафрактов
расчищают туннель. Светосферы витали
вокруг них, окрашивая роботов в тусклый
оранжевый цвет. Катафракты работали
по колено в катнях, и вереницы рабочих
выносили из туннеля обломки катня.

У Афаэля вновь зачесалась шея. Это
ощущение сводило его с ума. Словно

крошечные когти царапали его изнутри. За прошедшее время что-то начало расти и на лице, давя на пластины шлема. Колдун знал, что скоро металл треснет. Правая перчатка уже была близка к этому.

Афаэль отвернулся и пошел обратно, на воздух, мимо рядов машин с боеприпасами и проговольствием. Пока он шел, люди в туннелях стремительно отскакивали в сторону. Солдаты все больше боялись его переменичивого нрава с тех пор, как атака стала затедляться.

Колдун же их просто не замечал. Когда он приблизился к выходу из Клыка, каменный пол стенился свежим дорожным покрытием и стабильным освещением. Потолок туннеля здесь был достаточно высок, чтобы пропустить «Рино» и «Лендрейдеров». Лишь из-за узости проходов машины еще не могли действовать. Легкое вооружение уже было доставлено в ближний костос. Когда катафракты подберутся ближе к цели, их снабдят оружием посерьезнее. Когда рухнет последняя стена, все роты

рубрикатов будут готовы затопить Клык.

Афаэль дошел до выхода и ступил в яркий, резкий свет фенрисского утра. Врачки его уже не так быстро реагировали на перемену освещения, и мгновение колдун почти ничего не видел. Крупными хлопьями падал снег, скрывая следы разрушений. Но всюду поднимались столбы дыма: то ли догорал прометий, то ли солдаты жгли костры, чтобы согреться.

Навстречу спешил просперуанский капитан. Лицо человека было скрыто маской, но Афаэль сразу почувствовал его страх. Новость будет недоброй.

— Лорг, — выдохнул офицер, неуклюже кланяясь.

— Быстрее! — рявкнул Афаэль, мечтая хоть раз почесать зудящую кожу.

— Капитан Эррейк связался с нами с флагамана.

— Если бы лорг Темех желал поговорить со мной, мог бы сделать это сам.

— Это не он, — сглотнул мужчина. — Лорг Фүэрца. Его жизненные показатели пропали из эфира.

Сердце Афаэля сугорочно забилося.

--- Из-за блокады?

--- Я не верю в это, лорд. Но мне велено доложить вам, что, насколько магические кристаллы могут быть уверены, он мертв.

Афаэль почувствовал, как до этого сдерживаемая ярость прорвала дамбу. Разочарование, раздражение, страх перед тем, во что он превращался, все это ударило ему в голову. Не думая, что делает, колдун схватил офицера за нагрудник, одной рукой подняв к своему лицу.

--- Мертв?! --- проревел он, не заботясь о том, что его могли услышать. Краем глаза он уловил, как работающие рядом солдаты уставились на него. --- Мертв?!

Пусть смотрят.

--- Лорд! --- воскликнул капитан, безуспешно пытаясь вырваться из хватки. --- Я...

Закончить он не успел. Афаэль швырнул хрупкое тело о ближайшую стену. Человек врезался в нее с грохотом, тошнотворным хрустом и сполз вниз.

бессильной кучей. Больше он не шевелился.

Афаэль крутанулся на месте, уставившись на солдат. Их были сотни, рядом, и все они смотрели на колдuna. На мгновение, одно кошмарное мгновение Афаэль хотел наброситься и на них тоже. Перчатки треснули первыми искрами колдовского огня, смертоносного ремесла Пурригов.

Медленно, с трудом он обуздал себя.

Что со мной происходит?

Он знал ответ. Каждый колдун в легионе узнавал его еще в процессе обучения. Приходило время, когда Меняющие Пути должны были платить за подаренные им умения, и даже Рубрика не гарантировала спасения от этого.

Я превращаюсь в существо, которое сам ненавижу.

--- Возвращайтесь к работе! --- рыкнул он солдатам.

Те послушно заспешили прочь. Никто не подошел к искалеченному телу капитана. Возможно, они сделают это позднее, когда Афаэль удалится, украдкой и в страхе перед тем, что могут

составить с ними командиры.

Афаэль поднял глаза. Высоко, очень высоко в туманной дали реяла в морозном воздухе вершина Клыка. Она оставалась величественной даже после стольких дней бомбардировок. Она вздымалась ввысь, столь же неподвижная и гигантская, как Обсидиановая Башня на Планете Колдунов. И впервые Афаэль заметил, что они похожи. Еще одна настешка.

— Я уничтожу ее, — пробормотал он, не заботясь о том, что говорит вслух. Левая рука сжалась в кулак, и он ударил по шлему. Боль от удара потогла приглушить неприятное щекочущее чувство.

Поэтому он сделал это снова. И снова.

Афаэль остановился лишь тогда, когда почувствовал бегущий по шее теплый ручеек крови. Ощущение это странным образом успокоило, как если бы он применил к себе лечение пиявками, понижающее давление.

Передышка была недолгой. Уже возвращаясь на командную платформу над дамбой, Афаэль снова почувствовал

жжение. Оно никогда не оставит его. Будет мучить, пытать и колоть, пока не достигнет желаемого.

--- Я уничтожу ее, --- промямлил он снова, сконцентрировавшись на этой мысли, пока ковылял прочь от Клыка.

Когда он проходил мимо людей, солдаты ошеломленно переглянулись. А затем медленно вернулись к своим обязанностям, готовя армию к грядущему штурму и стараясь не задумываться о поведении того, кого их учили почитать как божество.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Грохотные пиратиды темнели на фоне изорванного огнем неба. Их грани были тусклыми, затянутыми пленкой красной пыли, что покрывала все на Тангаве. Залпы тяжелых орудий уже проделали в них бреши, края которых все еще лизали языки пламени.

Все сопротивление было сметено Волками. Город полыхал, и те немногие защитники, что спаслись от резни, теперь столкнулись с мучительной смертью в огне. Уровень насилия ужасал. Не было ни отсрочек, ни жалости, ни милосердия. Другой орден, например Саламандры, мог бы обеспечить эвакуацию мирного населения или прервать атаку, чтобы сохранить планету для Империи.

Другой, но не Волки Фенриса. Перед

нити была поставлена конкретная задача, и они должны были ее выполнить. Тангава была разрушена, превращена в пустоши из пепла и расплавленного металла. Здесь нечего было сохранять, нечего помнить. Город стели с лица планеты так же, как когда-то поступили с Просперо.

Почти стели.

Пиратиды все еще оставались, вызывая дерзкие и свободные от ужасающего присутствия Влка Фенрика. На этом настоял Железный Шлем. Ни один боевой брат не нападет на центральные бастионы прежде, чем весь город превратится в руины.

Я хочу, чтобы ты увидел крушение всех своих мечтаний, Предатель, прежде чем я прыгну за тобой. Хочу услышать твои рыдания, как ты рыдал прежде.

Теперь время пришло. Острые атаки нацелилось на громадный двор перед главной пиратидой, беззащитный, лишенный охраны, вызывавший желание напасть. Здесь уже было почти три сотни боевых братьев: все воины из Великой роты Харена Железного Шлема и другие

Стаи, которые прибыли прежде своих братьев. И двенадцать рунных жрецов сотрясали из первой волны нападения. Мастера вюрда стояли рядом с Великим Волком, их исчерченная глифами броня сверкала ярко-алыми вспышками.

Железный Шлем повернулся к Фрей, тому, кто привел их на Тангаву.

--- Никаких сомнений? --- спросил он в последний раз.

Вместо ответа рунный жрец вытащил мешочек с костями из капсулы на поясе. Кусочки выглядели невероятно маленькими в бронированной перчатке. Жрец почтительно ссыпал их на землю, и кости застучали по разбитым камням.

Некоторое время Фрей молчал, созерцая сложенный костями рисунок. На каждом кусочке была вырезана одна руна. Триск, Гморл, Агъарр, Рагнарок, Умир. Символы облагали определенными значениями: Лег, Судьба, Кровь, Смерть. Но вместе открывали особый смысл. В руках мастера, обладавшего мистической властью Фенриса, они могли повествовать неизвестные грани настоящего, секреты

прошлого или тайны будущего. В их присутствии сталкивали все шутки и стех, опускалось оружие. Волки почитали руны, как делали их генетические отцы.

Прошло много времени, прежде чем Фрей ответил. А когда заговорил, голос его был еще более хриплым от дней, наполненных криками, приказами и вызываниями шторма.

--- Руны говорят мне, что он там, в центре пирамиды, --- ответил жрец. --- Его след источает зловоние. И есть что-то еще.

Железный Шлем почтительно ждал. Все боевые братья вокруг следовали его примеру.

--- Я вижу еще одно присутствие. Бич Волков.

Железный Шлем фыркнул:

--- Это он так себя называет. Мы это уже знаем.

Фрей покачал головой:

--- Нет, лорд. Это не итя. Это еще одна сила, запертая в стенах вместе с нами. Если мы войдем, то столкнется с ней.

--- И это заботит тебя, жрец? Или

ты думаешь, что в галактике есть сила, способная выдержать нашу ярость? Даже притарх не сможет выстоять против наших клинков.

Фрей наклонился, чтобы собрать руну. Когда его пальцы коснулись самой старой из них — Фенгра, Запертого Внутри Волка, кусочек кости раскололся ровно на две половинки.

Жрец на секунду затер, уставившись на расколотую руну. Железный Шлем чувствовал его ошеломление. Он не сломался — она раскололась сама.

Из нависшей впереди громады пирамиды раздался слабый грохот, словно под землей прогремел гром. Небо над Волками вздрогнуло, угасло пламя вокруг.

А затем оцепенение прошло. Железный Шлем тряхнул головой, избавляясь от ужаса, что на короткое время закрался в его душу. Неуверенность уступила место гневу.

Ты все еще настаиваешь на то, что ты. Даже сейчас не можешь удержаться от дешёвых фокусов.

— Арвек, — позвал он по связи, — щиты

отключены?

--- Да, лорд, --- пришел раскатистый голос Къярлскара. --- Флот прекратил обстрел и ждет ваших приказов.

Железный Шлем посмотрел на пиратигу. Она словно танила его, приглашала. Ее можно было при желании просто уничтожить с орбиты.

Воины вокруг ждали его решения. Он чувствовал их ярость. Как рвущиеся с повода гончие, их жажда убийства рвалась на волю. Со всего города продолжали прибывать Волки. С их когтей капала кровь недавних сражений. Они были готовы закончить дело.

--- Лорд... --- раздался голос потрясенного Фрея.

Великий Волк жестом приказал ему замолчать.

--- Это момент поворота вьюрга, братья, --- объявил он по связи мягко, но уверенно. --- Вот то, ради чего мы пришли. Не будет бомбардировки с орбиты. Мы войдем в логово Предателя и прикончим его, глядя ему в глаза.

Он разблокировал ледяной клинок и

активировал энергию.

--- Таков наш путь. Держите оружие наготове и следуйте за мной.

Пожар добрался до уровней под командным мостиком «Науро». Он вывел из строя почти восемьдесят процентов площади корабля и уже давно сделал задачу по его спасению невыполнимой. Теорит сдался и больше не сражался со вспышками, сосредоточившись на сооружении огнеупорных стен в два метра толщиной в ключевых точках корабля, обрекая остальное на полное уничтожение.

Теперь и эти бастионы пали. Температура в жилых уровнях достигла максимума, при котором еще можно было существовать, но уже только в специальных костюмах, которые теперь носил весь экипаж. Корабль находился на последней стадии разрушения, его двигатели были готовы взорваться, поле Геллера трещало по швам, пустотные щиты уже невозможно было активировать.

Мы отлично поработали, чтобы

продержаться столь долго. Зубы Рюсса, нужно совсем не много.

Чернокрылый восседал на командном троне, невозмутимо взирая на царившую на командном мостике суету. Все выжившие, около двух сотен, скучились на платформах, из последних сил поддерживая жизнь корабля.

Им больше некуда было идти. Внизу коридоры раскалились от пламени, и дышать там стало невозможно. Находиться можно было только на мостике и в нескольких ближайших к нему каютах. Крохотный островок в горах пламенеющего костического мусора. Причем было невозможно предсказать, как долго эти каюты останутся нетронутыми. Скорее всего, минуты. Чернокрылый же надеялся, что часы.

— Мы уже готовы, навигатор? — спросил Волк по связи.

Нейман был уже считай покойник. Его каюту отрезало от командного мостика коридором плавившегося металла. Он мог незадолго до этого спастись, но пренебрег спасением. Лишь движение

давало «Науро» шанс достичь цели, а навигатор мог совершить переход в реальное пространство только из своего святилища.

--- Лорд, чем больше ты спрашиваешь, --- раздраженно отозвался он, --- тем больше я буду делать вычисления.

Для человека, обреченного на мучительную смерть в огне, Нейман оставался замечательно спокоен. Чернокрылый еще раньше заметил в навигаторе эту черту. Что-то в этих генетических мутантах, казалось, вызвало к фатализму. Возможно, они что-то видели в варне, нечто такое, из-за чего меньше концентрировались на собственной судьбе. Или, быть может, они просто были холодны словно рыбы.

--- Дьюлиан, мы долго не протянем, --- ответил Чернокрылый, глядя на данные ауспиков. Он назвал навигатора по имени в знак уважения, и это было самое большее, на что он способен. --- Дай мне точную оценку.

--- Возможно, еще час. Меньше, если

вы не дадите мне сосредоточиться.

--- Благодарю тебя. Доложи, как только сможешь.

Чернокрылый оборвал связь. Впереди ждало то еще веселье. Один из окуляров реального пространства над командным мостиком, громадный купол из плексигласа в метр толщиной и несколько метров в диаметре, покрывался трещинами. Одна из них зазмеилась из адамантовой рамы, превратившись в ручеек, текущий к центру окуляра.

Пустотных щитов больше не было. Когда разрушится корпус, мостик окажется в открытом космосе.

Чернокрылый встал.

--- Довольно, --- провозгласил он по открытому каналу связи. --- Мы сделали все, что могли. К спасательным капсулам. Сейчас же!

Кое-кто из команды посмотрел на него с внезапной надеждой на лице. Другие, особенно кэрлы, казались потрясенными.

--- Лорд, мы еще не вышли из варпа, --- раздался голос Георита.

Штурман стоял на лестнице прямо

под Чернокрылым, истощенный и до
смерти уставший. Его голос был
нагтреснутым и медленным, выдавая
бесконтрольное использование
стимуляторов.

Чернокрылому пришлось улыбнуться.
Георит был настоящей занозой в заднице ---
привередливой, назойливой занозой, --- но
при этом штурман честно заслужил себе
место в саге, которую сложат об их
полете.

--- Я это заметил, штурман, ---
промолвил Волк. --- Наша траектория
зафиксирована, и только Нейман может
выкинуть нас из варна. Как только
пропадет поле Геллера, я выпущу
спасательные капсулы. Какими бы
занудными вы ни были, мне кажется
бесстыдной тратой отправлять
капсулы пустыми.

Георит сглотнул.

--- А вы, лорд?

Чернокрылый взял с пола шлем. Он
был в пустотном доспехе скаутов,
последнем, что смог спасти из оружейной
корабля, прежде чем туда с ревом

ворвалось платя. Продолжение его танцирного доспеха, пустотная броня могла лишь спасти от костической пустоты и поддержать достаточную для жизни температуру. Уже не в первый раз за полет он пожалел о своей старой броне Охотника.

— Твоя забота очень трогательна, — промурлыкал скаут, водружая шлем на голову и чувствуя, как с шипением закрылись печати. — Еще раз так сделаешь, и я лично спущу твою спасательную капсулу.

Георит кивнул, устало показывая, что уловил иронию в его словах. За последние семнадцать дней он научился должным образом на нее реагировать.

Семнадцать дней. В четыре раза больше, чем оценивалось сначала. Кровь Рюсса, я люблю этот корабль. Когда его не станет, я буду его оплакивать.

— Очень хорошо, лорд, — сказал Георит, прижимая к груди сжатый кулак, как принято было на Фенрисе, и приготовился уходить. — Да хранит вас гланы Рюсса.

— Это было бы очень уместно, —
согласился Чернокрылый.

Смертные потекли от своих станций к обслуживающим коридорам, ведущим к спасательным капсулам. Мостик быстро пустел. Вся команда знала, насколько тяжела ситуация, и понимала, что покинуть корабль до его разрушения абсолютно необходимо.

С их уходом мостик стал казаться просторным. Просторным и хрупким. Трещины в окулярах продолжали расти. Занятия была лишь чернота, но не чернота костоса. Если бы с плексигласа были убраны хромофилтры, окуляры бы показывали Уматериум, безумную мешанину цвета и движения. Никто из людей не пожелал бы смотреть на такое, поэтому окуляры становились пустыми во время путешествия в варпе.

На мгновение Чернокрылый подумал открыть их, обнажить истинный вид материи, в которой летит его обреченный на гибель корабль. Перспектива была заманчивой, раньше он о таком не думал. Не сойдет ли Волк с ума, увидев это? Или

Его нисколько не тронет зрелище, как не затрагивало большинство вещей в галактике?

Его мысли были внезапно прерваны треском далеко внизу. Что-то большое и тяжелое только что сдалось. Несмотря на свое обычное спокойствие, Чернокрылый ощутил тревогу. Стоять на мостике корабля, который буквально распадается на части, выходя из варпа в зону планеты, было крайне близко к настоящему безумию.

И стоило ему подумать о ситуации в таких терминах, как она тут же обрела куда больше смысла.

Я сын Рүсса. Не самый лучший, если уж честно, но все равно один из его безумных потомков. А это ситуация, в которой мечтает побывать каждый Кровавый Коготь.

Он бросился вперед, к перилам, окружающим командный мостик, словно, стоя ближе к носу корабля, мог лучше оседлать грядущий ад.

Что-то еще отвалилось от корабля, что-то огромное, в районе хребта судна. Эхо от грохота пронеслось по пылавшим

коридором, вплетаясь в другие шумы разрушений.

«Науро» под его ногами утирал часть за частью, заклепка за заклепкой.

--- Давай, Нейман, --- прошипел Чернокрылый. Пульс Волка отчаянно стучал, когда он смотрел, как увеличивались трещины в плексигласе. --- Давай же...

Длинные Клыки обрушили свой смертоносный груз, и врата в пирамиде превратились в груды дымящейся сажки. Гро�агные бронзовые перемычки рухнули на землю вместе с изящными колоннами. Изображения зодиакальных зверей разлетелись на куски. Шедевры изобразительного искусства за пару мгновений были уничтожены массированным огнем.

Последним сдалось само Око. Выкованное из металла, висевшее над главными вратами, оно держалось дольше всех, пока наконец не упало вниз дождем горячих осколков. Как только оно рассыпалось, в воздухе, казалось, раздался

вздох, словно кто-то невидимый исчез. Гигантская пирамида вздрогнула, и по граням покатились обломки металла и плит. Мощественные ворота теперь были зияющим зевом, непроницаемым тьмой и отталкивающим.

Железный Шлем не медлил ни секунды. Он первым ворвался внутрь, перепрыгнув через руины на входе и отбрасывая в сторону металлические обломки размером с борт «Рино». Следом бежали остальные воины Великой роты, вся стая металлически-серых воинов, жаждущих схватки.

--- Месть Рюсса! --- прошипел Великий Волк по связи.

Каждая пора его тела источала жажду убивать. Он чувствовал, как Волк внутри его вновь поднимается, потягиваясь в темноте и предвкушая вкус свежей крови. Янтарные глаза с красным ободком открылись в его разуме, пристальные и дикие.

Пролом вел во внутренний зал. Потолок исчезал где-то в полутрапе, поддерживаемый гигантскими колоннами

из обсигуана. Воздух здесь был горячим и пыльным, напоенным красной взвесью, поднятой при взрыве. Гигантские символы Тысячи Сынов были вырезаны в камне, темные и едва различимые в тенях. Все место пропиталось приторной вонью порчи, как если бы древнее зло забралось глубоко в камни и оставалось здесь, спящее и смертоносное.

Волки неслись вперед, их шаги эхом разносились по залу, броня чернела в темноте, мерцали линзы шлемов. Все воины держали оружие наготове, одни бежали с бластерами, другие с клинками. Не было криков или клятв, лишь низкое, приглушенное рычание. Великая рота неслась к цели, и все разумные фокусировались на поставленной задаче. Словно кровь, бегущая по лезвию топора, Волки тчались прямо в сердце пиратиды.

Они не встретили здесь врагов. Первый зал перетек во второй, обширнее и выполненный в том же стиле. Трохот шагов разносился в тенях, эхом возвращаясь обратно.

Эта тишина не уменьшала ярости

Железного Шлема. Смертные враги были неуместны здесь — они бы просто отсрочили встречу, которой Волк так жаждал, ту, о которой мечтал с тех самых пор, как начались странные сны.

На бегу он вдруг понял, что узнает каменную резьбу вокруг. Узнает символы, выступающие из темноты и тонущие в ней снова. Они десятилетиями приходили к нему в снах. Он уже бежал по этому пути, много раз.

Я должен быть здесь. Это место и это убийство — они предназначены мне, сложены в вьюрге. Я готов. Вудит. Всеотец, я готов.

Второй зал перешел в третий, затем в четвертый, и каждый становился больше предыдущего. Лишь теперь выявились истинные размеры пирамиды. В своем непомерном великолении она вполне могла сравниться с теми облицованными стеклом строениями, что были уничтожены в Тизке. Но здесь не было библиотеки, хранилища уникальных знаний. Это было лишь подражание, пустая копия того, что когда-то существовало.

потому что оригинал воссоздать было невозможно. То, что было уничтожено Волками, осталось уничтоженным.

Стаи преодолели последние двери, возносившиеся на немыслимую высоту. Центральный зал простирался во все стороны, самый большой и расположенный прямо под вершиной пирамиды. Воздух здесь казался еще удивливее, словно что-то массивное давило на него сверху. Огромные жаровни, каждая размером с шагоход Имперской Гвардии класса «Часовой», источали сапфировый свет, падавший струями на мраморный пол. Знамена в десятки метров длиной тяжело спускались с далекого потолка. Все они были тускло освещены.

Эмблемы рот. Железный Шлем на них не смотрел. Не хотел вспоминать то, чем был когда-то легион Тысячи Сынов.

В центре зала возвышалась платформа с крутыми гранями-лестницами. Это была пирамида в миниатюре, увенчанная плоской плитой чуть меньше ста метров в поперечнике.

На платформе стоял алтарь.

А перед алтарем выдвинулся человек.

Железный Шлем побежал быстрее, увидев цель. Дисплей шлема ничего не показывал, но ведь глаза не могли врать. Сгорбленная фигура ростом чуть меньше обычного смертного стояла там и ждала Волков. Даже издалека острое зрение Великого Волка позволяло разглядеть его лицо в мельчайших деталях.

Кожа была древней, морщинистой и покрытой старческими пятнами. Мужчина был в винно-красной мантии, свободно свисавшей с худых плеч, и опирался на глиняный деревянный посох. Его руки больше походили на птичьи лапы с длинными когтями. Волосы когда-то были длинными и густыми, но теперь сквозь серебряные пряди светилась кожа.

Когда Волки приблизились, мужчина поднял голову. Он видел приближение Железного Шлема и ошарил Великого Волка странным взглядом. В нем было много чувств.

Сомнение. Жалость. Гордость. Печаль. Ненависть к самому себе. Ненависть к пришедшим.

Возможно, выражение его глаз трудно было понять, потому что лицо человека от чего-то выражало почтение.

Железный Шлем поднялся по ступеням, оставив свиту в нескольких шагах от себя и позволив расщепляющему полю вокруг ледяного клинка возродиться к жизни.

--- Пусть же галактика увидит твою вторую смерть! --- проревел он, взмахнув клинком и делая последний шаг к старику.

Человек поднял искривленный палец.

И Железный Шлем застыл на месте. Позади него то же самое случилось со Стаей. Вся Великая рота затерла, скованная в своем стремлении убить.

Великий Волк безмолвно ревел от разочарования и ярости, напрягая стальные мускулы против талефикарута. Сервомоторы силовой брони взвыли, стараясь справиться с неестественными оковами. Он чувствовал, как по лбу катится пот, градом стекая по вискам. Оковы чуть ослабли, но не исчезли.

Я могу это побороть.

Великий Волк стиснул челюсти.

чувствуя, как клыки вонзились в десны, сражаясь с колдовством, что струилось по телу, сковывая каждую мышцу.

— Ты могуществен, Харек Эйрейк Эйрейксон, — промолвил старик. Голос его оказался тонким, сухим, как пыль, и наполненным странным, по-отечески звучащим сожалением. — Это не должно меня удивлять. Я многие столетия следил за тем, как ты рос.

Железный Шлем чувствовал, как напрягаются его мышцы, колотятся оба сердца. Если бы он мог кричать, то проорал бы вызов. Одна рука чуть поднялась. Сковавшая его тело сила уступала.

— Ты хочешь убить меня, — заметил старик, глядя единственным слезящимся глазом на Великого Волка. — И можешь в этом преуспеть. Даже сейчас я чувствую, как твой дух одолевает мое заклинание.

Он покачал головой с уважением, смешанным с завистью.

— Такой сильный! Вы, Волки, всегда были самым сильным оружием отца. Как я мог противостоять этому? Даже при всей

моей власти, что я вообще мог сделать?

Железный Шлем почувствовал, как поднимаются в рычании его зубы. Контроль над телом возвращался. Он знал, что с его воинами происходит тоже самое. Ледяной клинок приближался к цели.

Старик даже не пытался отойти в сторону.

--- Времени совсем мало, --- промолвил он. --- А потому позволь поведать, почему я привел тебя на Гангаву. Чтобы предоставить тебе возможность сделать выбор. Таков мой путь и путь мне подобных. Ты думаешь о нас без уважения и сомнений, но у решения всегда много граней и много истин. У нас существуют нормы поведения, хотя они и отличаются от тех, что все еще цените вы. Я сам их исследовал.

Железный Шлем чувствовал, что его руки сдвинулись на целый сантиметр, прежде чем оковы вновь обнаружили себя. Если бы он мог улыбнуться, получилась бы волчья ухмылка.

Твое колдовство скоро исчезнет. У той клинок покончит с твоими

россказнями.

--- Когда-то мне озвучили правду, но я не обратил на нее внимания. Полная об этом, я сейчас предлагаю правду тебе. Ты поймешь меня, сын Рюсса. Сейчас моя душа разбита на осколки. Здесь находится лишь фрагмент. Но его оказалось достаточно, чтобы призвать тебя и увести от более значимой битвы. Если ты убьешь меня, я буду свободен перенестись в другое место, и мое присутствие там будет ужасающим. Но если ты остановишь руку, твое будущее еще может оказаться иным. Вот твой выбор.

Старик внимательно смотрел на Великого Волка, не мигая.

--- Обдумай мое предложение. Путь разрушений ждет тебя, и я покажу, как избежать его. Если сделаешь то, что не смог твой примарх, и остановишься, тогда Бич Волков никогда не выйдет на свет.

Железный Шлем смог испустить животный рык, даже несмотря на то, что от этой попытки с губ сорвались хлопья крови. Его руки вновь шевельнулись. Оковы внезапно стали хрупкими, словно еще один

рывок мог их сокрушить.

Я чувствую, как ты слабеешь.

Старик спокойно стоял на месте. Его слабые руки сильнее сжали посох, и он с явным усилием оперся на него. Контроль над заклинанием истощал его силы.

— Что ж, время пришло. Больше я не держу тебя. Делай как знаешь, Харек Эйрейк Эйрейкссон. Ты можешь уйти и никогда больше не увидишь меня.

Затем он понизил голос, и на сморщенном лице проступило выражение ужасающего предвидения.

— Или убей, Нес Императора, и тогда очень скоро ты встретишься снова.

Окуляр реального пространства выгнулся. Он был отлично сконструирован и выполнен, бесподобный образец имперского мастерства, пришедший из эпохи, когда человечество стремилось к освоению звезд. Чернокрылый смотрел, как ужасающе растягивается материал, сопротивляясь разрыву. Купол выдержал больше, чем ожидал космодезистник, но все равно мог лопнуть в любой момент.

--- Нейтан... --- позвал он по связи, готовясь к тому, что должно произойти.

--- Успокойтесь, --- пробурчал в ответ навигатор. --- Мы уже выходим из варпа.

Голос лутанта был хриплым, он с трудом дышал. Совсем рядом ревели пламя.

Чернокрылый почувствовал прилив облегчения. Пламя под ним яростно пожирало отсеки сервиторов. Механические полүлюги все так же продолжали работать, хотя их кожа обугливалась и сгорала. Далеко позади, в недрах корабля, Чернокрылый услышал, как начали затедляться массивные варп-кольца. Они издавали странный скрежет, словно громадные металлические конструкции перестали синхронизироваться друг с другом и принялись соперничать.

--- Вот это я и хотел услышать. Ты отлично поработал.

--- Ты даже понятия не имеешь, насколько отлично, Космический Волк.

Чернокрылый ошетинился, услышав это. Так Влка Фенрика называли выходцы

из других миров, незнакомые с обычаями и языком Фенриса. Как и все его собраты, скаут считал это название совершенно идиотским.

Но едва ли Нейман знал об их обычаях. Достаточно того, что он знал свое дело, а теперь еще вдобавок и погибал. Так что Чернокрылый произнес в ответ, почтительно обращаясь к навигатору, как к брату по Стасе:

— До следующей зимы, Дьюлиан.

Ответа не последовало, лишь треск и шум помех. Чернокрылый попытался соединиться с навигатором, но с тем же результатом. Нейман погиб.

А затем пол мостика выгнулся, словно корабль попал во внезапный вихорь турбулентии. Чернокрылый неуклюже обхватил себя в пустотном костюме, бросившись обратно к трону. Переборка рухнула как раз там, где он только что стоял, снеся перила командной платформы и обрушившись в нижние отсеки. Остальной мостик застонал, когда металл изгибался и плющился из-за вхождения в реальное пространство.

Чернокрылый вновь добрался до трона и тяжело рүхнул на опаленное сиденье. Корабль грозил все сильнее, чаще раздавались окүляры. По верхней палубе завопили клаксоны.

Никто больше тебя не слышит.
Никто, кроме меня.

Костогесантник почувствовал воздействие перехода раньше, чем об этом сообщила техника. Все его тело вздрогнуло, словно кто-то стремился вытащить наружу органы, перетасовать и засунуть обратно. Ткань реальности, казалось, расплывалась, тянулась, прежде чем прийти в норму. Волна тошноты нахлынула на Волка.

А затем все прошло. «Нау́ро» выпал из варпа.

Чернокрылый вжал в панель контрольную рүну, и щелчок, с которым высвободились из поддерживающих клеток спасательные капсулы, эхом пронесся по горящим коридорам. Затем костогесантник опустил хромо с визоров реального пространства. Вместо поддельной черноты варп-стражей на него

воззрившись настоящая бездна космоса.
Взрывы дальнего действия поймали
сигналы. Сигналы кораблей. Дюжин судов.

А дальше, за кордоном из боевых судов,
терцала планетарная рүна, которую он
сам задал когитатором семнадцать дней
назад.

Гангава Прим.

Пол начал крошиться, словно весенний
лед на озере. Треснувшие линзы реального
пространства грозили, зазмеившись
новыми линиями. Все больше взрывов
сотрясали многострадальный корабль.
Каждая предупреждающая рүна на
тактической консоли яростно тигала
кроваво-красным.

Чернокрылый поднялся с трона,
поглажив перчаткой подлокотник.

— Хорошо, что я заполучил тебя,
дружище, — громко произнес он, когда
начал оседать мостик. — Арфанг был прав.
У Ойррейссона напрочь отсутствует вкус.

Он напрягся, наблюдая, как
выгибается первый из окуляров. Не было
никакой надежды добраться до
спасательной капсулы, и еще меньше — до

челнока. Оставалось надеяться лишь на удачу.

Ули, как делали рунные жрецы, на вьюрг.

Первый купол взорвался дождем сверкающих осколков. Буря атмосферного взрыва захватила его, в проломе корпуса образовался вогворот обломков. А затем отлетел еще один купол, добавив безумия на рубке. Окүляры взрывались один за другим, и Чернокрылый видел, как вырывало из нутра все еще горевших сервиторов и выкидывало в открытый космос.

Скаут держался за трон, используя всю свою силу и глядя, как разрушаются над ним прозрачные линзы.

Сейчас!

Он оттолкнулся от трона и прыгнул.

Оторвавшись от пола мостика, он потерял контроль, завертевшись, как и все остальные предметы, засасываемые в космос через проемы окүляров. В этом крутящемся хаосе он успел рассмотреть рушившийся мостик, прежде чем вылетел наружу, в пустоту, где оказалось очень, очень холодно.

Собственное отрывистое и частое дыхание оглушало его в тесном пространстве шлема. На мгновение чувство дезориентации было абсолютным. Звезды, более живые, чем Чернокрылый когда-либо видел, проносились мимо, пока он бесконтрольно вращался и крутился.

Повернувшись вновь, он увидел, как в поле зрения всплыл отломанный фланг «Науро». Повреждения были даже хуже, чем Волк мог себе вообразить. Весь отсек с двигателями был открыт космосу, вспыхивая в царившей вокруг пустоте и испуская облака быстро сгорающего газа. То была тень корабля, которым Волк командовал на Фенрисе, измученный, лишенный всякой надежды обломок. Спасательные капсулы отлетали от него по спирали, словно семена из шишки энка.

Безмолвие костоса каким-то образом обращало все движения в странный медленный танец. Чернокрылый даже заметил, как взорвались плазменные двигатели, прежде чем почувствовал волну взрыва. Яркий желтый свет вылился из темного остова корпуса, расцветая в

пустоте великоленной сферой. Судно
разломилось надвое, его части
разлетелись в стороны, словно обломки
кости, каждая подсвеченная взрывами
поменьше.

А затем дошел удар. Чернокрылого
выбило из беспомощного вращения и
отшвырнуло, словно каяк у врат Хель. Он
почувствовал, как что-то с силой
врезалось в его пустотный доспех, затем
еще, потом удары посыпались один за
другим.

Он безуспешно пытался выровняться
или, по крайней мере, защититься от
дожда обломков, которые с бешеной
скоростью неслись в пустоте, не встречая
сопротивления. И именно тогда
вспомогательный приводной вал, кусок
цельного металла глиной с «Грозового
ястреба», направился к Волку со всей
неотвратимостью законов физики.

У него хватило времени на три
мысли. Первая — что после всего, что он
пережил, было крайне глупо погибнуть вот
так. Вторая сообщила, что ему очень,
очень больно.

Затем в него на полной скорости
врезался вал, с треском ударив о броню
всей силой плазменного взрыва. От удара
треснул визор шлема и растрескалась
грудная пластина доспеха. Внутрь тут же
ворвалась пустота.

Безвольной куклой кубыркаясь после
удара и оставляя за собой след из капель
крови и кислорода, с мутнеющим взором,
Чернокрылый подумал еще кое о чем.
Краем глаза он заметил нечто серое, с
плавными, прямыми гранями, гораздо
большее, чем «Науро» и любой другой
объект.

Хвала Всеотцу, понял Чернокрылый,
прежде чем кровь засочилась из глаз и
ослепила его. Это же «Гомтхатмар».

Оковы исчезли. Старик отступил,
посох вынул из рук и со стуком покатился
по полу.

Железный Шлем бросился на него,
быстрый, словно удар молнии. Ледяной
клинок рассек воздух, заканчивая начатую
траекторию. Великий Волк поправил ее с
учетом движения цели.

Мужчина даже не пытался защититься или уклониться от клинка. Освобожденные от оков мускулы Железного Шлема мгновенно вернулись к жизни. Ледяной клинок не промахнулся, вскрыв грудь врага по диагонали, от плеча до пояса.

Старик в последний раз посмотрел на Великого Волка, каким-то образом еще оставаясь живым. Его единственный глаз сверлил Волка непроницаемым взглядом.

А затем старик рухнул на пол в лужу крови. Железный Шлем возвышался над ним, готовясь ударить снова, зная лукавство Предателя. Волчий гвардеец одним прыжком оказался рядом на платформе, жаждая защитить своего вождя от отвратительной силы примарха и его демонических союзников.

Но никто не появился. Вздых проплыл в тяжелом воздухе зала, задев знамена. Единственными звуками были тяжелый топот бронированных ног по лестнице и немедленный громогласный рык Стай.

Мужчина был мертв. И оставался таким.

Железный Шлем опустил взгляд на
труп, все еще задыхаясь от борьбы с
малефикарумом. Он знал, что должен
испытывать радость. Чувствовать хоть
что-нибудь. Но вместо этого была
пустота. Внутри самого себя он слышал
только горестный вой.

Подошел Фрей. Как и Великий Волк,
рунный жрец не чувствовал того
животного восторга, что должен был бы
ощущать.

--- Что это было? --- спросил Железный
Шлем, растерянный, как ребенок. Он
ощутил, как поднимается тошнота. Да,
задача многих десятилетий была
достигнута, но об этом не говорилось
ничего, кроме легкого ступения и
подташнивания.

--- Это был примарх, --- протолвил
Фрей, смотря на тело на алтаре. --- А
теперь его нет.

--- Значит, я убил его?

В голосе Великого Волка против
воли прозвучало отчаяние. Он знал, что не
убил.

--- Что-то утерло, --- отозвался жрец.

Как и у Железного Шлема, в нем не было ни следа обычной уверенности. --- Но я не...

--- Лорг!

В голосе Рангра звенела тревога.

Жаровни разгорались все ярче. Санфировое пламя выплескивалось наружу столбати кипящей, переливающейся энергии. Мощный свет отбрасывал чернильные тени в углы зала. Знамена теперь освещались полностью, демонстрируя эмблемы рот. Железный Шлем повернулся, чтобы посмотреть на них, наконец осознав их важность. Он ошибался. Эти полотнища не были знаменами Тысячи Сынов. Они никогда ими не были.

--- Стая Агрга, --- пробормотал он, узнавая скрещенные клыки на фоне лунного серпа. --- И Грамма. И Беорга...

Фрей скользнул взглядом по залитым светом полотнищам. За ними на стенах зала были вырезаны рельефы. Все они запечатлели знакомые события в характерной угловатой манере. На одной фреске возвышались пирамиды, точные копии тех, что были на Тангаве. На другой

вигнулся «Готтхамтар» на орбите. Подкрепление с Фенриса, разрушение генераторов пустотных щитов, все было здесь. Даже изображение Великого Волка с автонушкой в горящей башне.

Все это было предвидено.

Рангр сжимал цепной меч, готовый к атаке. Как и все Волки в зале, он был готов ко всему, охваченный яростью. Его сердца бились в унисон.

— Лорг, что означают эти эмблемы? — спросил волчий гвардеец.

— Это Фенрика, но не знамена известных мне Великих рог.

Железный Шлем двинулся прочь от платформы, тяжело спускаясь по лестнице. Как и остальные, он держал ледяной клинок активированным. Тошнота отступила, сменявшись ледяным ужасом.

— Это знамена наших родичей, — прорычал он с ненавистью. — Волчьих Братьев. Потерянных.

Фрей присоединился к Великому Волку, и вдвоем они быстро спустились с тирамиды. Свита молча последовала за ними.

--- Братья были расформированы
более двухсот лет назад, --- сказал Фрей. ---
Я не понимаю...

--- Тебе всегда так говорили, рунный
жрец, --- прорычал Железный Шлем, теряя
терпение. Вся его ярость, вся жажда
убивать внезапно отхлынули, оставив
почти физическую боль. --- Слишком много
неясностей. Это место --- насмешка над
нами. Вернется на орбиту и оттуда
уничтожит это место.

Когда он приблизился к гальней стене
зала, где золотая арка нависала над
выходом, жаровни внезапно стенили цвет.
Из ослепительно-сапфирового свет стал
тошнотворно-зеленым, ярким и
нестерпимым. Эмблемы Волчьих Братьев
стали расплываться, гротескные в
плавающем свете.

А затем с резким металлическим
скрежетом из стен зала выдвинулись
массивные противовзрывные двери.
Повсюду открывались отверстия, источая
в центральный зал все больше изумрудной
отравы. Из болотного тумана появились
темные тени, сгорбленные и

исковерканные. Они походили на костодесантников, но были чудовищным образом изменены. У одних вместо конечностей выросли щупальца, у других бесформенные головы венчались рогами. Броня была порвана и содрана, пластины выдавлены растущей нечистой плотью. Линзы шлемов мерцали злобещим колдовским светом, пронизывая даже клубившиеся из отверстий туманы. Они не шагали, а ковыляли, тащились или ползли, вытаскивая свои изломанные тела, цокая раздвоенными копытами и когтистыми птичьими лапами.

Когда твари выбрались на падавший из жаровен свет, их происхождение стало яснее. Боевые доспехи, когда-то серые, венчались тотемами и охотничьими атрибутами. Обрывки шкур свисали с покоряженного керамика. Изображения клыков и руны украшали их грудные пластины и наголенники, но растянулись в нечто новое и кошмарное. Выбравшись на открытое место, тупировавшие воины начали издавать подобие боевого клича. Звук эти были кошмарным хором

страдания и скверны, что отражался от
высоких стен и наполнял зал извращенной
ненавистью.

--- Бич Волков, --- выдохнул Фрей,
которого наконец озарило. --- Это не он. Не
ты. Они.

Рангр и другие волчьи гвардейцы
медлили. Обычно они ввязывались в бой при
первой возможности, но на этот раз не
сдвинулись с места. Все они видели руны
на броне, обогранные шкуры и шлемы в виде
звериных масок.

Им не нужно было говорить, они и
так знали, что геносема в каждом из этих
ночных кошмаров было тем же Хеликс,
что оживляло и самих костодесантников.

--- Какой будет приказ, лорд? ---
спросил Фрей, взвешивая в руках посох,
столь же неуверенный, как и все вокруг.

Железный Шлем выпрямился во весь
свой поразительный рост, с трачными
ужасом смотря на приближающихся
муглантов. Они были не просто названы
братьями. Они были единственными
преемниками, которых позволили
создать Костическим Волкам.

единственными, за исключением самих
Космических Волков, наследниками,
которых примарх Леман Русс оставил в
галактике.

Они делили кровь. Делили
генопатю. Делили все.

— Опотнись, жрец! — зарычал
Великий Волк, выбирая себе первую из
сотни целей. — Это больше не Волчий
Братья. Убить их. Убить их всех! Не
останавливаться, пока их терзость не
будет навсегда выжжена из вселенной!

Ярл Арвек Къярлскар отвернулся от
плиты на медицинской палубе
«Готтхамтара». Волчий скаут, которого
он вытащил из костоса, Чернокрылый,
лежал на металлической плите скорее
мертвый, чем живой, но каким-то образом
пытаясь отвечать с невообразимым
сарказмом. Его корабль превратился в шар
огня, но рекламаторы «Готтхамтара» до
сих пор подбিরали спасательные капсулы.

— У нас есть связь? — спросил
Къярлскар. Его внушительный голос был
столь же низким и звучным, как всегда, но

теперь в нем слышалась нотка нетерпения.

--- Еще нет, лорд, --- ответил Анъярт, железный жрец корабля. --- Железный Шлем в центральной пиратиде, занят по горло. Помехи.

Глаза Къярлскара угрожающе вспыхнули.

--- Какие еще помехи? Мы все уничтожили.

Он стиснул гигантские кулаки и врезал в переборку так, словно хотел пробить насквозь покрытые плиткой стены каюты апотекариута. С трудом контролируя ярость, он вновь повернулся к Чернокрылому.

--- Волчий скаут, ты уверен? --- требовательно спросил он. --- Мы связывались с Фенрисом. И там все в порядке.

Чернокрылый издал слабый, едкий смешок. Все больше крови скапливалось в горле.

--- Уверен ли? Нет, не очень, ярл. Может, «Скрэтар» и не был разорван на куски боевым кораблем раза в два его

больше. Возможно, мы и не потеряли все орбитальные батареи за пару часов. Убыть может, на самом деле яrl Грейлок и не приказывал мне лететь сюда, гробя мой корабль и большую часть команды. Я уже ни в чем не могу быть уверенным...

Къарлскар метнулся к Чернокрылому, схватил за порванный пустотный доспех и рывком поднял в воздух.

--- Больше никаких изр! --- прошипел он, обнажив клыки. --- Ты просишь возвращения всего ордена. В тиз триумфа Железного Шлема!

Голова скаута безвольно болталась, когда волчий лорд тряс его в гневе. Глаза остекленели, насмешливая улыбка исчезла с губ.

--- Я чуть не утер, чтобы доставить вам это сообщение, лорд, --- прохрипел он, почти теряя сознание и говоря только благодаря действию медикаментов. --- Само по себе это не имеет значения. Но то, что вы медлите, бесит меня до невозможности. Тысяча Сынов на Фенрисе, весь их проклятый легион. Даже если флот вернется прямо сейчас, будет

удивительно, если Энтт выстоит. Так что
еще вы хотите, чтобы я сказал?

Къарлскар на рӯ мгновений сверлил
скаута яростным взглядом, словно мог
заглянуть ему в душу и вытащить на свет
правду. А затем с отвращением и
отчаянием швырнул Чернокрылого
обратно на жесткую металлическую
плиту.

--- Наладь связь! --- рявкнул он
железному жрецу. --- Сейчас же! А потом
организуй спуск на планету и отправь
приказ всем кораблям готовиться к
обратному переходу. Мы возвращаемся.

Анъарт кивнул:

--- Будет сделано. Но мы получили
доклад о десантниках-предателях в
пиратстве. Железного Шлема будет
нелегко вытащить из драки.

Къарлскар плюнул на пол.

--- Они здесь именно для этого. Кровь
Русса, как легко мы купились! --- Он
поспешил прочь, расталкивая трэлов ---
творцов плоти, что оказывались у него на
пути. --- Я сам отправлюсь на планету.
Клянусь Всеотцом, меня-то он послушает!

Когда громадный волчий лорд уже выходил из каюты, Чернокрылый поднял израненную голову в последний раз. Столкновение с варпом сделало его еще более уродливым, чем прежде. Нос и скулы были разбиты, ребра сломаны, обе руки в тяжелых переломах. Даже для костодесантника такие ранения были серьезны.

--- Ты сделаешь это, ярл, --- пробормотал он, проваливаясь в забытие. --- И не думай, что я буду держать обиду на тебя за все это. Я щедрая душа, так что можешь достойно меня наградить, когда вернешься домой.

ЧАСТЬ JV

АЛЫЙ КОРОЛЬ

В жилище Грейлока царил полумрак. Никто из ярлов не устраивал себе роскошных личных покоев, все обставляли лежбища примерно одинаково: голые каменные стены, оружие, взятое из прошлых походов, подаренные волчьими жрецами обереги, жесткая кровать, застеленная грубо выделанными шкурами. У Грейлока имущества было и того меньше. Единственным предметом, отмечавшим его территорию, был старый топор Френгир, висевший над точильным камнем, словно амулет.

Волчий лорд сидел на невысоком трехногом деревянном стуле, таком же, на каких во время племенных советов сидели люди льда. Он был сколочен для мертвых, и потому даже без брони

сидящий на нем Грейлок смотрелся странно.

Он сидел с закрытыми глазами и спокойным лицом. Звук нынешнего Эмта грохот, крики, шум машин — казались тихими и далекими. Костер в углу комнаты превратился в золотистые угли. Смертный мало что смог бы разглядеть в этом полутраке, зато сразу ощутил бы пронизывающий холод. Экстремальные условия были свидетельством величия Агента Астартес, даже если об этом не говорила мебельровка жилища.

Грейлок обдумывал все возможности, паря, словно гирьестрел в чистом небе. Он чувствовал громадную волну ненависти, приближавшуюся к цитадели, давившую на скалы, зарывавшуюся к корням, чтобы уничтожить жизнь внутри горы. Другой воин мог бы устрашиться. Даже более опытный яри ощутил бы разочарование, что время его командования оказалось столь жестоким и коротким.

Грейлок не ощущал ничего подобного. Его нрав был сбалансирован, внутренний Волк спокоен. Для его собратьев было бы

крайне необычно пребывать в таком состоянии накануне решающей битвы. Он знал: другие Волки порой чувствовали, что он словно бы потерял нечто важное и стал слишком походить на смертных.

Ярл понимал, почему они так думают. Грейлок был таким же генетическим сыном Рюсса, как и все остальные, но выработал качество, которого они частенько бывали лишены, при всем своем бахвальстве и внешней убежденности.

Ум не хватало уверенности.

Он же никогда не колебался, с тех самых пор, как прижились первые имплантаты. Ни тогда, когда учился владеть новым, могучим телом, подарованным ему Хеликс. Ни когда поднимался вверх, становясь Охотником, затем гвардейцем и, наконец, лордом. На каждой стадии он точно знал, какова была его судьба.

В другой душе подобная уверенность могла бы пробудить высокомерие. Но Грейлок никогда не отличался умом, даже не понимал его пользы. Для него путь был

частью вселенной, столь же священный, как баланс между охотником и добычей, причиной и следствием.

На каждой ступени я выбирал маршрут, что должен был избрать. Каждый знак вьюга тогда оказывался правдой. Сейчас ничего не изменилось. Руны руководят мною, и они никогда не лгут.

Наг дверью моргнул красный свет. Трейлок мгновенно открыл глаза. Его зрачки были расширены, словно все это время он охотился, но очень быстро сузились, вернувшись к обычному размеру.

--- Входите, --- спокойно протолвил он.

Железные двери мягко скользнули в сторону, и на пороге показалась согбенная фигура. Клинок Вирта, как всегда, был в броне, которая ритмично жужжала при ходьбе. За его спиной двери закрылись, отгораживая двух Волков от всего остального мира.

Трейлок не поднялся. Сидя он казался не таким огромным. В отличие от большинства боевых братьев, он мог контролировать ауру запугивания. Такие воины, как Россек, всегда казались

угрожающими. Грейлок же устрашал лишь тогда, когда это было необходимо.

--- Прошу прощения, лорд, --- протолвил Клинок Вирта, окидывая взглядом углы, топор и простые одежды на яре. --- Я могу зайти в другой раз.

Грейлок пренебрежительно махнул рукой.

--- Ты можешь приходить и уходить когда пожелаешь, --- ответил он. --- Или волчы жрецы отказались от этого права?

--- Еще нет, --- признал Клинок Вирта. --- Уедва ли откажутся.

Жрец не стал садиться. Его вес в броне сломал бы такой стул, как у Грейлока, а других в комнате не было.

--- Ты долго пребывал в уединении, --- протолвил он, прислоняясь к каменной стене.

--- Многое нужно обдумать, --- отозвался Грейлок. --- Многое спланировать.

--- Ты доволен тем, что сделано?

Грейлок фыркнул:

--- Я был бы больше рад, будь у меня еще три роты и боевой флот. Но раз уж их

нет, то да — я доволен. Обрушение туннеля дало нам драгоценную передышку. Они скоро прорвутся, и мы будем готовы. Бьорн с нами, так что они получают хорошую тренировку.

Клинок Вирта загадочно посмотрел на ярла:

— Мы можем победить?

Грейлок пожал плечами:

— Тар, какой толк от подобных мыслей? Мы делаем то, для чего созданы. Все в руках Всеотца.

— Ты знаешь, почему я спрашиваю. Есть кое-что... секреты внутри Этта. Здесь есть знание, которое никогда не должно покинуть Клык. Железный Шлем знает об этом и еще небольшая группа братьев. Если мы проиграем, то...

Клинок Вирта затолчал, и повисла тишина.

— Говоришь так, словно ты единственный, кто думает об этом, — промолвил Грейлок. — Но что ты предлагаешь? Уничтожить Укрощение? Железный Шлем это одобрил бы.

— Его здесь нет, как ты можешь

замечать.

--- Так это то, чего ты хочешь?

Клинок Вирта явно был занят за
живое.

--- Ты знаешь, что нет. Вся моя жизнь
посвящена ему. И твоя тоже, с тех пор как
ты о нем знаешь. Но у нас должен быть
четкий план. Эта битва уже усложнила
сохранение тайны. А дальше будет только
хуже. Если придет время, мне нужно
знать, могу ли я действовать с твоего
разрешения.

Грейлок встретился взглядом со
жрецом. Эти двое были совершенно
разными --- один холодный, белый и
жизнеутверждающий, второй
потрясанный, темный и циничный, --- но
схожесть между ними все же была, некое
единство в понимании и взглядах.

Несколько мгновений они молчали.

--- Можешь, --- сказал наконец
Грейлок. --- Но не действуй до самого
последнего момента, и только тогда, если
Этот уже невозможно будет отстоять. До
тех пор сохраняй то, что у нас есть.
Можно пожертвовать жизнью. Потерять

реликвии. Но я не желаю увидеть конец этой работы прежде, чем здесь закончится все остальное.

При этих словах бледные ладони ярла сжались в кулаки.

--- Это наше будущее, Тар, --- промолвил он. --- Наша возможность вырасти. Если потеряем ее сейчас, больше шанса не представится никогда.

Клинок Вирта кивнул.

--- Значит, ты думаешь так же, как и я, --- прогудел он. --- Я рад. Все будет так, как ты велишь. Но я позволю себе еще один совет: держи Стурмъярта подальше от Вальгарда. Ему дан приказ вливаться, и он не понимает необходимости сохранения секретности и в дальнейшем.

--- О Стурмъярте уже позаботились. Он будет рядом с Бьорном и мной в Печати Борека. Ты будешь исполнять обязанности Разгоняющего Облака в Клыкмане. Так что не беспокойся, нужда разделить силы избавила тебя от твоего овода.

Старый волчий жрец улыбнулся.

--- Ты стал бы грозным Великим

Волком, Вэр, -- промолвил он, и кривая улыбка на этот раз была задумчивой.

-- Стал бы? -- переспросил Грейлок. -- Ты так слабо веришь в наш успех?

Клинок Вирта пожал плечами и опустил взгляд.

-- Все в руках Всеотца, -- повторил он, но на этот раз слова казались пустыми.

Через два дня Клыкман был наконец подготовлен. Все собравшиеся там знали, что враг приближается. Обрушение туннелей дало Эмму столь необходимую передышку после первой атаки. И вот прошло уже десять дней после падения врат. Битва скоро продолжится. Но отступить будет нелегко. Эмт громаден, но даже его сеть туннелей не бесконечна.

Красная Шкура опустился на колени на каменных ступенях, ведущих в Клыкман. Его шлем лежал рядом, пока Волк старательно приглаживал серую шевелюру, готовясь вновь его надеть. Как всегда, его броня была покрыта слоями крови, в нижнюю часть шлема вставлен

ряд клыков. Многие из них выбило в боях, но осталось еще достаточно, чтобы выделять воина. Новый нагрудник заменил пробитый болтерным выстрелом десантника рубрика. Но даже через несколько дней он все равно приносил неудобства интерфейсу черного панциря, и Волк чувствовал жжение в узлах соединений.

Закончив, Козоть поднял голову. Все четырнадцать братьев по Стае собрались вокруг Красной Шкуры. Боевой отряд был объединен с другими Стаями Кровавых Козтей, выживших при штурме врат. Среди них потери были высоки из-за отчаянного упорства.

Сломанный Зуб был убит при отступлении, застрелен в спину из лазпушки, когда спешил под прикрытие врат. Ужасный способ умереть, как ни крути.

И не стало Бракка. Того, кто так долго их тренировал, кто вбил в них столько упения и сноровки, сколько вообще возможно, и кто вел их с таким спокойным, расчетливым мастерством.

Волчий гвардеец никогда не был щедрым на слова, а в битве и вообще молчал, но теперь, когда он погиб, Эмт каким-то образом казался тихим и опустевшим.

Сменивший его сердитый гигант Россек изменил настрой Стаи. Если Бранк всегда был угрюмым и прямолинейным, то Россек выглядел так, словно только что побывал на самом краю безумия и едва выжил. Он тоже был немногословен, однако Красная Шкура подозревал, что по другим причинам. Бранк всегда шел уверенной поступью хищника — выверенной и легкой. Россек же, громогласный в терминаторской броне, казался обеспокоенным и зловещим. Что-то произошло с ним, выбило из равновесия, лишило того кипучего, воинственного духа, что когда-то сделал его достойным вести Двенадцатую роту. Он сам словно оцепенел, и в его присутствии старые подтрунивания и шутки, оживлявшие Когтей, сменились угрюмым ожиданием.

И еще Кулак Хель. Брат скорчился в нескольких шагах от Красной Шкуры, его хвост свисал с шлема, броня все так же

была украшена символами Умир и Танн. Он совсем не потерял чувства юмора и доходящую до всех мыслимых границ любовь к охоте. Кулак Хель единственный в Стае сохранил то ощущение непредсказуемой энергии, что делало Волков тем, чем они были.

Он почувствовал взгляд и повернулся к Красной Шкуре, сверкая кровавыми линзами шлема.

--- Брат, нагень этот треклятый шлем, --- сказал он по связи. --- Своим лицом ты врагов не испугаешь.

Раньше Красная Шкура ухмыльнулся бы в ответ. Но не теперь. Веселость Кулака Хель была слишком вымученной. Молодой Кровавый Коготь был глубоко ранен смертью Бракка; он просто не знал, как с этим справиться.

Красная Шкура повернул шлем и опустил на прилизанные волосы. С легким щелчком закрылись атмосферные печати. На дисплее вспыхнули боевые руны, показывая оборонительные силы по всему Этту.

Главные защитные сооружения

Клыктана были размещены на широкой, около двухсот метров, глинной лестнице, ведущей из туннелей Этта в главный зал наверху. Оборона состояла из цепи баррикад, поднимавшихся по лестнице к вершине горы, где стояли на страже Фреки и Гери. Сорок семь Волков, приписанных к лестницам Клыктана, были усилены сотнями кэрлов, защищенных адамантиевыми бункерами и стенами баррикад. Небесными Воинами руководил Клинок Вирма; смертными — Ривенластер с честным лицом и пустыми глазами.

В самом центре оборонительных укреплений, на середине лестницы, расположились могущественные машины смерти: шесть гредноутов. Громадные Почтенные Павшие возвышались над Клинком Вирма и Разгоняющим Облака. У основания подъема Скриейя вел три Стаи Серых Охотников. Дальше выстроились Кровавые Когти Россеса, а почти у вершины лестницы выделялись неизменной невозмутимой твердостью Длинные Клыки Ройка.

Вдоль громадных стен Клыкмана установили орудия, и каждое стреляло залпами болтов быстрее, чем любой из Длинных Клыков. Это было ошеломляющее собрание огневой мощи, и на все это сверху взирала далекая статуя Рюсса. Полевой госпиталь возле его ног убрали несколько дней назад, передвинув выше, в Логово. Теперь это был единственный зал в Клыкмане, где расположились орудия войны. Все стволы и клинки были направлены на громадные неподвижные ворота у самого основания лестницы, портал, через который придется пройти врагу.

Пространство было в ширину меньше сотни метров. Огненный мешок.

--- Будь осторожен, когда они пойдут, --- сказал Красная Шкура Кулаку Хель по закрытому каналу.

Брат растаял.

--- Заботишься обо мне, Оgrim? --- спросил он.

--- Волк идет за тобой по пятам.

--- Он рядом со всеми нами, брат.

Кулак Хель вытащил болт-пистолет

и раз в двенадцатый проверил магазин. Пока продолжалось ожидание, все искали, чем бы заполнить время.

--- У тебе не стоит за меня беспокоиться, --- добавил он тихоходом. --- Беспокойся за себя. За то, что ты такой медленный, и за все такое.

Красная Шкура попытался придумать какую-нибудь колкость в ответ. Но ничего не пришло на ум.

Затем издалека донесся сильный, сотрясавший все вокруг грохот. Следом послышались взрывы посильнее, эхом отдаваясь в туннелях. Они еще были далеки, приглушенными километрами затеившихся коридоров, но достаточно отчетливыми. И не прекращались.

--- Воины Этта! --- раздался сухой старческий голос Клинка Вирма. Жрец вытащил могущественный силовой меч, украшенный драконом, и энергетическое поле затерцало в полутраке. --- Судьба в последний раз испытывает жителей Клыка! Туннели открываются. Стойте твердо и лелейте свою ненависть!

Широкими шагами он двинулся

вперед, высоко поднимая над головой
светящееся лезвие.

--- За Рұсса! За Всеотца! За Фенрис!
Защитники закричали все как один:
--- За Фенрис!

Эхо их рева прогрохотало по пустым
подходам к Клыктану, постепенно
растворяясь в катнях.

Красная Шкура достал пистолет,
другой рукой сжав цепной меч. В венах
забурлила жажда убивать. Как только
первый из предателей окажется здесь,
костодесантник превратится в рычащую,
стертоносную машину войны, которой и
был создан.

--- Да пребудет с тобой Рұсс, брат, ---
сказал он Кулаку Хель.

--- И с тобой, --- ответил Кулак Хель
чуть быстрее, чем обычно.

И вот тогда впервые в жизни Красная
Шкура услышал угрозу в голосе друга. Его
бравда, какой бы естественной она ни
казалась, была лишь маской.

Кулака Хель что-то сильно
беспокоило, и это был не приближающийся
враг.

Каменная стена засветилась красным, потом оранжевым, а затем стала ярко-белой. Она продержалась еще немного, а затем взорвалась.

Громадные обломки разметало по Залу Печати, и они врезались в дальнюю стену в сотне метров от входа. Тут же воздух пронзили лазерные лучи толщиной в руку. Массивные тени неуклюже пробирались в пролом, расширяя края дыры при помощи жужжащих рук-буров.

Появлялись все новые и новые трещины, пока наконец громадный кусок оплавленного мельта-выстрелом камня не вывалился из стены, обрушившись на землю и осыпая пол обломками поменьше. Все больше лазерных лучей вспыхивали в облаке пыли, врезаясь в дальнюю стену зала и не причиняя защитникам никакого вреда.

Им некого было разить. Когда Тысяча Сынов ворвались в недра Клыка, их не встретили ни огневые линии, ни ряды кэрлов, готовых отдать жизнь в отчаянной попытке защитить свой дом.

Катафракты, все еще действуя согласно инструкциям своих машинных духов, выбрались на открытое место, прячась за покров пыли и готовясь стрелять из плазменных пушек.

--- Прекратить огонь! --- проревел кто-то в туннеле.

В сопровождении облаченных в терминаторскую броню рубрикатов через пролом пробрался Афаэль. Вокруг него поблескивали кинетические щиты, разбивая его облик покрывами варп-энергии.

Следом появлялось все больше и больше рубрикатов. Они выстраивались в зале рядами и поднимали болтеры. Среди них был и Хетт со своей свитой, тоже защищенный коконом щитов.

--- Отправь их вперед! --- торопил он, позволив своему колдовскому посоху вспыхнуть жуткой мощью.

Афаэль покачал головой.

--- Они знают, что ты идешь, --- сказал он, настороженно оглядывая зал.

Он пригнулся и подобрал обломок катня размером с человеческую голову.

Держа его с такой легкостью, как если бы смертный поднял гальку, он швырнул камень через весь зал в туннель в дальней стене. И тут же камень был разметан в пыль мощными выстрелами. Откуда-то из спрятанных глубин в туннелях загрохотали автомашки, посылая смерть туда, где должен был стоять авангард Тысячи Сынов.

Афаэль щелкнул пальцами, и кинетический щит раздвинулся вперед, заключая в кокон катафрактов. Залпы автомашек врезались в барьер бессильной стеной огня.

— Им понадобится что-то потощней, — сказал он, поднимая посох выше.

От одного его слова кинетический барьер внезапно поплыл вперед, встраиваясь в стены, источая искры. Вешено плясали молнии, играя и змеясь по стенам, разрывая камни. Прилив энергии ударил по установленным орудиям, срывая их с мест серией оглушительных взрывов.

Взрывы постепенно стихли, и молнии исчезли, оставив после себя обугленные каркасы орудий. Туннель наполнился

клубами дыма.

— А вот теперь идет ты, — холодно велел Афаэль.

Зашагали рубрики. Их глаза мягко светились в темноте, последние безмолвные воины Пятнадцатого легиона шли вперед, закованные в завитки эфирной защиты. У следом шествовали катафракты, их массивные когти раскалывали камень, по которому они проходили.

А за авангардом из туннеля, ведущего к вратам, слышались странные звуки. Это был топот тысяч ног, в унисон шагавших по земле. Звук орудий, подвозимых к бою. Звук тысяч молитв Повелителям Колдовства.

Звук приближавшейся судьбы Фенриса.

От Зала Печати Борека в недра горы устремлялись дюжины коридоров. Все они были темными как столь и полными теней. Огни в них погасли давным-давно. Они змеились и изгибались, заканчивались тупиками или обрывались прямо в

просторные шахты, ведущие на другие уровни. Даже кэрлы не знали всех путей через Этт и придерживались древних троп, всегда неся с собой огни и избегая особенно темных мест. Как и все обитатели горы, они знали, что Клык может убить быстрее, чем коварная расщелина в леднике, припорошенная снегом.

Рубрикаты шагали по темным туннелям, их неестественное зрение помогало даже в самых запутанных коридорах. Они текли рекой, спокойно и быстро сметая подвижные пушки на перекрестках. Через много метров после них двигались колдуньи, пасшие солдат, словно закованные в бронзу пастухи.

Они передвигались осторожно, прекрасно зная об опасностях этого места. А еще они знали, что были лучшими слугами притарха, воинами, почти не имевшими себе равных. Они шли скрытно, почти бесшумно и внушали сверхъестественный ужас. Во многих прошлых сражениях смертные поражались им, ожидая увидеть бесноватые толпы

фанатиков, а встречая ужасающее, тихое приближение бездушных созданий.

Но защитники не были простыми смертными.

Присев у каменных стен коридора, при помощи усиленных Хеликс чувств и способности ощущать малейшую вибрацию в воздухе, Грейлок за сотню метров услышал приближение первого отряда. Он сузил глаза, подсчитывая их численность и улавливая порядок построения, прижимая пальцы к волчьим когтям и чувствуя, как древнее оружие отвечает на прикосновение. Когти еще спали, невидимые во тьме, но готовые пробудиться от одной лишь мысли.

За ним притаились его Волки. Четыре воина, без обычной своей свиты в терминаторских доспехах, вооруженные только оружием ближнего боя. Их броня была такой же черной, как воздух вокруг. Среди них сидел и Стурмъярт, склонив голову. Шлем скрывал лицо рунного жреца, но Грейлок чувствовал его сосредоточенность. Стурмъярт прикрывал всю Стаю, пряча ее от пытливых глаз

колдунгов. Руны на броне были тусклыми и глубокими, словно инкрустированный в кератит оникс, но внутри их мерцал огонь.

Длинный коридор впереди был пуст, без ловушек и огненных ям, выкопанных на вышележащих уровнях. Трейлок внимательно встатривался во тьму, слыша становившийся все ближе приглушенный топот десантников-рубрикатов.

Они походили на ночной кошмар мертвых. Ярко-зеленые огоньки шевелились в конце туннеля — то сияли нечестивым светом линзы шлемов. Их было много, шедших в тесном строю уверенно, но осторожно.

Трейлок ощутил, как вонзились в оба его сердца первые изгибы ненависти.

Вы пришли сюда. В мой мир. Чтобы захватить моих людей.

Зеленых огней становилось все больше. Отряды врагов совершенно не подозревали о том, что ожидает их в дальнем конце пустого коридора. Стурмъярт испустил низкое рычание, не

слышное никому, кроме Волков, упорно
трудясь, чтобы сохранить защитный
покров.

Я сокрушу вас. Ввергну ваши
испорченные души в проклятие. Я разобью
вас на куски и сметая пыль ваших душ с
грязью.

Последний рубрикат вошел в туннель.
Дисплей в шлеме Грейлока показывал
восемнадцать целей и еще один, более
медленно передвигавшийся сигнал позади
отряда. Колдун. С ним придется
разбираться Стурмъярту.

За его спиной готовились к схватке
боевые братья. Феромоны жажды убийства
впитали в воздухе, густые и едкие. Лорд
ощутил приступ резкого восторга, когда
эндорфины ринулись в его собственную
кровь.

Добыча.

Нужный момент настал.

— За Русса!

Его волчьи когти вспыхнули,
отпугивая резкие тени по стенам
коридора, и лорд ринулся вперед, к
ведущему десантнику-рубрикату.

окруженный потоками буревой ярости, возвращенной Стурмъяртом. Его гвардия бросилась следом, по-звериному рыча, живое воплощение вихря. Стурмъярт тоже был с нити, раны на его броне вспыхнули яркой краснотой, отбрасывая на стены туннеля световые потоки крови.

- - - Хьолга! --- ревел Грейлок, схлестнувшись с десантником, вонзая когти в броню первой жертвы и смотря, как стинаются под ударом пустые доспехи. Коридор вскоре наполнился резким треском, стуком и грохотом ближнего боя.

Началось. Последняя атака. Все они знали, что эта битва не закончится, пока не падет последний из Тысячи Сынов или не запылает Клык.

Разразилась огненная буря.

Из-за баррикады Морек наблюдал через наручный авгур, как началась атака Тысячи Сынов на лестнице Клыктана. Накал огня ослеплял и оглушал, стесняла плазмы и твердых снарядов обрушивалась из туннелей на тяжелые контрфорсы в основании лестницы. Ривентастер не

бигел источника огня, потому что захватчики все еще скрывались под низким потолком и поворотом туннеля за ступенями. Они стояли на месте, оставаясь в укрытии и издалека обстреливая укрепления.

Морек прислонился к прохладной стене агамантиевого бастиона, который должен был защищать, в последний раз проверяя скьолдтар. Вокруг него согнулись в укрытии люди его ривена. Все они уже бывали в боях и привыкли к огню.

--- Березите головы, ---
автоматически сказал он по связи. Команда была лишней: в большинстве своем его люди сидели, пригнув головы к коленям. Ливень плазмы и болтов хлестал по баррикаде или безвредно пролетал у них над головами, врезаясь в потолок гигантского туннеля.

Ужасным был шум --- дезориентирующий, жуткий хор грохота и стрельбы, эхом редевший в заткнутом пространстве коридоров и вырывающийся в громадный зал. Шум сглатывал мысли, заглушал все приказы, отданные не по

боксу.

Морек усилил звук в наушниках, чтобы этим компенсировать нестерпимый грохот снаружи. Положение улучшилось, но ненадолго.

На тактическом дисплее он видел, как крадутся вперед Волки, тоже используя для прикрытия баррикады в основании лестницы. Космогосантники были лучше снаряжены, но даже они не жидались слепо в поток огня. Клинок Вирта держал Кровавых Козтей на коротком поводке, дожидаясь, пока цели приблизятся достаточно, чтобы Волки игрались в ближнем бою, где они были непревзойденными мастерами.

Ройк и Длинные Клыки тоже не вступали пока в битву, расположившись выше, за остальными оборонительными линиями. Они пересидивали огненную бурю за стенами, дожидаясь, когда покажется настоящий враг.

Только Разгоняющий Облака действовал вовсю. Рунный жрец, самый терпеливый из помощников Стурмъярта, призвал к порталам яростный,

пожиравший залпы огня вихрь, с его помощью сбивая с траектории вражеские снаряды и взрывая их раньше, чем те поражают цель. Вихрь не был идеальной защитой, но спасал баррикады от полновесной бомбардировки.

Морек глубоко вдохнул, касаясь губами края металлического фильтра дыхательной маски, замедляя сердечный ритм, усилившийся с началом атаки. Он пережил много боев и знал, как оставаться в форме на поле боя. Но все равно не получилось избавиться от крутящей живот тошноты.

Как и всегда, он мысленно представил себе Фрейю. Морек знал, что она в Печати Борека вместе с остальными защитниками. Так было даже лучше. Если бы они были вместе, он бы постоянно беспокоился о ней. А сейчас он даже не мог с ней связаться. Две линии обороны были отделены друг от друга километрами гранита и глушившими связь вражескими устройствами.

--- Да пребудет на тебе гланы Русса, дочка, --- выдохнул он, забыв, что связь

включена.

--- Что? --- спросил ближайший кэрл, подняв голову в ожидании приказа.

Морек слабо улыбнулся.

--- Еще рано, парень, --- сказал он, чувствуя дрожь баррикады, впитывающей так много болтерных залпов. --- Но уже скоро.

Грейлок крутанулся, вливая сапфирового десантника-рубриката в ближайшую стену. Предатель ударился о катни, и колдовской свет в линзах торгнул.

Лорд повернулся к своей свите, зная, что Стае нужно уходить. Ближайшие туннели были теперь заполнены врагами, и его отряд просто вырежут, если он не отступит к Печати Борена.

--- Бра... --- начал было он, но столк от боли в правой ноге.

Десантник-рубрикат не погиб. Он поднялся на колени и молотил коротким клинком по поножам.

Все еще не сдох! Скитъя, что мне с тобой делать?

Трейлок воздел волчьи когти и обрушил их на врага, вскрывая доспех от плеча до пояса. Расцепляющее поле прорезало пустую боевую броню, словно раковину, раскрывая панцирь и обнажая воздух внутри. Раздалось резкое шипение, словно из пузыря выпустили газ, и доспех развалился на части. Шлем Предателя тяжело рухнул на пол, линзы потухли. Больше он не двигался.

Этого было достаточно.

--- Сейчас! --- рыкнул Трейлок по связи, разъяренный полученной раной и тем, что защита не выдержала. --- Обратно к Печати!

Шестеро, включая Стурмъярта, отделились от остальных и рванули в продуваемые всеми ветрами коридоры, оставляя за спиной кучу изрубленных и разрушенных Предателей. Отступая, Трейлок почувствовал странное ощущение в ногах, словно его тянут обратно. Сначала он решил, что все дело в ране, но затем распознал истинную причину.

--- Рунный жрец! --- позвал лорд, рукой сигнализируя о наличии талефикарута.

Стурмъярт кивнул на бегу и стиснул кулак. Раны на его броне внезапно вспыхнули алым пламенем. Из туннелей донесся тонкий разгневанный вопль, и колдовство иссякло. Волки побежали быстрее, из всех сил понеслись сквозь тьму, едва касаясь неровного пола и ориентируясь как при помощи чувств, так и по памяти.

Они резко пригнулись, легко оставляя позади десантников-рубрикатов. Поток болтерного огня хлестал, пока Волки были в зоне обстрела, но болты лишь без вреда отскакивали от тяжелых терминаторских доспехов. Ножные мышцы Грейлока начали срачиваться прежде, чем он успел пробежать сотню метров, благодаря поразительной регенерационной силе его генетического наследия.

--- Впереди сигналы, --- положил по связи Стурмъярт, когда они бежали к перекрестку туннелей, где соединялось несколько дорог.

--- Смертные, --- презрительно бросил Ярл. Его жажда убивать не утихла, и такая легкая схватка на нее даже не

подействует. -- Разберемся.

Через секунду в поле зрения объятых жаждой тесни Волков затаячил горелычный просперуанский отряд, двизавшийся впереди медленно ползущих рубликатов. Грейлок понесся на них, словно торнадо, во все стороны полетели тела, с тошнотворным хрустом врезаясь в стены. Лазерные лучи вспыхивали в беспросветной ночи подземелья, совершенно бесполезные против ярости и скорости ярла.

-- Нам нужно двизаться, -- предостерег Стуртъярт, хватая охваченного паникой солдата и одним движением кисти ломая ему шею. -- Приближается все больше сигналов.

Грейлок раздраженно зарычал, прокладывая путь через скопление отступавших мертвых и размахивая смертоносными когтями.

-- Успеет, -- рыкнул он, прикончив сразу двоих солдат когтями и с фонтаном крови высвободив оружие из трупов. -- Я только начал.

-- В Печати будет достаточно боев, -- настаивал рунный жрец, швырнув одного

смертного в потолок туннеля и вонзив
болт в живот другого. — Ярл, нам нужно
спешить.

Из туннеля слышалось знакомое
равканье болтеров. Только
десантники применяли такое
оружие, и они были уже очень близко.

— Проклятье! — выругался Грейлок,
посмотрев, как несколько выживших
смертных со всех ног бросились под
защиту отрядом десантников-предателей.
Его голос был резким и хриплым, но не от
истощения, а от ужасающей, смертоносной
мощи, присущей лишь Волкам Фенриса.

Он помедлил еще с мгновение, не
желая отступить. Стая оставалась рядом,
их броня жужжала постоянной угрозой. Они
бы остались и приняли бой, прикажи им
ярл.

Клыки Рюсса, они пойдут на самого
Магнуса, если я прикажу.

— Пошли, — рыкнул он, слыша
тяжелую поступь сотни ног по туннелю
наверху. Если они останутся, то их
стнут, как воинов Росссека.

Стая понеслась кратчайшими

путьями к Печати Борека. Они пробежали мимо печатей от колдовства, нанесенных рунными жрецами всего пару дней назад. В коридорах Этта их были тысячи, и все уменьшались силы колдунов Тысячи Сынов. Пока знаки не уничтожат, Клык будет для захватчиков враждебным местом, лишаящим их силы.

Как и должно быть, вероломные колдуны.

Стая с грохотом спускалась по длинному, не слишком крутому коридору. Когда проход расширился, Грейлок узнал туннели, ведущие к Печати. Волки приближались к последнему залу перед самым бастионом, перекрестку нескольких путей, змеившихся дальше в тело горы. Когда стены раздвинулись, он услышал доносившийся впереди шум.

— Цели! — зарычал Грейлок, разрываясь между раздражением от задержки и возможностью убить побольше врагов. — И много.

— Вот Хель, что это вообще за сигналы? — рявкнул Стурмъярт прежде, чем Стая вырвалась из туннеля.

После узких коридоров зал казался гигантским, почти круглым, диаметром в сотню метров. Яркое пылающий огонь оказался не благотворным пламенем очагов. Впереди расположились просперуанские солдаты, готовившиеся к атаке на Печать Борека. Сам бастион лежал в нескольких сотнях метров, за еще одним длинным прямым коридором, вырезанным в скале.

Нару мгновений Грейлок не мог понять, что же случилось с рунного жреца.

А затем до него дошло.

Среди смертных, разбегающихся прочь в отчаянной попытке организовать оборону против внезапно появившихся Волков, возвышались две гигантские военные машины. Они казались очень древними, созданными техноколдовством, и были на голову выше даже Стурмъяртам. Одной рукой им служили коштарные буры, другой — плазменные пушки. Их движения были четкими и методичными и почти столь же быстрыми, как у самих Волков.

Когда Грейлок ввалился в зал, одна из машин выстрелила в него залпом

плазменного огня. Ярл нырнул к земле, так что лишь один шар энергии попал ему в правую руку и отбросил на камни.

--- Фенрис! --- заревел Стурмъярт, собрав энергию по всей глине посоха, закрутив ее и швырнув клубок молний в лицо машине.

--- Хьолга! --- откликнулась стая, набрасываясь на другого боевого монстра. Смертные с Просперо открыли лазерный огонь, но мерцавшие вспышки были скорее раздражителем, чем реальной угрозой.

А вот машины оказались серьезными противниками. Вскочивший на ноги Грейлок увидел, как одного из его воинов разорвало на части залпом плазмы. Другого Волка чудовище швырнуло на землю и пробурвило второй рукой.

Грейлок метнулся к ближайшему монстру, оставив пока вторую машину, обхваченную молниями Стурмъярта.

--- Катафракты, --- проревел рунный жрец по воксу, поняв, о чем говорили странные сигналы. --- Бездушные машины.

Грейлок бросился на врага, уклонившись от очередного залпа плазмы.

и вонзил когти в бронзовые наплечники катафракта.

--- Они все падают одинаково, --- пробурчал он, вонзая когти в металл и используя собственную тяжесть, чтобы лишить монстра равновесия.

Массивная боевая машина покачнулась. И тогда волчий лорд ударил еще раз, раздирая броню и обнажая сложные механизмы внутри. Он уже хотел выгнать провода, когда его настиг сильнейший удар буром.

Грейлок ударился о камни и распластался на спине. Над ним возвышался катафракт, направляя на Волка плазменную пушку. Ярл успел откатиться прежде, чем расцвел ослепительный взрыв, испепеливший камни.

А затем он вновь оказался на ногах. Одним плавным быстрым прыжком, готовый встретить новый залп врага. Он увернулся от сокрушительного удара буром и метнулся ближе, сверкая разрушительным полетом когтей.

--- Откуси-ка вот это! --- прошипел он.

устреляя оружие к дыре в броне катафракта.

Когда щелкнули когти, боевую машину подбросило высоко в воздух. Размахивая конечностями, она врезалась в самую гущу мертвых солдат. Вся грудная пластина была свернута, древний механизм превратился в дымящиеся обломки.

Грейлок обернулся, понимая, что не он так сильно искорежил монстра.

Да, это сделал Бьорн.

Гигантский гредноут вырос перед ним, по своему обыкновению заставляя весь зал казаться намного меньше. Громадная плазменная пушка все еще вертелась, источая волны жара после выстрела.

--- Вкуси гнев древних, терзость.

Его аура устрашения была поразительной. Даже Грейлок, закаленный столетиями войн против самых кошмарных врагов человечества, почувствовал долю ужаса перед лицом такой ненависти. Слово осклок мощи самого Рюсса появилось вновь в мире живых, столь же всепоглощающий и

разрушительный, как тогда, в галактике,
где тысячи лет назад.

Разящая Длань с нами! Кровь Рүсса, я
бы сто раз заглянул в лицо смерти, лишь
бы увидеть это.

Все больше врагов вливались в зал из
множества туннелей и тут же открывали
огонь. Среди них были и колдуны с
катафрактами, и смертные в тяжелой
противоосколочной броне.

Бьорн направился в битву, столь же
властный и безразличный ко всему, кроме
боя, как и в старину. Его молниевый
коготь сверкал сокрушительной энергией,
жалея языками электричества ближайшие
клатни. Плазменная пушка изливала поток
зарядов в приближающегося врага,
разрывая на части даже рубрикатов.

--- Получите! --- грохотал гредноут,
и его рычащий, оглушительный голос
перекрывал растущую волну взрывов и
криков.

И вот тогда появились звери. Словно
прилив, они хлынули из теней. Громадные,
юркие монстры с янтарными глазами,
металлическими имплантатами,

челюстями, снабженными острейшими клыками, они рвались вперед, сокращая расстояние между собой и врагом.

Если раньше смертные захватчики просто боялись, то теперь они обезумели от ужаса. Пронзительные вопли эхом носились по залу, когда кошмары Подземелья Клыка врезались в линии врагов и покатились по катням в обнимку с добывчей.

Все больше гредноутов входило в зал, их пушки поливали огнем. А вместе с ними появлялись новые волны зверей Подземелья Клыка, оглушительно выкрикивающих боевые кличи отрядов Серых Охотников и хищных стай Кровавых Когтей. Рывкали болтеры, свистели силовые клинки. Разогранная в ключья чернота горы стенилась неровным, вспыхивающим светом выстрелов и плазмы.

Все это Грейлок охватил одним взглядом. Именно столько времени ему было нужно. Ярл вскочил на ноги, его когти все еще терцали губительной энергией.

--- За Рүсса! --- зарычал он, и звук его голоса заставил землю согрознуться.

--- За Рүсса! --- подхватили бесподобные, дикие и ужасающие Волки Клыка, кидаясь в битву.

--- За Рүсса! --- прогремел Бьорн, чей голос, усиленный вокс-динамиком, заглушил все остальные звуки и заставил лавины катней скатываться со стен и раскалываться под ногами.

Темеху пришлось очень стараться, чтобы не выдать неподобающего волнения. Как и все маги, он хорошо знал, что генетический отец видит все его чувства. Так было всегда.

--- Добро пожаловать на Фенрис, лорд, --- протолвил он, низко кланяясь.

--- Ничего подобного, --- возразил вновь прибывший, отмахнувшись от официального приема. --- Ты смущен моим видом. Как я уже не раз демонстрировал, это наименее важный аспект моего присутствия здесь.

Темех позволил себе поднять голову и улыбнулся.

--- Возможно, --- протолвил он. --- Но этот ваш вид радует мои сердца.

Они стояли в святилище Темеха на

борту «Херутона». На лорде-
чернокнижнике Корвигов была его обычная
мантия, шлем отсутствовал, фиалковые
глаза сияли.

Перед ним возвышался примарх, один
из двадцати любимых сынов Императора,
кузнецов Императора, полубогов,
создавших мир людей в пустоте
космоса. Уже не принимая образов ребенка
или старика, он предстал таким, каким
был в эпоху Великого крестового похода.
Высокий, широкоплечий, с бронзовой кожей
и в бронзовом доспехе. На плечи накинута
золотистая мантия, сотканная из
перьев, на голове — золотой
шлем с багровым плюмажем. Его волосы
были густыми и глиняными, цвета
багровой кошенили. Одна рука покоилась на
переплетенной в кожу книге, прикованной к
поясу стальной цепью, хотя это был уже не
тот фолиант, что он носил до Ересей.
Другая рука сжимала рукоять убранного в
ножны меч.

Магнус Красный, Алый Король,
Циклон Просперо.

Его называли благословенным и

просвещенным.

Проклятым и глупцом.

Теперь он вновь оказался в реальном пространстве, полностью воплотившись, сверкая в мягком свете канделябров. Для предстоящей битвы он вернул прежний облик, еще одну грань своей мести. На изможденном лице блуждала усталая, слабая улыбка.

--- Каково это? --- спросил Темех, ободренный улыбкой господина.

--- Вернуться в физическую форму? Иначе, если сравнить с последним разом. Я никогда до конца не обрету плоть и кости. Но тем не менее все хорошо. --- Примарх поднял гигантскую руку и один за другим сжал пальцы. --- Очень хорошо.

--- И у вас есть приказы для меня, Лорг?

Мазнус перестал любоваться собой и с нежностью посмотрел на Темеха:

--- Ты сделал все, о чем я просил тебя, сын мой. Логово Волков не для тебя. Спустишь только я, хоть и сделаю это вопреки своим правилам.

--- Лорг Афаэль проник на нижние

уровни. Его солдаты разрушают обсервации, чтобы сделать возможным ваше перемещение. Они заперли Нсов в изолированных бастионах внутри Клыка. Но потребуются еще несколько дней, прежде чем вы сможете туда войти.

— Они все еще дерутся? Впечатляет. Хотя, наверное, не стоит удивляться. В конце концов, это их предназначение.

— Они безрассудные и дикие, настоящие звери.

Магнус перестал улыбаться.

— Амүз, я больше не считаю их животными, как думал прежде. Полагаю, они самые чистые из всех нас. Неиспорченные. Всецело преданные. Идеальное воплощение представлений отца.

Ошеломленный Темех во все глаза смотрел на притарха.

— Вы восхищаетесь ими?

— Восхищаюсь? Конечно. Они уникальны. Даже в бесконечной вселенной это качество встречается реже, чем ты мог бы предположить.

Темех потеглил, прежде чем

ответить, взвешивая риск сказать что-то такое, что обернется для него приговором.

— Если так... Лорд, зачем мы ведём эту войну? Другие — Ранторы, Пирриды — жаждут мести, хотят причинить боль за все, что испытали. Я не разделяю с ними этих чувств. Это кажется... недостойным. Мы лучше и выше этого.

Магнус подошел к лорд-колдуну и положил тяжелую руку на плечо Темеха.

— Да, — промолвил он. — Мы намного выше этого. Позволь жажде мести ослеплять других, от этого они будут лишь яростней сражаться. Эта битва есть нечто куда большее, чем простое сведение счетов.

Его единственный глаз был неподвижен — золотой круг, сверкающий радужным спектром. Темех понял, что невозможно было ни смотреть на него, ни отвести взгляд.

— Мы сражаемся, чтобы предотвратить возможное будущее. Оно даже сейчас созревает в горе. Если мы преуспеем, рана, нанесенная Волкам Фенриса, будет соперничать с той, что

они оставили нам. Если потерпим неудачу, то все, чего мы достигли после прибытия на Планету Колдунув, окажется напрасным.

Первая атака была отбита и обескровлена. Орудийный огонь из туннелей под Клыктом толк, и тогда рубриками атаковали нижние ступени лестницы. Волки бросились им навстречу, и узкое пространство немедленно было заполнено телами сражающихся. У защитников на начальном этапе было преимущество более высокой позиции и удачного расположения огневой поддержки, и потому они одержали верх. Кровавые Когти сражались со всей своей мощью, едва сдерживаемые исполинской фигурой Россек. Их дополняли методичные Охотники под командованием Скриеи, который много лет изучал, как наиболее успешно сражаться в заткнутом пространстве.

Но потери все равны были. Десантники-предатели сражались без устали, и их смертоносное искусство было

не менее эффективным. Когда нападавших наконец отбросили и они отошли, дабы перегруппироваться, на каменных подступах к лестнице остались и тела в серых доспехах, разрубленные и истекавшие кровью.

Так продолжалось раз за разом. Не было ни внезапных прорывов, ни решающего перевеса. Нападавшие атаковали волнами с десантниками-предателями в первых рядах, каждый раз пытаясь отбросить Волков выше по лестнице и захватить баррикады. Каждая атака продвигалась чуть дальше, прежде чем невидимые колдуньи отзывали бездушных рабов, оставляющих после себя раскаленные катки и остывающую кровь.

Проходили целые часы, наполненные рваным ритмом атак и встречных ударов. Смертных солдат на баррикадах сменяли кэрлы из резерва. Вставлялись новые магазины, латались доспехи, ремонтировались стены, из Клыкмана доставлялись боеприпасы. С передовой забирались тела. Смертных относили в одну сторону, Волков — в другую. Небесные

Воины не утирали быстро, но с каждой атакой Тысячи Сынов очередную пару тел уносили с поля боя.

В первых рядах каждой атаки и в последних при отступлении к баррикадам шел Тромл Россек. Он все так же был мрачен, смертоносен и полон сил. Со смертью каждого защитника он, казалось, все больше уходил в себя, перерождаясь в угрюмого левиафана-убийцу, а не смеющегося, жизнерадостного бога войны, каким был прежде. Его движения стали сдержаннее, приказы резче, удары тяжелее. Потеря стала не просто потушила старый огонь в душе; она сделала Волка мрачнее и смертоноснее.

Новая стая, собранная из остатков других, отвечала новому духу командира. Когти, казалось, избавились от своего обычного самовольства и бахвальства, стали меньше болтать по воксу, обсуждая способы убийства. Но они не забыли, как сражаться. Кровавые Когти кружились, били руками, пинались, прорывались в ближний бой, не отставая от свирепого вожака-гиганта, впитывая необузданную

ненависть, исходившую от него.

Они по-прежнему утирали. И чаще всего утирали, бросаясь в пасть Моркаи из-за безрассудной, самоотверженной манеры сражаться. Но когда они погибали, вокруг всегда была масса разбитых доспехов — сраженных рубрикатов, освобожденных Волками от непосижимо пустой жизни. Бракк был бы горд, видя, как посаженные им семена приносят плоды.

Становившиеся все свирепее атаки продолжались. У Тысячи Сынов были и солдаты, и время, и терпение. Охотники взваливали на себя ношу боя, давая Кровавым Когтям несколько часов отдыха. А затем они менялись местами. Так повторялось снова, снова и снова, пока пропитанная кровью лестница не стала походить на врата Хель.

Защитники держались. Каждый умирал отражался огромной ценой и страшными жертвами, но до тех пор, пока оставались целыми баррикады, а Волки держались на ногах, Клык сопротивлялся.

Бьорн вновь ринулся в бой, через

модули оптических имплантатов
наблюдая, как падают под его клинками
враги. Он едва замечал непрерывный град
снарядов, хлеставших по бронированному
телу. Поле зрения было заполнено целыми
мизга красными ранами на мерцающем
фоне.

Он не обращал на них внимания,
сражаясь так же, как всегда, ---
инстинктивно. Доставлявшие ему когда-
то удовольствие по-звериному обостренные
рефлексы исчезли, став столь же далеким
воспоминанием, как и настоящие
конечности, но он по-прежнему двигался
натного быстрее, чем можно было
ожидать от тяжелого, громоздкого
саркофага.

У старейшего в Подземелье Клыка
дредноута были свои привилегии. Его
шасси было невероятно древней моделью,
объединив технологии, редкие еще до
Ереси. Поколения железных жрецов
столетиями приносили дальнейшие
усовершенствования, каждый старался
превзойти других в славе и что мог
добавлял саркофагу Разящей Длани.

Они думают, я не знаю, что они сделали с моей гробницей.

Бьорна не заботило пышное убранство. Он был бы рад растерять все вырезанные на живом гробу золотые эмблемы, каждую начертанную на керамике серебряную руну ради возможности вновь сойтись с врагом лицом к лицу.

Он больше никогда не почувствует брызг крови на коже, мгновенья, когда клинок вонзается в плоть и перерезает очередную нить жизни. Его нервные реле были хороши, куда лучше, чем у любого другого гредноута в Империи, но они никогда абсолютно точно не передадут живых ощущений.

Вот почему, заглаживая свою вину, они украшают мою гробницу черепами и тотематами. Нишурой. Ненавижу!

Гигант опустил плазменную пушку, едва отметив, что ослепительные сферы несутся во тьме. Крики утирающих были всего лишь фоновыми помехами. Бьорн в одиночку уничтожил больше врагов, чем некоторые ордена всем своим составом.

Смерть для него давно перестала что-то значить. Удовольствие тоже исчезло. Осталась лишь необходимость.

Мне нужно убивать. Клянусь Руссом, мне нужно поделиться этой болью.

Боль была всегда, с тех самых пор, как исчез Русс. Не было ни объяснений, ни слов утешения.

В одну из зимних ночей, когда разыгралась свирепая буря, примарх просто исчез.

Леман Русс ушел, не сказав почему, отправившись в костос, как делал всегда, не думая ни об опасностях, ни о тех, кого оставил.

Бьорн крутанулся вокруг своей оси, расплющив когтем десантника-рубриката и швырнув его в воздух. Когда тело рухнуло на землю, в изгрудь вступили звери, когтями раздирая пустой доспех. Тем временем Бьорн взялся за две другие цели, пробивая дыры в керамике и разрезая стальные ребра, словно масло.

Знаешь ли ты, как меня разозлило то, что ты так никогда и не объяснился?

Гигант сражался иначе, когда был

жив. Тогда, много жизней назад, он бросался в битву с Богударом, Ойе и Двумя Мечами, и их вьюргы были сплетены крепче, чем трос грасселя. Нынешние Волки перерезают нити жизни с тем же мастерством и величием, что и прежние. Но это не то же самое. Бьорн знал, что галактика постарела, а он нет. Ему не место здесь, с горячими щенками, что унаследовали Этт.

Думаю, ты знал. Ты знал, что я буду ненавидеть это. Знал, что каждое мгновение обернется для меня пыткой.

Колдун подобрался ближе, наполовину скрывшись за рядами предателей-десантников. Разжигая в ладонях талефикарум и вызывая шары пламени, он готовился броситься в бой.

Бьорн с презрением ответил колдуна. Или, по крайней мере, его разум испытал презрение. Возможно, эмоции и отражались на изуродованном лице, погруженном в жидкость и спорщенном от безжалостного времени. Но они оставались скрыты защитной маской.

И это превыше всего остального

заставляет меня верить, что ты по какой-то причине скрыл от меня правду.

Он сделал один широкий шаг, качнувшись назад, и разрядил пушку. Охваченные пламенем останки колдуна исчезли в вихре взрывов. Бьорн продолжал стрелять, изливая всю ненависть, усталость и боль на изуродованного предателя. Когда гредноут наконец остановился, ища новую цель, доспехи жертвы превратились в раскаленную лужицу шипящего углеродорода.

Этот гнев, это предательство. Вот что поддерживает во мне жизнь.

Звери держались рядом с гигантом, отрывая голову лоботу врагу, что приближался слишком близко, но при этом не мешая Бьорну пользоваться при необходимости оружием ближнего боя. Они яростно бросались в битву, будучи созданы для нее, соперничая в сверхъестественной ловкости с Волками. Бьорн знал, насколько они способны к таким вещам и почему их создали. Немногие знали об этом.

Я любил тебя, как никто из твоих

сыновей. И ты об этом знал.

Бьорн рассеянно заметил, что его товарищ-гредноут Хромгар сражается в одиночку с целым отрядом десантников-рубрикатов, которых поддерживает катафракт. Рассерженный тем, что его отвлекли, Бьорн повернулся, получил данные на открытие огня и огнем залпом снес боевой машине голову. Прежде чем бронзовый череп обрушился на землю, гредноут вновь атаковал, погружая когти-лезвия в свежую плоть.

--- Благодарю, лорд, --- прогудел по связи Хромгар.

Бьорн не ответил, слишком занятый убийствами. Именно это он делал всегда. Либо стазис, либо битва. Бессознательное состояние или ярость.

Ты знал, что я тебя возненавижу. Ты, оставивший меня этой судьбе. Я был пронзил плену реальности, отправился с тобой навстречу року, стоял рядом перед лицом поджигающего врага.

Его пушка заревела, опустошая ряды врага. Бьорн был непобедим, бесподобен, громогласен и натного превосходил любого

блага. Никто в армии Тысячи Сынов не мог даже побеспокоить его. Так же как и на Просперио, Бьорну не было равных.

Возможно, так чувствовал себя в бою и примарх.

И я знаю, что ты делал. Ты породил эту ненависть во мне, столь же сильную, как и любовь, от которой я все еще не могу избавиться.

Если бы у Бьорна были слезные железы, он бы зарыдал. Если бы было лицо, оно превратилось бы в вечную маску ужаса. Если бы сохранились голосовые связки, они бы вибрировали от воя, порожденного сжигающей душу тучкой.

Ненависть — самый мощный двигатель во вселенной, и тебе нужно было дать мне такую силу, чтобы Волки никогда не оставались без защитника.

Но у Бьорна не было ничего из этого, лишь ярость избранного сына, отвергнутого отцом. Из горького опыта галактика хорошо знала, что подобная ярость хранила лишь обещание смерти, разрушений и крови, проливающейся с небес словно слезы.

Отразили еще одну атаку. Защитники Клыктана прекратили стрельбу, подсчитывая павших и раненых и вынося их с передовой. Несмотря на передышку в бою, их работа не прекращалась ни на минуту. Отряды кэрлов стелялись после короткого отдыха. Те, кто отражал наступление врага, отводились в тыл, их место занимали свежие части. Штурм — убийственная черед атак и контрнаступлений — все продолжался, смертные не могли спать и еле держались на ногах, и даже недавно выдвинутые на позиции изнуренно волочили ноги.

Морек был на стене уже тринадцать часов к тому моменту, когда его позвали. Приказ отдал волчий гвардеец в таком помятом и почерневшем госпехе, словно десантник перешел вброд озеро магмы.

— Ривенмастер! — гаркнул он грохочущим голосом, искаженным сломанным вокс-устройством. — Что ты до сих пор делаешь на посту?

— Выполняю свой долг, — тихо

проговорил Морек, не в состоянии придумать что-нибудь другое.

Тогда волчий гвардеец грубо подтолкнул его вверх по лестнице к тыловым позициям, мимо линий баррикад и орудий, к открытому залу Клыкмана.

— Твой долг — придерживаться плана и вовремя сменяться, — рыкнул он. — Удостоверься, что твоя стена будет здесь раньше, чем ударит следующая волна.

Так что Морек наконец побрел прочь с передовой, едва в состоянии поднять голову и держать в руках оружие.

Он уже не понимал, как долго тянется эта бойня. Часы перетекали в дни, которые растягивались в длинную череду ужасающе жестоких боев и напряженных, изматывающих периодов ожидания. Когда мог, он урывками спал, но отдыха все время было слишком мало. В какой-то момент Морек неожиданно проснулся во время затишья между боями, что-то крича об ужасе, сокрытом в лабораториях творцов плоти. К счастью, почти сразу началась битва, переключив внимание измученных кэрлов на более

неотложные дела. На этот раз удача улыбнулась ривенмастеру, но недостаток самоконтроля его порядком напугал.

Когда Морек проходил через тыловые укрепления в тени четырех крупных оружейных башен, то лишь смутно осознавал движение вокруг. Кэрлы были повсюду: таскали ящики с боеприпасами, госпехами или проговольствием, волочились с фронта, как ривенмастер, или готовились занять позиции вместо него. Некоторые по-прежнему двигались со спокойной решимостью. Другие пошатывались на ходу, явно изнемогая от усталости.

Едва ли кто-то из них мог уклониться от обязанностей и искать себе менее опасное место. В ривенах Фенриса не было комиссаров, как в Имперской Гвардии. В них просто не было нужды. Сама по себе идея попытаться избежать боя, чтобы спастись, была столь же чужда духу этого мира смерти, как и благотворительность.

Когда Морек прошел артиллерийские позиции и оказался в громадном

пространстве зала, то чуть не столкнулся с тяжеловооруженным отрядом, спешившим в бой. Пробормотав короткое извинение, он попытался и врезался в штабель ящиков с сушеным мясом. Ривенмастер неуклюже растянулся на полу. Ноги отказали, когда он попытался подняться.

Изновение он оставался в таком положении, чувствуя спиной твердый камень и позволив соблазну отдохнуть всего на минутку проникнуть в его кости.

Всего минуту. Всего пару минут. А потом я встану.

Мир вокруг него кружился, расплываясь, и он почувствовал, как закрываются ставшие свинцовыми веки.

Затем Морек ощутил, как над ним нависло что-то громадное. Какой-то инстинкт подсказал ему, что лежать так было ужасной ошибкой, и ривенмастер заставил себя подняться на колени.

--- Прощу прощения, лорд, --- пробормотал он, пытаясь при подъеме не развалить штабель.

К его изумлению, гигант протянул

массивную перчатку. Раздумывая, стоило ли браться за нее, чтобы встать, Морек заметил, что кератит был не серым, а черным.

Он поднял глаза, скользнув взглядом по иссеченному нагруднику, украшенному костями зверей. Лицевая пластина шлема, треснувшая от удара мечом и такая же угольно-черная, как и весь остальной доспех, была выполнена в виде черепа. Линзы ярко светились, отбрасывая на маску блики, похожие на кровавые слезы.

--- Морек Карекборн? --- раздался сухой голос Тара Арьяка Хральдира, творца плоти, прозванного Клинком Вирма. --- Думаю, пришло время нам поговорить.

Морек поднял взгляд на череп волчьего жреца. Казалось, всю усталость как рукой сняло. Ее стенила холодная хватка страха.

--- Как прикажете, лорд, --- ответил он голосом сухим, словно остывшие угли.

Афаэль шел по пустым туннелям Логова. Бои за два ключевых пункта продолжались уже много дней и без явного

успеха. Он рассчитывал, что придется еще много дней выжигать позиции защитников. Псы будут упорны в обороне. Должны быть, ибо идти им было некуда.

Колдун это вполне устраивало. Целью первой волны атаки было не просто нанести урон, но и очистить центр Клыка от защитников на срок, достаточный для уничтожения большей части оберегов. Эта работа была трудной и утомительной, особенно в его лихорадочном состоянии.

Афаэль продолжал страдать от изменений плоти. Бой приносил лишь частичное облегчение. В покое колдун становился непредсказуемым, склонным к резким переменам настроения и неспособным к хладнокровному принятию решений. Он знал, что происходит. Словно наблюдая за собой со стороны, он видел, как мыслительные способности его с каждым часом ослабевают.

А теперь еще одно. Где-то глубоко внутри его разума шевелилось что-то чужое. В тысячах пустила корни не его чувствительность и постепенно становилась все сильнее. Одновременно с

пятажом тела начал ускользать разум.

Как только неотвратимость разрушения стала очевидной, Афаэль прошел через известные стадии реакции. Неверие. Гнев. Страдание. Он уже не мог бороться против этого кошмара. Тело так спрослось с доспехом, что он никогда не сможет его снять. Единственное, что оставалось, это выполнять свой долг так долго, насколько возможно.

Я увижу, как Нсы горят. А потом будет что будет. Но я не уйду в забвение, пока возмездие не совершится. Не уйду.

Он понимал бессмысленность такой бравады. Мняющему Пути нельзя угрожать или упрашивать его. И все же слова эти пригнали Афаэлю капли утешения. Он по-прежнему мог сопротивляться, по крайней мере на словах.

Афаэль остановился перед очередным обсерватором. Знак размещался на пересечении четырех туннелей. Перекресток представлял собой круглый зал с местом для костра посередине. Обсерватор сдвинул на каменном столбе возле костровой ямы

нацарапали в форме глаза с зазубренными насечками вокруг. На них нанесли человеческую кровь, а ниже вырезали несколько рун.

Так просто. Даже ребенок мог нарисовать что-то подобное. И все же сочившаяся из символов энергия подавляла магию колдуна, словно закрывая ему рот лагону. Рунные жрецы, при всем своем примитивном представлении о варне, были мастерами в управлении его символами. Каким-то образом, какими бы необученными и невежественными ни были Волки, им удалось научиться фокусировать параллельные энергии эфира, используя имена, знаки и жесты. Многочисленные обереги Клыка действовали подобно мощному носителю магической энергии. В итоге применение даже самой незначительной магии становилось делом трудным и опасным.

Это должно закончиться.

Афаэль стоял перед оберегом, усталое готовясь к ритуалу, который уничтожит символ. Вокруг выстроилась охрана из шести рубликатов. Последние огоньки

пламени в кострище погасли, погрузив помещение в непроницаемую тьму. Афаэль рассеяно моргнул, настраивая фильтры линз шлемта.

И только тогда он заметил детей. Их было семеро, съезжившихся в темноте, прижавшихся друг к другу, словно крысы.

Несмотря ни на что, несмотря на внутреннюю панику, на необходимость быстро очистить место от обзоров, Афаэль улыбнулся.

Колдун повернул к ним бронзовую голову. В идеальной темноте его шлем выдал очертания детей в сглазанном зеленом цвете ночного видения. Колдун различил их испуганные лица и тонкие пальчики, цеплявшиеся за каменные стены.

Почему их оставили в Логове? Неужели варвары Фенриса так мало заботятся о своей молодежи, что оставляют ее врагу? Или произошла какая-то ужасная ошибка?

В любом случае Афаэлю выпал редкий шанс проявить свои навыки ради получения удовольствия. Их смерть будет подходящей карой за всю боль, что

причинили его легиону Нсы Фенриса.

--- Не стесняйтесь кричать, детки, ---
промурлыкал Афаэль, вытаскивая из
ножен клинок и выбирая первую жертву. ---
У нас масса вре...

Что-то тяжелое ударило его в шлем,
брошенное с изумительной точностью. У
взорвалось, заставив колдуна покачнуться.

--- Фекке-хофүг! --- завонил огин из
щенок, метнувшись мимо него и нырнув в
темноту.

Афаэль гневно взревел и быстро
опустил меч, намереваясь на бегу скосить
маленького демона. Затах прервала другая
граната, на этот раз попавшая в грудь.

Они вооружены! Их оставили здесь с
оружием!

--- Убить их всех! --- завонил Афаэль и
развернулся, чтобы схватить одного из
бегущих детей. Он выхватил болт-
пистолет. К этому времени в дело
вступили рубрикаты, столь же
безрезультатно пытаясь поймать детей,
как и их командир.

Дети оказались быстрыми, словно
крысы, и чувствовали себя в туннелях как

гома. Взорвалось еще несколько гранат, одна из которых, как ни странно, свалила с ног рубриката.

А затем они исчезли, юркнув вниз по коридору, эти щенки-призраки, прыгая и стаясь в темноте. Осталось лишь стихающее эхо.

Афаэль выхватил пистолет и дал очередь в туннель, но ни один снаряд не попал в цель. Сорванцы Клыка, прекрасно изучившие искусство выживания, были слишком быстрыми, слишком хитрыми и хорошо подготовленными.

Смех затих вдалеке. Сбитый с ног рубрикат поднялся, выглядя еще нелепее из-за полного отсутствия эмоций.

Серьезного вреда дети не причинили. При всей своей хитрости и скорости, у туннельных крыс не было возможностей навредить костогесантнику.

Но это было унижительно. Ужасно унижительно.

— Ненавижу этот мир! — взревел Афаэль, метнувшись к обсерватории и своим гневом воспламенив посох.

Железный посох взорвался

губительным светом, рассеяв тьму и испустив во все стороны вспыхивающие лучи эфирной энергии. Поток огня затрещал по оберегу, словно притягиваемый магнитом. Мгновение символ сопротивлялся, раскалившись докрасна, поглощая ужасное количество энергии.

А затем сдался. Тонкая трещина зазмеилась по изваянию, расколов и его, и рунический текст под ним. Холодный воздух вдруг наполнился неожиданным, обжигающим жаром, а затем все вновь погрузилось в ледяную тьму.

Тяжело дыша, Афаэль позволил энергии втянуться обратно в посох. Все рубрики вокруг выглядели невозмутимыми. Как всегда.

Оберег был ликвидирован, и Афаэль тут же почувствовал, как прибыло у него сил. Но чувство облегчения быстро испарилось. Он был унижен, зол и разочарован. Впереди ждали километры туннелей, кишевших ловушками.

Недостойная работа, годная для помощников, а не командиров. Если бы его

подчиненные Пирриды были достаточно умелыми, чтобы заменить его, Афаэль охотно призывал бы их сюда уничтожать обсервации.

Но они не годились. Да и в любом случае колдуньи были нужны, чтобы вести вой бой десантников-рубрикатов.

Треклятый Ариман. Он превратил нас в легион глупцов, топчущихся повсюду со своими марионетками.

— За мной, — пробормотал он, выходя из зала в следующий туннель. Рубрикаты покорно подчинились. Афаэль почувствовал, что из-за вспышки гнева изменение плоти ускорилось.

Время истекало, струилось несколько сквозь пальцы, стремясь к ожидавшему колдуна ужасу. Осталось недолго. Совсем недолго.

Клинок Вирта вел Морека прочь от лестницы, через просторный Клыкман, мимо ног статуи Рюсса. Воздух был напоен грохотом подвозившего припасы транспорта, криками хускарлов, отдававших приказы солдатам, и далеким

думом сражения. Никто не обращал внимания на волчьего жреца и его спутника.

Морека это слегка огорчало. Если он умрет на смерть, то было бы неплохо, если бы кто-то, хоть один человек, бросил на него сочувственный взгляд. Но они, конечно, понятия не имели, какие дела у Клинка Вирта с Мореком. Да и знай они, что бы изменилось? Была ли власть волчьих жрецов настолько абсолютной, что не существовало никаких ограничений в их обращении со смертной наставой?

Об этом я тоже думал, и не так давно. Когда моя вера была безоговорочной. Что так должно быть.

Они миновали статую и попали из Клыкмана в темные ледяные коридоры. Звук сражения у баррикад стих, сменившись холодом и пустотой Ярлхейма. Клинок Вирта шел быстро, Мореку приходилось спешить, чтобы не отставать. Усталость вновь начала брать свое. Сдерживал ее лишь сильнейший страх.

В конце концов Клинок Вирта

остановился перед гверью в стене туннеля, открыл ее и пропустил Морек внутрь. Как только панель закрылась, они остались одни, отделенные от остального мира, в тесной комнате с высоким потолком, лишенной всякой мебели, кроме деревянного стула и небольшой костровой ямы. На подвешенной над пламенем веревке покачивалась коллекция костей. Несмотря на крайнюю скромность, это место явно было жилищем творца плоти. Возможно, помещением для совершения обрядов.

--- Садись! --- велел Клинок Вирта, указав на стул.

Морек подчинился, сразу же почувствовав себя еще меньше и незначительней. Волчий жрец остался стоять в паре метров от него, гигантский и угрожающий.

С минуты Клинок Вирта просто смотрел на ривенластера, не говоря ни слова. Морек из всех сил старался не выдать волнения. В обычных обстоятельствах он, возможно, справился бы, но после стольких дней непрерывных боев задача оказалась сложноватой.

А еще он был далеко не молод. Может быть, даже слишком стар. Это само по себе было уже причиной для стыда. Немногие обитатели Фенриса утирали пот от старости, и он никогда к этому не стремился.

--- Знаешь, почему ты здесь? --- спросил наконец Клинок Вурма.

В его голосе не было тепла, но не слышалось и излишней резкости. Он звучал сухо, сурово и властно.

--- Думаю, да, лорд, --- ответил Морек.

Не было никакого смысла увиливать.

Клинок Вурма кивнул, словно удовлетворенный ответом.

--- Тогда нам не нужно вновь выслушивать, что привело тебя в мои покои. Я знаю, зачем ты приходил туда и что видел. Узнав твое имя, я наблюдал за тобой. Возможно, ты заметил. Я не считал нужным это скрывать.

Конечно нет. Небесных Воинов никогда не волновало, что мог подумать о них смертный.

--- Мне понадобилось много дней, чтобы решить, как поступить с именем,

что называл мне Тромм Россек. Поскольку
враг приближает нас к нашим пределам, я
больше не могу откладывать. И все же
даже сейчас я все еще не принял решения.
Твоя судьба стала бременем для меня,
Морек Карекборн.

Ривенмастер ничего не ответил,
стараясь смотреть прямо на череп-маску.
Он всегда говорил об этом Фрейе.

Смотри и в глаза. Ты должна
всегда, всегда смотреть и прямо в глаза.

Эти слова были актуальными,
несмотря на то что глаза собеседника
скрывала маска убитого зверя и кроваво-
красные, светящиеся линзы.

--- Так что же ты думаешь о том,
что видел? --- спросил Клинок Вирта все-
тем же ледяющим голосом.

--- Я был потрясен, лорд.

Говори правду. Это твой
единственный шанс.

--- Потрясен.

Клинок Вирта вновь кивнул.

--- Ты вырос в Этте. Здесь все, во что
ты верил. Мы создали тебя по нашему
образу и подобию, уменьшенную версию

самых себя. Тебя учили не оспаривать
порядок вещей.

Морек слушал, по-прежнему из всех
сил стараясь контролировать дыхание. Он
чувствовал, как колотится сердце,
пульсирует кровь в венах. После холода на
баррикадах огонь за спиной казался
непривычно жарким.

--- То, что ты увидел, --- запрещено.
При других обстоятельствах одно твоё
присутствие в той комнате означало бы
смерть. Лорд Стурмъярт много недель
безуспешно стремился попасть туда. Если
бы события не привели к ослаблению
охраны, содержимое комнаты по-прежнему
было бы тайной. Поэтому теперь я должен
решить, что делать с тобой.

Невероятно, но Мореку казалось, что
страшное старое лицо за маской криво
улыбается, обнажая пожелтевшие зубы.

--- И так как ты честен со мной, я
отплачу тебе тем же, Морек Карекборн, ---
промолвил Клинок Вирма. --- Я решил
перерезать твою нить. Опасность утечки
сведений о нашей работе всегда была
высока. Ты должен понимать, что такое

никогда не должно случаться.

Угроза погибнуть от руки волчьего жреца удивительно слабо подействовала на Морека. Он уже приготовился к смерти. Он был готов к этому каждую ночь с тех самых пор, как побывал в залах творцов плоти. Лишь странная нерешительность волчьего жреца оттягивала момент.

--- Если таков мой вюрд, --- промолвил он, сумею даже вложить долю уверенности в голос.

--- Верю, что именно так ты и думаешь. Твоя вера достойна похвалы, Карекборн. Хоть я и чувствую, что твоя преданность уменьшилась за последние дни. Впрочем, это неудивительно.

Волчий жрец испустил долгий, свистящий вздох.

--- Только не подумай, что я так или иначе не решаюсь убить тебя, смертный, --- сказал он. --- Я убивал прежде и, если позволит Всеотец, буду делать это снова и снова. Но я не лишу тебя жизни. Твой вюрд не закончится здесь, в этой комнате. Но крайней мере, это я вижу четко.

Морек знал, что должен испытать облегчение. Но этого не случилось. Быть может, из-за усталости или утраты веры. Какой бы ни была причина, он понял, что хочет только спать, отдохнуть от бесконечной темноты, вечного холода, нескончаемого сражения. Сколько он себя потнил, волчы жрецы всегда вдохновляли его, будучи живой связью между человечеством и устрашающим образом вечного Всеотца. Но сейчас, когда почти трехметровый монстр стоял так близко, что ривентастер видел следы от клинков на иссеченном доспехе и слышал шум дыхания через фильтры шлема, он не вызывал того вечного страха. Чары рассеялись.

Я больше не боюсь вас. Теперь я наконец понял, о чем так долго говорила мне Фрейя. Дочка, прости меня. Ты была права.

— Но ты должен понести наказание, мертвый, — продолжил Клинок Вирма. — Если Ересь и научила нас чему-то, так это тому, что проступок всегда должен наказываться. И поэтому я дам тебе

самый ужасный дар, что у меня есть.

Шлем волчьего жреца слегка наклонился, приблизив красные глаза к Морекү. Они тускло светились посреди обожженной кости, словно рубины в оправе из старого камня.

— То, что ты видел, называется Укрощением. Оно навсегда изменит лицо оргена. Слушай, и я объясню, как оно уничтожит и создаст заново все то, что тебя учили почитать священным.

Печать Борека омывалась плотным потоком болтерного огня.

Благодаря Бьорну и Грейлоку защитники сдерживали врагов у порталов. Ни один еще не вошел в зал, и многие стационарные оружейные позиции там пока безмолвствовали. Битва свирепствовала с тех самых пор, как Бьорн встретился с Грейлоком у арочного входа, где окопались гредноуты и Длинные Клыки. Как и в Клыктане, баррикады из адамантия и траншеи давали укрытие пехоте защитников. Схема битвы была очень простой --- бесконечные, повторяющиеся попытки захватчиков ворваться в зал, лишив защитников преимущества, которое давал узкий проход.

До сих пор Тысяче Сынов это не удавалось, но цена была высокой. Кэрлы в зоне баррикад страдали от болтерного огня, и за одну атаку гибли целые отряды. Небесные Воины тоже несли потери, несмотря на более совершенные доспехи и оружие. За исключением командной группы, казавшейся почти неуязвимой в терминаторской броне и с силовым оружием, Охотники и Когти несли серьезные потери, сражаясь с десантниками-рубрикатами.

Фрейя выполняла свою часть работы во время повторяющихся нападений, возглавляя отделение кэрлов. Они прикрывали огнем Волков, чтобы те могли вступить в ближний бой. Это были самые тяжелые и яростные бои, в которых она принимала участие. Получив сигнал от Небесного Воина, девушка с солдатами выскакивала из относительной безопасности баррикад и стреляла в просперуанскую пехоту. Скьолдтары были мощнее вражеских лазганов, но кэрлы были уязвимы вне укрытия. В предыдущих атаках погибли дюжины, сраженные

лазерными лучами или разорванные на куски рубрикатами. Собственная нить жизни Фрейи уже не один раз была почти перерезана. Спасали лишь рефлексy, броня и удача.

Битва тянулась уже не первый день, усталость все возрастала, замедляя реакцию и снижая прицельность стрельбы. Просперуанская пехота тоже не была неуязвимой. Из-за длительных и почти безостановочных боев каменный пол по щиколотку покрылся кровью и оружейной слязкой.

Фрейя ожидала, что Небесные Воины предоставят кэрлам самим заботиться о себе. Она думала, что космогесантники заставят отряды смертных принять главный огненный удар, чтобы сблизиться для рукопашного боя с врагом, ради которого они и жили.

Но все оказалось иначе. Как только началось настоящее сражение, Волки, казалось, стали относиться к кэрлам почти как к братьям. словно сам бой уравнил их. В обычных обстоятельствах Кровавый Коготь едва заметил бы трэлла,

не говоря уже о том, чтобы обратиться к нему. Но как только засвистели болтерные снаряды, различия между ними вдруг странным образом исчезли.

В битве Фрейя, заставляя свое тело сопротивляться усталости, свинцом налившей мышцы, поняла, что ее отношение к повелителям меняется. Она видела, как один Серый Охотник безрассудно бросился на целую шеренгу рубликатов. Его меч свистел, а болтер поливал врагов градом снарядов. Он убил троих, а когда у него выбили из рук топор, сражался голыми кулаками. Волк мастерски и ожесточенно атаковал до самого конца, не отступая, пока сверкавший клинок не вонзился прямо в щель между шлемом и нагрудником.

Без страха. Совсем без страха. Он был великолен, идеальный хищник, достойный своих предков, образчик лучшего воина в галактике. В прошлом Фрейю выводило из себя прамолинейное высокомерие Небесных Воинов, но в бою она поняла, почему они были именно такими.

Они не могут сомневаться. Даже на

секунду. Они должны верить в то, что они
--- самые острые клинки Всеотца, его
самое мощное оружие.

Теперь, видя их в деле, для которого
они созданы, я боюсь их и одновременно
восхищаюсь ими.

Этот пример заставил Фрейю
сражаться еще упорнее. Она находилась
неподалеку от позиции Альдра, и гредноут
был столь же великолепен, как и его боевые
братья. Странное, почти детское
замешательство после пробуждения,
сделавшее его таким уязвимым, прошло.
Теперь, несомненно под влиянием Бьорна
Разящей Длани, Альдр устремлялся в бой с
непогрязимой уверенностью.

Он ошеломлял --- двурукый гаритель
смерти. Где бы он ни появлялся,
захватчики в замешательстве
отступали. Болтерные снаряды лупили в
его тяжелую броню, словно градины, и даже
у рубрикатов не было достойного ответа
гигантскому клинку, что обрушивал на
них гредноут. Вместе с пятью другими
гигантами Альдр создал острова
стабильности посреди грохота и напора

атаки, вокруг которых остальные воины
могли сплотиться и обрести точку опоры.

Быть может, Фрейя это почувдилось,
но гредноут, казалось, уделял особое
внимание ее Стасе. Один раз, когда их
отрезали от укрытия, он продвинулся
вправо между ней и наступающим врагом,
приняв на себя огонь и ответив яростной
контратакой.

Как только ее поредевший, но по-
прежнему сплоченный отряд оказался за
баррикадами, Фрейя с немым восхищением
посмотрела на неистовствующую боевую
машину, наблюдая, как, окутанный огнем,
гредноут ступает навстречу опасности.

Фрейя продолжала наблюдать за их
безрассудным героизмом. Впервые она
ощутила гордость. Гордость за свое
наследие, за то, что такие боги войны
были ее соотечественниками. Гордость за
то, что Небесные Воины стояли рядом с
ней, дабы сберечь все то, что они вместе
построили на Фенрисе.

Я не боюсь вас.

Фрейя затенила магазин в винтовке
и приготовилась вновь открыть огонь. Это

была ее роль, ее роль в славной обороне
Эмма.

Теперь наконец я понимаю, что так
долго втолковывал мне отец.

Она оглянулась, проверяя, с ней ли ее
отряд, вставила скьолдтар в бойницу
баррикады. Прижав подбородок к прицелу,
она довольно наблюдала, как входил в зону
огня строй наступавшей пехоты с
Просперо.

Нана, прости меня.

От отдачи приклад врезался в
бронезилет, вдавливая его в посиневшую
кожу. Дождь прикрывающего огня
просвистел мимо Альдра, окружив его
покровом разрывающихся снарядов,
усиливших его и так ужасающий
потенциал в атаке.

Ты был прав.

Когда Клинок Вурма заговорил о
прошлом, изменились и ритм, и тембр его
голоса. Жрец стал походить на скальда.
Но все рассказчики саз Эмма были
стертными, а гигантское тело волчьего
жреца придало речи такой резонанс,

которым не обладал ни один из них.

--- Ты знаешь о Всеотце, Повелителе Человечества. Невежественные

поклоняются ему как богу, а мы чтим как самого могущественного из всех нас и защитника вюрда. В наши темные дни он пребывает на Терре, наблюдая за безбрежностью Империи со своего Золотого Трона и сражаясь с безмерными силами, что стремятся погасить свет и надежду в галактике. В прошлом все было иначе. Он ходил среди нас, даруя своим слугам частицы силы, отправляясь с припархами на войну и избавляя звезды от поразившего их ужаса.

Это Всеотец создал Лемана Рюсса, прародителя Влка Фенрика, и сформировал легион, служивший под его началом. У каждого легиона было свое предназначение. Некоторые были благословлены способностью создавать, другие -- искусством управлять, иные качества хитрости. Нам достался иной дар. Мы были созданы уничтожать. Вся наша жизнь -- это разрушение. Такова была воля Всеотца. Он создал нас не

строить империи, но уничтожать их. Мы были обучены выполнять задачи, не подвластные ни одному другому легиону: сражаться с такой яростью, что никто из наших братьев-воинов не решится на предательство, зная, что мы, Стая, сделаем с ними за измену.

Эту силу использовали не раз. Самым известным, как ты знаешь, был эпизод с врагом, который сейчас стучится в наши двери. Но при всем нашем рвении мы потерпели неудачу именно в защите. Пришло предательство, грянув как гром среди ясного неба, и галактику охватило пламя. Наихудшее зло было остановлено, но мы утратили многое из великого и доброго. Сейчас Империям беззащитен, а мечты его основателей увяли. Мы знаем это, мы, хранители сак о минувшем. Хотя многие, полагаясь на сомнительную передачу написанного слова и записанную вокс-модель, забыли те дни, мы, живущие сказаниями скальдов, помним все. Мы знаем, кем были. Знаем, кем должны были стать.

И вот настала зоря новой эпохи. Ее

называют эпохой Империи.
Потребности человечества изменились.
Вместо двадцати легионов существуют
многие сотни орден. Они руководят не
примархи. Агентур Астармес сражаются
по образу своих генетических отцов,
воплощая возможности, спланированные
для другого будущего. Такова ситуация
сейчас, но это мечта не Всевышнего, а одного
из его сыновей. Ордена более не
маршируют рядами в десять тысяч воинов
или больше. Они создали приемников,
потомство, управляемое тем же самым
геносеменем, так что наследие их
примарха сохраняется. Больше приемников
— более славное наследие. Сыны
Жиллимана стали прародителями сотен,
как и сыны Дорна, вот поэтому Империя
создан по их образу и подобию.

Клинок Вирма замолчал. В его
словах звучало неприкрытое отвращение.

— Вот что стало важным. Не
доблесть. Не опасность. Стабильность.
Надежность. Верность. Без этих качеств
не обходится ни один из орденов, дабы
оказывать влияние. Наши братья

стреляются создать преетников и
гарантировать, чтобы подобные им войны
процветали, и не допустить создания
иных, из другого металла. Считаешь ли
ты, Морек Карекборн, что Влка Фенрика
должны следовать этой тропой? Должны
ли мы разделиться на ордена, как это
сделали Ультратарины, Ангелы или
Кулаки?

--- Нет, --- уверенно отозвался Морек. ---
Мы другие.

Клинок Вирта покачал головой:

--- Не настолько другие. У нас был
преетник --- Волчы Братья, ведомые
Беором Арьяком Гриммэссоном. Они
должны были стать столь же
многочисленными и могучими, как и мы.
Им был дарован мир --- Кэриол, планета
из льда и пламени, как и Фенрис. У них
была половина нашего флота, половина
арсенала, половина жрецов. Они должны
были стать первыми из многих, целой
линией наследственных орденов Фенриса ---
Сынов Рүсса, способных создать звездную
империю размером с Ультратар. Такова
была мечта: стать достаточно

могущественными, чтобы полностью
окружить Око Ужаса, не позволить
предателям когда-либо вновь покинуть его.
Мы надеялись осуществить свою судьбу и
найти новое предназначение в эпоху
Империи.

Морек во все глаза смотрел на череп-
маску рунного жреца. Слишком быстро
пришли видения, которые его просили
осмыслить. В разуме пронеслась картина
галактики, в корне отличной от той, что
он знал. Хотя ривенмастер много раз
покидал планету и видел много чудес, эта
версия реальности была самой необычной
из всех.

--- Что с ними случилось? С
Волчьими Братьями?

--- Их не стало.

--- Уничтожены?

--- Не все. Некоторые, возможно, еще
живы, хотя их вюрд неизвестен. Они были
расформированы, рассеяны по всем
сторонам света.

--- Но почему?

Клинок Вирта сделал глубокий,
резкий вдох.

--- Но той же самой причине, по которой у Стаи не может быть других преемников. Волк внутри. Мы слишком опасны, чтобы нас копировать. Наследие, делающее нас могучими, также дарует нестабильность. Братья, размещенные слишком далеко от Фенриса, быстро опустились до состояния зверей. Тем же закончится любая попытка вырастить новой плод из геносемена Рүсса.

Клинок Вирма опустил голову. Но затем его глаза вспыхнули в темноте, отразив проблеск света от огня.

--- До настоящего времени.

Красная Шкура стоял на коленях, стреляя от пояса и следя за тем, как щелкал счетчик боеприпасов болтера. Его прицел был точен и ни один выстрел не пропал даром. Болты врезались в ряды десантников-рүбрикаторов, поражая одних и взрываясь на броне других.

Затем они двинулись снова, беспощадной волной пустых душ, чтобы прорвать оборону у лестницы Клыкмана. Врагов становилось все больше, некоторых

защищали терцавшие кинетические щиты колдунѳов, но большинство полагались на защиту сапфировых доспехѳов.

Красная Шкура выбросил пустой магазин, схватил новый и вставил в ячейку. Когда он вновь открыл огонь, враг успел приблизиться не более чем на два шага.

Залпы тяжелого оружия Длинных Клыков просвистели над его головой, врезавшись в приближавшихся десантников-предателей. Многие снаряды взрывались о кинетические щиты сверкающими каскадами искр и плазменных разрывѳов, но некоторые находили слабые точки и детонировали среди бронированных воинов, сея разрушение.

В эти лазейки кидались Волки, размахивая жужжащими цепными мечами и выкрикивая литании ненависти и вызова. На этот раз Кулак Хель был в авангарде, его силовой кулак пульсировал разрушительной силой, а меч Даусвьер пел при каждом взмахе.

— Ближний бой, брат! — крикнул по
воксу Красная Шкура, кидаясь следом.

Кулак Хель резко пригнулся,
уклоняясь от удара десантника-рубрика, а
отпрыгнул назад и задействовал клинок.
Окутанные расщепляющими полями
лезвия схлестнулись, выбросив взрыв
скрученной энергии.

— Нагаль, — презрительно процедил
Кулак Хель со странной, скрежещущей
интонацией.

К этому времени Красная Шкура был
уже на расстоянии руки, его меч
вибрировал, болт-пистолет стучал. В
этом бою не участвовали смертные
солдаты. Кровавые Когти Россекса делали
то же, что и всегда, с остервенением
сражаясь, наслаждаясь высвобожденным
желанием убивать, держа Моркаи на
расстоянии укуса. Предатели бесстрашно
встретили их, парирова и нанося удары,
ожидая удобного случая, пользуясь им с
холодным мастерством и продвигаясь
дальше. Обе стороны были целиком
захвачены боем, сцепившись в схватке,
которая, возможно, изменит положение в

чью-либо пользу.

Предатель сумел попасть кулаком в лицо Кулака Хель, обрушив Волка на землю, и тогда Красная Шкура выстрелил, отбросив окутанного пеленой взрывающихся снарядов десантника-рубриката на несколько шагов.

--- Ты беспечен, брат, --- поддразнил он по связи, поворачиваясь к новой угрозе. --- Теряешь хватку?

Ответа не последовало. Красная Шкура схлестнулся в рукопашной с другим предателем и не мог оглянуться, чтобы проверить брата.

Кулак Хель не был сильно ранен. Что же случилось?

Следующий десантник-рубрикат, одинок из дюжин, столпившихся в узком проходе, напал на Красную Шкуру.

--- Отбросы! --- заревел костодесантник, цепным мечом целясь в брешь под правым наплечником врага.

Рубрикат отступил от жужжащих зубьев и ударил мечом. Движения обоих воинов завораживали быстротой, каждый удар был выверен. Красная Шкура

наступал, в крови пульсировало яростное
желание убивать. Удары сыпались один за
другим, звеня о кератит и отражаясь от
стали.

Предатель хорошо сражался, но его
вес был перенесен на отведенную назад
ногу. Красная Шкура сделал ложный выпад
влево, поднял вверх клинки и скрестил их,
целясь под мощный нагрудник десантника-
рубриката.

У него бы получилось. Цепной меч
вонзился бы глубоко, пробив броню и войдя в
пустоту за ней. Красная Шкура поразил бы
очередную жертву, а дисплей шлема внес
очередную руну рядом с уже итевшейся
там дюжиной.

Ему потешали, но не враг и не залп из
дальнобойного оружия, а Кулак Хель.
Кровавый Коготь бросился между
сражавшимися, врезался в десантника-
рубриката и покатился с ним по земле. В
его быстроте было что-то тревожащее.
Прежде чем Красная Шкура среагировал,
Кулак Хель вскочил на ноги, вонзил
Даусвьер в шею жертвы и вытащил его. А
затем хватил пораженного предателя за

шлет силовым кулаком и оторвал голову.

Его движения были ужасающими, словно кадры из ночного кошмара. Кулак Хель больше не говорил и не шутил по связи. Когда Красная Шкура отступил, внимательно следя за приближающимися целями, то услышал по связи низкий, гортанный хрип.

--- Брат... --- выдохнул он, внезапно похолодев.

Кулак Хель не слушал. Он сражался. Сражался так, как никогда прежде. Десантники-предатели, напавшие на него, были разорваны в клочья. Буквально в клочья. Руки Кулака Хель превратились в серые пятна, раздиравшие вражеские доспехи, словно кожу, пробивая их и отбрасывая в сторону. Он ворвался в строй врагов, словно бешеный хищник в стадо медленнно бредущих травоядных, поглощенный одной мыслью --- убить столько, сколько сможет.

--- Кир! --- заорал Красная Шкура, видя, как брат все больше отрывается от строя.

Ни один из Когтей не мог последовать за ним. Если бы они так

поступили, то были бы перебиты десантниками-рубрикатами, оставшись без прикрытия орудий и отделений кэрлов. Кулак Хель шел прямо навстречу смерти.

Красная Шкура бросился к брату. Он не стал стоять и смотреть. Кровавый Козоть врезался в ближайшего десантника-рубrikата, вкладывая всю силу в каждый удар и чувствуя разочарование от того, что не может просто отшвырнуть его плечом, как делает Кулак Хель. Он сражался со всем умением, но этого было недостаточно.

Кулак Хель обрек себя на гибель.

Тогда и только тогда по связи раздалась эти слова. Они были произнесены невнятно, словно пьяница пытался вспомнить речь. В них осталось немного от прежнего, почти исчезнувшего голоса Кулака Хель. Голос, искаженный рычанием и брызгами слюны, подходил больше зверю, чем человеку.

— Уходи, брат! — выговорил Кулак Хель, задыхаясь. — Я не смогу защитить тебя.

Защитить меня?

И тогда Красная Шкура все понял. Кулак Хель убивал все, что приближалось к нему. Он зашел слишком далеко, и пути назад не было. Даже Россек не смог бы его остановить. Волк полностью овладел Кулаком Хель, забрал в свои темные объятия и уничтожил все, что было в нем от человека.

Красная Шкура наконец прикончил своего врага, но за ним последовали другие. Кулак Хель был теперь глубоко в рядах противника, по-прежнему разрывая врагов на части, как берсеркер из легенд.

Красная Шкура не мог пойти за ним. Никто не мог пойти этим путем, пока Волк не выберет и его тоже. Кулак Хель был покойником, хотя в своей смертельной агонии он убьет больше, чем многие из братьев за всю жизнь.

В глазах Красной Шкуры стояли слезы гнева. Они сражались вместе с самого начала, с полужабытых дней на льду, с тех пор как волчьи жрецы впервые пришли за ними, чтобы превратить в бессмертных. Они вместе прошли испытания, вместе изучили путь Волков.

вместе упились убийством. На короткое время, такое недолгое время, казалось, нет силы в галактике, которая могла бы сравниться с необузданной мощью их объединенных клинков.

Я не могу пойти за тобой. Слишком медленный. Кровь Рүсса, я действительно слишком медленный!

И Красная Шкура забыл, заплакал от гнева и утраты, отдаваясь всепоглощающему пронзительному потоку чистой ярости и страдания. На краткий миг он заглушил звуки и эхо стрельбы, и его ужасающий вопль разнесся по глиняным туннелям Этта. Солдаты с Просперо отвлечлись от боя, подумав, что ожил какой-то демон Клыка, чтобы утащить их во тьму. Даже кэрлы, посвященные в ритуалы и обычаи горы, почувствовали, как стынет в жилах кровь.

Они знали, что значил этот крик. Пришел Волк и забрал одного из них.

Клинок Вирта помедлил, прежде чем заговорить вновь.

--- Волк, --- протолвил он наконец. ---

Проклятие и слава нашего вида. Ни один творец плоти не открыл больше меня в особенностях Канис Хеликс. Быть может, я сделал даже больше тех, кто прибыл на Фенрис с сатим Всеотцом. Я понял, что проклятие можно уничтожить, одновременно сохранив славу. Эта работа и есть мое призвание.

--- Укрощение, --- прошептал Морек.

--- Вот именно. Я очистил Хеликс, изменил, добившись сверхъестественной силы Agentus Астартес, лишив его разрушительного воздействия внутреннего зверя. Плоды работы столь же могучи, как и я, так же быстры в охоте и искусны в обращении с клинком, но они не вырождаются и не становятся жертвой Волка. Они приобретают качества, которые делают нас величественными, и очищены от факторов, не позволявших нам создавать наследников.

Морек начал понимать. Тошнота, которую он ощутил, наткнувшись на тела в лаборатории, стремительно вернулась.

--- Те тела...

— Самые близкие к моему идеалу. Они прожили недолго. Пока никто не выдержал более нескольких часов. Они умерли... не просто. И все же я доказал, что цель совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Дайте мне больше времени, хотя бы чуть-чуть, и я направлю нас на новый путь, сущий господство над звездами, господство Сынов Рюсса.

Клинок Вирта гордо поднял голову.

— Ты видишь это будущее, Морек Карекборн?

Морек старался подобрать слова. В его разуме протелькнули образы костогесантников в темно-серых доспехах, тысяч костогесантников из разных орден. Они сражались, убивали, сметали врагов волной контролируемого гнева. Фенрис стал миром в сердце раскинувшегося союза, временной силой внутри огромного кольца галактического Империи, силой столь могучей, что даже Боги Погибели затрепетали, увидев ее мощь.

А затем видение исчезло. Вернулась комната, столь же темная и холодная, как

и все помещения под горой. Перед ним стоял, выжидая, волчий жрец.

--- Это ужасает меня, лорд.

Клинок Вирта кивнул:

--- Конечно. Ты добрый уроженец Фенриса. Ты не видишь альтернативы и не потворствуешь любопытству о том, что могло бы быть. Тебя волнует лишь то, что есть, что ты можешь держать в руках. Горизонт будущего очень узок для тебя. Ты можешь умереть сегодня, или завтра, или через сезон, поэтому разве можешь жить, беспокоясь о ходе веков?

Морек вовсе не сердился. Клинок Вирта не выстеивал его, лишь констатировал факт. До недавнего времени ривенмастер воспринял бы такую проповедь как предмет гордости.

--- Но я не могу потакать подобным утешениям, --- промолвил волчий жрец. --- Мы хранители огня, мы призваны обеспечивать Империим палачами, воинами, способными отвечать на безжалостность врага равной свирепостью.

И когда я смотрю на руны вместе с провидцами, когда слушаю заявления

Стурмъярта и других жрецов, у меня нет уверенности в таком будущем. Я вижу впереди лишь темные времена, эпоху, в которой Влка Фенрика окажутся слишком малочисленными, чтобы обуздать легионы тьмы. Когда нам перестанут доверять правители Империиума и станут бояться его жители. Я вижу время, когда мертвые будут произносить слова «Костический Волк» не как воплощение идеала, а как символ прошлого и тайны. Я вижу время, когда институты Империиума обратятся против нас в своем невежестве, считая нас немногим более чем зверьми, которых ты рисуешь на священных образах.

Запомни эти слова, ривенластер. Если сейчас мы выживем, но не сможем завершить наше величайшее дело, эта осада Клыка не будет последней.

Клинок Вурма отвел взгляд от Морейка и посмотрел на крозиус арканум на его поясе. Он висел рядом с силовым течом, символ его должности, знак хранителя традиций ордена.

--- Вот почему мы остелились на это. Мы можем вырасти. Можем измениться.

Избавиться от проклятия прошлого и
уйти с окраин Империи, чтобы стать
силой в его центре.

Морек чувствовал, как усиливалась
тошнота в желудке, отравляя его и
вызывая головокружение. Он видел
еретиков в других мирах и презирал их.
Сейчас же безумие срывалось с уст
волчьего жреца, хранителя святости.

--- Это беспокоит тебя, Морек? ---
спросил Клинок Вирта.

Отвечай правду.

--- Это вызывает у меня тошноту, ---
признался ривенластер. --- Это
неправильно. Русс, да святится его имя,
никогда бы такого не позволил.

Клинок Вирта засмеялся, и из
решетки шлема вырвался жесткий,
скрежещущий звук.

--- Так ты теперь говоришь за
притарха, да? А ты храбрый человек. Я бы
никогда не решился угадать, как бы он
распорядился всем этим.

Морек старался сохранить
твердость во взгляде, но усталость и
стресс брали свое. Даже сию, у него

вкружилась голова. На один миг он увидел, как череп на броне волчьего жреца указился в рваном, зубастом рыке.

Морек моргнул, и видение исчезло.

— Лорд, зачем вы рассказываете мне все это? — спросил он, зная, что не выдержит еще одной порции откровений. Его мир и так уже был разрушен.

— Как я уже сказал, — спокойно ответил Клинок Вирта, — чтобы наказать тебя. Ты нарушил запрет, посчитав себя достойным секретов, хранящихся в покоях творцов плоти. Теперь эта самонадеянность разоблачена, и ты отведал всего лишь таленький глоток того ужасного знания, что я ношу ежедневно. Дай я тебе всю чашу, ты бы утонул в ней.

— Так вот чего вы хотите для меня?

— Нет. Я хочу, чтобы ты отдохнул, как и было приказано. Затем я хочу, чтобы ты сражался, держал оборону против Предателя, оставил свою позицию только после кровавой дани, если до этого дойдет. Ты поступишь так, зная о происходящем в Вальгарде.

Волчий жрец шевельнул рукой, и огонь за спиной Морека погас. Комната заполнилась непроницаемой тьмой, и привенластер почти сразу почувствовал, как стало ускользать сознание.

Я рад этому. И хочу не просыпаться никогда.

--- Мы требуем, чтобы ты умер за нас, смертный, --- прогудел Клинок Вирта, и его затихавший голос был холоден, словно могила. --- Мы всегда будем требовать, чтобы вы погибали за нас. Теперь ты будешь знать, за что умираешь.

Темех посмотрел в единственный глаз примарха. У Магнуса было странное выражение лица, отчасти выжидательное, отчасти стиренное.

--- Клык для меня открыт, --- объявил он.

Колдун почувствовал внезапный прилив азарта, быстро подавленный, впрочем.

--- Афаэль работал не покладая рук.

--- Да. Он хорошо потрудился.

Магнус отвернулся. В мерцавшем свете святилища Темех чувствовал, как от примарха веет мощью, столь огромной, что ее трудно сдерживать. Отбросив смертную плоть, примарху требовалось колоссальное количество энергии, чтобы просто существовать на физическом

уровне. Это было похоже на попытку
втиснуть в бокал солнце.

--- Я снова буду возражать, ---
промолвил Темех, зная, что все тщетно. ---
Я мог бы помочь внизу. Волки до сих пор
сражаются, а вы могли бы использовать
другого колдуна.

Магнус покачал головой.

--- Алуз, я не буду повторять в
третий раз. У тебя иное предназначение.

Он обратился к лорду-колдуну:

--- У тебя есть приказ, связанный с
флотом. Не отступай от него, что бы ни
случилось на Фенрисе.

Магнус говорил, а сам тем временем
растворялся в воздухе, словно дым.

--- Конечно, --- отозвался Темех. --- Но
будьте осторожны. Там, внизу, мы
разворошили настоящее осиное гнездо.

Магнус застыл, и звук пролетел по
комнате, словно перезвон колоколов. Его
тело быстро угасало, пропадая из виду.

--- Осторожен? Буду считать это
шуткой. Отлично. Было время, когда в
галактике звучал не только висельный
ютор.

Темех смотрел, как ускользают фрагменты видимой формы притарха. Самым последним исчез глаз, алый по краям и искрящийся весельем.

Как только видение исчезло, колдун отвернулся.

+ Лорг Афаэль, + обратился он.

+ Приятно наконец слышать тебя, + донесся в ответ усталый голос, исполненный сарказма. + Заклинания по большей части ослаблены. Скажи ему, что он может... +

+ Он знает. И уже в пути. Готовься к встрече. У тебя немного времени. +

Афаэль ответил не сразу. Темех чувствовал, что его задел тон. Даже сейчас Пирриг все еще считал, что командует операцией. Это было достойно жалости, хотя особого сожаления Темех не испытывал.

+ Я неподалеку от бастиона, который они называют Клыкταν, + ответил наконец Афаэль. + Могу оказаться там через пару минут. Хорошо снова увидеть нашего отца в материальной вселенной. +

Боюсь, что для тебя это будет

Нехорошо, брат.

+ Он похвалил твою работу, +
отправил Темех.

У него появилось слабое ощущение
горького слеза, затем связь прервалась.

Вздохнув, Амүз отошел от алтаря.
Воздух внутри комнаты был холодным и
разреженным из-за присутствия припарха.
Как это походило на его собственное
состояние. Колдун был вымотан
многодневной работой, пальцы дрожали от
долго накапливавшейся усталости.

Он указал на дверь, и та плавно
открылась. За ней в коридоре его ожидал
смертный в форме капитана Стражи
Шниля.

--- Ты долго ждал? --- спросил Темех,
выходя из святилища.

--- Нет, лорд, --- раздалось в ответ.

Ты бы не сказал иначе, даже если бы
простоял тут целую вечность.

Явно обеспокоенный офицер передал
Темеху инфопланишет.

--- Это донесения корабельных
провидцев, --- сказал он. --- Думаю, вам
стоит взглянуть как можно скорее.

Темех взглянул на руны, мгновенно осознавая их важность. Корабельные провидцы обладали силами, превосходившими способности любого навигатора видеть приближающиеся бурны плывущих в варне костических кораблей. Но сигналы, записанные на планшете, были приняты слепым ребенком в изоляриуме. Летевший к ним флот приближался быстро. Слишком быстро.

--- Благодарю, капитан, --- спокойно промолвил Темех. --- Впечатляет. Я не верил, что перехватчик сможет добраться до Гангавы.

Он передал инфопланшет и напряженно повертел головой, пытаясь унять боль в плечах.

--- Очень хорошо. Подготовьте флот к уходу с орбиты.

Капитан смешался:

--- Вы же не...

Темех одним взглядом заставил человека умолкнуть.

--- Капитан, я очень устал. Ты ведь не хочешь и дальше испытывать мое терпение. Подготовь флот к уходу с

орбиты и жди моей команды.

Он шевельнул пальцем, и двери в святилище плавно затворились.

— Эта игра подходит к концу.

Афаэль шагнул к Клыкгану, и горечь поддерживала его, словно химические стимуляторы мертвого. В то время как Корвид укрылся в безопасности на мостике «Херумона», его, Афаэля, вновь сунули в самое пекло.

Его не тревожила опасность. Он наслаждался боем, как и все Пурриды. Что беспокоило, так это безапелляционная манера, с которой ему приказывали, и высокомерие, с которым командовал Темех.

Конечно, Магнус всегда питал слабость к Корвидам — провидцам и мистикам. Более воинственные культы дисциплины всегда сдерживались и обуздывались. Много же это принесло пользы. Корвиды были непредсказуемы. Если бы Тысяча Сынов больше доверяли прямому применению силы варна, возможно, они бы победили на Просперио, а

не были парализованы сомнениями и
вигениями.

Он прибыл в зал, ведущий к месту
боевых действий. Стоявшие перед ним
отделения десантников-рубрикатов
вперемешку с частями мертвых ждали
вступления в бой. С ними были и колдуньи,
некоторые из них с трудом передвигались
из-за ужасных ран. Издалека, за сотни
метров, по ведущим к лестнице туннелям
доносились звуки оглушительных взрывов.
Волкам сильно доставалось, но они все еще
удерживали подходы к Клыкгану.

— Приветствую, лорд, — слышался
гнусавый голос Орфсо Цатина, боевого
командира Павонидов.

Афаэль вдруг почувствовал, что его
лицо исказилось презрительной гримасой.
Это получилось совершенно ненамеренно.
Его лицевые мускулы теперь полностью
слились с внутренней частью шлема и
жили своей жизнью. Возможно, даже
буквально.

— Как идет атака? — спросил
Афаэль, жестом веля свите остановиться.

Колдун знал, что сейчас его речь

похожа на хор, где каждый голос чуть-чуть не сочетается со всеми остальными. Скрыть это уже не получалось, и не было ни малейшей надежды на улучшение.

— Мы изматываем их, как и было приказано, — ответил Цатин, не выказывая удивления столь странным модуляциями голоса командующего.

— К этому времени нужно было очистить Логово, — сказал Афаэль. — У вас было много дней, чтобы уничтожить Волков. Я могу...

Он вдруг затолчал. Цатин недоуменно воззрился на колдуну:

— Лорг, ты в порядке?

Афаэль понял, что не может ответить. Слова складывались в разуме, но рот ему больше не подчинялся. Внутри колокотало скопившееся за многие недели разочарование. Он неистово сжал посох обеими руками, пока еще не зная, что делать с ним. Когда бронированные пальцы сомкнулись на древке, по всей глине заискрился колдовской огонь, пылая нестерпимым, обжигающим огнем.

Цатин отпрянул, излучая тревогу.

— Лорг, ты среди братьев!

Но тело Афаэля уже не принадлежало ему. Носох начал быстро вращаться, с каждым поворотом набирая скорость. Железо завертелось, сверкая в темноте нитблом колдовского огня.

Он хотел закричать, хотел объяснить.

Это не я! Помогите мне! Милосердный Магнус, помоги...

Но затем его мысли стенились чьими-то дргугими. Чужое присутствие в его разуме, росшее день ото дня, вдруг заявило о себе.

+ Почему я должен помогать тебе, сын мой? Именно для этого ты был рожден. Наслаждайся мгновением, пока еще есть время. +

Носох вертелся все быстрее, образуя в центре воронку энергии. Руки Афаэля превратились в размытое пятно, уподобившись поршням двигателя и превратив носох в водоворот головокружительной скорости.

Сознание Афаэля почти исчезло. То, что осталось, заметило, как отскочил

назад Цатин, как в ужасе разбегаются
смертные. Он заметил, как скалистые
стены Клыка озарились белым светом,
прежде чем понять, что это он осветил
их. Пиррида охватил жгучий, сухой огонь,
заливший весь зал ярким светом. Из глаз,
рта и щелей в доспехах вырвалась варп-
энергия. Ускорилось изменение плоти,
искажая тело невозможным образом,
растягивая твердую оболочку боевого
доспеха и раздирая на куски.

Из всех сил, что еще оставались у
него, Афаэль каким-то образом смог
вытянуть три слова из ускользавшего
сознания.

Покарай их, лорд.

+ Об этом не беспокойся, + раздалось в
ответ.

А затем он исчез. Вихрь света и
движений больше не был Херутом
Афаэлем. На несколько мгновений он стал
лишь несравненной концентрацией эфирной
энергии, необузданной и зарождающейся.

Раздался громкий удар, потрясший
воздух и осыпавший пыль с потолка. По
полу зазмеились искры, вылетая из

стремительно изменявшегося кокона
света и шума.

И постепенно вращение стало
замедляться. Свет потух, превратившись
в одну блестящую точку. Когда она
медленно исчезла, внутри показалась
фигура, выше и гораздо величественнее,
чем Афаэль. Портал исчез, и прибывший
шагнул из мерцавших вспышек.

Все вокруг в страхе упали на колени.
Цатин низко поклонился, в знак
покорности прикоснувшись посохом к
земле.

--- Отец, --- выдохнул он, задыхаясь от
радости.

--- Сын мой, --- промолвил Магнус
Красный, разминая мышцы и улыбаясь. ---
Ты слишком долго находился в этом
зловонном месте.

Он повернулся к лестнице Клыкмана,
и глаз вспыхнул жадным огнем.

--- Думаю, самое время показать
Волкам, что такое настоящая боль.

Огаин Стурмъярт вновь вызывающе
зарычал, голос его срывался от

напряжения. Он вызывал бурю уже много дней, с ее помощью раскалывая и деморализуя силы, осаждавшие Печать Борека, и теперь это начало сказываться. Губы потрескались и затвердели под давлением, в горле пересохло.

Передышки не было. Колдуньи были могущественными и стали сильнее после того, как большинство оберегов от талейфикарута в Логове было уничтожено. У Стурмъярта осталось мало поддержки, и он почти в одиночку защищал солдат от колдовства. Более слабый рунный жрец уже давно бы сдался, сокрушенный необходимостью поддерживать постоянный поток силы вюрда. Лишь такой, как он, погруженный в бездонные резервы энергии, гарованной удивительными путями фенриса, мог бороться так долго. Пока он держится, затем врага не срабатывали, и воины Этта беспрепятственно бросались в бой. Если жрец падет, в изгнание вступит вражеское колдовство, безвозвратно изменив ход сражения.

И потому он держался, проклиная

безмолвных десантников-рубrikатов, когда те появлялись в поле зрения, обрушивая толнии на их ряды, противостоя разным хитростям вражеских заклинателей и отражая укусы рожденных эфиром атак.

Он был вправе гордиться собой. После неудачи в предсказании Стурмъярт сделал очень много. Без его неотомимых усилий Эмт давно бы уже пал. Даже если Клык все-таки будет захвачен, жрец дал крепости дополнительные драгоценные дни. Пасть в битве, нанеся такой ущерб врагу, почетно; лишь дешевая смерть считается позорной.

Стурмъярт стоял в центре оборонительных линий, частично защищенный баррикадами. По сторонам от него расположились оружейные позиции, занятые истребительными отрядами смертных. Стаи Волков действовали впереди, превращая попытки захватчиков достичь траншей. Их поддерживали громадные гредноуты и удивительные, стремительные атаки зверей из Подземелья Клыка. Эти создания ночи вселяли в смертных солдат с

Просперо даже большой ужас, чем сами Волки. Некоторые из тварей были убиты во время непрерывных атак, но их Стая продолжала сражаться, бесстрашная, неутомимая и вселявшая ужас.

Стурмъярт украдкой взглянул вправо, где бой был самым ожесточенным. Грейлок по-прежнему непрерывно сражался, как и во все предыдущие дни. Его терминаторский доспех почернел от пламенных ожогов, шкуры превратились в клочья, керамит ног нити был иссечен сотней ударов. Но он продолжал сражаться, холодный и бесстрастный, воодушевляя защитников силой своего примера. Он больше не был Белым Волком. Скорее, в мир живых выпустили угольно-черную тень Моркаи.

Ты удивил меня, лорд. Под этой бледной кожей скрывается железо.

Грейлок и Бьорн руководили битвой за Печать Борека. Воинов Тысячи Сынов было слишком много, чтобы их можно было просто отбросить. Но с начала полномасштабного штурма захватчики продвигались вперед тучительно и медленно. Волки создали патовую

ситуацию на баррикадах, и это само по себе, учитывая количество задействованных солдат, было выдающимся достижением.

Но так не могло продолжаться вечно. В конце концов оборону прорвут и десантники-рубрикаты ворвутся в зал. Но до тех пор врагам не уступят ни пяди земли.

- - - Фенрис хьолга! --- закричал Стурмъярт, пытаясь, как обычно, подстегнуть Волков. Он ударил руническим посохом по полу, выбив из холодного камня язычки молний. --- За Рюсса! За...

Жрец вдруг остановился. Тень пронеслась по его сердцам, повеяло холодом. Омывавшая его рунический доспех сила тизнула и потухла. Он зашатался, вытянув руку, чтобы не упасть.

--- Ты тоже чувствуешь это, жрец.

Голос Бьорна доминировал даже в радиосвязи. Перед глазами Стурмъярта проносились черные звезды. У него закружилась голова.

--- Он здесь.

Грейлок отвлекся от битвы.

--- Что ты чувствуешь, Огаин? ---

спросил он по связи, кидаясь к рунному
жрецу. За его спиной Серые Охотники
поспешили заполнить брешь в линии
обороны.

Стурмъярт отчаянно потряс головой,
пытаясь избавиться от затянувшегося
чувства дезориентации.

--- Он все время был здесь. Везде и
нигде.

Атака колдунов внезапно усилилась. С
атакующих рядов хлестнула
потрескивающая эфирная энергия, окутав
наступающих десантников-предателей.
Впервые за многие дни Волки дрогнули.

--- Он здесь? --- заревел Грейлок,
источая хриплую ненависть. --- Покажи
мне его, жрец!

--- Он атакует Клыкταν.
Уничтожает его.

--- Слишком далеко... --- выдал
Стурмъярт, хватая ртом воздух.

--- Мы должны до него добраться! ---
потребовал Грейлок. --- Через гору есть

короткий путь наверх. Никто в Клыкthane не выстоит против него.

--- Ничто на всем Фенрисе не выстоит.

--- Я стогу.

Стурмъарт стремительно обернулся к дредноуту, все еще чувствуя слабость и тошноту.

--- Ты заблуждаешься! --- выпалил он. --- Ты не можешь чувствовать его так, как я. Он --- примарх, в силе равный самому Руссу. Это смерть, Бьорн! Это перерезание нити жизни!

Дредноут угрожающе поднял плазменную пушку, нацелив тяжелые стволы прямо на шлем Стурмъарта.

--- У тебя сердце из огня. Не знай я этого, за такие слова ты бы умер там, где стоишь.

Грейлок не медлил.

--- Защита Печати будет передана Хротгару из Почтенных Навших --- он сможет удержать наши позиции еще немного. Я же пойду за Предателем со своей волчьей гвардией. Бьорн будет с

нами, как и ты, рунный жрец, -- твоя власть над вюргом нам пригодится.

Стурмъярт выпрямился, посмотрев сначала на наведенный плазменный ствол Бьорна, затем на почерневший и покоренный шлем ярла. Тошнота, вызванная переходом Магнуса, отступила. Он почувствовал, как следом за стыдом от его вспышки возвращается решимость.

-- Да будет так! -- прорычал он, обхватив руками сжав посох. -- Мы встретим его вместе.

Трейлок кивнул и знаком велел двинуться выжившим волчьим гвардейцам в терминаторских доспехах следовать за собой.

-- Конечно, сначала нам придется пробиться отсюда, -- мрачно промолвил он.

-- Об этом не беспокойся, -- рыкнул Бьорн, и его голос был низким и раскатистым, словно говор двигателя костического корабля. Он развернулся вокруг своей оси, чтобы еще раз испытать на враге оружие. -- Вели Клыкам обеспечить усиленное прикрытие. Теперь у меня есть жертва, достойная

убийства, чувствуя необходимость
вытянуть когти.

Клинок Вирта вало уронил руки. Он
стоял на верхних ступенях Клыкмана
между громадными изображениями Фреки
и Гери, на последней линии обороны перед
самым залом. Жрец был старым воином,
закаленным в огне тысяч сражений,
приученным к неожиданностям или
отчаянию, как любой воин Влка Фенрика.

И тем не менее он не мог
шевельнуться. Одно присутствие этого
существа наполнило вены свинцом и
заморозило сверхчеловеческие мышцы
Волка в ужасающем стазисе.

Магнус пришел. Демон-примарх
стоял у подножия лестницы, как будто
специально навлекая на себя яростный
огонь. Но снаряды, казалось, взрывались
прежде, чем поражали его, превращаясь во
вспышки яростного алого и оранжевого
цвета вокруг его громадной фигуры.
Длинные Клыки и тяжеловооруженные
отряды истратили на него почти весь

запас боеприпасов, изливая потоки
пламени на голову и грудь монстра.

Но все это не дало никакого эффекта. Магнус был гигантом, пятиметровым чудищем, шагавшим через клубы прометия, словно человек по кукурузному полю. Он сиял, словно бронза, светясь в тенях горы. Ничто его не брало. Никто не мог приблизиться, чтобы нанести удар. Он был сотворен для иной эпохи, когда боги шествовали среди людей. В более холодной и слабой вселенной тридцать второго тысячелетия ему не было равных. Он был живым обломком воли Всеотца, попавшим в хрупкий мир смертной плоти и крови.

Пока Клинок Вирта бессильно смотрел, зажатый тисками ужаса, машина смерти приступила к действию. Не было ни боевых криков, ни гневных воплей. Демон-примарх сохранил свой флегматичный нрав и с невероятным хладнокровием перерезал нити жизней. Клинок Вирта видел, как его Волки набрасываются на сверкающего титана, как всегда не ведая страха. Он лениво отмахивался от них, швыряя на камни, о

которые воины ломали себе спины.

Магнус шагал вперед, добравшись уже до нижнего уровня лестницы. Баррикады держались многие дни, сопротивляясь каждой попытке прорвать оборону. Домы выплеснули огонь в притарха, окружив его завесой мерцающих, искрящихся взрывов. Монстр уничтожил их один за другим.

Магнус наступал. Лауф Разгоняющий Облака встал на его пути, вызывая подняв руки. Рунный жрец начал призыв, хлеща бурею вьюга, всеми силами и упорством сопротивляясь наступлению демона. Притарх сжал кулак, и Волк просто взорвался, исчезнув в кровавом шаре, тотемы рассыпались среди обломков рунической брони. Тогда кэрлы в беспорядке оставили траншеи. Все мысли о сопротивлении исчезли при виде этой огромной, приближающейся к ним силы.

Магнус наступал. Волки бросались ему навстречу, не утратив мужества от бушевавшего вокруг разрушения. Клинок Вирта увидел Россекка, трачного волчьего гвардейца. На мгновение притарх затешился перед лицом стольких

клинков, каждый из которых орудовал с невиданным пылом и отвагой. Россек даже смог попасть, заставив Магнуса остановиться.

Один удар. Единственный удар ценным кулаком, последовавший за градом снарядов штүрм-болтера. Это было все, что сумел Волк. Примарх швырнул его на пол, разорвал на части и раздавил в кровавую кашу подкованными ботинками. Россек погиб за пару секунд. Вскоре монстр разорвал и остальных Волков. Несколько орудий дали залп в примарха, но все они были уничтожены, сорваны с лафетов и отброшены в сторону, словно игрушки.

Магнус приблизился. Шесть предноутов Клыкмана ждали его на середине лестницы, непоколебимые и недвижимые. Они одновременно открыли огонь, выпустив ракеты и плазменные заряды. За несколько секунд они обрушили огневую мощь, достаточную для уничтожения целой роты десантников-предателей, опустошив патронные ленты и тяжелым болтерам и энергетические

могучи. Магнус вышел из ада невредимым, в шлейфе из завитков дыма и пламени. Дредноуты приблизились, активировав громадные силовые кулаки и молниевые когти и приготовившись к схватке.

Магнус одной рукой схватил ближайший дредноут и оторвал его от земли. Огромный саркофаг поднялся над бурлящим огненным адом, оружие ближнего боя бессильно сжималось, а тяжелый болтер всаживал снаряд за снарядом в непробиваемую кожу притарха.

Магнус размахнулся и швырнул дредноут о стену. Почтенный Павший на всей скорости врезался в каменную поверхность, расколов ее и проглатывая огромную дыру в скале. Магнус встал над пораженной боевой машиной и снова сжал кулак. Броня дредноута с оглушительным грохотом треснула посередине, обнажив кипящую атомническую камеру внутри. Изувеченные останки плоти и мышц на миг скорчились, все еще одержимые инстинктивной жаждой выживания, после чего Магнус сокрушил плексиглас и вытянул их наружу. Сжав могучий кулак,

он разгабил останки гредноута в жижу из крови и истощенных мышц.

Затем Магнус обернулся, чтобы заняться остальными.

Клинок Вирта по-прежнему не сдвигался. Какая-то сила заставляла его оставаться на месте.

--- Лорг!

Его тело словно сковало морозом, конечности были тяжелыми и бессильными. Меч вонзился в пол.

--- Лорг!

Черная пелена отчаяния опустилась перед глазами.

Ничто не может остановить его. Даже Бьорн не сможет с ним справиться.

--- Лорг!

Жрец отбросил видения, чье-то близкое присутствие страхнуло их. Несколько выживших Волков собрались вокруг него на вершине лестницы. Меньше дюжины избежали атаки притарха. С лестницы к ним стекались кэрлы, притерно пара сотен. Под ними сражались гредноуты, утирая один за другим в ужасном бою с Магнусом, удержав его всего

на несколько минут.

Обратившийся к нему воин был Кровавым Когтем в залитом кровью доспехе и усеянном зубами шлеме. Как и все Волки, он прошел через тяжелые бои, и его доспех весь был в выбоинах, ожогах и зарубках от мечей.

Клинок Вирта должен был почувствовать это раньше.

Малефикарум. Он сражается за мой разум.

Титаническим усилием жрец сбросил ужасные цепи отчаяния. Воины обращались к нему за руководством. Кровавый Коготь схватил за руку.

— Какие будут приказы? — настаивал он.

Клинок Вирта посмотрел на лица вокруг. Всего несколько часов назад они еще стели надеяться. Баррикады держались так долго. Теперь, всего за пару ужасных минут, все пошло прахом.

Он не знал, что сказать им. Впервые с момента принятия сана жреца Клинок Вирта не знал, что сказать.

— Мы будем держать его здесь, —

раздался вдруг решительный голос.

Все глаза обратились к говорящему. Смертный ривенмастер с открытым, честным лицом. У него, единственного из кэрлов, глаза не были наполнены страхом. Там зияла пустота, словно мысль прожить дольше стала ему противной.

--- Мы, смертные, будем держать его столько, сколько сможет, --- спокойно промолвил он, не обращая внимания на взрывы и удары ниже по лестнице. --- Мы расходный материал, а вот вы --- нет. Вы должны идти. Найдите способ противостоять ему в Вальгарде. Если промедлите --- умрете.

Клинок Вирта посмотрел на смертного. Последние крупницы психического паралича Магнуса наконец оставили его. Ривенмастер взглянул на Волка с дерзким высокомерием.

Морек Карекборн. О, я недооценил тебя.

--- Этот смертный прав, --- объявил Клинок Вирта, овладев собой и подняв меч. --- Мы отступим. Наша позиция будет в Аннүлүсе.

Он сделал знак Морекү.

— Принимай командование над всеми тяжеловооруженными отрядами. Удерживайте его в Клыктане так долго, как сможете. Остальные идут со мной. Мерзость не войдет в наши самые святые покои без боя.

Он повернулся и побежал, царапая камень бронированными ботинками, к транзитным шахтам. Остальные Волки бросились следом, никто из них не оспаривал приказа, хотя Клинок Вирма заметил их нежелание выходить из боя. Легковооруженные кэрлы старались не отставать, охотно убегая от ужаса на лестнице. Когда они ушли, грохот со ступеней усилился, прерываемый отдельными выстрелами болтеров.

Клинок Вирма оглянулся только раз. Морек уже был занят, организуя мертвых, способных сражаться рядом с ним. Он выстраивал последние огневые линии в тени статуй рычащих волков. Заняти уже маячил приближающийся бронзовый монстр.

Храбр. Ужасающе храбр. Как только

погибнет последний гредноут, ету
повезет, если он протянет дольше
нескольких секунд.

Волчий жрец быстро отвернулся,
переключившись на происходящее, на
проблему выживания.

Я не могу принимать вину за это. На
кону больше, чем жизни отдельных
смертных.

Но когда Клинок Вирта бежал по
пустоту Клыкману в сопровождении
оставшихся Волков, оставив позади
свищенствующего притарха, позорно
отступая вверх в надежде, слабой
надежде, что в Аннүлүсе положение
изменится, его не оставляла одна зудящая
мысль.

Я не представляю, как сражаться с
этими монстрами. Совершенно не
представляю.

Десантники-рубрикаты вошли в раж.
С уходом Бьорна, Грейлока и рунного
жреца их сила значительно возросла.
Фаланги воинов в сапфировых доспехах
устремились в бой, извергая из перчаток

холодный огонь. Даже оставшиеся Волки на баррикадах отступили, отойдя через линии траншей к укрытиям.

Их прикрывал непрерывный огонь стационарных установок и неукротимое присутствие пяти оставшихся средноутов. Последних возглавлял Хромгар, огромная боевая машина, почти столь же внушительная, как Бьорн. Под его командованием Альгр и другие Почтенные Павшие стойко держались при отступлении, обстреливая противника, замедляя его атаку, хоть и не останавливая ее. Звери сражались с неизменной свирепостью, бросаясь на безтолвных убийц, разрывая броню и сталь своими странными аугментированными клыками.

Но фрейя видела, что этого недостаточно. Уход командного состава бастиона лишил защитников самого толучего оружия. Не веря своим глазам, она смотрела, как они пробивают себе путь. Одному Рүссу было ведомо, добрались ли они до противоположной стороны и что заставило их покинуть баррикады.

Что еще хуже, Тысяча Сынов, казалось, преисполнились новым пылом. Они ожесточеннее вступали в бой, их реакция стала отточеннее, а удары мощнее. Что-то произошло, дав им новый импульс, и ход сражения решительно изменился в их пользу.

Фрейя отступала согласно приказу, отходя через громадные порталы Печати Борека в пещеры за ними. Ее отряд держался тесным строем, без остановки стреляя. Вокруг них гревели тяжелые удары, многие из которых были болтерными снарядами десантников-рубрикатов. Как только защитники отступили со столь долго удерживаемых позиций, открыли огонь оружия внутри самой Печати Борека, добавив новые взрывы к оглушительному урагану звука и света.

Позади были выдолблены траншеи и установлены дополнительные линии баррикад. Защитники отступят и перегруппируются, затем снова отступят. Вот и весь план. Пока гредоуты держались, а Волки продолжали

сражаться, у них по-прежнему была надежда. У девушки оставалась вера. На фоне стольких лет цинизма это было прекрасное чувство.

Фрейя зашаталась, вскрикнув от боли.

Один из ее людей потянулся к ней, пытаясь подхватить. Еще одна задержка будет фатальной: никто из отделения не мог позволить себе ждать отставших.

И вдруг мир Фрейи закачался. На мгновение она подумала, что ее поразила лазерный луч, но затем поняла, что причина была иной. Как копье, пронзившее сердце, по телу пронеслась волна острой боли.

--- Вставай, хускарл! --- торопил ее солдат, с силой дергая за доспехи.

Фрейя едва слышала его. Единственным, что она видела, было мимолетное видение гиганта в бронзовом доспехе, шагавшего через огненные завесы и разрывавшего в клочья все в пределах досягаемости. Перед ним вдруг оказался человек, смертный, дерзко стоящий перед лицом самого ада. Он стоял между дутья

волками, громадными, вырезанными из гранита. Хоть их торды оскалились в рыке, они были неподвижны и бессильны.

Видение исчезло, вернулись ярость и грохот битвы в Печати Борека.

--- Отец! --- закричала Фрейя, поняв, что сейчас увидела.

Оружие загорелося о камни, выпав из ее загорававших рук. Солдат сделал последнюю попытку оттащить девушку. Ее отряд отошел уже на много метров, отступая под сильным огнем.

--- Мы должны идти! --- заорал он.

--- Он погиб! --- Она задыхалась от неведомого прежде горя. Слезы кололи глаза, горячие и жгучие. --- Всеотец милостивый, он погиб!

Тогда кэрл сдался, позволив девушке упасть на камни, и побежал к товарищам. Фрейя опустилась на землю, не обращая внимания на бойню вокруг. Впереди Волки сражались в последней битве с безжалостным врагом. Волна вражеской атаки приближалась. Скоро она захлестнет ее.

Но Фрейе было все равно. Она уже не

обращала внимания на опасность. Ее мир раскололся, уничтоженный смертью человека, который дал ей все. Долгие дни изнеможения вдруг навалились разом, сокрушив ее боевой дух.

Он погиб.

И когда линия обороны у Печати Борена наконец была прорвана, Фрейя Морекборн, свирепая дочь и воин Фенриса, лежала на камнях, безразличная ко всему, кроме видения смерти.

Она оставалась там, пока на нее не упала тень. Тень одного из могучих воинов, что пришли в Этт лишь с одной целью — убивать. Когда монстр навел оружие, она даже не посмотрела в его сторону.

Магнус стоял в Клыкчане. Его танция была охвачена огнем, который медленно гас, как гасло и торжество. По громадному пространству все еще носилось эхо затихающей огненной бури, но орудийные вспышки исчезли. Пол был завален телами и расколотыми орудийными ящиками, частично скрывавшими льнущие к камням клубы

рваного дыла. Изваяния Фреки и Гери были повалены и лежали в обломках.

По широкому пространству зала плотным строем двигались десантники-рубрилаты, готовясь к броску наверх. Стража Шпиля занималась разбором оставшихся укреплений и ремонтом самых серьезных повреждений лестницы. После ее падения верхние уровни Клыка были открыты.

Магнус знал, что нужно сделать. Он попробует на самую вершину и проложит огненный путь через содрогавшуюся гору. Убедит смотреть, как его сыновья громят остатки цитадели. Разрушение будет полным и неоправданным, достойным ответом на опустошение Тизки. К моменту их ухода Клык превратится в пустые, непригодные для жизни руины.

Но оставалось совершить одно важное дело в Клыктане, которое он предвкусывал многие столетия.

Монстр подошел к гигантской статуе Рюсса.

Пришлось признать, что изваяние было очень похоже на оригинал. Неведомый

баятель идеально отобразил беспощадную
энергию его генетического брата.
Приблизившись к статуе, Магнус
вытянулся и сравнялся с ней ростом. Они
стояли лицом к лицу, как тогда, на
Просперо. Примарх посмотрел в невидящие
глаза своего старого врага и улыбнулся:

--- Помнишь, что ты сказал мне
тогда, брат?

Магнус говорил вслух, отчетливо и
громко.

--- Помнишь, что ты сказал мне, когда
мы сражались перед пирамидой Фомена?
Помнишь ли те слова? Я помню и их, и
твою гримасу. Только представь: Король
Волков, чья ярость превратилась в скорбь.
И все же ты выполнил долг до конца. Ты
всегда делал то, о чем тебя просили.
Такой верный. Такой упорный. Воистину,
ценной нес Императора.

Улыбка сползла с его губ.

--- Ты не испытывал удовольствия от
того, что делал. Я знал это тогда и знаю
сейчас. Но все меняется, брат мой. Я не
такой, каким был, а ты... ну, не будем
вспоминать, где ты сейчас.

Магнус вытянул руки, схватив статую за каменные плечи и вдавливая бронзовые пальцы в гранит.

— Поэтому не думай, что сейчас я испытываю те же чувства. Я получаю искреннее удовольствие. И мне будет приятно разрушить твой дом и убить твоих сыновей. В грядущие столетия это небольшое деяние будет вызывать у меня улыбку, послужит незначительным утешением за все зло, что ты причинил моему невинному народу во имя невежества.

Магнус потянул вверх, и гигантская статуя оторвалась от постамента, с треском слетавшись в лодыжках. Легко удерживая громадный вес, примарх повернул статую лицом вверх и поднял колено к выгнутой спине.

— Я так долго ждал этого, Король Волков. Этот момент и впрямь столь приятен, как я надеялся.

Одним яростным ударом Магнус переломил спину Рюсса о колено. Две половины статуи рухнули на камни, подняв густое облако пыли. Грохот падения

отразился от высоких свогов Клыкмана, угасая подобно рыданиям. Голова откатилась, по-прежнему застывшая в гневной гримасе.

Магнус замер, глядя на обломки статуи. Долгое время он не двигался. На лице изграла дерзкая усмешка.

Но за триумфом осталась глубокая боль, тьма от воспоминаний, которую, несомненно, распознал бы Ариман. Боль будет всегда. Рана от трагедии прошлого, от содеянного, которое нельзя вернуть.

Нет, с самоанализом пора заканчивать! Когда пыль осела, Магнус еще раз встряхнулся. Его сыновья с нетерпением ждут окончания штурма.

--- Последний рывок, --- протурлыкал он самому себе. --- Самый тяжелый удар из всех.

Он ушел, уменьшаясь на ходу до своего обычного роста, но все же возвышаясь над самыми высокими из своих слуг. За ним шагали десантники-рубрикаты и выжившие колдуньи. Многие погибли, но оставалось еще несколько сотен воинов, как всегда непреклонных и преданных. Они

маршировали с обычной жуткой уверенностью, тяжело ступая вверх по склонам к транзитным шахтам.

После их ухода смертные Стражи Шпиля пробрались через руины зала. Они были измотаны многими неделями непрерывных боев, но держались с высоко поднятой головой. Они больше не боялись. Смертные видели, как было повергнуто величие Волков, и это чудесным образом повлияло на их уверенность в собственных силах. Полагаясь на недавние события, они считали, что все космогосантники мертвы.

Поэтому несколько часов спустя никто из часовых не заметил несколько пар светящихся красных глаз у основания лестницы. Они стремительно двигались. Только когда волчьи когти появились из темноты и гулкий боевой клич громадной военной машины снова посеял ужас среди смертных, стало ясно, что захватчики расслабились слишком рано.

Остались живые Волки, и теперь они занялись охотой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ

ПЕРВАЯ

У Красной Шкуры не было времени восхищаться древними чудесами зала Аннүлүса. В другой ситуации он задержался бы у большого каменного круга, рассматривая вырезанные на нем символы. Но сейчас это было невозможно. Он знал, что враг идет по пятам, подобно приливной волне заполняя транзитные шахты и туннели. Монстры будут здесь совсем скоро, готовые закончить начатое.

Поэтому он трудился изо всех сил, укрепляя помещение с несколькими оставшимися Волками и кэрлами. Они приволокли в зал тяжелые железные листы и свалили в дверном проеме. Такие заграждения долго не выдержат, но по крайней мере дадут кэрлам хоть какое-то

укрытие.

Смертные были готовы пасть духом. Они сражались уже много дней, с короткими перерывами на сон, чтобы не сойти с ума и не умереть от истощения. Даже их мощное телосложение, обычное для обитателей Фенриса, едва выдерживало. Чужо, что солдаты все еще держали винтовки, не говоря уж о том, что пользовались ими.

Кулак Хель не стал бы вникать в подобные вещи. Он всегда был нетерпим к слабостям смертных.

«Почему мы все еще нуждаемся в них? — жаловался он. — Просто надо сделать больше костюмодесантников. Тысячи. И не останавливаться, пока не останется только мы, забыть об этих слабаках».

Он шутил, но в этих шутках всегда была доля истинного отношения. Кулак Хель действительно не видел достоинств в неизменных людях. А теперь он погиб, уничтоженный той самой силой, которая сделала из него сверхчеловека.

В этом все дело, брат. Мы

расплачивается за нашу силу.

--- Кровавый Коготь, --- раздался сухой старческий голос Клинка Вирма.

Красная Шкура резко обернулся. В яростном свете очагов возвышалась темная фигура волчьего жреца в наполовину уничтоженном доспехе.

--- Тебе придется некоторое время удерживать Аннүлүс без меня.

На мгновение Волк не поверил услышанному.

--- Прости, лорд, я не по...

--- Я должен позаботиться кое о чем чрезвычайно важном. Если Рүсс позволит, я вернусь раньше, чем враги доберутся до тебя. Но если нет, держи оборону до моего возвращения.

Красная Шкура почувствовал волну гнева, поднимавшегося в душе. Он знал, что силы на исходе, знал о наказании за неподчинение волчьим жрецам, но то, что Клинок Вирма собирался сделать, было безумием. Не было ничего, ничего более важного, чем защита последнего и самого святого зала Этта.

--- Ты не можешь, --- сказал он, с

трудо́м сдерживая гнев. — Лорд, ты нужен
нам здесь.

Клинок Вирта покачал головой.

— Не пытайся спорить со мной,
Кровавый Коготь, — протолвил он. — Я
знаю, что ты чувствуешь, и вернусь так
быстро, как только смогу.

Красная Шкура был возмущен. Хель,
он даже раздумывал, а не швырнуть ли
волчьего жреца на пол и не заставить ли
его остаться.

При этой мысли он выдал усталую
улыбку, окрашенную отчаянием.

Что довело нас до этого?

— Если пропустишь бой, припарх
станет моей добычей, — сказал он
наконец. — Тебе придется жить с этим
позором.

Клинок Вирта разразился своим
странным, циничным смехом.

— Ты это заслужил, Кровавый Коготь.
Но ты не будешь сражаться с Магнусом в
одиночку. Вот тебе моя клятва.

Он повернулся и зашагал через
самодельные баррикады, продираясь в
толпе работавших кэрлов. Красная Шкура

какое-то время наблюдал за его уходом, потом перевел взгляд на оставшихся защитников.

Двенадцать Волков, Козтей, Охотников и Клыков. Несколько сотен кэрлов, засевших в узких подходах к залу Аннүлүса или занявших позиции непосредственно в нем.

Он оглядел возвышающиеся всего в паре метров камни Аннүлүса. Эмблема ордена — изображение Волка, крадущегося меж звезд, — располагалась в центре круга. Когда-то сам Рүсс стоял перед этим символом в окружении могучей свиты, воины которой не знали себе равных.

Осталось так мало. Так мало, чтобы защитить самое сердце нашего мира.

Красная Шкүра сүдорожно вздохнул. События последних нескольких часов грозили взять над ним верх. Он представил себе Күлака Хель, который в ответ постылся бы и поддразнил его, как делал всегда.

Но нет, надо закончить работу.

— Ты! Смертный! — проревел он, шагнув к группе кэрлов, сооружавших

баррикаду. — Не туда! Я покажу.

Он вновь был занят, поглощен необходимостью защитить Аннүлүс. Времени осталось мало. Пока защитники работали, далеко внизу под ними раздавались звуки приближающейся бури, затерянные в бесконечном лабиринте туннелей. Враг все еще был далеко, но приближался с каждым ударом сердца.

Магнүс продвигался по коридорам. Этта, останавливаясь только для того, чтобы уничтожить слабые обереги против колдовства, что еще сохранялись на верхних уровнях Ярлхейма. За ним неторопливо шли десантники-рубрикаты.

Сопротивления почти не было. Туннели и шахты были полупустыми. Отдельные группы смертных защитников быстро сдавались, утратив надежду и руководство. Магнүс знал, что Волки все еще сражаются на нижних уровнях, прижатые его солдатами и медленно задыхавшиеся. Несколько защитников на верхних уровнях, готовые драться до конца, должны быть, отступили к самой вершине,

тицетно надеясь еще несколько часов
удерживать последний редут.

Сопротивление не удивляло, но и не
вызывало у него большого восхищения. Он
никогда и не ждал от Волков
капитуляции. Защитники продолжали
атаковать, пока он поднимался по
лестнице Клыкмана, хотя должны были
знать, что погибнут. Тот большой воин с
цепным кулаком и горечью в боевом крике
даже смог ранить его.

Магнус презрительно огляделся. Он
знал, что именно на этих уровнях
обитают Небесные Воины. Окружающая
обстановка была такой же бедной и
пустой, как и в остальной части
окрутанной тьмой горы. Клыкман обладал
суровым величием, но в целом в Клыке
очень немного производило впечатление.
Твердыня была всего лишь большой,
наполовину изрытой ходами скалой,
холодной и обдуваемой горными ветрами.

Цатин, лорд-чернокнижник
Навонидов, шел рядом с притархом,
стараясь не отставать.

— Лорд, у вас есть еще приказания? —

спросил он. — Я отправил отряды в боковые туннели, чтобы уничтожить оставшиеся обсервации. Мы сможем нанести много ущерба, прежде чем атакуем последних защитников.

Магнус кивнул.

— Выполняй. Жги, ломай и калечь все, что найдешь. Обращай особое внимание на тотемы и амулеты. Волки питают к ним необъяснимую слабость, их разрушение ранит их души.

— Бюджет сделан. А затем вершина.

— Уверенно, хотя там ты будешь один, но крайней мере какое-то время.

Цатин вопросительно склонил голову, хотя не осмелился задать вопрос.

— У меня будет встреча, — объяснил Магнус. — Когда закончишь крушить оставшиеся артефакты, ищи меня на вершине.

Примарх даже не старался скрыть предвкушение.

— Зал Рюсса близок, мой сын, тот самый, который он называл Аннүлүсом. Тебе выпадет честь захватить его. Мы вновь встретимся там, как только исчезнет

последняя надежда этого несчастного
органа.

Клинок Вирта вошел в зал творцов
плоти. Он торопился, быстро пройдя сквозь
многочисленные анфилады. Пустые
помещения были столь же ярко освещены,
но казались скорбными в своем
одиночестве. В туннелях, ведущих из
Аннүлуса в его владения, жрец не
столкнулся с врагами, но знал, что это
лишь вопрос времени. У него были
драгоценные мгновения; мгновения,
которые он сможет использовать для
спасения важных элементов исследования,
прежде чем все будет уничтожено. Он
плохо представлял себе, что делать с
ними после, но он что-то придумает. Так
бывало всегда.

Клинок Вирта шагал через пустые
лаборатории, едва замечая
металлические столы, где лежали тела.
После столь долгого пребывания в
Клыкthane он чувствовал необходимость
вернуться в свои стерильные покои, еще
раз окунуться в резкий свет медицинских

сфер, отражавшийся от стен из белой плитки.

Волчий жрец приблизился к внутреннему святилищу, месту, где много лет втайне велось Укрощение. Противовзрывные двери были закрыты, какими он их и оставил. Клинок Вирта приготовился ввести активизирующую голосом разблокировку, снижая пульс, как делал всегда.

И тут он остановился и оглянулся на длинные ряды безмолвных механизмов и чистые операционные столы.

На них не было тел. Серый Охотник Фрар, принесенный сюда Морекот, исчез. Как и все остальные. Как будто их никогда и не было. И в этот момент Клинок Вирта все понял.

Он пришел в лаборатории не первым.

Медленно повернувшись и зная о последствиях того, что делает, жрец открыл двери.

За ними находились комнаты Укрощения. Там царил хаос. Родильные трубы были разбиты, их содержимое медленно растекалось по кафельному полу.

Села экспериментальных Сынов Рüssа лежали на полу, растоптанные и разорванные. Все пробирки были уничтожены, разбиты на блестящие осколки. В дальних комнатах трещали объятые пламенем когитаторы. Незатенимое оборудование, сохраненное еще со времен Объединения Терры, было полностью уничтожено, а бесценные механизмы вынотрошены, словно ввнутренности.

Все пропало. Погибло.

Клинок Вирма мгновение потрясенно смотрел на крушение работы его жизни. Затем его янтарные глаза сверкнули. Его внимание привлек человек, стоявший в центре разрушений.

Нет, не человек. Он был ниже ростом, чем на ступенях Клыкмана, но все равно больше любого космогесантника. Золотая мантия ниспадала с плеч трехметрового гиганта, покрывая бронзовый нагрудник. Алниотическая жидкость капала с пальцев. Единственный глаз сверкал торжеством.

Клинок Вирма вытащил меч, и

драконье лезвие выскользнуло из ножен с хищным шипением.

--- Ты действительно собираешься сражаться со мной, Тар Хральдир? --- спокойно спросил Магнус.

--- Всеми сердцами, --- отозвался Клинок Вирта, включая расщепляющее поле.

Примарх кивнул.

--- Конечно собираешься. Но знай, старик: будущее, которое ты себе представлял, стоило того, чтобы его предотвратить. И потому последние остатки моего легиона были ради этого принесены в жертву. Вторжение на Фенрис не состоялось бы без твоей деятельности, волчий жрец. В последние мгновения жизни подумай над этим.

Клинок Вирта зарычал со всей своей старой, горькой яростью и бросился к гигантскому примарху, целясь клинком в шею. Драконий меч с вырезанным на нем извивающимся змеем завыл, метнувшись над бронзовым доспехом.

Магнус мгновенно извлек оружие. Его движения казались небрежными.

неспешными, но исключительно точными. В одно мгновение примарх был безоружным и расслабленным, а в следующее превратился в яростного ангела, каким был в Клыкчане.

Мечи столкнулись, звон клинков отразился от стен.

Клинок Вирта дрался так, словно вновь был Кровавым Когтем в лучшей своей форме, вращая клинок утелыми, резкими движениями и громко рыча с каждым ударом. Усталость от долгой битвы улетучилась, жрец сражался с сокрушительной скоростью своей юности.

За все столетия службы он не сражался искуснее, не направлял так точно свое желание убивать. Клинок Вирта кружился, нырял и колол с впечатляющей энергией, ведомый гневом и утратой, целиком его поглотившими. Жгучая, ужасная, горькая скорбь подняла его мастерство даже выше Волков Фенриса, в область легенд.

Магнус парировал с непринужденной легкостью, плавно двигаясь и орудуя клинком. Он как будто предоставил

волчьему жрецу последний миг совершенства, подарил последний триумф воинственной величественности перед наступлением конца.

Но это не могло длиться вечно. Клинок Вирта при всей яростной энергии и самооблагании был для примарха примерно тем же, что смертный для костогесантника. Его закаленные временем мускулы устали от свирепой атаки, и драконий клинок на миг опустился, открыв брешь в защите. Мечу Магнуса понадобился один удар, всего один укол в грудь Клинка Вирта. Жуткий клинок беспрепятственно прошел сквозь доспех.

Пронзенный жрец судорожно задержался. Он поборолся еще немного, отчаянно пытаясь вырвать из себя клинок. Его собственный меч выпал из пальцев, энергетическое поле все так же яростно шипело.

Волчий жрец закашлял кровью, горячей и черной, и она разбрызгалась внутри шлема.

В последний раз ему привиделась его

мечта. Космические Волки, многочисленные, как звезды, приносят войну в темнейшие уголки галактики, преобразуя Имперium по замыслу Короля Волков и делая его столь же полным жизни и могущества, каким был сам Рүсс.

— Это было... сделано... ради... Рүсса... — выдохнул Клинок Вирта, чувствуя, как сжимаются холодные когти смерти.

Затем он обмяк, тяжело повиснув на вражеском мече.

Магнус трачно вытащил клинок, и жрец рүхнул на пол.

— Если и так, то ты подвел его, — заметил примарх, бесстрастно взирая вниз, на распростертое тело. — Борьба окончена.

— Нет, пока ты жив, Предатель!

Магнус резко развернулся. Поразительно, но к нему неслись новые воины. Гигант, облаченный в терминаторский доспех, чьи волчьи клыки сверкали грозовой молнией. Рүнный жрец в окружении двух телохранителей, с потрескивающим эфирной энергией

посохом. А позади нечто массивное и громоздное. Что-то знакомое ему с далеких-далеких времен.

«Руссвангут» ворвался в зону орбитальной бомбардировки, лэнс-излучатели пылали. Корабли сопровождения энергично следовали за ним, открыв огонь из всего имеющегося оружия. Боевой флот Волков опустошал все на своем пути.

Флот Тысячи Сынов не атаковал их, но начал отходить от Фенриса, выполняя явно спланированный заранее маневр. «Херумон», единственный корабль в армаде, способный бросить вызов флагману Железного Шлема, плавно уходил от опасности, развернувшись на 180 градусов и направляясь прямо к точке прыжка.

Фрегаты и штурмовики Костиических Волков ринулись в гущу врага, давая бортовые залпы по корпусам неповоротливых транспортных судов. Золотые суда запылали, их щиты рассыпались под яростью обстрела.

Но Железный Шлем пришел не ради

орбитальной войны. Даже через окуляры реального пространства он видел темный круг разрушений вокруг Клыка. Многокилометровая полоса пятнала девственно-чистые просторы Асахейма подобно ране на бледной коже.

Смотря на Клык, он вновь вспомнил ряды Волчьих Братьев, воющих в настешке и туче, даже когда их убивали. Воздух пирамиды Гангабы был пагубным, пропитанным безумием и ужасом. Прекращение этой битвы было самым тяжелым решением, какое ему приходилось принимать за всю жизнь. Растворившись в ярости, он едва узнал Къярлскара, когда волчий лорд пробился к нему. И даже услышав о случившемся на Фенрисе, часть его души сопротивлялась призыву вернуться.

Железный Шлем мгновенно осознал всю глубину собственного безразличия. Было бы легче продолжать сражаться, забыться в желании убивать, упиваясь справедливой жаждой стереть грязь из галактики.

Он по-прежнему видел лица тех, кого

убил. Искаженные лица. Лица, скрывавшие чудовищное сознание. Где-то глубоко внутри Волчьи Братья знали, во что превратились.

Мы держим опасность близко.

— В десантные капсулы! — рявкнул он, спускаясь с мостика в посадочные отсеки. На каждом корабле флота ярлы Великих рот сделали то же самое. Сотни заполненных десантных капсул уже приготовились к спуску. В ангарах заперли двигатели «Грозовых ястребов», ожидая команды «путь свободен», чтобы вырваться в тропосферу, на дистанцию огня.

Весь орден долетел до орбиты, сметая сопротивление с такой же пренебрежительной легкостью, с какой Тысяча Сынов уничтожали защиту планеты так много дней назад. До массированной высадки оставались считанные минуты.

Железный Шлем нетерпеливо взлетел на борт капсулы, прислонился к аэродинамической стене, чувствуя, как удерживающая клетка опустилась на место. Створы корпуса с шипением

закрылись, заревели клаксоны запуска.

--- Высадить меня на вершину! ---
прорычал он по связи.

Это было опасно, на грани катастрофы --- большая часть капсул направлялась на дамбы. Тем не менее операторы отсеков знали, что лучше не спорить. Нужные координаты были введены.

--- Готов к запуску, лорд, --- раздался голос по связи.

--- Давай! --- приказал Железный Шлем, приготовившись к отцеплению зажимов и головокружительному спуску на поверхность. Он с нетерпением ждал посадки.

Я иду за тобой.

Открылись люки туннеля запуска, и капсулы начали падать. Во всех направлениях корабли Волков неслись в битву, разрывая на части любой вражеский корабль, оказавшийся слишком медленным, чтобы ускользнуть от их орудий.

Он знал, о чем будет думать враг. Знал, что по всем дорогам окопавшиеся батальоны Стражей Шниля будут

смотреть вверх, понимая, что флот бросил их на произвол судьбы. И когда они посмотрят на потемневшие небеса, в каждом охваченном ужасом разуме будет биться лишь одна мысль. Железный Шлем находил в ней холодное удовлетворение.

Это планета Волков. И они пришли вернуть ее.

Стурмъярт широко развел руки, разжигая неистовую энергию бури. Шаровые молнии окутали Магнуса сверкающим нитбом. Символы на доспехах рунного жреца вспыхнули кроваво-красным светом.

Трейлок и два его волчьих гвардейца бросились в бой, рыча с едва сдерживаемой яростью. Они набросились на Магнуса, словно стая, загнавшая конунгура, — один в горло, другой в грудь, третий — в ноги. Их доспехи мерцали от защитной ауры Стурмъярта.

Трейлок был самым быстрым. Он нанес удар когтями в лицо примарха, и Магнус отступил, потрясенный скоростью нападения. Примарх был более чем на

метр выше десантников-терминаторов, но темн и свирепость их атак заставили его понять, и он споткнулся.

Магнус Красный, сын бессмертного Императора, припарх Тысячи Сынов, споткнулся.

--- За Всеотца! --- в триумфе проревел Трейлок, вся его сущность была охвачена ужасающей, звериной энергией охоты. Как и у Клинка Вирта до него, абсолютная ненависть, порожденная Магнусом, придала ему на время воистину поразительные силы. --- За Русса!

Волчий лорд отвоевал у припарха еще один шаг, в реве изливая ненависть и бешенство. Магнус выставил меч, но свирепый взмах волчьих когтей отбил его в сторону.

Волчий гвардеец нанес удар, вонзив когти в ногу Магнуса. Стурмъярт зарычал, наслаждаясь охотой, и огонь вюрда заревел еще сильнее. Другой гвардеец вонзил коготь в грудь монстра. Волки почувствовали запах крови, и это сделало их еще страшнее.

Магнус вновь пошатнулся, ударившись

о стену позади и расколов ее. Он разрушил преграду и двинулся дальше. Трейлок прыгнул следом, вместе с остальными. Стурмъярт следовал по пятам, охваченный агом бьющимся пламени вьюрга. Четверо Волков изводили, кололи и били отступающего принца-демона, их кулаки взмывали, кусали клинки. Не было ни промедлений, ни передышки, сплошной шквал ужасающих ударов, и каждый наносился с грубой, беспощадной страстью.

Они отбросили демона-примарха еще дальше, пробив следующую стену и разрушая все вокруг. Рев был оглушительным. Страшная какофония многократно усилилась в тесном пространстве зала творцов плоти.

--- Смерть колдуну! --- зарычал Трейлок, поглощенный жаждой убийства. Все его тело превратилось в сгусток яростной энергии.

Он сражался настолько безупречно, что хотел кричать еще громче. Трейлок чувствовал, что сгорает в бою, нанося себе непоправимый вред столь необузданным неистовством. Из этого состояния нельзя

было выйти. Он сражался до смерти, используя каждый грамм возможностей своего смертного тела.

Я оружие.

Иначе и быть не могло. Он сражался с живым богом, и только его неукротимая вера, непоколебимая уверенность и полнейшая готовность позволяли соответствовать этой грандиозной задаче.

Мое чистое состояние.

Он вновь толкнул Магнуса, не давая монстру ни времени, ни пространства. Еще одна стена рухнула, уничтоженная увенчанной молниями яростью их неистового натиска.

Они вырвались через развалины на широкое, открытое пространство. Это был какой-то ангар, один из сотен, что усеивали гору возле вершины. Слева на площадке стоял одинокий штурмовой корабль, разрушенный и обгоревший в тяжелых боях. За пусковым отсеком бушевал ураган. Грохот свежего холодного ветра гудел в ушах.

Душа Фенриса. Она разделяет нашу

ярость.

Волки рвались вперед, окутанные пламенем вюрда Стүртъярта, вызывающе вопили, нанося удар за ударом.

Но их сила, при всем невероятном величии, была ограничена четкими рамками. Магнус был чагом Императора, одним из тех двадцати несравненных, которые зажгли пламя Великого Крестового Похода. Его можно было выбить из равновесия лишь на короткое время. Атака была ужасающей, худшей из всего испытанного им за тысячу лет, но его мощь была почти безгранична, а хитрость едва ли меньшей. Он выпрямился, возвышаясь над противниками, и вспомнил о собственных силах.

Один из волчьих гвардейцев на долю секунды потерял бдительность, но этого оказалось достаточно. Кулак Магнуса обрушился в его лицо, отшвырнув Волка на несколько метров. С громким хрустом волчий гвардеец рухнул на пол с расколотым шлемом и больше не поднялся.

Стүртъярт стал следующим.

пораженный опустошительным ударом колдовского огня из вытянутых рук Магнуса. Рунный жрец согнулся пополам, терзаемый мучительной болью.

--- Хьолга! --- взревел он, корчась в агонии. Из сочленений доспеха хлестала кровь.

Магнус сжал кулак, и кератитовая оболочка взорвалась, разбросав граг плоти и костей по полу ангара. Затем примарх стремительно обернулся к Грейлоку и выжившему волчьему гвардейцу. Хладнокровие исчезло с его лица, обратленного спутанными клоками темных красных волос. Монстр хромал из-за глубокой раны в ноге. Прежде только единожды его физическая оболочка получала такие раны, и воспоминание о той боли привело его в бешенство.

--- Ты разгневал меня, Нес! --- проревел Магнус, тыльной стороной руки вышвырнув волчьего гвардейца из боя и сломав ему спину. Затем он навел потрескивающий кулак на Грейлока.

Но так и не успел выпустить колдовской огонь. Вращающийся шар

плазмы ударил Магнуса в грудь, отшвырнув через весь ангар. За ним последовал еще один и еще, отбрасывая монстра все дальше. Размахивая руками, окутанными остатками раскаленных зарядов, Магнус врезался в остов «Грозового ястреба». От удара корабль развалился на части. Золотые кулаки примарха прошли сквозь стянутый адамантиевый корпус, словно у рассерженного ребенка, упавшего на кукольный домик.

--- Ты ничего не знаешь о гневе, Предатель, --- прогудел Бьорн, тяжело выступая из развалин стены ангара и вынустив очередной шквал плазменных зарядов из руки-пушки. --- Вот гнев. Вот ненависть.

Разряды ударили один за другим с безошибочной точностью. Магнуса окутала неистовый, завывающий ад разрывов, отбрасывая его назад, в обломки десантно-штурмового корабля.

Он все еще стоял. Сопротивлялся.

А затем взорвались цистерны с прометием.

Неописуемый взрыв заставил весь ангар согнуться, но площадке пронеслась мощнейшая ударная волна. Магнуса поглотила расширяющаяся сфера раскаленного пламени, огненный шар, что поднялся до потолка ангара и растекался по камню, словно ртуть. Грейлок ахнул и вырнуло на пол. По площадке побежали глубокие, широкие трещины. Ветер завыл, растягивая по воздуху языки пламени.

Только Бьорн выстоял. Он продолжал стрелять, изливая все больше плазмы в неистовом потоке разрушения.

Когда Магнус наконец появился из центра огненного ада, его лицо было искажено жаждой убийства. Кожа свисала с костей, обгорая и пузырясь. Золотая мантия почернела, бронзовый доспех покрылся копотью. Гриву волос стенил череп в локтях кожи. Единственный глаз яростно пылал, словно раскаленный металл в горне кузнеца. В огромных открытых ранах виднелась переливающаяся всеми цветами радуги непонятная структура. Физический покров, брошенный на демоническую

сущность, сорвало пламенем.

Магнус метнулся из огня на Грейлока, языки пламени тянулись за ним, как крылья ангела. Бьорн развернул плазменную пушку, но слишком медленно. Раненый примарх врезался в волчьего лорда, когда тот пытался встать, сбил его с ног сокрушительным ударом кулака, все еще пылавшего прометием. Грейлок ударился головой о камень и на мгновение перестал сопротивляться.

Магнус ударил обеими руками, разорвав нагрудник ярла. Вспыхнула серебристо-золотая варп-энергия, шипящими клубами растворяя керамику. Монстр глубоко погрузил потрескивающие руки в живую плоть, схватив оба сердца Грейлока.

Волчий лорд истошно закричал, его конечности оцепенели в агонии. С истошнотворным рывком Магнус вырвал бьющиеся органы из груди все еще живого Грейлока и отбросил их в сторону.

Мгновение волчий лорд оставался в сознании, каким-то образом сумев удержать взгляд своего убийцы.

Под шлемом белело измученное, непокорное лицо. В последний раз в его глазах отразился мимолетный образ гладкой заснеженной равнины, добычи, бегущей под суровым солнцем, ледяного ветра на обнаженных руках.

Мое чистое состояние.

А затем руки безвольно обмякли и кровавый свет в линзах потух.

--- ЯРЛ! --- заревел Бьорн. Голос его был искажен нечеловеческой ненавистью.

Без устали выпуская потоки плазменных снарядов, гредноут шагнул прямо на притарха, его коготь грозил немедленным разрушением. Два гиганта сошлись в грохоте варп-энергии, протетия и стали.

Когда Магнус и Разящая Длань схватились в ужасной, опустошительной битве, буря вокруг них завывала с еще большей злобой. Пластикритовый пол под ногами трескался все сильнее. Разгневанный гревний гредноут вновь заставил растерянного притарха защищаться, нанося удары когтями и

обстреливая из плазменной пушки. С такой дистанции обратная тяга плазмы воздействовала на Бьорна почти столь же сильно, как и на врага, но он все равно продолжал стрелять.

Шаг за шагом окутанные дымом и потоками кипящей энергии фигуры в гротескном объятии, качаясь, двигались в сторону открытого ангарного отсека, обмениваясь ударами сокрушительной, губительной мощи. Позади портала уже не было щитов. За пласткритовым краем площадки на несколько метров простиралась голая скала, затем отвесно устремлялась вниз. Бойцы достигли обрыва, осыпая друг друга ударами такой силы, что край скалы под ними раскрошился.

Магнус был ранен. Ни один смертельный не ранил его прежде так серьезно. Шок сказался на движениях, ставших на удивление нерешительными и хаотичными. Вся его естественная грация испарилась, и примарх сражался, как забияка в кабаке, молотя по тяжелой броне грудноута, даже когда Бьорн бил в ответ.

Они подобрались ближе к краю. Камни продолжали срываться вниз, скатываясь по твердым, почти вертикальным склонам горы. Враги были в тысячах метров над габрами, сражаясь на небесах, словно боги из мифов Фенриса, окруженные мечущимися зигзагами молний и яростным завыванием бури.

Далеко внизу пылал огонь, продолжалась бойня. Волки высаживались сотнями и неистово неслись по камням, обрезаая нити вражеских жизней. Их колонны стекались к разбитым островам восток, возвращаясь в собственную цитадель со смертельным огнем преследования в глазах. Небеса иссецряли очертания десантных кораблей и темные следы «Грозовых ястребов». Высоко над нити, окруженные мечущимися вспышками зигзагообразных молний, медленно спускались сквозь верхнюю атмосферу более тяжелые корабли.

Они оба увидели это. Продолжая биться, Бьорн издал победоносный рык.

--- Железный Шлем здесь, колдун! --- воскликнул он, глубоко вонзив коготь в

бронзовый доспех и вращая клинками. ---
Это твоя смерть!

Кажется, Магнус не мог говорить. Рваная плоть вокруг рта была сожжена прилипшим прометием и рассечена ударами дредноута. Он сжал когтистые пальцы на раскаленном стволе плазменной пушки Бьорна.

Дредноут выстрелил вновь, окутав кисть Магнуса испепеляющей энергией. Примарх не отпуская, поглотив ужасающий жар, скрутив и стяв ствол. Пушка стала бесполезной. Бьорн переключился на когти, вонзив их в изуродованное лицо монстра. Лезвия соединились, сорвав еще больше плоти с демонической сущности.

Каменные столбы сломались и обвалились с края скалы, под могучей ногой Бьорна пробежала паутина трещин. Оба титана раскачивались на самом краю пропасти, обмениваясь ударами. Резкий ветер Асахейма вцепился в них, подтаскивая все ближе к забвению.

И тогда уставший, израненный, горевший Магнус, казалось, вспомнил

наконец о своей страшной силе. Он опустил слопанную руку, и флуоресцентная энергия варна изверглась из вытянутых пальцев. Коготь Бьорна слаялся, раздавленный бурей разноцветного безумия. Лезвия изогнулись во все стороны и раскололись.

Лишившись оружия, древний дредноут приблизился, пытаясь схватить примарха и сбросить его в бездну. Магнус уклонился и ударил свободной рукой. Несмотря на утрату меча, демоническая плоть была еще достаточно сильна, чтобы расколоть саркофаг Бьорна, проделав рваное отверстие в глинной передней пластине. Символы из кости раскололись, руны разлетелись в стороны.

Бьорн зашатался. Магнус поднял пылающий кулак, целясь в стотрговую щель. Дредноут ничего не мог поделать. Последовал могучий удар, разорвавший усиленную плиту. Он отшатнулся назад на центральной оси, еще больше приблизившись к краю. Магнус повернулся, перепрыгнув на место покрепче, наполовину вытолкнув противника за обрыв и удерживая его одной рукой. Земля

ног когтистыми ногами Бьорна просела, вызвав небольшую лавину из катней и ледяных осколков.

--- Ты был на Просперо, --- прошипел примарх, но голос его стал кошмарной пародией прежнего. --- Я узнал узор твоей души.

Бьорн попытался ответить, но вокс-генераторы были уничтожены. Он чувствовал отказ систем по всему искусственному телу. Похоже, адское существование, которое он был вынужден терпеть так долго, наконец приближалось к концу. Гигант не слишком жалел об этом.

--- Неужели ты действительно думаешь убить меня? --- проскрежетал Магнус недоверчиво и взбешенно. Свободной рукой он заново разжег колдовской огонь. --- Если не сможешь мой брат, на что надеялся ты?

И в этот момент Бьорн заметил фигуру, несущуюся вниз по склону. Огромный, облаченный в броню воин мчался к ним по ледяной поверхности. Еще выше виднулась десантная капсула, врезавшаяся почти в самую вершину Вальгарда.

Внутри треснувшей оболочки то, что осталось от древнего рта Бьорна, улыбнулось.

Железный Шлем бросился в атаку, вытянув руки в прыжке. Он врезался в сцепившиеся фигуры с силой несущегося на полной скорости «Лендрейгера». Раздался громкий лязг брони о броню. Край скалы обвалился, и все трое покатились вниз по крутому склону в облаке каменных обломков и осколков льда.

Голова Железного Шлема дернулась назад, когда он на скорости врезался во что-то, рука пробила обнаженную породу. Он скользил и кувыркался, падая снова и снова и сокрушая скалы при падении. Великий Волк ступно видел Бьорна, падавшего прямо через ледяное поле, прежде чем огромное тело гредноута исчезло из виду. Он слышал, как громко кричал Магнус, и заметил вспышки демонической плоти неподалеку, прежде чем их оторвало друг от друга.

Он падал, падал и падал. Ничто, за исключением рыхлого снега и

почерневшего от огня камня, не могло прервать стремительное падение. Великий Волк врезался в новый уступ и расколол его, прежде чем полететь далее. Все вокруг крутилось, дезориентируя так, что невозможно было что-либо разобратить.

Затем с отвратительным треском он врезался во что-то. Несмотря на терминаторский доспех, удар был сокрушительным, и Железный Шлем потерял сознание, его тело отскочило от камня и с мучительным скрежетом остановилось.

Это оказался уступ шириной метров сто, один из тысячи среди скал на вершине Клыка.

Железный Шлем почти сразу пришел в себя и понял, насколько серьезно ранен. Боль накрыла его тело, словно ревущий огонь, пылая в скрученных суставах и сломанных костях. Он почувствовал, что стальная пластина в голове расшаталась. Значит, треснул череп. Предположение подтверждала жгучая боль за глазами.

Он зарычал от ярости и рывком приподнялся. Магнус тоже был здесь.

Бьорна же нигде не было видно, хотя за спиной примарха бежал вниз по скале длинный след, словно пропаханная в камне борозда. Снег и паковый лед все еще сыпались сверху с обломками камней.

Примарх уже поднялся. Всякое сходство с его прежним обликом исчезло. Не было ни золотой мантии, ни бронзового доспеха, ни покрытых великолепными зооанакальными изображениями наголенников, сверкавших в свете солнца.

От монстра остался лишь сгусток энергии, ступно напотивавший человека. Этакая смесь пульсирующей варп-материи, живая и кошмарная. Единственной постоянной точкой на поверхности движущейся эфирной сущности оставался гранатово-красный глаз, полыхающий, словно костер.

Вокруг изуродованного примарха ревел неистовый ледяной ветер, пытаясь сбросить его в бездну. Душа планеты знала, что за мерзость явилась сюда, и бесновалась в попытках изгнать ее обратно в варп.

Магнус сделал один наполненный

болью шаг к израненному Железному Шлему, источая ненависть и с трудом сопротивляясь порывам ветра.

Железный Шлем тоже поднялся, игнорируя пылающую боль во всем его мучимом теле. Он чувствовал, как захлупает кровь в ботинках. Боль удерживала его сознание, помогала сосредоточиться. Ради этой встречи он пересек варп со всей скоростью и яростью, на какие только был способен. Дважды.

--- Колдун! --- бросил он, и кровавая слюна запятнала лицевую пластину шлема.

Ледяной клинок потерялся при падении, но у терминаторского доспеха было и другое оружие. Правая кисть хранила спаренный штурмовой болтер, встроенный в изгиб брони, а левая рука заканчивалась массивным силовым кулаком. Положившись на свое мастерство во владении обоими, Железный Шлем тяжело побежал к неверным очертаниям притарха, раскалывая ботинками камни. На бегу он открыл огонь из обоих стволов болтера. Снаряды ударяли в тело Магнуса.

но не взрывались. Они полностью исчезали, хотя удары, несомненно, ранили демона-притарха. Магнус заревел от боли и гнева, собираясь с духом, чтобы голыми руками встретить атаку Великого Волка.

Подбежав к цели, Железный Шлем почувствовал, как вспыхнули его ноги. Доспех помог, двигая громаду плоти, костей, керамики и агамантия. При столкновении Волк нанес силовым кулаком удар, целя в терцавшее лицо Магнуса.

Притарх мастерски увернулся и ударил в нагрудник Великого Волка, отбросив того назад. Железный Шлем пошатнулся на скользкой поверхности. Магнус затахнулся для следующего удара, но Великий Волк сумел его опередить. Когда силовой кулак попал в цель, ощущения были такие, словно он влепил погрузке костей.

Магнус отлетел, ударившись о край скалы. Врезавшись в горю, его тело затерцало, как гололит при недостаточной мощностии. На лице притарха отразились неверие и боль.

Он уменьшился. Коштарно
уменьшился.

Железный Шлем свирепо
расхохотался. Он вновь атаковал,
используя массу тела для придания
инерции. Магнус встал, чтобы встретить
его, кулаки пылали колдовским огнем.
Воины столкнулись с тошнотворным
хрустом. Железный Шлем почувствовал,
как раскаленным огнем рвануло его руку с
болтером, но силовой кулак попал в цель, и
демон-притарх пошатнулся.

Великий Волк зарычал, наслаждаясь
боем. После столь долгой погони за
призраками и настежек привидений он
наконец очутился в своей стихии. С
каждым новым ударом измученных рук он
чувствовал себя чуть более живым. Боль
была нематериальной. Единственное, что
существовало, — это борьба, испытание
силы, применение его несравненных
способностей в контролируемом насилии.

Его поддерживал гнев, который он
лелеял с момента ухода с Тангавы. Лица
Волчьих Братьев теснились в его разуме,
по-прежнему заывая в ужасе и агонии.

Среди них виднелись и лица погибших на Фенрисе, рычавшие обвинительно. Грейлок был прав. Погибшие были принесены в жертву на алтаре высокомерия Великого Волка и теперь требовали возмездия.

Железный Шлем натеревался свершить его. Силовой кулак вновь врезался в сотканный из эфира бок Магнуса, отбросив примарха назад к скале. Лицо с одним глазом вспыхнуло от боли, когда монстр наткнулся на острые камни. Все его тело содрогнулось, колыхаясь, как пламя костра на ветру. Раны были глубокими, расходясь шокowymi волнами по узорчатой плоти. Высоко в небе с яростным триумфом заревела буря, разгоняя ледяные ветры вокруг склонов горы. Железный Шлем бил врага снова и снова, вбивая в жестокие скалы Клыка.

И тогда Магнус закричал, испустив вопль боли, неслыханный с тех пор, как Волчий Король уничтожил его первое тело. Звук отразился от скал, перекрыв ветер и гром артиллерии внизу, где Волки прорубались через смертных солдат на дорогах. В этом крике была

усталость, отчаяние полубога, рожденного
понимать потаенные тайны вселенной, но
вместо этого застрявшего в примитивных
боях посреди грязного снега в мирке
варваров. Это был крик утраты и
безграничной тщетности нескончаемой
войны, которой он никогда не желал.

Железный Шлем, услышав этот
крик, дико оскалится. Он продолжал
наносить удары по терзости перед собой,
его руки мелькали, как лопасти молотильной
машины, растворившись в урагане
кровавого безумия.

--- Сражайся, колдун! --- ревел он. ---
Поднимай руки и сражайся!

На мгновение показалось, что Магнус
утратил волю. Он впитывал удары,
сгорбившись и вжимаясь в скалы. Шлейфы
огня все еще цеплялись за его изогнутые
очертания, напоминая об извилистом
подъеме через Ярлхейм. Глаз широко
распахнулся от боли. Примарх казался
потерянным, брошенным на произвол
судьбы на вершине мира смерти, который
поклонялся уничтожить.

Но потом, как и прежде, он начал

приходить в себя. Откуда-то из внутренних глубин пришел новый огонь. Примархи были обучены выживать, выносить все, что безмерно враждебная галактика могла выставить против них. Унаследованные ими силы были почти неисчерпаемы, питаясь из глубокого колодца в океане несравненного могущества Императора. Даже сейчас, после всей боли, что вынес монстр, внутренняя сила, питавшая его огненную сущность, оставалась нетронутой.

Выпрямившись, он ладоною поймал один из ударов Железного Шлема, схватив силовой кулак и удерживая его огненными пальцами, а свободной рукой нанес удар прямо в лицо Великому Волку. Железный Шлем покачнулся.

Магнус вытянулся вверх, раны на его теле вспыхнули алым цветом, заживая. Под ногами затрещали эфирные молнии. Единственный глаз вновь пылал, словно слиток расплавленного железа среди льда. Он разоткнул кулак, и из ладони вырвался неоновый поток, окутав Железного Шлема всепоглощающим, разрушительным

электрическим пламенем. Великого Волка отбросило назад к краю скалы, и он рухнул на колени, опутанный необузданным естеством Уматериума.

Поток иссяк. Железный Шлем повалился на землю, его доспех обуглился и дытил. Он не вставал.

Порядок был восстановлен. Полубог посмотрел на изломанного противника, последнего из множества Волков, что противостояли ему.

--- Тебе надо было остаться на Тангаве, --- проскрежетал Магнус, чей сорванный голос израл на нематериальных голосовых связках, словно пальцы арфиста Хель. Он все еще немного напоминал человека и казался измотанным.

--- Тангавы больше нет, --- выкашлял Железный Шлем, чувствуя кровь во рту и пытаясь встать. --- Орбитальная бомбардировка. Огни атомы.

Его рука с болтером была деформирована и бессильно висела. Силовой кулак дытился от губительного прикосновения притарха, а слой керамики покрылся пузырями и потрескался. Все,

что у него осталось, — это природная сила.
И они оба знали, что ее будет недостаточно. Великий Волк медленно, мучительным усилием поднялся на ноги.

Магнус приближался. Узоры на его израненной варн-плоти завращались быстрее, принимая новые, странные формы. В нем снова что-то изменилось. Краткое пребывание в физическом пространстве подходило к концу.

— Гангава послужила своей цели, — бросил он.

Притарх налетел на Железного Шлема, словно мстительная птица на добычу. Он широко развел руки, вызывая клинки из эфирного вещества.

У Великого Волка не осталось ничего, чтобы отразить атаку, не было и времени уклониться от удара. Он поднялся навстречу врагу и, когда тот налетел, обнажил клыки под шлемом, сжал кулаки и вызывающе заревел.

Мир исчез в облаке боли. Железный Шлем почувствовал, как раскололся доспех, разрываемый в клочья расщепляющей силой варна. Он смутно

сознавал, что его органы вырываются с горячим, влажным звуком. Слышал хруст в груди и краем сознания понял, что то была его собственная грудная клетка. Зрение расплылось, стенившись белой стеной жгучего, извивающегося колдовского огня. Ураган мощи, полное и окончательное выражение превосходства притарха, пролетел сквозь него, словно зимняя буря. Хель, кошмарная, холодная и неумолимая.

Он не упал. Каким-то образом он удержался на краю обрыва, вцепившись в расколотый камень. Когда агония прошла, он уже лежал на спине, распростертый перед сыном Императора.

Один глаз все еще жил, видя, как за ним идет смерть. Но крайней мере, в этом отношении они сравнивались.

Железный Шлем отхаркнул комочек чего-то слизистого и горячего. Далеко внизу глухо ревели боевые машины ордена. Он знал, что они уже должны ворваться в Эмт. Его Волки прогонят каждого захватчика из залов, одного за другим, ведомые беспощадной целеустремленностью, что всегда было их

отличительной особенностью. Не важно, что они, скорее всего, не успеют его спасти.

--- Этот выстоял, --- едва слышно прохрипел он. --- Твое время истекает. Я заберу эту победу.

Наг нит мерцало тело Магнуса. Узоры на его плоти по-прежнему извивались и кружились. Теперь он стал прозрачным, и оболочку трепал ветер. Он не спешил со смертельным ударом. Примарх казался холодным, словно покойник.

--- Какую победу? --- поразился он. --- Ты ведь хотел убить меня. Но такой, как ты, никогда не сможет убить такого, как я. Харек Железный Шлем, теперь я недостижим для твоей мести.

Железный Шлем застонал, хотя пробитые легкие пронзила новая боль.

--- Убить тебя? Нет. В этом я потерпел неудачу. --- Придушенный стон стих. --- Но я ранил тебя, Предатель. Мы ранили тебя здесь. Мы перерезали нити жизни твоих сыновей и сломали посохи твоих колдунов. Мы стерли улыбку с

твоего лица и содрали кожу со спины. И я
жил ради того, чтобы увидеть все это.
Оно стоило потери нескольких банок на
подносе творца плоти. Клянусь кровью
Рюсса, мерзавец, я жил, чтобы увидеть,
как ты воешь.

Магнус замолчал и воздел кулак. Но
прежде чем он нанес смертельный удар
Хареку Железному Шлему, тот вновь
застеялся, выкашливая кровь на вокс-
пластину и корчась от боли во всем теле.
Он лежал на склоне горы, не надеясь на
спасение, но хохоча, словно сам старый
Рюсс на рассвете галактики.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ

ВТОРАЯ

Сорок дней.

С момента прилета Тысячи Сынов на орбиту Фенриса и до убийства последнего Стража Шпиля в Этте прошло сорок дней. Скальды перенесли это число в сагу. Саги были рассказаны, и гредноуты забрали их в холодные склепы Подземелья Клыка, чтобы их никогда не забыли.

Вместе с числом были имена. Вэр Грейлок, Белый Волк. Огаин Стурмъярт и Лауф Разгоняющий Облака. Тар Арьяк Хральдир, которого называли Клинком Вирта. Тромт Россек, Сизрг Бракк, Хатнр Скриейя и другие волчьи гвардейцы. Железный жрец Гаръек Арфанг и восемь гредноутов из Почтенных Навших.

Из Серых Охотников, Длинных

Клыкков и Кровавых Когтей Двенадцатой
Великой роты выжили только двадцать
два воина. Двадцать один — в Печати
Борека, продолжая сражаться до тех пор,
пока Волки с Гангавы не прибыли туда.
Единственным выжившим в Вальгарде
был Кровавый Коготь Оgrim Регр
Брафссон, прозванный Красной Шкурой.
Когда Эгуал Бракссон из Пятой ворвался в
зал Аннүлуса со своей волчьей гвардией,
Красная Шкура стоял над центральным
катнел, окруженный десантниками-
рубрикатами, своим телом защищая
священное изображение. Потом он еще
долго пребывал в Красном Сне, но выжил.

Бесчисленные кэрлы отдали жизни
при обороне Этта. Их имена не были
записаны.

Неизвестно как, но десантники-
предатели избежали мести. Не все,
конечно. Многих убили в туннелях. Но
другие, включая большинство колдунів,
исчезли с Фенриса в тот самый момент,
когда их флот достиг точки прыжка в
системе. Волчьи жрецы предположили,
что и Магнус ушел таким же способом.

хотя очевидцев его исчезновения не было. Когда нашли тело Харека Эйрейка Эйрейксона, многие решили, что Великий Волк и правда убил примарха. Хотя еще долгие годы упорствовали слухи, наимудрейшие в Старе знали, что в вюрге Железного Шлема не было подобногосудействия, и готовились ко дню, когда Алый Король вернется.

Ни один из мертвых солдат, доставленных на Фенрис Тысячью Сынов, не был спасен их флотом. Когда вернувшиеся Волки высадились на планету, солдат вырезали тысячами. Дым от костров, в которых сжигали трупы, на целый месяц затмил воздух планеты, так что племена за пределами льда прятались в убежища и стонали от пришествии Моркаи.

Но вскоре тьма рассеялась. Когда настало время, Небесные Воины вновь пришли к ним, забрав лучших и храбрейших сражаться за Всеотца.

Так было всегда. И так будет всегда.

Огни Хранилища Молота никогда не

потухнут. Теперь они ревели еще яростнее, чем когда-либо, трудясь, чтобы восполнить уничтоженное вооружение.

Альдр шагал по глинному мосту в сопровождении братьев. У него не было ни малейшего желания возвращаться во тьму. Ни у одного из них. Но задание по выискиванию врагов в последних убежищах было завершено, а саги выучены. Работы для гредноутов не осталось, и потому Почтенные Навшие возвращались в Долгий Сон.

Они шли одни, без сопровождения живых. В свое время придет железный жрец, чтобы провести ритуалы и подготовить могилы-колыбели. А пока братство гредноутов было предоставлено себе, получив немного времени для размышлений о временном пребывании в тире живой плоти, прежде чем вновь покинуть его. Живые уважали это право, зная, как важна точность исполнения ритуала.

Все, за исключением одного. Фрейя Морекборн шла с Альдром, видимо не желая оставлять его, даже когда показался

портал Подземелья Клыка.

Альдр не мог сказать, что жалел об этом. С его стороны было безответственно поднять ее с пола Печати Борека и спасти от опасности. Она потерпела неудачу в бою, а подобная слабость обычно заканчивалась смертью. Но он был у нее в долгу, а долги на Фенрисе принято было отдавать.

--- Что ты будешь делать теперь?

Фрейя устало улыбнулась:

--- Мне было назначено покаяние. В данный момент я все еще служу кэрлом. Предпочитаю делать это в строю. Я не покрыла себя славой в Печати.

--- Это была слабость.

--- Знаю. Я осознаю свою слабость и буду стараться исправить ее. Думаю, какие-то недостатки смогу победить.

--- Твой разум блуждает там, где не должен. Ты создана служить.

В прошлом Фрейя пропустила бы такие слова мимо ушей. Сейчас она просто склонила голову.

--- Я выучила этот урок, -- произнесла она. -- У меня есть пример моего отца.

Затем она взглянула на Альдра.

--- Отец никогда не сомневался. Перед лицом того ужаса он никогда не сомневался. Даже в самом конце его вера в Небесных Воинов была абсолютной, и я постараюсь соответствовать ей.

Альдр ничего не ответил, и некоторое время они шли молча.

Дредноут знал, что, пробудившись в следующий раз, он не узнает лиц. Это была грустная, но трезвая мысль. Возможно, второе пробуждение дастся легче. Возможно, с каждым разом оно будет все проще.

Но Альдр в этом сомневался.

Портал Подземелья Клыка приближался. Дредноут продолжал идти, хотя каждый шаг давался все тяжелее.

--- Я знаю, что слишком любопытна, --- протолвила Фрейя, когда они дошли до предела, который она не могла перейти. --- Я знаю эту слабость. Но скажи мне кое-что.

Альдр остановился.

--- Звери, что сражались вместе с нами в Печати Борека. Что они такое?

Ты сказал, что они оружие, но кто их создал?

Альбр потемделил. Он внезапно понял, как сильно будет тосковать по их беседам. Он будет скучать по бесконечным вопросам этой смертной, по ее глупости и отсутствию самооблагания. Это было недостойно его -- чувствовать что-то к трэллу. Но он все равно будет скучать по ней.

- - Ты сказала, что будешь стараться исправиться, -- прогудел он. -- Начни сейчас. Прекрати задавать вопросы. Это знание не для тебя.

Фрейя вновь устало улыбнулась.

-- Ты прав, -- сказала она. -- Я опять раздражаю тебя. Я лучше пойду.

Тогда Альбр зашагал прочь, следуя за братьями в туннели. Его могучие механические ноги завыли при прохождении через портал. Фрейя отошла, проявив наконец уважение к святости события.

-- Ты никогда меня не раздражала, -- прогудел он, и его голос постепенно стихал, прежде чем исчезнуть во тьме.

Мягкий свет катина освещал комнату, по стенам билось эхо двух голосов. Оба были невероятно низкими, резонировавшими от древних гонимых. Один принадлежал яру Арвену Кьярлскару, который скоро будет повышен до звания Великого Волка вместе Железного Шлема. Другой — Бьорну Разящей Длани, который был Великим Волком прежде и с тех пор стоял выше подобных титулов.

Почтенный гредноут был извлечен из горного склона на следующий день после того, как закончился последний бой. Его жизненные показатели оказались настолько слабы, что их не уловил ни один аусник. Только визуальный осмотр склонов Вальгарда обнаружил его местонахождение. При падении он вырвал половину вершины, оставив огромный след на голой скале, прежде чем застрять в глубокой расселине меж гвута могучими кражами. Освобождение заняло два дня, а физическое восстановление еще больше. Даже сейчас саркофаг носил следы битвы.

и железным жрецам предстояло еще многое сделать, прежде чем предпринять попытку присоединиться к своим братьям в стагисе.

--- На Гангаве были Волчьи Братья?

--- Да, лорд. Великая рота или около того. Они были исковерканы и полностью подчинились врагу.

--- И вы уничтожили их.

--- Лорд Железный Шлем хотел лично покончить с этим, но мы получили известие об осаде, и я убедил его прервать бой. Город был уничтожен с орбиты, одна эскадрилья осталась удостовериться, что уничтожение было полным.

Мрачный Бьорн довольно заворчал.

--- Все это вызывает у меня отвращение. Какую цель преследовал Предатель?

--- Он хотел задержать нас на Гангаве. Знал, что Железный Шлем не откажется от боя с порочными братьями. И был прав. Если бы новости о битве на Фенрисе до нас не дошли, мы бы много дней охотились на проклятых и Эмт бы пал. ---

Голос ярла зазвенел любопытством. --- Возможно, это еще не все. На Гангаве нам показали слабость наших наследников. Со всем тем, что обнаружилось здесь, я не считаю, что это была случайность.

--- Ты говоришь про Укращение.

--- Я не знаю деталей. Только Железный Шлем и Клинок Вирта были посвящены в них. Возможно, ярл Грейлок тоже --- с тех пор как сблизился с волчьим жрецом. Но мы все знали, для чего все делалось. Покои творцов плоти неслучайно уничтожили до штурма зала Аннүлуса.

--- Это никогда не должно было случиться. Это было предательством притарха.

Къярлскар пожал плечами, его огромные наплечники лишь слегка шевельнулись.

--- Возможно. В любом случае, работу невозможно возобновить. В живых не осталось никого, кто понимал работу Клинка Вирта, а оборудование уничтожено. Мы остались одни, единственные наследники Рүсса.

--- Как и должно быть. Знай я о

работе, сам бы все уничтожил.

Къярлскарү пришлось сдерживать улыбку. Он отлично мог представить, как сгребноут самолично разносит вдребезги покои творцов плоти.

--- Тогда ты должен быть доволен, лорд. Ты сражался с примархом и выжил, а этот защищен. Скоро саги будут полны твоими деяниями.

Бьорн не выдал и намек на улыбку.

--- Не моими деяниями. Трейлок держался дольше всех, и это его победа.

--- Так будет записано, --- согласился Къярлскар. --- Но не думаю, что так запомнят.

На вершине темного пика Кракгарда, видного с Клыка, пылал жаркий костер. Здесь со времен примархов читали навших. Вершина горы была плоской и гладкой, выровненная еще при Всеотце. Весь орден собрался на ней серыми рядами, подставив обнаженные головы суровым стихиям.

Солнце висело совсем низко, и тени были глиняными. Плата трепетало,

базровое и яростное, выбрасывая искры высоко в полутрак.

Къярлскар возвышался перед пламенем, и жар лизал спину. С ним был рунный жрец Фрей и другие лорды.

— Сыновья Рұсса! — прокричал он, и звучный голос разнесся далеко по обдуваемым ветром вершинам. — Как принято у нас, тела погибших при обороне Фенриса предаются огню. Здесь лежат ярл Вэр Грейлок, рунный жрец Огаин Стурмъарт и волчий жрец Тар Арьяк Хральдир. Так мы чтим их жертву. Когда их смертные тела сгорят, они разожгут нашу бессмертную ненависть к тем, кто сделал это. Помните вашу ненависть. Храните ее, выкуйте из нее и злобы еще одно оружие в Долгой Войне.

Ряды Костиических Волков внимали его словам, и каждый из них был безмолвен, как камень. В первом ряду стояли двадцать три воина, чуть в стороне от своих братьев. Выжившие в битве за Клык, последние из роты Грейлока. Среди них стоял и Красная Шкура, его лицо все еще было сильно иссечено. Рядом с ним

застыли несколько Кровавых Когтей. Пока еще не решили, как лучше восстановить Стаи, но многие считали, что Красная Шкура больше не будет служить ни в одной из них, вместо этого выбрав путь Одинокого Волка. Смерть братьев слишком сильно потрясла его, и этот путь был наилучшим для него.

Пока Къярлскар говорил, Оgrim смотрел на пламя, наблюдая, как тела павших превращались в пепел. На его поясе висел ледяной клинок Бракка, Даусвьер, последнее оружие, взятое его братом Кулаком Хель в бой. Никто из собравшихся не знал об этом, но в мече заключался могущественный вюрд, и тысячелетия спустя клинок найдет свое место в сагах. Однако сейчас он был просто вирой, напоминая о нем и предупреждая.

— Великий Волк Харек Эйрейксон лежит не здесь, — продолжил Къярлскар. — Его тело перенесено в место, где он сражался с великим врагом. Я приказал построить там склеп, он станет местом паломничества для испытания стойкости верных. Пусть он служит

памятником несгибаемой преданности
Железного Шлема. И памятником его
безрассудству. Никогда более мы не
позволим себе быть втянутыми в войну, не
нами порожденную. Из этого мы извлечем
урок и используем его для
самосовершенствования в дальнейшем.

Отдельно от двадцати двух
ветеранов осады, как обычно избегая
общества братьев, стоял Чернокрылый.
Скаут восстановил большую часть своего
здоровья и самообладания во время
обратного путешествия с Гангавы. С тех
пор ему было поручено задание по
восстановлению военных сил Двенадцатой
роты в костосе, хотя мало кто ожидал,
что он надолго останется на этом посту.
Он уже успел перессориться со всем
арсеналом ордена из-за заявок на новые
скоростные фрегаты, особо настаивая на
проекте с усиленным двигателем,
который большинство Волков считало
крайне непрактичным.

Пока Къярлскар говорил, Хаакон
смотрел на звезды, и скука отражалась на
его лице. Церемонии ему надоели, хотя он

был доволен тем, что его маневр на Фенрисе занял достойное место в сагах. То была определенная компенсация за потерю «Науро», единственной части его жизни на Фенрисе, к которой он питал привязанность.

--- Мы восстановимся. Этот мир возродится и станет еще более великим. Последние свидетельства присутствия врага сотрутся со льда, а остатки его сил в других мирах будут найдены и уничтожены. Двенадцатая Великая рота восполнится, ее честь незапятнанна, а Стаи будут укомплектованы.

Великий Волк окинул взглядом янтарных глаз собравшихся братьев.

--- Но наши враги не восстановят силы. Мы разбили их. Никогда более не проведут они подобную операцию, ибо низведены до мелких банг похитителей знаний, скитающихся по галактике в поисках обрывков тайной мудрости. Их позор и нищета не знают границ. Они пришли сюда, ведомые своим притархом, и потерпели поражение.

Глаза Къярлскара вспыхнули.

--- Помните об этом, братья! ---
рыкнул он. --- Они потерпели неудачу. Это
станет величайшим из всех уроков,
истиной, которую мы понесем с собой,
когда вновь отправимся на войну в море
звезд. Нас определяет наша вера. Наша
верность. Наша ненависть. И мы
сохранили их, выдержали, когда Предатель
споткнулся.

Его голос дрожал от страсти и пыла.

--- Даже через тысячу лет люди будут
говорить об этой битве. Пока существует
Империя Человека, скальды не устанут
рассказывать о битве за Клык и в сердцах
верных будет гореть надежда. Когда бы ни
вспыхнуло пламя войны, они будут
помнить, что мы сделали здесь, и черпать
силу, дабы принять испытание.

Къарлскар с грохотом ударил
кулаком по нагруднику.

--- Вот наше наследие. Вот наша
цель. Вот для чего мы сражаемся.

Он вскинул сжатый кулак в жесте
вызова, гордости и приветствия.

--- За Всеотца!

И на вершине Кракгарда две тысячи

воинов Влка Фенрика, Костиических
Волков, заставлявших трепетать всю
вселенную, ударили кулаками по доспехам
и подняли их вверх к небесам. Их дружный
рык взлетел высоко в темнеющее небо.
Древний, внушавший ужас боевой клич,
столь же яростный и неуправимый, как
рассвет над нетронутым снегом.

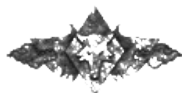
За Всеотца. За Рюсса. За Фенрис.

ОБ АВТОРЕ

Крис Райт — автор романов в жанрах фэнтези и научной фантастики. Его первый роман был выпущен в 2008 году. С тех пор он опубликовал серию книг в сеттингах «Бархаттер фэнтези», «Бархаттер 40 000» и «Звездные врата вселенные Атлантиды». У него нет ни кошки, ни собаки, ни augmented reality, хотя бы (который формально лишил бы его права писать для «Black Library»), но когда-нибудь Крис хотел бы завести черепашку. Обитает он в лесах Юго-Западной Англии и в свободное от авралов время наслаждается ее живописными уголками. О его грядущих проектах читайте здесь

www.chriswraight.wordpress.com

Клык

Посадочные
платформы

Расположение
пустотных щитов

Оборонительные
батареи

Вальсарт

Ярихейн

Логово

Хрустальные
Молоты

Подземные Клады

8

7

2

4

5

6

3

4

5

6

7

8

9

Магистраль

Большак

Большой зал

Зал Имен

Клыктан

Печать Борека

Зал Аннулуса

Кузни

Зал Почтенных Павших

Геотермальные реакторы

Врата Восхода

Врата Кровавого Огня

Лаборатории творцов плоти

✦ КАРТА КАМПАНИИ В АСАХЕЙМЕ ✦

✦ КАРТА КАМПАНИИ НА ГАНГАВЕ ✦

1. Железный Шлем

2. Сальвгрим

3. Морскарл

4. Вракссон

5. Рьяк

6. Ойррейссон

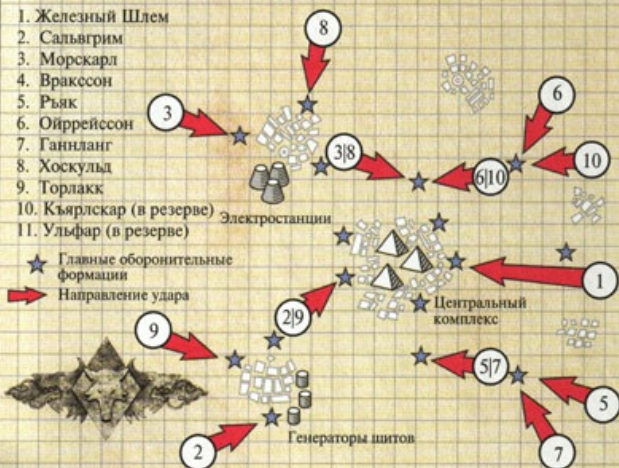
7. Ганнланг

8. Хоскульд

9. Торлакк

10. Кьярлскар (в резерве)

11. Ульфар (в резерве)

notes

Правильные многогранники (прил. перевод.).